Б. КОНОФАЛЬСКИЙ

ИНКВИЗИТОР

ЧАСТЬ 7

БАШМАКИ НА ФЛАГАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

БРИГИТТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Заключительная часть серии книг «Инквизитор». После великолепной победы над горцами у холмов ничего ещё не было решено. Отношения с графом и курфюрстом всё ещё были плохие. Волкову предстояло решить много проблем.

- Борис Конофальский
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35

- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40

Борис Конофальский
Башмаки на флагах. Том первый. Бригитт

Глава 1

Он и вспомнить не мог, как снимал доспех, но доспеха на нём не было, а он лежал на перине, в уютной телеге с большими бортами, как в колыбели, и под шубами. Лежал и слышал, как совсем рядом лошадь хрустит овсом, и кто-то недалеко рубит дрова. Кто-то разговаривает невдалеке, кто-то скребёт чан песком. И ещё пахнет сыростью, и дымом костра, и горелым луком, и холодной рекой. Эти запахи возвращали его в молодость, так пахло тогда… Давным-давно. Лежать бы так и лежать, не вылезать из-под шуб и перин, но ему было нужно. Нужно. Ему всегда было что-то нужно, и сейчас ему просто необходимо было знать, чем всё закончилось и что он проспал.

Кавалер откинул шубу. А рука-то слабая, силы в ней нет совсем. Сел. Огляделся. Кругом лагерь, что ж ещё. Кругом его солдаты, он узнал их сразу. Кругом его земля, его река, её сразу узнал, узнал и заставу на холме, которую построил сержант Жанзуан. Всё вокруг его. Серый холодный день, дождь со снегом едва-едва идёт, кругом обычная грязь. Света мало из-за низких туч. Скоро Рождество. Темное время.

— Кавалер проснулся! — звонко кричит кто-то.

Его заметили. Волков оборачивается на крик, это один из сержантов Рене. Сержант пучком соломы чистит бока хорошему коню неподалёку. Видно, взял в трофеях. Это хороший сержант, Волков его помнит. Сержант радостно ему кланяется. Он машет сержанту: «Не кричи, дурак!» Но уже поздно.

— Кавалер проснулся! — кричит кто-то дальше и ещё громче.

Тут же из-за кустов, как будто там и ждал, звякая мечом о поножи, выходит Брюнхвальд. Он не улыбается, он вообще редко улыбается или смеётся. Сейчас он важен, идёт к кавалеру, на лице печать торжественности. Видно, собирается делать доклад. Нет, доклад будет после, теперь Карл Брюнхвальд подходит к телеге и говорит негромко:

— Друг мой, как вы себя чувствуете?

Волкову, может, и хотелось бы пожаловаться, что, мол, слаб, что в голове ясности нет, что рубаха грязна, он её дня три или четыре не снимал, но разве он себе такое позволит:

— Достаточно хорошо для дела, — отвечает он.

— А нога ваша, не докучает?

Нога? Он даже позабыл про неё:

— Нога не докучает, и силы, кажется, возвращаются, вы лучше скажите, Карл, как неприятель? Где он?

— В ваших землях никакого неприятеля больше нет, —

сообщает Брюнхвальд. Теперь он и улыбается, и важен одновременно. — Горцы биты, биты так, что немногие смогли уйти к себе, добравшись до лодок. Во владениях ваших горцы есть лишь пленные, скорбные болезнями и ранами и о милости не просящие. Мы взяли весь их обоз, лодки, что были у берега. Много оружия, арбалетов, доспехов, они всё бросали, когда кидались в реку.

К телеге подбежал младший из Брюнхвальдов. Он в разговор старших не влезает, но видно, что рад он видеть рыцаря бодрствующим.

— Впрочем, делами вам докучать не буду, вы бледны ещё, друг мой, — говорит Карл Брюнхвальд. — Вам нужен хороший обед.

— Обед, а разве сейчас не утро? — Волков кутается в шубу и смотрит на небо, с которого ему на лицо падают мокрые снежинки.

— Нет, кавалер, — говорит Максимилиан, — не утро, уже скоро день к вечеру пойдёт. Сейчас распоряжусь вам обед подать. Теплая вода есть. Мыться будете?

— Кончено будет, — за Волкова говорит старший Брюнхвальд, — распорядитесь, Максимилиан, и найдите монаха, чтобы тот проверил здоровье кавалера.

— И сапоги, — напоминает Волков, пока мальчишка не убежал. — И бельё чистое.

— Сейчас всё будет исполнено, — обещает юноша и убегает.

Волков и Брюнхвальд смотрят ему вслед.

— Ваш сын почти вырос, Карл, — говорит кавалер.

— Я рад, что он рос у вас в учении, — отвечал ротмистр.

Кавалер спускает ноги с телеги:

— Значит, мы их побили?

— Побили, кавалер.

— Крепко?

— Крепче быть не может, из тех, кто сюда пришёл, и трети уйти не пришлось. А из тех, кто ушёл, так многие ещё и в реке потонули.

— Расскажите, как дело было.

— Как вы и велели, когда они только повернули, я приказал всем нашим строиться сначала в баталию на склоне, думал, они перестроятся и опять колонной на нас пойдут, но они стали уходить за холм, а пушки их ещё побили. Признаться, мы попадали и попадали. И я приказал Рохе идти за ними.

— Рохе? — удивился Волков. — А отчего же вы не велели кавалерам на вражеский арьергард навалиться?

Тут Брюнхвальд вдруг замолчал, чем удивил Волкова немало.

— Что же с кавалерами было, ротмистр? — спросил он, видя, что Брюнхвальд молчит.

— Кавалеры к тому времени пребывали в полной расстроенности, совсем растеряли строй, — ответил ротмистр.

Тут как раз пришёл Максимилиан с двумя солдатами, они несли воду, сапоги и одежду. Волков скинул несвежую рубаху, стал мыться, вытираться, он больше ни о чём не спрашивал у Брюнхвальда. А тот, видно, не собирался оправдываться за других, тоже молчал и ждал, пока кавалер закончит туалет.

Свежая рубаха, стёганка, кольчугу и берет надевать не стал, надел простой солдатский подшлемник с тесёмками, было холодно. Сапоги, перчатки, меч. Он, хоть и был слаб, да кто о том знает, с виду он был как всегда бодр и строг.

— Максимилиан, распорядитесь об обеде.

— Уже, кавалер, но повара вам обед ещё готовить не начали, придётся подождать.

— Ждать некогда, у солдат обед готов? Бобы остались, горох, сало?

— Пообедали уже, но что-нибудь найдём.

— Побыстрее.

Волков поворачивается к Брюнхвальду:

— Надеюсь, Гренер жив и здравствует?

— Здравствует, здравствует, — заверил его Брюнхвальд.

Но тон у Брюнхвальда был уже другой.

— Максимилиан, Гренера ко мне. Немедля.

Солдаты из роты Брюнхвальда уже ставили его шатёр, искали мебель по обозу, но ему не терпелось. Он был голоден, но голод он перетерпел бы. Он надеялся, что, поев, он быстрее избавится от слабости, которая его раздражала. Ему уже несли бобы в хлебной подливе, толчёное сало с чесноком и свежим хлебом, сухофрукты, два вида сыра и вино. Всё ставили прямо на бочку из-под пороха. Кавалер сел есть, во время обеда со всех концов лагеря собирались офицеры и молодые люди из его выезда. Все спешили к нему, чтобы поздравить его с победой. Тут был и капитан фон Финк, и Рене, и Бертье.

Они кланялись, поздравляли его, останавливались неподалёку, переговаривались. Он отвечал им всем и улыбками, и поднятием кубка. Только Роха, болван, допрыгал до него на своей деревяшке и полез обниматься:

— Жив? Чёртов Фолькоф, я уж думал, что ты не вылезешь из-под чёртовых перин, совсем был белый, когда с тебя снимали латы. Белый, и пальцы такие холодные были, как у покойника. Да, монах у тебя молодец, молодец. В который раз убеждаюсь.

От него несло луком, дешёвым винищем и потом. Кавалер

всем видом показывал ему, что сие поведение сейчас недопустимо, но Роха крепко держал его:

— Ты что, болван, щупал меня, пока я был в беспамятстве? — спросил Волков, морщась от таких душистых объятий.

— Ну, не то чтобы щупал, пожал руку на прощание, думал, что ты преставишься, уж больно бледен ты был и холоден, — он выпустил кавалера из объятий.

Он не отошёл и продолжал:

— А мы им крепко врезали, друг, крепко, жаль, что ты не видел этот берег позавчера, — Роха повёл рукой. — Тут всё, всё было завалено мертвяками. А ещё сколько водой унесло — не сосчитать. У нас пленных полторы сотни, ребята ждут твоего решения — что с ними делать.

— Хотят их перерезать? — спросил Волков.

— А как же, перерезать или покидать их в холодную воду, или ещё что похуже.

— Значит, плохая война? — спросил кавалер, отпивая вина.

— Истинно так, брат, плохая война.

Тут среди господ офицеров появился Максимилиан, за ним шёл Иоахим Гренер. Доспехи его видали и лучшие времена, а сапоги и плащ были откровенно стары. Гренер был не весел, вид он имел человека, который знает о своих ошибках. Он поклонился кавалеру:

— Рад видеть вас в здравии, сосед.

Волков ответил ему кивком и, опять отпивая вина, спросил:

— Друг, скажите мне, отчего люди ваши не смогли преследовать отступающего врага, отчего не заходили ему во фланг по ходу движения, отчего не наезжали на его арьергард, на обоз?

Гренер снял шляпу, приложил её к груди и тяжело вздохнул. Но отвечать, кажется, не собирался.

— Слушай, Фолькоф, всё и так получилось хорошо, — забубнил Роха, собираясь, кажется, выгораживать Гренера, — ничего, мы и без кавалеров управились.

— Помолчи, Роха, дозволь ответить моему доброму соседу, — произнёс Волков.

— А он тебе ничего не скажет, — продолжал Скарафаджо как всегда фамильярно.

— Да помолчи ты! — рявкнул кавалер. — Гренер, вы можете сами рассказать, что было? Или мне слушать этого болтуна, этого глупого адвоката с деревяшкой вместо ноги?

— Да, — нехотя отвечал старый кавалерист. — Что ж, скажу, раз так…

— Прошу вас, уж просветите меня.

— Как вы и велели, когда колонна горцев стала наседать, я вывел своих людей. Поставил справа от холма, чтобы смотреть горцам в правый фланг колонны. Построил в три ряда, как положено: первый ряд — кавалеры, второй ряд — оруженосцы и послуживые, в третий ряд поставил всех молодых и с плохим доспехом. Колонна горцев сразу замялась, остановилась.

— Это я ещё видел, — вспомнил Волков.

— Ну, как вы и приказали, я просто стоял, всем своим людям говоря, что без приказа мы и шагу ступать не должны. Я ж всё понимал, — говорил Гренер, продолжая прижимать шляпу к кирасе, — я помнил всё, что вы мне говорили. Главное — дать работать стрелкам, арбалетчикам и пушкам.

— Ну правильно, и что же было дальше?

— А дальше, — вставил Роха, — их арбалетчики от нас убежали и побежали через поле к Гренеру.

— Да, — сказал Иоахим Г ренер, — они пришли к нам и стали кидать в нас болты.

— Я бы тоже так поступил, — сказал Волков, — я тоже захотел бы вас спровоцировать на атаку.

Старый кавалерист вздохнул.

— И что случилось дальше?

— Кавалеры стали волноваться. Им не нравилось стоять под арбалетными болтами, хотя арбалетчики били с предельной дистанции, а латы у всех и в первом, и во втором ряду были хорошие. Я поехал вдоль рядов, я пытался их успокоить, но они меня мало слушали. Да ещё у меня… Как раз тут мне и убили коня. Не поверите, сосед, прямо в яремную жилу попал болт, почти сразу конь умер. А конь был хороший. Да, хороший был конь.

Волков не мог припомнить ни одного хорошего коня у Гренера. Он молчал и слушал.

— Кавалеры стали кричать, что им побьют коней, что надо сбить арбалетчиков.

— Это кричали люди барона? — уточнил Волков.

— И люди барона, и другие рыцари, все, все кричали, не хотели стоять.

— Так надо было отвести их обратно в кусты! — не выдержал и крикнул Волков. — Отвести в заросли.

— Я пытался, но они меня не слушали, — произнёс Гренер печально.

«Пытался. Ты, скорее всего, оплакивал своего старого мерина, которого ты звал конём», — думал кавалер, глядя на него.

— И что же произошло дальше?

— Но тут барон кричит: «Господа, думаю, надо атаковать!»

Волков взглянул на Роху, надеясь, что тот это подтвердит, но тот молчал, да и как он мог это подтвердить, между стрелками и кавалерией было полмили расстояния.

— Я слышал, как трубили в рог, — вдруг вспомнил Скарафаджо. — Так трубили, что перекрывали весь шум на поле.

— Верно-верно, — оживился Гренер, — это кавалер Рёдль трубил «атаку», когда барон дал ему знак.

Это была его, Волкова, ошибка. Это он назначил командиром человека, который, безусловно, опытнее всех других, но который не может приказать, а тем более потребовать от благородных рыцарей выполнить приказание, так как не обладает ни особым статусом, ни славной родословной.

— Они кинулись в атаку? — спросил кавалер.

— Именно так, не послушались меня и кинулись в атаку, — ответил Гренер печально.

— А арбалетчики побежали, спрятались за колонну, и рыцари налетели на пики? — догадался Волков.

— Да-да, так и было, хорошо, что горцы не успели перестроиться, — продолжал старый кавалерист.

— Сколько погибло кавалеров?

— Один, — сказал Роха, — я видел на поле одного убитого.

— Один из молодых рыцарей, что приехал с господином бароном, погиб, я же говорю, горцы не успели перестроиться и переложить пики на фланг, это их и спасло. Но коней мы потеряли много, треть коней в этой атаке погибла или получила раны.

— А господа кавалеры рассеялись, и собрать до конца сражения вы их уже не смогли?

Гренер кинул головой.

«Болваны. Безмозглое, благородное, спесивое дурачьё, жизнь их ничему не учит, так и будут кидаться в драку без приказа и уходить с поля боя без разрешения. Нет, их время проходит, может быть, даже уже прошло».

Он вздохнул и показал пустой кубок солдату, что стоял за его спиной, чтобы тот налил ему ещё вина. Он пил вино молча, поглядывал на Гренера, на господ офицеров, что стояли поодаль, на Роху. И по виду Рохи, и по виду Гренера он вдруг понял, что это ещё не весь рассказ:

— Ну, что ещё?

Роха покосился на Гренера, мол, спроси у него. Волков уставился на соседа.

— Ещё… К сожалению, был ранен барон.

— Адольф Фридрих Балль, барон фон Дениц, был ранен в той атаке? — уточнил Волков.

— Да, — сказал Гренер, — он заколол одного горца и сломал копьё, отъехал и. Поднял забрало.

— И ему в лицо попал арбалетный болт, — закончил за Гренера кавалер.

— Да, — сказал старый кавалерист.

— Куда?

— Говорят, под левый глаз.

Волков выпил вина:

— Что говорит брат Ипполит?

Это был праздный вопрос. Что мог сказать в такой ситуации самый искусный целитель? То же самое, что и сам Волков.

Но Гренер удивил его:

— Ваш лекарь его не осматривал.

Кавалер уставился на него, и взгляд его был немым вопросом.

— Господин барон и кавалер Рёдль тут же покинули поле боя и поехали на север. Наверное, домой.

— Болт вошёл глубоко? — спросил Волков.

— Я не видел, но говорят, что почти до оперения.

«Конечно, до оперения, наверное, наконечник вышел и упёрся в заднюю стенку шлема, возможно, что у барона есть шанс».

Не хватало чтобы ещё барон погиб здесь. Волков недавно убил и повесил на своём заборе одного придворного графа, местной знати это не понравилось. И ему совсем не хотелось, чтобы любимец всего графства, один из лучших турнирных рыцарей графства, погиб под его знаменем.

— Вы послали человека справиться о здравии барона? — спросил Волков.

Старый кавалерист стоял растерянно и всё ещё прижимал старую шляпу к кирасе. Стоял и молчал.

«Господи, какой болван». Кавалер вздохнул:

— Немедленно пошлите человека к барону в замок.

— Я немедленно пошлю человека в замок к барону, — Иоахим Гренер поклонился и хотел уйти.

— Сосед, — окликнул его Волков.

— Да, кавалер, — тот остановился.

— Передайте Максимилиану, что я велел выдать вам коня из моих конюшен вместо погибшего.

— О, сосед, друг мой…, - Гренер уже сделал к нему шаг, протянул руки. Кажется, обниматься хотел.

— Ступайте, ступайте, — Волков поморщился.

Глава 2

То ли от вина, то ли от хорошей еды, но после обеда он стал чувствовать себя получше. Брат Ипполит как раз пришел, когда он заканчивал. Монах щупал ему лоб, держал руку, спрашивал, спрашивал, спрашивал о самочувствии что-то. Волков с ним говорил и был ему рад, как бывают рады близкому, молодому и умному родственнику.

Монах долго щупал обрубок уха, не горячий ли, и шею посмотрел, но там уже был хороший синий рубец на месте ранения. Потом он пальцами прикоснулся к небритой щеке кавалера:

— Хорошо. Хорошо, что румянец есть, а жара нет. Вы, как поели, тошноты не чувствовали, позывов ко рвоте не было?

Волков поглядел на него из-под бровей и строго с недоумением сказал:

— Тошноты?

— Лекарство слишком крепкое пили долго, может нутро воротить и слабить чрево и стул, — пояснил юный врачеватель. — Так не воротит вас от еды?

Кавалер продолжал молча смотреть на молодого человека.

«Монашек уже не тот, что прибежал за мной в замок госпожи Анны».

Брат Ипполит возмужал. Ему и бриться уже можно. Лицо обветренное, руки зачерствелые, как у мужика. И сильные. Одежда монаха уже совсем стара, из рукавов нитки торчат, свисают. Капюшон, кем-то оторванный, наполовину пришит криво и простыми грубыми стежками, шерстяные носки, которые он надел под сандалии, мокры совсем. Деревянный крест на бечёвке, сам подпоясан верёвкой. Монашеская одежда спереди и все рукава в тёмных потёках — врачевал раненых.

Волков на вопрос его не отвечает, сам спрашивает:

— Нуждаешься ли ты в деньгах?

— Я? В деньгах? — кажется, брат Ипполит удивлён. — Так вы мне на книгу давали, у меня сдача ещё с тех пор лежит. В деньгах я не нуждаюсь. Господь от корысти миловал.

— Совсем тебе деньги не нужны? — удивляется Волков, понимая, как ему повезло встретить такого человека.

— Господин, живу я лучше, чем в монастыре братия живёт, сплю в перинах и тепле, братья спят в кельях на досках и тюфяках, даже зимой кельи не топятся. Разве что лампадой согреваются, да и то если ключник масла даст. Ем еду всякую, которой братья лишь по праздникам балуются, занимаюсь делом

любимым, ни аббата, ни приора надо мной нет, чего же мне ещё желать, чего Бога гневить глупыми желаниями?

Волков встал, взъерошил волосы у молодого человека на голове:

— Всё равно возьмёшь денег, купишь себе хорошую одежду. Брата Семиона видел?

— О! — произнёс юный монах, кажется, с восхищением.

— Ну, не такую, может, как у него, но хорошую одежду купи. Купишь крест себе серебряный или хотя бы медный. И чтобы одежду новую берёг, кровищей и гноем не поганил, при мне должен состоять человек умный, статный и опрятный.

Волков пошёл к офицерам, что всё ещё ждали его.

— Господин, — монах пошёл рядом. — Серебряный крест — это хорошо, но, может, дадите лучше мне денег на книгу. Очень нужная книга. Та, что у меня есть, не так хороша, нужен мне атлас по всем костям человеческим, я такую у великого костоправа Отто Лейбуса видел, помните костоправа из Ланна?

— Помню-помню. Хорошо, деньги на книгу получишь, но одежду всё равно купи, — закончил кавалер, подходя к офицерам.

Он стал пожимать им руки, всем до единого. Начинал с Брюнхвальда и не пренебрёг молодыми людьми из его выезда и рыцарями, говорил при этом:

— Господа, все мы — участники славного дела, первый раз били их на реке, так злые языки, я слышал, говорили, что то был бой нечестный, что исподтишка да на переправе их побили. А теперь всем говорунам и сказать нечего будет. Отцы и деды смотрят на нас без укоризны, посему прикажу к завтрашнему дню готовить пир.

Ещё не закончил он руки пожимать всем людям своим, как началось то, чем всегда кончаются победы.

— Кавалер, — капитан фон Финк говорил приглушённо, — дозволите ли мне поговорить с вами наедине?

Волков вздохнул, он уже знал, о чём пойдёт речь:

— Что ж, прошу вас.

— Кавалер, для меня честь быть на вашем пиру, но мне пора уже и домой идти.

— Очень жаль, капитан, очень жаль, — отвечал Волков.

— Но прежде чем уйти, я хотел бы получить часть добычи, что причитается мне и моим людям.

— Помилуйте, друг мой, — кавалер сделал вид, что удивляется, — так разве же я не выплатил вам денег вперёд?

— Да, выплатили, выплатили, — соглашался капитан, — но по уложению кондотьеров, по которому до сих пор живут все люди воинского ремесла, всё равно нам причитается часть

добычи, взятая железом, а не переговорами.

Волков поморщился, он и сам наизусть знал воинские правила. Просто не думал, что капитан будет мелочиться:

— И что же вы хотите делить? В лагере горцев мы много не взяли, только то, что смогли унести, большую часть потопили и пожгли. Обоз у них был мал.

— Верно, верно, — соглашался фон Финк, — из лагеря взяли только то, что на баржу влезло. Но и того немало было. А обоз у них был мал, это так, это так, но вот лодок на берегу одиннадцать, а ещё и три баржи, всё нами взято, и доспех, что по берегу раскидан и с мёртвых снят, и оружие, ротмистр Рене говорил, что одних арбалетов семьдесят две штуки собрано.

Он уже начинал раздражать Волкова, но тот вида не показывал:

— Капитан, только что вы мне про уложение кондотьеров говорили, так давайте ему и будем следовать. Всё, что взято, будет делиться по чести старшими офицерами в присутствии солдатских старшин и избранных корпоралов.

— Я об этом и говорю, об этом и говорю, — продолжал капитан. — Мне надобно уходить, а раздел добычи нескоро будет, может, вы мне мою долю сейчас, вперёд выдадите?

«Чёртов мошенник».

— То невозможно, — говорит кавалер. — Так как нет у меня денег при себе, и к тому же, как же мне знать, какова будет ваша доля.

— За многим я не гонюсь, не гонюсь, — капитан говорил вкрадчиво и даже заискивающе, — считал я в уме, что по солдатам, сержантам и офицерам доля моя будет семьсот талеров Ребенрее. И того я у вас не прошу, думаю, что по-божески и по чести будет взять мне шесть сотен монет. А коли нет у вас их при себе, то достаточно мне будет от вас векселя за вашим именем.

«Чёртов мошенник! Ты бы так дрался, как торгуешься, и был бы ты лучшим генералом, что видел свет божий».

— Нет, — твёрдо ответил кавалер, — нет, сидите и ждите своей доли; как всё поделится, как всё продастся, так своё и возьмёте, а ежели торопитесь, так оставьте от себя офицера, а от людей своих корпоралов.

Фон Финк поджал губы, всем сим видом выказывая разочарование:

— Очень жаль, кавалер, очень, что не выходит у нас с вами сердечная дружба.

Волков не удержался и фыркнул, чуть не засмеявшись:

— Что ж это за дружба такая, которую вы векселями измеряете?

Фон Финк не удостоил его ответом.

Солдаты собирались или вставали от костров и поднимали вверх оружие, когда он с офицерами шёл мимо:

— Эшбахт! Эшбахт! — неслось над лагерем.

Это его имя выкрикивали солдаты. Да, его новое имя. В его честь звонили колокола больших городов, его имя кричали глашатаи и зеваки, но никогда его имя не кричали те люди, которых когда-то он считал своими братьями.

— Эшбахт! — неслось над лагерем.

О чём он мечтал длинными и холодными ночами в караулах и секретах… Не об этом ли?

Даже и близко такого не было, сначала он мечтал о ста талерах, потом о доме с женой и небольшом капитале, о лавке с пряностями, об оружейной мастерской в тихом и узком переулке. В лучшем случае о небольшом конном заводике на двадцать коней. О победах над горцами? Никогда.

— Эшбахт! — рычали охрипшие и простуженные солдатские глотки, орали так, что спасшиеся горцы на той стороне реки слышали.

А он шёл среди них спокойный, холодный, невосприимчивый ни к страху, ни к лести, ни к славе.

Он, Рыцарь Божий, хранитель веры, Иероним Фолькоф фон Эшбахт, коего кличут Инквизитором, заслужил эти крики и эту славу. Он заслужил восхищение этих смелых и жестоких людей. Это он вёл их к победе вопреки всему, он заставлял их надрываться в невыносимых усилиях, чтобы победить. Он заставил их сделать то, во что сами они не верили. Это он заставил их победить непобедимых. Так пусть славят его ещё громче, чтобы женщины, пришедшие узнать, что сталось с их мужьями, знали, кого им проклинать. Чтобы по всей реке, по всей огромной реке шла о нём слава, пусть лодочники и купцы разнесут весть до самого холодного моря, что он, кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт, дважды разбил сильнейшего врага. Врага, перед которым склонялись короли, герцоги и даже сам император.

— Эшбахт! — продолжали кричать солдаты.

Он кивал им и шёл мимо, даже когда ему хотелось остановиться и поговорить со знакомым солдатом или сержантом. Нельзя, нельзя этого делать, иначе они и в бою захотят перекинуться с ним парой слов или, не дай Бог, посоветовать ему что-нибудь или оспорить его приказ. Он шёл дальше, дальше к воде, туда, куда вёл его ротмистр Рене. Только один раз он остановился.

— Эшбахт! — крикнул один высокий и ещё нестарый солдат с

перевязанной рукой.

Волков остановился, и все офицеры остановились с ним:

— Я помню тебя, ты из людей фон Финка, из тех, кто не побоялся спрыгнуть в овраг, когда убивали капитана райслауферов.

— Именно так, господин. Это я, — чуть робея, отвечал солдат.

— Тебе и тем, кто был с тобой в овраге, ротмистр Бертье обещал по пять талеров. Я не забыл. Вы получите деньги.

— Спасибо, господин, спасибо, — кланялся солдат. — А не найдётся ли места у вас для меня, я слыхал, что вы своим солдатам даёте немного земли и разрешение жечь кирпич, может, один из ваших офицеров возьмёт меня к себе в роту, а с солдатами я договорюсь.

— Как тебя звать, солдат?

— Биргер, господин, Ганс Биргер.

— Мне нужны храбрецы, Ганс Биргер, — произнёс Волков и невесело подумал о том, что это сражение было не последним его сражением. — Когда вернёмся в Эшбахт, попросишь у моего знаменосца ленту.

— Ленту? — не понял солдат. — Какую ленту, господин?

— Бело-голубую ленту цвета моего знамени, такую, какие носят на руке мои сержанты, — сказал кавалер и пошёл дальше.

— Ленту? — Ганс Биргер ещё недоумевал, но солдаты, что были с ним рядом, уже всё поняли, начали его поздравлять.

Они хлопали его по плечам, по-дружески стучали кулаками ему по спине, требуя с него выпивку.

Пленных держали на берегу, там их легче было охранять. И плевать, что с воды дул ледяной ветер, а пленные были раздеты и многие из них ранены. Плохая война — это есть плохая война. Их всё равно ждала смерть. Горцы сами всегда казнили пленных, даже благородных, за которых можно было взять выкуп, и то убивали, а уж с солдатнёй так и вовсе не церемонились. И сами они теперь на пощаду не рассчитывали. Они сидели, сбившись в кучи, плотно прижимаясь друг к другу, стараясь так беречь тепло, раненые лежали тут же, без всякой помощи.

— Я приказал их не кормить, к чему тратить хлеб, солдаты грозятся их перебить и без приказа, — сказал ротмистр Рене, которому было поручено охранять врагов.

Волкова не удивило то, что солдаты уже точат ножи на пленных, его как раз удивило то, что их не перебили сразу.

— Всего их сто двенадцать, шесть сержантов и два офицера, это всё местные, с кантона Брегген. И ещё тридцать три райслауфера с соседних кантонов.

— Господин, — крикнул один из людей Рене, один из тех, кто сторожил пленных, — когда можно будет пустить их поплавать? Осточертело их сторожить.

— Выполняй, что приказано, — сухо откликнулся кавалер.

Были времена, когда он люто ненавидел горцев, люто, и ни одной лишней секунды не дал бы им прожить. Но в те времена он был солдатом, простым солдатом. А сейчас всё было по-другому. Теперь он должен был думать, думать наперёд.

— Рене, — позвал он.

— Да, кавалер.

— Дайте им хлеба и разрешите жечь костры.

— Хлеба? — удивился ротмистр.

— Да, и ещё дайте знать на тот берег, что я приму парламентёров, — всё так же твёрдо продолжал кавалер.

— Парламентёров? — переспросил Рене.

— Именно, Рене, пусть приезжают сюда, я хочу говорить с ними. И пока не поговорю, пленных резать не дозволяю.

Офицеры, все, кто слышал его, были в недоумении. Они переглядывались. Даже командир арбалетчиков Стефано Джентиле был удивлён. Хотя какое ему, ламбрийцу, было дело до местных обычаев и правил.

— Роты будут недовольны таким решением, — заметил Бертье.

— Роты всегда чем-то недовольны, — назидательно ответил Волков, — вам бы пора уже знать, ротмистр, что в ротах есть офицеры, которые знают, как угомонить недовольных болванов, — и видя, что этим смутил храбреца, повернулся к нему и спросил: — Как вы, Гаэтан? Вижу, ваши раны тяжелее, чем мне казалось.

Лицо ротмистра было сильно разбито, едва начало заживать, подбородок вообще был зашит одним стежком, толстая чёрная нитка стягивала разошедшуюся от рассечения кожу. Рука его была перемотана тряпкой. Волков помнил, что Бертье досталось в овраге, но крепыш держался молодцом.

— Ваш монах просто колдун, кавалер, он мне вернул здоровье за день, а ссадины сойдут, я готов уже к новому сражению.

— Господа, — произнёс Волков, — не все это видели, но наш славный Бертье приложил сил для победы больше, чем кто-либо из нас.

Офицеры кивали головами, хлопали ротмистра по плечам.

— Я сам не трусливого десятка, но даже я крепко бы подумал, прежде чем прыгнуть в овраг, переполненный горскими свиньями, — продолжил кавалер. — Это он умудрился убить

капитана наёмников, причём оружием наёмников. Думаю, что выражу общее мнение, когда скажу, что вы, Гаэтан, достойны большей награды из добычи, чем все остальные, хотя и все остальные делали, что должно, и упрекнуть мне некого.

Волков не стал упоминать Гренера, это было ни к чему. Славная победа всё равно свершилась, хоть кавалерия почти не внесла своей лепты в общее дело.

Офицеры радовались, а кавалер почувствовал, как в нём заканчивается та благость, что дало ему вино или простая солдатская пища. Тут ему на ум пришли вопросы брата Ипполита о тошноте. Он позвал к себе Максимилиана:

— Шатёр мой поставили?

— Должны были, — сообщил тот. — Я схожу, проверю.

— Нет нужды, — остановил его кавалер. — Господа, на сегодня более сил у меня нет, хворь ещё не отпустила меня, прошу простить, я пойду прилягу.

Офицеры ему кланялись, а он офицерам.

В шатре печь уже пылала, было там тепло. Максимилиан помогал ему раздеться, стаскивал сапоги, хоть и тошнило кавалера, но говорил:

— Вы теперь мне не оруженосец и не паж, вы теперь мой знаменосец.

— Я знаменосец? — не поверил юноша. Он так и застыл с сапогом Волкова в руках.

— Ну, ты же носишь моё знамя?

— Носил, пока более достойных не было.

— Более достойных я и сейчас не вижу. Сапоги отныне уже не ваша забота, сыщите мне денщика. А оруженосцем будет Увалень. Кстати, а где он?

— Послан в Мален к епископу и госпоже Эшбахт с вестью о победе, — ответил Максимилиан.

— Хорошо, хорошо, — произнёс кавалер. — Но за конями всё равно следи, мне нравится, как ты следишь за моими конями.

— Спасибо, кавалер, спасибо, — юный знаменосец схватил его руку и поцеловал. — Для меня большая честь служить при вас.

Волков лёг на свою походную кровать, а Максимилиан накрыл его периной.

Глава 3

Волков чувствовал себя всё ещё нехорошо. Но тошнота — бабья болезнь, в его представлении она не была причиной для лени и безделья. Едва рассвело и едва он позавтракал, как к нему пришёл Карл Брюнхвальд со списками всего захваченного у горцев.

Трофеев было не так чтобы много. Из ценного только оружие и доспехи, ну, и лодки с баржами. Всё остальное провиант, но и его было немного.

Закончив перечисление, ротмистр спросил:

— А что будем делать с пленными? Солдаты будут рады, если вы отдадите пленных им.

Волков сидел на кровати, кутался в шубу, несмотря на то что в шатре была печь. Он молчал. Да, он понимал солдат и их вековую ненависть к горцам. Он тоже ненавидел этих жёстких и спесивых мерзавцев с гор. Но кавалер давно не был солдатом, он даже уже не был офицером, он не имел права ни на эмоции, ни на желания. Он должен был думать о будущем. Пойти на поводу у солдат и перерезать полторы сотни горных свиней — это, конечно, приятно, это потешит его самолюбие, и солдаты будут довольны своим командиром. Только ничего этого не будет. Он должен думать о будущем. А какое у него будущее? Бесконечная война с кантоном, который в десять раз сильнее и в сто раз богаче его? И что ждёт его в таком будущем, кроме бегства или смерти? Нет, он должен был думать наперёд.

— Кормите их, — наконец сказал он Брюнхвальду, — разрешайте жечь костры. Раненых, что умерли, сложите на берегу, чтобы с того берега их было видно.

Ротмистр его решения, кажется, не одобрил, но возражать не стал:

— Как пожелаете, кавалер.

Он поклонился и вышел. Тут же в шатре появился Максимилиан:

— Кавалер.

— Да.

— К вам отец и сын Гренеры, примете их?

Волков поморщился от приступа тошноты:

— Что им нужно?

— Младший Гренер только что прибыл из замка барона фон Деница.

— А… Ну, зовите, но сначала принесите мне вина, — кавалеру казалось, что вино прогонит тошноту, что докучала ему

всё утро. Он чуть подумал, — и скажите поварам, чтобы согрели мне его со специями.

Иоахим Гренер и его сын Карл стояли в его шатре и ждали, пока Максимилиан нальёт ему в кубок горячего вина. А сам Волков смотрел на них и ничего не понимал:

— Что значит — барона нет в замке? — наконец спросил он, когда вино было налито.

— Управляющий сказал, что господин барон и его рыцари как уехали на войну, так ещё не возвращались.

— И кавалера Рёдля тоже нет в замке? — продолжал удивляться Волков. — Иоахим, вы же сказали, что Рёдль уехал вместе с бароном, как только тот получил ранение.

— Именно так и было, кавалер, — отвечал старший Гренер.

— Да-да, я сам это видел, это случилось рядом со мной. Я видел, как был ранен барон. Я даже хотел помочь ему, но они с кавалером Рёдлем быстро уехали, — добавил молодой Карл Гренер.

Волков отпил вина и взглянул на Максимилиана, что стоял рядом с ним с кувшином в руках. Тот, судя по виду, тоже ничего не понимал.

— Значит, барон фон Дениц был ранен в лицо из арбалета, и кавалер Рёдль., - начал Волков медленно.

— Подхватил его под руку, взял повод коня барона, и они поехали через овраг на север, — закончил за кавалера Карл Гренер.

— Но до замка они не доехали даже сегодня, хотя от холмов до замка барона меньше, чем полдня пути.

— На свежем коне часа четыре, — сказал молодой Гренер.

Вот этого ему сейчас ещё и не хватало. Волков опять морщился от приступа тошноты. Вино с мёдом и специями ему пока что не помогало.

«Чёртов барон».

Всё складывалось очень нехорошо. Уж лучше бы он просто налетел на пику горца и скончался бы прямо на поле боя. Во всяком случае, это была бы достойная смерть славного рыцаря из славного рода.

А если он умер от раны по пути домой. То теперь его труп придётся искать по всем кустам вокруг холмов.

«Как всё нехорошо получается. Чёртов барон, кто его гнал в эту бессмысленную атаку?»

— Максимилиан, позовите ротмистра Бертье, — наконец говорит Волков. — А вы, господа, присаживайтесь.

Отец и сын Гренеры садятся на раскладные стулья. Младший Гренер спокоен и серьёзен, а его отец расстроен, он чувствует и

свою вину в произошедшем.

Вскоре появляется Гаэтан Бертье, лицо его всё ещё выглядит ужасно, и рука его ещё перемотана тряпкой, но сам он весел. Он всегда бодр и весел. Это кавалеру и нравится в нём.

— Друг мой, как вы себя чувствуете? — спрашивает Волков, когда ротмистр появляется в шатре.

— Отлично, кавалер, отчего вы спрашиваете?

— Ваш вид не так хорош, как ваш дух, — замечает Волков.

— Чепуха, я готов к новому сражению, а руку. Ерунда, пустое.

— А лицо, голова?

— Говорю же вам, пустое, синяки, и только, старший брат мне ставил синяки поярче и почаще.

— Ну хорошо, — Волков чуть подумал. — Гаэтан, вы ведь мои земли знаете лучше меня.

— Думаю, что так и есть, — согласился Бертье. — Если бы вы любили охоту, то, может, знали бы свои земли не хуже. Но ведь вы не любите охотиться…

— Да, не люблю, не люблю… И сейчас как раз потребуется ваше знание окрестностей. Вы ведь охотились вокруг холмов.

— Конечно, я же убил там огромного волка, я привозил его в Эшбахт, его шкура у вас дома. Да, того волка я как раз убил чуть южнее южного холма. И кабанов я там бил во множестве, в кустах их сотни.

— Прекрасно. Значит, вы с теми местами знакомы. — подытожил Волков. — Гаэтан, прошу вас, друг мой, возьмите полдюжины людей из ваших, что охотились с вами, езжайте в Эшбахт; я надеюсь, Ёган не угнал моих лошадей и собак в Мален. Возьмите лошадей и собак и езжайте к холмам, — тут кавалер замолчал.

— И что, набить побольше кабанов? — поинтересовался Бертье.

«Ну какие ещё кабаны? Эх, этому храброму и лихому человеку ещё бы ума немного». Волков изобразил кислую мину:

— Нет, Гаэтан. Пропал барон Дениц и его друг кавалер Рёдль.

— Я слышал, что барон был ранен и отправился к себе домой.

— Да, но до дома он не доехал. Мы можем только гадать, где он.

— Я понял, мне нужно его найти, — догадался Бертье.

— Да, нужно его найти, может, ему нужна помощь, нужно обыскать окрестности от холмов до лачуги монаха и до самой границы моих владений.

— Я отправляюсь немедленно, — сказал ротмистр.

— Я очень на вас рассчитываю, Гаэтан, — произнёс кавалер.

Не успели ещё уйти Бертье и Гренеры, не успел Волков

допить вино из кубка, как появился Максимилиан и доложил:

— Парламентёры с того берега просят разрешения прибыть к нам.

— Подавайте одеваться, Максимилиан, — ответил кавалер.

Всё было как положено, всё было согласно воинским ритуалам. Победитель говорил с побеждёнными. Он сидел на стуле у своего роскошного шатра, под своим роскошным знаменем, в своих роскошных доспехах. Весь его выезд стоял за ним, все офицеры были тут же, подле него.

Погода стала совсем дурная, повалил снег большими мокрыми хлопьями, река стала тёмной и серой, как старый свинец. Парламентёров было трое. Двое военных и один седой, видно, из важных господ, он был в шубе и большом дорогом берете.

Лодке с парламентёрами велели причалить там, где на берегу были сложены умершие от ран пленные. Пусть видят.

От лодки до шатра их вели под конвоем из шести лучших человек, конвоем руководил сам Карл Брюнхвальд.

Когда они подошли к шатру, Волков узнал того, что был в шубе. По бородавке на губе узнал, это был глава гильдии лесоторговцев и член консулата кантона Брегген Вехнер. Он торговался с ним из-за плотов, что проплывали по его половине реки.

Пришедшие, взобравшись на холм, на котором стоял шатёр, поклонились кавалеру. Он не удостоил их ответом. Нечего, пусть знают своё место. Тогда один из офицеров, что шёл с Вехнером, представился и представил своих спутников.

— Рыцарь Божий, Защитник Веры и меч Господа, Иероним Фолькоф фон Эшбахт, коего прозывают Инквизитором! — звонко прокричал Максимилиан, выйдя чуть вперёд.

— Мы знаем, с кем имеем дело, — произнёс Вехнер. — Зачем вы нас звали, господин

Эшбахт?

Он стоял на холодном ветру под мокрым снегом в одних тонких чулках и лёгких туфлях. Кажется, он не предвидел погоду и теперь торопился уехать с этого холодного и негостеприимного берега.

Волков взглянул на его промокшие чулки и ответил:

— Я Рыцарь Божий, слуга Святой Матери Церкви, мне претит зверообразная жестокость, коей славятся все племена, что проживают в горах. Я надеюсь, что среди пленных не все еретики, предавшие Бога, а есть и истинные верующие и почитающие Папу, наместника божьего. А также я верю, что и среди пленённых мною, отрёкшихся от Бога, найдутся честные сердца,

которые найдут путь обратно в лоно Матери Церкви. И посему я не уподоблюсь вашей дикой ярости и звериной кровожадности, убивать пленных не стану. Я предлагаю кантону Брегген выкупить всех своих пленных. За каждого пленного солдата я прошу десять талеров, за сержанта двадцать, за офицера сто.

Он сделал знак Рене, и тот вынес и протянул Вехнеру бумаги:

— Списки взятых в плен и всё ещё живых, — сказал Рене.

Член консулата кантона Брегген и глава гильдии лесоторговцев взял бумаги и, даже не взглянув на них, сообщил с пафосом:

— Совет кантона Брегген рассмотрит ваше предложение на первом же заседании.

Волкова перекосило от такого высокомерия.

«Рассмотрит на первом же заседании? Ах, так?»

Но виду он не подал, а произнёс холодно и спокойно:

— Хотелось бы добавить, что с сего дня я больше не буду кормить ваших людей, так как хлеба и моим людям не хватает. Да хранит Господь тех, кто верует в него.

«Ну что, это ускорит рассмотрение моего предложения?»

Вехнер, видно, не ожидал такого поворота, взгляд его стал немного испуганный, и, видя это, кавалер продолжил:

— Тех, что помрут, да примет Господь их заблудшие души, я велю выкладывать на берег, чтобы с вашей стороны их было видно, путь матери и жёны придут попрощаться.

Теперь и Вехнер, и оба офицера, что были с ним, стояли мрачные, под стать погоде. Ветер трепал бумаги в руке члена консулата, и тот долго не находил, что сказать. Пока, наконец, не произнёс:

— Я сделаю всё, чтобы ускорить решение по этому вопросу.

— Я очень на то рассчитываю; кстати, если завтра мне вернут всех моих людей, что схвачены на вашем берегу, то я буду кормить ваших людей целых три дня, — добавил вальяжно Волков, словно это не очень его волнует.

— И скольких ваших людей мы, по-вашему, удерживаем? — поинтересовался Вехнер.

Это был вопрос с подвохом. Как ни ответь на него, всё равно дашь врагу нужную ему информацию. Волков на такие хитрости никогда бы не попался.

«Ты ещё и хитрить тут надумал!»

Он уже не собирался разыгрывать из себя святого человека, он уже рычал:

— Запомните, Вехнер, если не вернёте мне моих людей до завтрашнего утра, я не только престану кормить ваших, я ещё и запрещу им жечь костры, а каждое утро я буду выкладывать их

трупы на берег, пока не уложу тут всех до единого. Вы слышите меня, Вехнер?

Этот его рык произвёл впечатление даже на приехавших с консулом офицеров. Они внимательно слушали каждое его слово, и когда он закончил, один из офицеров стал что-то шептать на ухо Вехнеру. Тот рассеяно кивал и потом произнёс:

— Мы соберём экстренное заседание совета.

— Это здравая мысль, — уже абсолютно спокойно и едва ли не дружелюбно отвечал кавалер. — Надеюсь, вы примете правильное решение. Да вразумит вас Господь, если вы всё ещё верите в него.

— Разрешите ли вы нам поговорить с нашими людьми, которых вы удерживаете? — вдруг спросил один из офицеров.

— Конечно, — сразу согласился Волков. — Как только вы дадите мне поговорить с моими людьми, которых удерживаете вы.

Всё было ясно, больше у парламентёров вопросов не было. Они раскланялись и пошли к своей лодке.

— Кажется, всё прошло хорошо, — сказал Волков негромко.

Говорил он самому себе, но Брюнхвальд, стоявший рядом, всё расслышал:

— Да, всё прошло прекрасно, но боюсь, наши люди будут недовольны тем, что мы отпустим их заклятых врагов.

— Скажите людям, что они получат часть выкупа, — произнёс Волков, морщась от приступа тошноты, от этого недуга он стал раздражаться и крикнул — Максимилиан! Позовите мне монаха немедля, чёрт бы всё это побрал!

Глава 4

Как хорошо просыпаться и знать, что всё самое тяжёлое уже позади. Ну, хотя бы в ближайшее время нет нужды надрываться, рвать в себе жилы. А ещё он в это утро почувствовал себя здоровым. Таким здоровым, каким не чувствовал себя давно. У него не саднило обрубленное ухо, не болела нога, хоть и холод на улице был, но, видимо, то, что он не садился в седло и не нагружал её сильно, благоприятно влияло на ногу. И если сильно не вертеть головой, то и об острой боли в шее можно позабыть. И тошнота, докучавшая ему прошлый день, закончилась. Многие люди и понять не могут, как это хорошо, когда у тебя просто ничего не болит.

— Максимилиан, — позвал он, слыша голос своего знаменосца за полотнищем шатра.

Полог откинулся, и юноша появился внутри:

— Да, кавалер.

— Это вы с Увальнем сейчас говорили?

— Да, кавалер. Он приехал.

— Зовите его, — Волков сел на постели. Максимилиан был молодцом, на улице зима, а в шатре печка так горяча, что можно ходить без одежды. — И несите мыться.

Александр Гроссшвюлле вошёл и занял едва ли не половину шатра. Большой человек. Некогда безвольный и рыхлый малый, которого сплавил кавалеру родственник, превратился в могучего молодого человека. От жирных боков, щёк и двойного подбородка и следа не осталось. Он похудел, его лицо обветрилось, а сам он стал взрослее. Дни в седле напролёт, еда когда придётся и сон урывками сделали своё дело.

«Война сало сгонит».

Стёганка нараспашку, шапки нет, большие оббитые железом сапоги, тесак на поясе, кинжал за ним, боевые рукавицы в руках — да, вид у него залихватский. Дурень-родственник ещё и талер Волкову дал, чтобы только Увальня сбагрить. А он каков стал.

Александр поклонился:

— Звали, кавалер?

— Вы храбро дрались в овраге, — начал Волков, — думаю, без вас Бертье не удалось бы убить капитана наёмников. Думаю, что без вас его бы там самого убили. За тот бой вы заслужили награду. И по воинскому укладу вы получите долю сержанта.

— Спасибо, кавалер. А правда, что теперь Максимилиан у нас будет за знаменосца?

— Да, он и раньше носил моё знамя, но был оруженосцем.

Теперь он будет знаменосцем.

— Ясно, — сказал Увалень.

— А вы будете смотреть за моим оружием и доспехом.

— Спасибо, кавалер, — молодой человек поклонился.

— Дрались вы храбро, — продолжал Волков, — стояли, как вкопанный, когда на вас наседали, и удары сносили достойно, спасли Бертье, когда он упал, но вот умения вам всё ещё не хватает.

Александр понимающе кивал.

— Поговорите с Бертье, он мастерски владеет многими видами оружия. Пусть вас поучит, вам с вашей статью и силой равных будет мало.

— Да, кавалер, я попрошу учения у ротмистра.

— Ладно, вы были у епископа, как там вас встретили? — тут солдат принёс воду, Волков стал умываться.

— Епископ был рад. Очень. Говорил, что вы Длань Господня. Хвалил вас, меня кормил и всё выспрашивал про вас и про то, как дело было.

— Вы видели госпожу Эшбахт?

— Конечно, она же проживает у епископа, — Увалень чуть прибавил многозначительности, — и госпожа Ланге была там же.

— Так они не поехали в дом Маленов и остановились во дворце у епископа? — Волков вспоминал, что так и наказывал Бригитт, но не был уверен, что ей удастся уговорить жену жить у епископа, а не в доме отца.

«Бригитт молодец, видно, пересилила жену. Вот и славно».

Это его порадовало. Он отпустил солдата, и тот унёс воду и таз.

— Вот, кавалер, письмо от епископа, — сказал Увалень, доставая бумагу. — Сразу позабыл отдать.

Волков вытер и лицо, и руки, прежде чем взял письмо.

Приятно получать письма после победы. Волков сел к огню, что горел в маленькой печке, устроился удобно, развернул бумагу.

Конечно, епископ его нахваливал. Звал «спасителем» и «истинной Дланью Господней». Говорил, что пишет о его подвиге в Ланн, к архиепископу. Писал и о том, как умолкли в городе те крикуны, что хулили кавалера за раздор с соседями. Оказывается, были и такие. И теперь в городе, да и во всём графстве, а может, и во всей земле о нём иначе, как о полководце, и не говорят.

Всё было хорошо, вот только епископ ни единым словом не обмолвился о его жене, что у него гостила.

— А госпожа Эшбахт мне письмо не передавала? — спросил он у всё ещё стоящего у входа Увальня.

— Нет, госпожа Ланге просила сказать вам на словах, что молится денно и нощно за вас и целует вам руки. А госпожа Эшбахт ничего не передавала.

Странно это было, и не хотел он в этом признаваться, но подчёркнутое небрежение жены кольнуло его прямо в сердце.

«Всю жизнь будет помнить мне Шоуберга. Высокомерие своё мне показывает и показывать будет. Нет, правильно я этого пса, любовника её, на заборе повесил. Надо было ещё у навозной кучи его похоронить. И прямо на куче ему крест поставить».

Да нет, конечно, он этого не сделал бы. Не сделал бы… Но вот если бы он мог ещё раз убить Шоуберга — он убил бы. Ни секунды не медля и ни о чём не задумываясь.

— Значит, госпожа Ланге была рада вестям обо мне? — наконец спросил он у оруженосца.

— И того не скрывала, — заговорщицки понизив голос, произнёс Увалень.

— Хорошо, ступайте, Александр, позовите ко мне монаха, пусть принесёт чернильницу и бумагу, епископ просит рассказать ему, как было дело.

— Да, кавалер.

— А ещё скажите повару, чтобы подавал завтрак.

— Да, кавалер.

Поесть он не успел. Ещё не остыли жареные яйца с кругами жареной кровяной колбасы, как от Рене прибежал сержант и сказал, что с того берега плывёт к ним лодка.

— И кто там?

— Не могу знать, господин, люди какие-то, — ответил сержант.

Чуть подумав, кавалер оставил еду, никуда она не денется, накинул на плечи шубу и надел на голову подшлемник, пошёл смотреть, кто там к нему плывёт. Он очень надеялся, что горцы не будут артачиться и согласятся выкупить пленных всех разом, не то ему придётся долго продавать их поодиночке родственникам. Это, возможно, было бы и повыгоднее, ведь за каждого солдата можно просить побольше серебра, но уж очень то было бы долго. А ему нужны были деньги сразу. И не себе те деньги он хотел забрать, он рассчитывал раздать их солдатам и офицерам. И это помимо лодок, доспехов и оружия, что они уже собирались делить. Пусть берут. Пусть трясут серебром перед своими бабами, пусть бахвалятся. Пусть потом всё пропьют в кабаке в Эшбахте, но пусть все знают, что он щедр. Все вокруг должны знать, что он не просто хороший командир, а что он ещё и щедрый командир. Он чувствовал, что такая слава ему ещё пригодится.

Он шёл к реке в сопровождении Максимилиана и кавалера

Георга фон Клаузевица и поначалу не мог понять, кто плывёт к его берегу в большой лодке.

Только когда лодка причалила и на берег через её высокие борта полезли люди, кавалер, кажется, узнал одного из них. Хоть было ещё далеко, но он — слава Богу, глаза его не подводили — узнал человека, укутанного в тряпки, хотя тот и сильно поменялся внешне.

Да, это был сам Фриц Ламме, но он уже не был тем крепышом, что при небольшом росте был плечами шире самого кавалера. Сейчас он был худ и зарос по глаза пегой щетиной. Сыч кутался в тряпьё на холодном ветру и немного кашлял. С ним был ещё один мужичок из тех, что помогал Сычу в шпионском деле, но имени которого Волков не помнил; прозвище у того было, кажется, Ёж.

Кавалер и его сопровождающие остановились на возвышенности и ждали, когда прибывшие сами подойдут к ним. Тут же к офицерам подошёл и Рене, и ротмистр арбалетчиков Джентиле.

Первым, утопая в сыром песке тяжёлыми сапогами, шествовал высокий офицер из горцев.

Он остановился у подножия невысокого холма, на котором стоял кавалер, и прокричал:

— Господин Эшбахт, я капитан Франц Роденталь, капитан ополчения Шаффенхаузена, привёл вам ваших людей, как было уговорено. И прошу вас явить добрую волю и отпустить раненых, чтобы они не погибли на берегу без тепла и ухода.

Кричал всё это капитан дерзко, как будто требовал. Так дерзко кричал, что захотелось кавалеру ответить ему, мол, зря ты так нахален, капитан, война-то ещё не кончилась, бережёт тебя лишь знак парламентёра, что несёт за тобой твой сержант. Но не стал он этого говорить, а усмехнулся и сказал:

— Ну, что ты там стоишь, чёртов мошенник, иди сюда уже.

Сыч оскалился, так он улыбался, и полез на холмик к своему господину, Волков не побрезговал, протянул ему руку, помогая подняться. Да уж, худ он был, а руки его были синими, особенно страшны, почти черны, были запястья. А ещё справа, когда он улыбался, видно было, что нет двух зубов, но, когда уходил на тот берег, зубы эти у него были.

— Ну, изменился ты, я смотрю. Видно, не сладко тебе там было без моих харчей, — ухмылялся кавалер.

— Да уж, не мёд, экселенц, — Сыч тоже засмеялся.

— А вот воняешь ты по-прежнему, — принюхивается Волков.

Сыч опять скалится беззубо:

— Да уж, хряк сдобой пахнуть не начнёт.

Он смеется и ёжится от налетевшего порыва ветра. Волков молча снимает шубу и накидывает её ему на плечи:

— Держи. Максимилиан, найдите какой-нибудь одежды ему… И этому тоже, как там его зовут, — Волков кивает на второго человека, которого привёл капитан горцев.

— Ежом его кличут, — говорит Сыч, лицо его скорее удивлённое, чем радостное, он пытается всунуть больные и страшные свои руки в рукава шубы. — Экселенц, а это мне навсегда или поносить?

— Болван, неужто ты думаешь, что я после вшивого тебя надевать буду? — кавалер смеётся. — Носи уже.

Волкову не жалко, это не лучшая его шуба. Зато все видят, что тем, кто претерпел за него, по заслугам воздастся.

— Экселенц! — Сыч едва не прослезился, он уже напялил шубу и кланялся, кажется, руку надумал целовать.

Но Волков не дал:

— Ступай к поварам, а потом помойся, Фриц Ламме, вечером расскажешь, как там у горцев, — он повернулся к парламентёру и крикнул: — Так что решил кантон по поводу денег за пленных?

— Сегодня соберётся совет в Шаффенхаузене, — отвечал капитан горцев, — там всё сегодня и решится.

— Пусть поторопятся, Господь велит мне быть милостивым даже к еретикам, но кормить я их с завтрашнего утра перестану.

— Если ваш Бог велит вам быть милостивым, может, отдадите мне раненых, тех, что уже без сил? — кричал капитан.

Волков ему ничего не ответил, он повернулся и пошёл к себе в шатёр, ему ещё нужно было написать ответ епископу. А капитан постоял-постоял, да пошёл к лодке, убрался вон с его земли.

Пока он писал, снова приходил фон Финк, снова говорил, что ему пора уходить и снова просил вексель, на что Волков вновь ему отказал.

Говорил тот, что согласен и на пятьсот талеров, и как он об этом сказал, так кавалер обо всём догадался.

Волков теперь понял, почему фон Финк хочет от него вексель. Он сейчас увёл бы солдат во Фринланд, а потом полученные от кавалера по векселю деньги забрал бы себе, сказав солдатам, что кавалер, дескать, ничего не дал.

«Да ты, братец, мошенник, из тех, что обворовывают своих солдат! Нет, так не пойдёт».

— Ждите подсчёта и раздела добычи, — сухо ответил кавалер.

Фон Финк ушёл недовольный. Он оставил корпоралов, чтобы они приняли участие в дележе добычи, а сам в тот же час увёл своих людей на север, в Эшбахт, а оттуда и на восток, в их родной

Фринланд.

А Волков был тому и рад. Дописав письмо епископу, сидел некоторое время в раздумьях. Всё не мог решиться никак, а потом всё же взялся и написал письмо жене.

«Госпожа моя, с радостью сообщаю вам, что дом наш пока в безопасности, злой враг повержен и не сможет собраться для новой войны. Если на то ваша воля будет, так возвращайтесь, дом без вас пуст, и мне одному в нём будет невесело.

Муж ваш, Господом данный, кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт».

Он посидел, подумал, не слишком ли он в письме добр и ласков. Не подумает ли Элеонора Августа, что он заискивает перед ней. Может, лучше будет просто повелеть ей ехать домой? А, ладно, пусть будет доброе письмо. И он тут же начал писать ещё одно:

«Дорогая моя, рад, что вы мои интересы помните, и вижу, что усилия ваши увенчались успехом, что жена моя живёт в доме епископа, а не в городском доме отца своего. Теперь прошу вас отвезти её домой в Эшбахт, не давайте ей уехать в поместье к отцу, иначе мне её потом будет непросто оттуда забрать, зная её норов и нелюбовь ко мне, может она заупрямиться и у графа остаться.

Да и вам пора домой, дом без вас — сирота без присмотра, и голоса вашего в нем не хватает. Как мне не хватает вас, дорогая Бригитт.

Иероним Фолькоф фон Эшбахт».

Он позвал к себе Увальня:

— Александр, раз дорога вам знакома, так скачите к епископу снова. Вот эти два письма отдадите ему и моей жене. А это, — он показал Увальню бумагу, — отдадите госпоже Ланге, но чтобы никто не видел. Вы поняли, Александр?

— Да, кавалер, повезу их в разных местах, чтобы не перепутать.

Волков кивнул, а когда Гроссшвюлле ушёл, он вдруг понял, что день давно перевалил за полдень и что ему уже и обедать пора. И настроение у него было на удивление хорошее, может, из-за того, что у него второй уже день не болело почти ничего, разве что нога, и то самую малость донимала, когда он на пригорок забирался.

А добыча делиться уже начала сама собой; ещё когда кавалер обедал, пришёл Брюнхвальд и Стефано Джентиле.

— Хотите ли пообедать? — предложил им Волков.

— Нет, кавалер, спасибо, — за обоих ответил Брюнхвальд, — мы только что отобедали.

Мы подождём, пока вы закончите.

— Нет, вы мне не мешаете, господа, — сказал Волков и положил себе ещё кусок солонины, разогретой в пряном бульоне, налил ещё вина. — Говорите, зачем пришли.

— Господин Джентиле хочет выкупить все арбалеты, что мы захватили у врага, — произнёс Брюнхвальд.

— Вот как? — удивился Волков. — Сеньор Джентиле, а мне помнится, что вы говорили, что у вас совсем нет денег, когда нанимались ко мне. Говорили, что едва находите денег на прокорм вашим людям. А тут вдруг хотите купить…, - кавалер обратился к Брюнхвальду. — Карл, сколько там арбалетов нам удалось захватить?

— По списку семьдесят два, кавалер, — отвечал ротмистр.

— И вы найдёте деньги на эти арбалеты, сеньор Джентиле?

— У меня есть друзья в Малене, — скромно отвечал ротмистр ламбрийских арбалетчиков. — Думаю, что они рады будут мне помочь.

— Не сомневаюсь, — произнёс Волков, чуть улыбаясь. — Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Я давно подумывал увеличить отряд, — продолжал Джентиле, — и если мне удастся купить эти арбалеты, я смогу найти ещё людей. И в будущем ещё послужу вам, кавалер.

— Конечно, конечно, — кивал головой Волков, соглашаясь с ним, — а не скажете, по какой цене вы готовы купить эти арбалеты?

— Если вы будете не против, кавалер, то я хотел бы купить их по три талера за штуку.

«Ах, мошенник, я так и знал.»

— По три талера? — переспросил Волков.

— Если вам так будет угодно, — отвечал ламбриец.

— Помилуйте, друг мой, в мою молодость и то таких цен на арбалеты не было. А горцы славны своим доспехом и оружием, или вы думаете, что их арбалеты плохи?

— Нет, я так не думаю, — отвечал Джентиле, чуть помявшись, — но вряд ли я найду деньги, если буду покупать арбалеты за полную стоимость.

«Конечно не найдёшь, твои приятели-торговцы и менялы не дадут денег, если цена не будет сладкой».

— Арбалеты у горцев всегда были хороши, не многим хуже, чем у вас, у ламбрийцев, — начал Волков, — а вы просите за свои арбалеты восемь, а то и девять талеров. Почему же хотите эти купить за три?

Стефано Джентиле развёл руками:

— Может оттого, что они уже были в пользовании.

— Даже бабу, если она хороша, вы возьмёте себе, пусть она и была до вас в пользовании, а уж про оружие и говорить не нужно. Там же нет ломаных арбалетов?

Ламбриец молчал.

— В общем, если вы готовы купить, то берите их по пять талеров.

Ротмистр арбалетчиков, поглядывая на Волкова, думал, а потом сказал:

— Поеду в Мален, если предложу моим друзьям по четыре пятьдесят, думаю, они согласятся.

— Езжайте. Предложите по четыре пятьдесят, — согласился кавалер.

Ротмистры поклонились и вышли из его шатра.

Вечером долго-долго в его шатре сидел вымытый Сыч и его приятель, что был с ним в тюрьме. Сыч всё говорил и говорил про тюремную жизнь. Говорил он весело и так интересно, что и Максимилиан, и юный Гренер, и даже серьёзный фон Клаузевиц его слушали и смеялись. Монах брат Ипполит пришёл, смеялся со всеми так, что позабыл про пост, стал пить вино. И другие молодые господа стали проситься в шатёр, а Волков всех пускал, не гнать же. И вскоре в шатре места не было, где присесть, и так в шатре тепло стало, что кавалеру пришлось раздеться до рубахи. И он всё требовал и требовал вина, пока оно не кончилось. Всё выпили молодцы, а Сыч, не снимая шубы в жаре, всё не унимался, рассказывал и рассказывал разные случаи из своей жизни. И Волков видел его пьяное веселье и был рад, что отживел он, что был уже не таким, каким его привезли утром. Вот только худоба да отсутствующие зубы говорили, что Фриц Ламме недавно был в тюрьме.

Глава 5

На рассвете пленным раздали хлеб и просо, дали котлы, разрешили варить еду. Кавалер не успел отдать приказ, чтобы их больше не кормили, как с того берега приплыл посыльный и сказал, что совет кантона Брегген просит и дальше кормить пленных, так как решение принято, и сейчас советники только думают, брать деньги из казны или объявить сбор с гильдий, селений и коммун.

Волков тряс пальцем у приехавшего горца перед носом и отчитывал его, хотя понимал, что это всего-навсего посыльный:

— Думаете, я ваши хитрости не вижу, умными себя полагаете? Думаете, дурачить меня будете без времени? Не надейтесь, сегодня последний день, что я кормлю ваших людишек из своего кармана, завтра всё это велю прекратить. Так и передайте этим пышным господам из вашего совета.

— Я… я передам… всё передам, — мямлил посыльный.

— Ишь ты, — глядя вслед уплывающей лодке, говорил Волков, — думают, что я буду ждать, пока они объявят сбор да начнут собирать деньги.

— Думаете, привезут деньги завтра? — спросил у него фон Клаузевиц.

— Надеюсь, что так, — ответил Волков. — Господин Рене.

— Я здесь, кавалер, — откликнулся ротмистр.

— Вы, кажется, говорили, что солдаты ваши жаждали резать горцев.

— И сейчас будут не против, — заверил его Рене.

— Скажите им, что каждый, кто был в бою у холмов, получит долю от выкупа пленных. Может, это остудит их кровожадность.

— Думаю, что это их порадует, — произнёс Рене.

Нужно было посчитать, сколько всего остального они захватили, и для этого Рене, Роха и Брюнхвальд пришли в его шатёр. Только расселись с бумагами, как вернулся Максимилиан и сообщил, что приехал Бертье. Уже по виду молодого знаменосца кавалер понял, что дело странное. Максимилиан, если и не был напуган, то уж точно был удивлён или обескуражен:

— Кавалер, — говорил он заметно тише обычного, словно не хотел, чтобы слышал его какой-нибудь посторонний, — Бертье приехал, встал чуть севернее лагеря.

Волков, ещё не понимая этого странного поведения молодого человека, сказал:

— И зачем же он там встал? Пусть сюда едет.

— Он просит вас быть к нему, — всё так же загадочно говорил Максимилиан. — Дело важное.

Все, все, кто был в шатре, смотрели на него с непониманием. А Роха, который был не большим любителем бумаг и всякой писанины, сказал:

— Господа, вы тут занимайтесь делами, а я пойду к Бертье, узнаю, чего ему нужно и почему он не идёт в лагерь.

— Нет-нет, — сразу запротестовал Максимилиан, — Бертье просил кавалера.

Волков бросил на стол перо, которое крутил до сих пор в пальцах, и прикрикнул на молодого человека:

— Да скажите же вы, в чём дело, если вам это известно!

— Известно, — кивнул Максимилиан.

— Ну? И в чём же? — продолжал Волков.

— Ротмистр нашёл кавалера Рёдля. — ответил Максимилиан.

— Нашёл? — Волков пристально смотрел на него. — Рёдль мёртв?

Максимилиан только кивнул в ответ.

«Дьявол, этого мне как раз сейчас и не хватало».

Кавалер сидел несколько секунд молча. Ещё бы. Весь блеск его победы тускнел от этой глупой смерти Рёдля.

— Но как же так, кто ж его убил? — удивлялся Брюнхвальд, видя, что Волков находится в замешательстве. — Гренер говорил, что сам видел, как Рёдль живой и здоровый уезжал с бароном с поля боя.

Все смотрели на Максимилиана, а тот не знал, что сказать, и только разводил руками и непонимающе качал головой. И, видя это его странное состояние, кавалер спросил довольно грубо:

— Что вы машете головой, как баран, почему не говорите, вы видели тело?

Молодой человек кивнул вместо того, чтобы сказать. Это взбесило Волкова:

«Что это за ярмарочный балаган, один болван не едет в лагерь почему-то, другой не может ничего сказать толком!»

Он вскочил и закричал:

— Я вас просил, Максимилиан, найти мне лакея, слугу, денщика… Хоть кого-нибудь! Вы мне нашли человека?

— Ещё нет, кавалер, — быстро заговорил молодой человек, — нет подходящих.

— Так дайте мне шубу сами. Где остановился Бертье? Далеко? Конь понадобится?

— Нет-нет, — говорил Максимилиан, вытаскивая шубу из сундука. — Тут рядом.

Господа офицеры тоже вставали, собирались идти с ним, но

Волков махнул рукой:

— Занимайтесь делом, господа, я сам схожу.

Бертье со своими людьми и вправду был недалеко от лагеря, в ста шагах. Они расположились в кустах, в зарослях барбариса, листья которого до сих пор не облетели и хорошо скрывали их от случайных взглядов. Тут и были солдаты Бертье, стояли мрачные, держали коней под уздцы, только кланялись командиру.

И ротмистр, с на редкость серьёзным лицом, молча поклонился Волкову, а тот протянул ему руку со словами:

— Ну, где он?

Бертье провел его за ближайший куст и показал мерина, через спину которого было перекинуто тело в хорошем доспехе. Тут-то Волков и понял, откуда берётся и мрачная молчаливость Бертье, и растерянность Максимилиана. Выше привязанных к подпруге коня рук мертвеца ничего не было, что сразу бросалось в глаза.

Кавалер подошёл ближе, чтобы рассмотреть всё как следует.

Проще говоря, труп был обезглавлен. Ладный и крепкий доспех рыцаря был в полном порядке, чёрный от старой крови горжет был на месте, а вот головы и шлема не было. И ещё раз кавалер был удивлён тем, что увидел, заглянув за кромку горжета. От такого удивления он ещё больше мрачнел. И не мудрено, ведь голова рыцаря не была отрублена и не была отрезана. Ткани мяса и кожи тянулись так, словно голову Рёдлю оторвали или, вернее, открутили.

Волков покосился на Бертье, что стоял рядом, ища у него каких-то пояснений или мыслей, но весельчак и храбрец Бертье вовсе не был славен своими умозаключениями. Он насупился и молчал, отводил глаза, стараясь не поймать взгляд кавалера.

— Где вы его нашли? — наконец спросил Волков.

— В десяти милях от поля боя, — ответил ротмистр. — Собаки след не брали, дожди со снегом, какой тут след. Ну, я подумал, что барон с Рёдлем направятся домой, и поехал на северо-запад.

— В десяти милях? — Волков прикинул что-то в уме. — Это рядом с лачугой монаха?

— На две мили западнее, ближе к границе владений барона.

Волков опять задумался, чуть постоял молча и стал принюхиваться. Нет, он не почувствовал запаха разложения:

— Когда вы его нашли?

— Вчера к вечеру ближе, но думаю, он там давно лежит, — пояснил ротмистр. — А не пахнет из-за холода, здесь, у реки, теплее, а за холмами вода ночью замерзает.

Как всё нехорошо выходило, как нехорошо. Два благородных

человека уехали с поля боя живыми, и на его земле…

— Кстати, а что с бароном?

— Ах, да, — Бертье отошёл и стал рыться в мешке, что был приторочен к седлу его коня, наконец он достал оттуда вещь, — вот, думаю, что это барона.

Это был великолепный наголенник с «коленом» от отличного доспеха. Волков знал, что эта часть не принадлежит доспеху Рёдля, но всё же обошёл мерина, чтобы поглядеть на ноги трупа. Конечно нет, на ногах рыцаря были свои наголенники. Тот, что он держал в руках, был лучше качеством.

— Вы нашли это там же, где было и тело? — спросил он у ротмистра.

— Да, там же, не очень далеко. Много воды, все запахи смыты, это всё, что удалось найти, — отвечал тот.

Волков стоял и думал, что делать со всем этим. Всё выходило очень нехорошо. Попробуй теперь объясни всей местной знати, как погибли два благородных человека на его земле. Причём два человека, которые пришли к нему на помощь в трудную минуту.

— Может, его похоронить? — предложил Бертье.

Волков покачал головой. Нет.

— Людям велим молчать, и никто не узнает, — продолжал Бертье.

— Нет, — сухо отвечал кавалер, он взглянул на ротмистра. — А вы молодец, Бертье, вы поступили правильно, что не поехали в лагерь с мертвецом, но я не буду скрывать смерть Рёдля и барона. Я отвезу труп в замок. Сам отвезу и всё расскажу, как было, чтобы потом меня никто ни в чём не мог упрекнуть. Но вам, мой дорогой Бертье, придётся опять ехать туда и продолжить поиски.

— Поискать барона? Или.

Бертье не договорил, он не произнёс того слова, которое Волков, по его мнению, слышать не хотел.

— Поискать то. Всё, что найдёте, — сказал кавалер, но он не боялся слов. — Голову Рёдля, самого барона, его доспехи или следы оборотня, в конце концов.

Бертье кивнул. Он не говорил об этом кавалеру, но не сомневался, что это всё дело рук или лап оборотня. Судя по серьёзным и хмурым лицам солдат, они были того же мнения.

— Как только я закончу дело с горцами, я прочешу всю округу вокруг лачуги монаха, а вы, Гаэтан, пока возьмите еще людей на всякий случай и начинайте искать.

Бертье снова кивнул, он понимал, что дело важное и серьёзное, и больше ничего кавалеру не советовал.

Когда Волков с Максимилианом вернулись в шатёр, офицеры уже закончили подсчёты и готовы были показать итог, но он

отмахнулся и, видя их озадаченные лица, сказал:

— Господа, я должен буду уехать, Карл, вам придётся вести дела за меня. Все переговоры с горцами о пленных будете вести вы.

Офицеры замерли в удивлении, явно ожидая от него пояснений.

— Господа, — сказал он, садясь на своё место, — Бертье нашёл Рёдля.

— Мёртвого? — сразу спросил Роха.

— И без головы, — ответил кавалер и, уже зная, что последуют и другие вопросы, продолжил: — Голову ему отрывали, от барона ничего, кроме наголенника, не нашли. В общем, я хочу сам отвезти труп в замок. Возьму только Гренера с собой.

Если вопросы у господ офицеров и были, то они не торопились их озвучивать.

Только Карл Брюнхвальд произнёс:

— Кавалер, дозволите ли вы мне высказать моё мнение?

— Разумеется, Карл, говорите.

— Когда вы просили меня стать у холма и сдержать удар колонны горцев, я, хоть и без радости, но выполнил вашу просьбу. Без радости, потому что сомневался, что смогу удержать людей в строю столь долго, сколько вам нужно. Когда вы просили меня догонять врага и бить его, я согласился с радостью, так как был уверен, что исполню просьбу безукоризненно. Теперь же вы просите меня взяться за дело переговоров. Взяться за дело, в котором, по разумению моему, я не достиг и звания сержанта. И в котором вы, несомненно, достигли звания генерала. Думаю, что мне надобно отказаться от столь высокого доверия.

— О чём вы, Карл? — раздражался Волков.

— А он прав, Фолькоф, — встал на строну Брюнхвальда Роха, — в деле чесания языком ты любому из нас нос утрёшь. Лучше тебе не уезжать, а то эти черти из-за реки пронюхают, что ты уехал, начнут ещё юлить, от выплат отлынивать.

Волков понял, что в словах ротмистров есть здравый смысл, конечно, ему лучше не уезжать сейчас отсюда. Но тогда…

— Я сам отвезу тело Рёдля в замок Балль, — предложил Брюнхвальд. — Передам его со всеми почестями. Это мне не трудно.

— Хорошо, — согласился Волков. — Вы правы, мне нужно выжать деньги из горцев, это сейчас главное.

Карл Брюнхвальд встал:

— Тут все наши расчёты по добыче, тут доспех, тут лодки и баржи, тут захваченный провиант.

— Хорошо, я посмотрю, — сказал Волков, — а вы, Карл, берите с собой Гренера, людей и телегу и езжайте в замок немедленно.

Офицеры кланялись ему, выходя из шатра. А он, оставшись один, сидел невесел. Очень ему портили вкус победы этот проклятый барон и его безголовый рыцарь.

Глава 6

На следующее утро всё решилось; едва он позавтракал, как прибежал солдат и сказал, что на той стороне реки знатные люди садятся в лодку и просят дозволения приплыть на их берег.

Волков быстро оделся, накинул шубу и, позвав Рене, Джентиле, который уже вернулся из Малена с деньгами на арбалеты, фон Клаузевица и Максимилиана, пошёл на берег. Господа уже были там, возглавлял делегацию всё тот же глава гильдии лесоторговцев и член консулата кантона Брегген — Вехнер.

Кресло кавалеру не принесли, не успели, поэтому он опять забрался на холмик и ждал горцев.

Они подошли и поклонились, но не так низко, как им должно было. Опять горская спесь в них взыграла. Один из прибывших что-то бубнил, называл имена других господ, но это Волкова сейчас не интересовало, кавалер смотрел на рослого солдата, что приплыл с ними, который держал в руке немалый и тяжёлый мешок.

«Значит, привезли денежки».

Тот говорливый человек всё ещё «выражал волю совета кантона Брегген», но кавалер, стоя на своём холмике, на него внимания не обращал.

— Вы привезли деньги? — крикнул он.

Болтун осёкся на полуслове, замолчал, и только теперь заговорил сам Вехнер. Он сделал шаг вперёд, едва заметно кивнул Волкову и сказал:

— Совет кантона Брегген решил пойти на ваши условия и выплатить выкуп за пленённых вами наших людей в размерах, вами требуемых. Но не высокомерием вашим мы покорены, а лишь заботою о наших людях идём мы на такое унижение.

— Да-да, знаю, знаю, — небрежно крикнул ему кавалер со своего холмика, — давайте уже деньги. Несите сюда моё серебро.

Вехнер сделал знак солдату, что держал мешок, и тот прошёл вперёд, отдал мешок одному из сержантов Рене.

— Ротмистр, — специально громко произнёс Волков, — пересчитайте деньги, я этим людям не доверяю.

— Конечно, — отвечал Рене. — Сейчас же.

Услыхав это, Вехнер состроил высокомерную мину, глядя, как серебро из мешка высыпается на дерюгу для пересчёта, и, чуть помедлив, снова начал:

— Совет кантона Брегген постановил выплатить вам деньги за граждан кантона Брегген, но не платить за всех остальных.

Волков, уже косившийся на кучу серебра, перевёл удивлённый взгляд на члена совета:

— Что это значит, Вехнер?

— Сие значит, что народ кантона Брегген не будет платить за райслауферов, — с каким- то глупым высокомерием отвечал глава гильдии лесоторговцев и член консулата кантона Брегген. — Возьмите выкуп с их семей.

— Не будет? — удивлённо переспросил кавалер.

— Нет, не будет, — чуть ли не радостно подтвердил Вехнер. — Совет и эти деньги выдал из-за спешки, выдал без одобрения ландсраата кантона, на свой страх и риск.

— Ах вот как! — негромко сказал Волков.

И все, кто знал его, сразу по его тону поняли, что добром это не кончится. И Максимилиан, и ротмистр Рене смотрели на кавалера с опаской. Этот его тон они знали.

«Значит, кантон не хочет выкупать своих наёмников? Ну, что ж, тем хуже для наёмников и для кантона».

То ли мелочность и жадность этих богатеев из кантона, то ли тон Вехнера, то ли то, что ему не достались все деньги, а может, и всё это вместе кавалера разозлило.

— Рене, — негромко позвал он.

— Я тут, кавалер, — откликнулся ротмистр.

— Ваши солдаты ещё хотят отомстить горцам за их жесткости?

— Уверен, что желающие найдутся, — сразу ответил Рене

— Что ж, господин Вехнер и кантон Брегген вашим солдатам дают право насладиться местью, — с ледяной улыбкой произнёс кавалер. — Максимилиан.

— Да, кавалер.

— Сыча мне сюда.

— Я здесь, экселенц, — тут же отозвался Фриц Ламме.

Он был недалеко и сразу пошёл к Волкову:

— Что надобно, экселенц? Порезать солдатишек, за которых эти горные господа не заплатили?

Волков всё ещё не мог привыкнуть, что его Фриц Ламме вдруг стал чуть шепелявить из-за выбитых зубов и что на крепком некогда теле шуба висит мешком. Кавалер положил руку Сычу на плечо:

— Нет, не так, Фриц, — он говорил так, чтобы все приплывшие с того берега господа слышали, — я хочу, чтобы вся река знала о том, как благороден и великодушен кантон Брегген.

— Ну так кинем их в воду, экселенц, — тут же предложил Сыч.

— Они потонут.

— Привяжем к ним чурки, с чурками они далеко уплывут, — размышлял вслух Фриц Ламме, — да, до самого Хоккенхайма доплывут.

— Вот и отлично, — согласился кавалер, — возьми у ротмистра Рене охотников в помощь и делай.

— Сделаю, экселенц, уж сделаю, я этим собакам горным всё припомню.

— Шубу не попорть, — напомнил ему Волков.

— Ни в коем случае, экселенц, ни в коем случае, — обещал Фриц Ламме.

Пока офицеры Волкова считали деньги, а приехавшие господа сверяли список, что у них был, на наличие оставшихся в живых, чтобы не переплатить за умерших, с райслауферами начали расправляться прямо тут же, на берегу.

Наёмники из других кантонов, что пошли воевать за Брегген, уже всё поняли. В живых к этому часу их осталось не больше тридцати, остальные померли, к своему счастью. Добровольцы из людей Рене бодро нарезали верёвки и брали из собранных дров поленья побольше.

— Эй, Брегген, что ж, за нас трёх сотен талеров не нашли?! — со злобой кричал один из пленных.

Господа из Бреггена делали вид, что не слышат. Они ходили со списками среди своих пленных, выспрашивая их по именам, чтобы никто чужой не затесался. Переплачивать нельзя!

— Сволочи, будьте вы прокляты! — орал другой.

— Заплатили бы за нас, мы бы вам потом вернули! — кричал третий.

А тем временем первого и самого горластого из наёмников уже схватили солдаты, выломав ему руки за спину, вязали к ним небольшой чурбан. Вязали крепко, со злобой, так что кости у несчастного ломались от верёвок. Чтобы те горцы, что живы остались, другим рассказали, что за их злобу, за злую войну, за убийство пленных, за пытки, за изуверское добивание раненых и им может воздаться.

Первого связанного с чурбаном за спиной затолкали в воду по пояс, и для пущей надёжности, а может, просто от злобы один из солдат ударил его шипом алебарды в почку, так что шип вышел из живота.

— Плыви, паскуда горная! — крикнул солдат, и наёмник повалился в серую, ледяную, зимнюю воду реки.

Без стона и крика плюхнулся и поплыл, отставляя после себя тонкий бурый след.

А солдаты уже крутили руки другому, и следующему, и следующему.

Так дело и шло. Пока господа из кантона всех своих людей пересчитали; пока требовали часть денег назад, потому как несколько человек померло, а за мёртвых они ничего платить не собирались; пока первых пленных стали на лодки грузить, Сыч и солдаты из роты ротмистра Рене уже два десятка наёмников по реке вниз пустили. И не просто они их спускали, руки к дровинам привязав, обязательно их перед этим либо прокалывали копьём или алебардой, либо и вовсе животы вспарывали.

Так и плыли выкупленные жители кантона Брегген в лодках к себе домой, а райслауферы с привязанными к рукам палками вниз по реке.

А господа, как приплыли за своими людьми, так и делали вид, что они ничего этого не видят.

Волков не уходил с берега, ветер разогнал облака, и за многие дни впервые появилось на небе солнце.

Это был хороший день. Он смотрел, как отплывают пленные, как уплывают в ледяной воде наёмники, как деловито суетятся приплывшие с того берега чиновники и его офицеры, считая людей и деньги.

Да, это был хороший день. И чёрт с ними, с тремя сотнями талеров, что он не выручил за райслауферов. Ничего, он обойдётся.

А вот если кантон Брегген захочет ещё найти людей повоевать за его интересы, так их после сегодняшнего дня ему найти будет непросто, а те, что и согласятся, запросят денег вдвое больше обычного. Особенно если кантон будет звать их воевать против господина Эшбахта. Так что день и вправду был неплох, да ещё и солнце пригревало, ни ветра тебе, ни дождя со снегом.

Вскоре всё дело было закончено. Пленные уплыли к себе на свой берег, наёмники пущены по реке, все до единого. Ещё в реку пришлось бросить всех умерших от ран и холода горцев. Вехнер просил отдать их, чтобы захоронить по обряду, но платить за них отказался, даже по талеру за мертвеца. Говорил, что не уполномочен выкупать мёртвых, и поэтому Волков их не отдал, а приказал скинуть мертвецов, пусть плывут вслед за наёмниками.

Горцы уплыли злые, да и чёрт с ними, уж от кого он не ждал ни добра, ни милости, так это от них, и впредь ждать не будет. Кавалер знал, что они злопамятны, и ему этого дня они не простят, и что война совсем не кончена, и что к лету надо готовиться к новой компании.

Но пока день был хорош, перед ним лежал большой мешок, в котором мягко звенело серебро. И солдаты, и офицеры его были довольны. И это сейчас было главным. Настолько это было главнее всего другого, что он позвал к себе Рене, Джентиле и Роху

и сказал им:

— Передайте людям своим и людям фон Финка, что всё, что взято нами в этой войне, и это серебро тоже, всё будет поделено по солдатскому закону, а я от своей доли отказываюсь, делите и мою долю меж себя честно.

— Слава Эшбахту! — закричал сержант из людей Рене, что слышал эти его слова.

Солдаты, что были рядом, собирались ближе, спрашивали и переспрашивали, о чём говорят офицеры, и когда узнавали, тоже кричали и славили его.

— Эшбахт! Эшбахт! — неслось над рекой.

Горцы, что плыли в последней лодке, оборачивалась испуганно, а те, что сидели устало на своём берегу, ожидая родных или помощи, смотрели угрюмо на ненавистный им берег, когда слышали ненавидимое ими имя.

А Волков поклонился всем и пошёл в свой шатёр, так как ему сообщили, что приехал господин Увалень и ждёт его.

Письма были очень хорошие, в одном епископ сообщал, что написал архиепископу и всем своим соседям, в том числе и доброму епископу Вильбурга (тут Волков даже посмеялся, представив, как затрясутся подбородки того епископа) о славном деле у холмов и о том, как хорош Иероним Фолькоф, коего кличут Инквизитором, а деяния его так успешны, что он не иначе, как истинная Длань Господня, что по делам карает еретиков горных, что чтят людоеда Кальвина и не чтят Папу, Наместника Божьего. Дальше добрый старый епископ писал, что также напишет и самому курфюрсту Карлу, чтобы искать мир между ним и его славным вассалом.

Да, а вот это Волкову никак не помешало бы, хорошо бы было, если бы епископ заступился перед герцогом за него. И не только он, а ещё и другие попы. Враждовать с сеньором, воюя с горцами, ой как непросто ему было.

Дальше епископ писал, чтобы Волков непременно на Рождество был при всей своей «красоте» — то есть при выезде, при знамёнах и при лучших своих людях — в Малене, что будет сам старый епископ встречать его у ворот города и вести с крестными знамениями до кафедрала, где будет служить мессу в честь него.

Это тоже ему было в большое благо. Пусть горожане видят в нём большого воина и победителя. Все и всегда хотят дружить с победителями. Пусть так и будет. Хорошо, что на его стороне такой умный епископ.

Дальше он развернул другое письмо, и оно тоже было хорошим.

Писала ему огнегривая его красавица и верная помощница Бригитт.

Писала, что ей не сладок дворец епископа, потому как в нём нет господина сердца её, что считает она дни, когда сможет видеть его и целовать руки его. Волков читал и, сам того не желая, вспомнил её тяжёлые и красные, как медь, волосы. И захотелось ему прикоснуться к белой щеке в веснушках. К её небольшой, но такой твёрдой и красивой груди, к её крепким и горячим ягодицам. Ах, как хорошо бы сейчас было. Он вздохнул и решил, что сидеть у реки больше смысла нет, нужно снимать лагерь. И настроение от этой мысли у него улучшилось. Да, надо собираться домой, хотя бы потому, что солдаты дома будут есть свою еду, а не его. И, конечно, он увидит свою Бригитт. Рыжую и красивую, стройную и умную Бригитт. Да, всё было прекрасно, кроме одного, и это одно, может, даже перевешивало всё хорошее. Он стеснялся спросить об этом у Александра Гроссшвюлле, боялся, что это покажется проявлением дурной слабости, но не выдержал:

— А от госпожи Эшбахт письма не было?

— Нет, кавалер, не было, — отвечал Увалень, вставая с сундука, на котором сидел.

«Зачем спрашивал, дурак, будь там письмо, так Увалень уже отдал бы его тебе».

И он опять от обиды, от досады задаёт глупый вопрос:

— А моё письмо вы госпоже Эшбахт передали?

«Да как же он мог не передать?»

— Конечно, кавалер, в руки, при епископе то было, за столом они сидели.

— И что она сказала?

— «Благодарю вас».

— «Благодарю вас»? И всё?

— И всё.

— И не читала? — Волков начинал раздражаться. Куда только девалось благодушие и приятное расположение духа от двух писем.

— При мне нет, — начал вспоминать Увалень. — Спрятала в рукав.

«Мерзавка, всем поведением своим норовит уколоть, всяким движением показывает высокомерие своё графское. Семейная спесь так из неё и лезет наружу. Ты хоть в лепёшку расшибись, хоть сарацинского султана победи, всё равно она губу будет кривить в небрежении, ведь она из рода графского, а ты выскочка из бюргеров, из городских простолюдинов. Или, может, она так холодна из-за Шоуберга, но так то уже в прошлом, чего о нём

думать, или она до сих пор по нему сохнет?»

Эх, жаль, что нет другого «Шоуберга», чтобы ей насолить, он бы и его повесил на заборе.

Волков встал:

— Вы свободны, Александр.

Накинул шубу и решил пройтись перед обедом по лагерю, подойти к реке. Настроение у него было дурным, но его скрашивало то, что у него почти не болела нога при ходьбе.

«Как хорошо это и удивительно, когда у тебя ничего не болит», — в который уже раз думал он.

Волков остановился около воды, поглядел, как по ледяной воде тянутся один за другим четыре плота, по течению на запад. А плоты те все из хорошего леса, на плотах по щиколотку в ледяной зимней воде стоят сплавщики, и ничего, не холодно им, все краснощёки так, что с его берега видно. Он проводил плоты взглядом: война — войной, а плоты плывут. Ничего, пусть пока плывут, раз деньги платят. Пусть плывут и догоняют мертвяков, что сегодня он покидал в эту реку.

Плоты уплыли, а кавалер уставился на неказистую заставу, что построил сержант Жанзуан на возвышенности за заброшенной деревней. Тут к нему подошёл Рене, что-то хотел сказать про делёж добычи, но кавалер его опередил:

— Как вам эта застава, ротмистр?

— Шалаш, — ответил Рене.

— Шалаш? — Волков засмеялся и вдруг стал строг. — Именно шалаш. А шалаши мне тут не нужны. Из того серебра, что привезли сегодня горцы, возьмите денег, сколько будет нужно, и купите леса, покупайте те плоты, что тут проплывают. Поставьте на месте шалаша форт, и чтобы в три человеческих роста, чтобы был вал и ров хороший, башни по углам для арбалетчиков и мост. Ров копайте до тех пор, пока вода не появится, река близко, долго копать не придётся. Форт пусть будет на тридцать человек — двадцать солдат и десять арбалетчиков. Завтра я сниму лагерь и пойду в Эшбахт, а вы, родственник, останьтесь здесь со своими людьми и вернётесь, как закончите.

Рене стоял чуть растерянный, он уже и забыл, что хотел сказать кавалеру.

Видя его растерянность, Волков едва заметно усмехнулся:

— За старшего в форте оставите сержанта Жанзуана. Он тут уже прижился.

— Как пожелаете, — только и ответил Рене.

Кавалер повернутся и пошёл к себе в шатёр, время было уже обедать.

Глава 7

Утром стали снимать лагерь, собираться в Эшбахт. Пока запрягали первые телеги и пока собирали палатки, приехали Брюнхвальд и Гренер. Они отвозили безголовое тело кавалера Рёдля в замок барона фон Дениц. Волков сидел на раскладном стуле рядом с бочкой, на которой лежали списки трофеев и стояла кружка с пивом. Списки он давно изучил и теперь смотрел, как четверо солдат под руководством Максимилиана снимали его драгоценный шатёр.

Как только он взглянул на приближающихся к нему офицеров, так сразу понял, что у них для него что-то есть. Да, они знают что-то такое, чем хотят немедленно поделиться с ним. Карл Брюнхвальд, да и Гренер тоже, оба ему нравились как офицеры и как люди, но их обоих Волков считал простаками. У них что на уме, то и на языке, то и на лице. И сейчас они шли к нему с лицами весьма озабоченными.

«Ну что ещё, мне опять ждать плохого?»

Офицеры поклонились, и после обычного приветствия Карл Брюнхвальд сразу начал:

— Рад сообщить вам, кавалер, что барон Адольф Фридрих Балль фон Дениц жив.

Волков смотрел на него из-под бровей взглядом нехорошим:

«Шутит ротмистр? Да нет, он и шутить-то не умеет, сколько его знаю, от него шуток не слыхал, да и старый кавалерист Гренер взволнован и серьёзен».

— И что же, вы его сами видели, господа?

— Нет, — говорит Брюнхвальд. — Нас до него не пустили.

— Привратник был больно строг, — вставил Гренер.

— Что? Как так, почему? — кавалер всё больше удивлялся.

— Это был не привратник, больно важен он был для привратника, — рассуждал Карл Брюнхвальд. — Видно, родственник барона какой-то.

— Может и так, — согласился Гренер.

— И что же вам сказал этот родственник-привратник?

— Сказал, что барон будет благодарен за то, что привезли тело Рёдля, так как барон имел сильную привязанность к этому рыцарю.

Это Волков и сам замечал, он видел, что отношения барона и кавалера вовсе не походили на отношения сеньора и вассала. Не знай Волков о любовных похождениях барона, так подумал бы, что у этих двух достойных господ противоестественная связь. Уж больно они были близки, словно братья. Как-то, когда барон со

своими людьми приехал только к нему в лагерь, ещё на пиру до сражения, кавалер заметил, что барон, допив вино из своего бокала, стал отнимать бокал у Рёдля, а тот свой бокал не отдавал, пока вино не расплескалось, и тогда Рёдль просто выплеснул остатки вина в лицо барону. И тот всего- навсего засмеялся и, вытерев лицо, назвал кавалера свиньёй, а тот в ответ обозвал барона дураком, на этом всё и закончилось. Такое поведение было присуще мальчишкам, но никак не взрослым господам, коих считали лучшими турнирными мастерами и гордостью графства. Да, не знай он, что барон был любителем женщин, он так и подумал бы, что у барона и кавалера Рёдля своеобразные отношения. Но он был в этом уверен ещё с первой встречи на балу в дворце Маленов, он заметил, что у его жены Элеоноры Августы и у барона отношения намного свободнее, чем предполагает этикет. Они вели себя так, как ведут себя бывшие любовники. Он с ней шутил, а она смеялась его шуткам и была к нему весьма благосклонна. Может, поэтому Волков не очень жаловал барона, кроме того, тот ещё был злым на язык.

Сейчас же он сидел и ковырял ногтем ржавый обруч бочки и, вспомнив всё, что мог, про барона, наконец спросил:

— Так вы не видели барона, господа?

— Нет, — ответил Брюнхвальд, — тот господин сказал, что барон тяжко болен после ранения и Господь ещё не определился с будущим барона.

— Он так и сказал: «Господь ещё не определился с будущим барона»?

— Именно так и сказал, — кивали головами господа офицеры.

Так обычно говорили врачи, когда жизнь пациента висела на волоске и ещё нельзя было понять, выживет ли больной или нет.

— Ну хорошо, господа, — наконец произнёс кавалер, — спасибо, что избавили меня от скорбной обязанности.

— Рады были послужить, кавалер, — отвечал за двоих Карл Брюнхвальд.

Лагерь снимался, Волков не стал по военному обычаю собирать весь обоз в единое целое. Авось уже не война, он велел тем телегам, что уже готовы, ехать в Эшбахт и не ждать других. Так будет меньше толчеи в кустах, глине и на подъёмах у холмов.

Он увидал среди других молодых людей, что уже седлали своих коней, Увальня и подошёл к нему:

— Александр, дорога для вас знакома, прошу вас, скачите в Мален, к епископу, к жене, передайте ей, что дело сделано, война закончена, я возвращаюсь домой и прошу её возвращаться.

По лицу Увальня кавалер понял, что тому уже не очень-то

хочется снова провести день в седле, а потом ещё полдня на обратном пути, но это кавалера заботило мало, он усмехнулся и пошёл искать своего коня, которого Максимилиан уже оседлал.

А в Эшбахте началась пьянка. Офицеры раздали серебро, что получено было за пленных. Кое-что забрал Рене на постройку заставы. Много забрали офицеры, ещё часть забрали сержанты. Но даже так выходило, что каждому простому причитается по талеру. Это не считая оружия, доспехов, лодок, телег и провианта, что ещё не были проданы. Так что солдаты, особенно те, что не успели жениться, шли в кабак. А куда же ещё идти солдату? Там его всегда встретит добрый кабатчик да покладистые бабы, все будут ему рады за самую мелкую серебряную монету. И ничего, что у тех баб не все зубы на месте или морды биты. Солдаты — люди неприхотливые, им и такие нравятся. А тем, кто с претензией, кому подавай дам мытых и приятного вида, так своё тоже получали. Сразу, как только слухи дошли, что войско с победой идёт домой, так из города Малена, из Леденица и даже из Эвельрата приехали в повозках вездесущих торговцев дамы самые разнообразные. На все вкусы и все кошельки. Были среди них и такие, что просили за благосклонность и полталера, и были они так пригожи и опрятны, что ими и офицеры не побрезговали бы.

В общем, в кабаке было не протолкнуться, даже порой и не войти. Люди пили прямо на дороге перед кабаком, тут же ели и тут же, за воняющими мочой углами кабака, на радость местной детворе ушлые дамы одаривали ласками пьяных солдат.

Дело было весёлое, так все веселились, и к вечеру Волков послал Максимилиана к Брюнхвальду, чтобы тот выставил на ночь своих сержантов, что были трезвы, дабы не случилось чего нехорошего. А как иначе, пьяные солдаты злы бывают, когда у них кончаются деньги, а выпивку или женщин ещё хочется.

А талер кончается быстро — два дня, и нет монеты, теперь она у кабатчика да у ловких баб.

К вечеру во двор въехала карета. Было в доме тихо. Дворовых он почти и не видел, как приехал, только Мария суетилась у плиты да по дому. Она и сапоги ему снять помогала.

А тут, только карета во двор въехала, и жизнь в дом вернулась.

Бригитт первая в дом взбежала, яркая, простоволосая, хоть и немолодая уже, но ей можно волосами хвалиться, так как незамужняя она, а волосы у неё красоты необычайной. Он встал с кресла, а она села пред ним в книксен, голову склонила и, не скрывая, что рада его видеть, схватила его руку и поцеловала, так долго держала руку его, что Мария это заметила. Девка эта всё

всегда замечала, что в доме происходило.

— Я Богу за вас молилась, господин, — говорила Бригитт, нехотя отпуская его руку, — я с самого начала знала, что вы врага одолеете.

— Я очень по вам скучал, госпожа Ланге, — негромко сказал он ей в ответ.

— Честно? — спрашивает госпожа Ланге так же тихо, а веснушки на её лице и шее заливаются красным.

— Богом клянусь, что думал о ваших волосах. И не только о них.

Бригитт женщина уже взрослая, ей уже двадцать шесть, кажется, а на улицу убежала как девочка. Бегом кинулась.

Суета, дворовые мужики сундуки тащат наверх в покои, Бригитт их бранит, если стены углами задевают, царапают.

А вот и его жена в дверях появилась. Едва кивнула ему и через губу, как одолжение сделала, спросила:

— В добром ли вы здравии, господин мой, не ранены ли вы? — говорит она, при этом едва присев, в тоне её даже намёка на интерес нет.

Он берёт её за руки, обнимает. А она лицо отворачивает.

— Я в порядке, хворал немного от старой раны, но сейчас хворь прошла. А вы как, госпожа моя?

Госпожа Эшбахт молча морщится, как вошла, так вся не в духе, требует у Марии вина, так как в дороге её укачало. И лишь получив желаемое, говорит:

— Дорога дурна, ухабы, холод, лужи ужасные, устала от неё, — Элеонора Августа скидывает шубу и садится в кресло у стола. Пьёт вино. — То всё вы виноваты, гоняете меня туда-сюда. И отчего вы мне не велели в доме папеньки жить? Отчего я как странница жила в чужом доме?

— Разве вам плохо было в доме доброго епископа?

— Плохо, почему мне в моём доме не жить? В доме отца?

— Так мне было спокойнее, — отвечает Волков, мог бы он сказать ей сейчас, что в большом доме своего отца она себе и помимо Шоуберга ещё кого-нибудь из старых своих знакомцев могла сыскать да в постели своей приютить, но не стал ей такого говорить, чтобы не злить её ещё больше.

— А мне было бы спокойнее, если бы вы замок имели и я не бегала от всякого разбойника как бездомная, — и в эту фразу она вложила всю желчь, которая в ней была, всё своё дурное самочувствие.

— Я постараюсь построить замок, госпожа моя.

— Ох, увижу ли я его, ваш замок, — Элеонора Августа встала и пошла наверх. — Мария, вели мне воду греть и скажи, чтобы

бельё и рубахи мне чистые несли.

А к ужину она вообще не вышла. Волков сел ужинать с Бригитт, но тут приехал Бертье со своими людьми.

Дворовый мужик сообщил, что ротмистр на дворе желает видеть господина, и Волков, зная, какую большую работу проделал Гаэтан, в награду велел звать офицера к столу.

Бертье пришёл в дом, был он невыносимо грязен и совсем провонял конём. Даже кавалер это почувствовал, уже не говоря про госпожу Ланге, которая, хоть и улыбалась ротмистру душевно, но исподтишка морщила свой веснушчатый носик. При Бертье был большой, звенящий железом мешок, который он опустил на пол и поклонился.

— Так иди же к нам, ротмистр, — продолжал приглашать его Волков.

— Не посмею, — отвечал Бертье, косясь на Бригитт, — в следующие разы непременно отужинаю с вами, господа. Лучше вы, кавалер, ступайте ко мне.

Волков встал и подошёл к нему. Бертье присел на корточки и стал из мешка доставать части хорошего доспеха. Кавалер сразу признал этот доспех, одну его часть, а именно наголенник с «коленом», ротмистр ему уже показывал недавно.

— Доспехи барона? — скорее сказал, чем спросил Волков.

— Его, — ответил Гаэтан Бертье, выкладывая панцирь и вытаскивая из мешка отличную кольчугу из мелких паяных колец, по рукаву и подолу железной рубахи шло изысканное золочение. — Кольчуга не хуже вашей, такой ни у кого в округе не было, кроме как у барона.

— Перчатки его, — согласился кавалер, сам присел у мешка и взял из него в руки латную перчатку, — а это чья?

— Думаю, Рёдля, — ответил Бертье, — я нашёл её там же, где и весь этот доспех.

— То есть не у холмов, где мы дрались?

— Нет, дальше на северо-восток, ближе к лачуге монаха, но не доезжая до границы.

Волков молча кивал, понимая, о чём он говорит:

— А голову не находили?

— Нет, ни шлема, ни головы Рёдля я не нашёл, как, впрочем, и тела барона тоже.

— Тело барона уже в замке Балль, — заметил Волков и с удовольствием наблюдал, как меняется лицо ротмистра.

— Барона нашли? Кто же? — искренне удивлялся Бертье.

— Понятия не имею, может, он сам нашёлся?

— Сам? — продолжал удивляться ротмистр. — Как сам?

— А вот так, барон жив, хотя и тяжко хворает после раны.

— Ну уж…, - произнёс Бертье задумчиво. — После арбалетного болта в лицо любой прихворнёт.

— Это так.

— А вы не спросили у него, что случилось с кавалером Рёдлем?

— Нет, я не видел его, я не мог поехать, нужно было закончить дело с горцами, послал Брюнхвальда и Гренера отвезти тело, так их какой-то господин даже на порог замка не впустил. Забрал тело, поблагодарил, и всё.

— Всё это странно, не кажется ли вам, кавалер? — спросил Бертье.

— Более чем, Гаэтан, — у Волкова начала ныть нога, и он поднялся с корточек, — более чем. Оставьте доспехи мне, я отвезу их и попробую увидеться с бароном.

— Хорошо, тогда я, пожалуй, пойду, — отвечал ротмистр, тоже вставая. — До свидания, кавалер.

— До свидания, друг мой. И кстати, доля ваша из добытого будет для вас приятна. Заберёте её у Брюнхвальда.

— Отлично, деньги мне будут кстати.

Они пожали друг другу руки, и Бертье ушёл.

А Волков вернулся за стол доедать простую жирную похлёбку из старого петуха и клёцок, заправленную жареным луком.

Когда никто не видел, Бригитт положила свою тонкую руку на его руку и произнесла негромко:

— Желаете ли ночевать у меня сегодня, господин мой?

Он руку свою не убрал, хоть совсем рядом, в соседней с обеденной залой комнате, Мария ругала дворовую девку. Не убирая руки, он спросил:

— А благоприятны ли сегодня дни у жены моей?

Бригитт сразу изменилась, стала строга и поджала губы, руку с его руки убрала и лишь после этого сказала:

— В точности не знаю, может быть и так.

— Тогда сегодня я буду ночевать у жены.

— Тогда доброй ночи вам, — ответила красавица и встала из-за стола.

Волков вздохнул, но ничего поделать он не мог. Может быть, он и сам предпочёл бы постель, где по перинам и подушкам будут пламенем гореть красные локоны. Но прежде всего дело, а после уже прихоти. Ему нужен наследник. Законный наследник. И поэтому он будет, когда нужно, спать в покоях своей законной жены, как бы ни взбрыкивала эта красивая рыжая кобылка.

Он поднялся по лестнице и без стука вошёл в покои почти на цыпочках.

— Не крадитесь, вы всё равно топаете, как рыцарский

конь, — сказала Элеонора Августа раздражённо.

— Вы не спите, моя госпожа? — вежливо спросил он, присаживаясь на край постели и раздеваясь.

— Не сплю! Вас дожидаюсь.

— Рад это слышать!

— Не радуйтесь, не от благосклонности жду я вас. Я после дороги недомогаю, но знаю, что вы придёте за своим, вот и терплю, не смыкая глаз.

— Очень жалею, что заставил вас ждать.

— Не жаль вам. И если бы я и спала, вы бы разве не разбудили меня? Разве вы бы хранили мой сон?

— Увы, моя госпожа, — отвечал кавалер, — не хранил бы. Мы с вами должны сделать дело, что требуют от нас законы людские и божьи.

— Так делайте и дайте мне спать, — Элеонора Августа откинула перину. — Что мне сделать, чтобы вы быстрее начали?

— Что? — немного растерялся кавалер.

— Ну, что делать мне, может, стать по-собачьи, просто лежать или снять рубаху, чтобы вы своё дело быстрее закончили? — говорила жена с заметным раздражением, подбирая подол рубахи и сгибая ноги в коленях.

— Просто лежите, — ответил Волков всё также растерянно, — я постараюсь не задерживать вас.

Глава 8

Агнес, как ни хотелось ей, но всё время вида нового, прекрасного не носила. Она была умной девицей. Понимала, что нужно и в своём обличие ходить. Тем более что те, кто её знал и помнил, в новом обличии красавицы темноволосой её просто не признали бы. Да и опасно это было. Вдруг кто из знакомцев или соседей, что видят её из окон домов, с удивлением заметят, что девица, что жила рядом, стала совсем другой. А принимать вид, который ей нравится, она научилась почти мгновенно. В иное утро, как проснётся, так ещё под периной, не вставая с постели, обращалась она в красавицу и, лишь обратившись, вставала и шла к зеркалу проверить, так ли всё, как ей надобно. И почти всегда было всё хорошо. И теперь она проснулась от колоколов и, едва потянувшись под жаркой периной, сразу стала менять себя, чуть приподнимая перину, чтобы ещё видеть изменения. Ей нравилось смотреть, как грудь, живот и бёдра становятся другими прямо на глазах. И ничего, что от этого у неё была ломота по телу, словно от вчерашней тяжкой работы, это с утра всегда так, сейчас ломота утихнет, как только тело её закончит меняться.

Агнес наконец откидывает перину и вылазит из кровати. Ох, как хорошо ей сейчас, она опять потягивается, новая её грудь, не в пример её настоящей груди, покачивается, вздрагивает манящей тяжестью при каждом шаге. Она босая подходит к зеркалу, осматривает себя с ног до головы. Хороша, придраться не к чему, так хороша, сама бы такую возжелала. Ну, разве что волос погуще внизу живота себе сделать.

А колокола, что разбудили её, всё звонят и звонят. Агнес смотрит на дверь:

— Ута!

Она ждёт, но никто ей не отвечает. Тогда девушка идёт к двери, отворяет её и кричит грозно:

— Ута! Где ты?

— Тут, тут, госпожа, — снизу, с лестницы, доносится испуганный голос и тяжёлое топанье, — рубаху вам готовила свежую.

Прибежала запыхавшаяся, поклонилась.

— Отчего колокола бьют, праздник какой? Так я не помню никаких праздников, — Агнес все праздники знает. До рождества ещё несколько дней, а других праздников нет сейчас.

Ута таращит свои коровьи глаза. Она не знает, почему всё утро в городе на всех колокольнях звонят колокола. Конечно, откуда этой дуре дебелой знать.

— Не знаю, госпожа, — наконец отвечает служанка.

— Ты никогда ничего не знаешь, собака ты глупая, — говорит без всякой злости Агнес.

— Пойти узнать? — спрашивает служанка.

— Иди уже, — говорит девушка, — но сначала одежду подготовь.

Ута, топая по лестнице, сбегает вниз, и Агнес идёт вслед за ней. Как была босая, нагая и простоволосая, так и выходит к большому столу. Тут тепло, у плиты суетится горбунья Зельда. Она поздоровалась с госпожой. Конюх Игнатий сразу ушёл, то ли в людскую, то ли на конюшню, он никогда тут не оставался, если появлялась госпожа.

— Что госпожа желает? — спросила горбунья. — Вчерашний заяц, печёный в горшке, остался. Есть яйца варёные, колбаски, можно бекона пожарить, хлебец свежайший булочник принёс.

Агнес ещё не знала, что она хочет. Девицу некому было одёрнуть, и села она так, как совсем сидеть девушке не подобает. Развалилась сама на подушках, что были на стуле, а ногу одну положила на подлокотник стула, сидела, кудри свои роскошные на палец наматывала. И сказала:

— А пряник у тебя есть?

— Есть, госпожа, — спокойно отвечала Зельда, её в поведении госпожи уже давно ничего не удивляло. Ни изменения в облике, ни странные занятия наверху, ни то, что юная дева по дому нагая ходит. Зельда давно поняла, с кем имеет дело, ещё с тех самых пор, как юная госпожа, ещё почти девочка, заставила её искать себе мандрагору. Так что пусть она сидит в своём доме как хочет. — Велите подать пряник?

— Ну подай, — отвечала Агнес так, словно Зельда её уговаривала этот пряник взять.

Кухарка налила в красивую миску молока, которое совсем недавно принёс молочник, взяла молока с самого верха, самого жирного. И достала четверть пряника, что делал пряничник Ланна. Кусок был величиной с ладонь взрослого мужчины. Раньше госпожа нипочём бы такой не съела, но с тех пор, как она всё время меняла облик, стала девушка есть едва ли не вдвое больше прежнего.

Горбунья поставила миску перед госпожой и положила твёрдый пряник краем в молоко, чтобы размокал:

— Ещё что-нибудь пожелаете?

— Отчего колокола бьют, знаешь? — спросила Агнес.

— Нет, госпожа, ни молочник, ни булочник тоже не знали, — отвечала кухарка.

Наконец Агнес опустила ногу с подлокотника и схватила

пряник из миски. Стала его есть, пряник ещё в молоке не размок как следует, так она его грызла белыми своими зубами.

Зельде нравился аппетит госпожи в последнее время. Не зря она старалась и готовила. Госпожа ела всё, ела много, ела с удовольствием. И иногда, хорошо поев, девушка говорила ей:

— Ох, накормила, накормила. Как буду варить зелье, что мужчин привлекает, отолью тебе немного.

Зельда отвечала ей:

— Да я и так вам, госпожа, готовить рада.

А сама краснела и очень надеялась, что госпожа своих слов не забудет. Очень горбунье нравилось это зелье.

Пришла Ута, раскраснелась, глаза вытаращены, видно, что весть её взволновала. Стоит у стола, ждёт, когда госпожа на неё внимание обратит. Видно, что вестью ей поделиться не терпится.

— Ну, — говорит Агнес, отрываясь от пряника и облизывая губы от молока. — Что за звон?

— Госпожа, не поверите, колокола звонят в честь вашего дядюшки.

— Что? — Агнес поначалу даже не поняла, о чём речь идёт. — Какого ещё дядюшки?

— Иероним Фолькоф, Рыцарь Божий, в далёких землях побил горных еретиков, о чём всем добрым людям, что чтят Святую Матерь Церковь, знать надобно, сейчас во всех храмах читают за здравие ему.

Агнес бросила твёрдый ещё пряник в миску и спросила с удивлением:

— Что? Что ты там несёшь, корова ты говорящая?

— Да мне остиарий нашей церкви сам сказал, — продолжала Ута на удивление уверенно, — Иероним Фолькоф, Рыцарь Божий, бил еретиков горных, в честь него и звонят.

— Одеваться мне подавай, — сразу сказала девушка, вставая из-за стола. — Одежду для старого обличия.

Теперь ей нужно было вернуть свой настоящий вид. Она подумала, что могут быть к ней гости.

Вернуть свой вид — это было совсем легко, нужно просто себя не «держать», и ты из темноволосой высокой красавицы, переполненной красотой и жизнью, возвращаешься в свой обычный вид мелкорослой, худосочной девицы с обычным лицом, тощими бёдрами и лобком с редкими серыми волосиками.

Она взбежала вверх, к зеркалу. Пока бежала, превратилась в себя настоящую. Стала у зеркала, губы скривила. Ну уж нет. Это невыносимо. После полногрудой и крутобёдрой «Агнес» настоящая Агнес мышью серой кажется.

И тогда стала себя править, чтобы похоже было на настоящую

Агнес, но и так, чтобы поярче быть. Постояла немного, повертелась перед зеркалом, всё в меру, что и лик её остался, и красоты прибавилось. Вроде и она, а вроде и милее вышла. И губы полнее, нос красивее, рост выше, не удержалась, волос, бёдер и груди прибавила. Ладно, пойдёт, остальное помадами и румянами пририсует.

Пока одевалась, поняла, что для вида этого платье её маловато и грудь наружу лезет, а ещё коротковато стало. Ох, на все её виды платьев не напасёшься. Снова подошла к зеркалу. Ну ничего, зато хороша. Хорошо, что грудь такую сделала, она сразу в глаза бросается. Пока делала себя да одевалась — устала, есть захотела.

Как только вниз спустилась, как только сказала Зельде колбасы жареной себе подать, так пришёл кучер Игнатий и сказал, что у ворот стоит банкир, хозяин дома, спрашивает, примет ли она его.

— Молодой или старый? — спросила она.

— Молодой, госпожа, — ответил Игнатий.

Это хорошо, что молодой. Это Энрике Ренальди, роскошный и утончённый, всегда прекрасно одетый и обходительный старший сын главы банковского дома Ренальди и Кальяри. Молодым его можно было считать отчасти, ему уж было за тридцать пять лет, но на фоне седого шестидесятилетнего старика Кальяри он был молод.

Кальяри она не любила за то, что тот никогда не разговаривал с ней про кавалера, не называл его «ваш дядюшка». Видно, знал старый мерзавец, что Агнес рыцарю никакая не племянница. А вот обходительный и утончённый Ренальди всегда упоминал рыцаря не иначе, как её дядю. И поэтому она была рада ему, а не противному старикану.

— Зови, — сказала Агнес, вставая и идя к двери.

Её никто этому не учил, но она знала, что важных гостей нужно встречать на пороге дома, а не сидя за столом.

— Ах, как вы похорошели, юная госпожа, — банкир снял берет и кланялся ей.

От него пахло духами, а пышным кружевам, что торчали из ворота расшитого колета, позавидовали бы все модницы Ланна. Явно кружева были не местные, как и приталенная шуба, обшитая синим атласом.

— Рада вас видеть, господин Ренальди, в добром здравии, как ваша жена, как дети, не хворают ли? — Агнес протянула ему руку.

— Слава Богу, слава Богу, — говорил банкир, беря её руку своею рукой, что была затянута в дорогую перчатку из тончайшей

чёрной замши. Он целовал её руку. — Все мои домочадцы здоровы. Надеюсь, и вы во здравии.

— Я тоже здорова, — отвечала Агнес. — Прошу вас к столу. Велите подать вам завтрак?

— Нет-нет, — отвечал банкир, присаживаясь, — только глоток вина.

Зельда кинулась исполнять его волю, не дожидаясь приказа госпожи. Ута стояла в дверях, прячась за косяком и стараясь услышать господский разговор.

Агнес уселась на своё место, и вся была во внимании.

— Рад был слышать, что дядюшка ваш опять прославился, опять по всем честным землям славят победу его, — начал Ренальди.

— Дядюшка мой в стремлениях своих непреклонен и неутомим, и в вере своей твёрд, посему Господь ведёт его, — с гордостью за «свою» фамилию говорила Агнес.

— Истинно так, истинно так, — кивал банкир, снимая перчатку и беря принесённое ему вино. — Мы знаем о силе веры вашего дядюшки, люди со слабой верой из тех проклятых мест, откуда он возвращался с победами, вовсе не возвращаются.

Девушка согласно кивала.

— Мы, дом Кальяри и Ренальди, — продолжал банкир, — хотим выразить свою благодарность рыцарю за подвиги его и за славу, что он несёт оружием своим Матери Церкви, и в благодарность за это сделать для фамилии его посильный приз.

Агнес любила призы и очень хотела знать, что за приз для «её» фамилии учредили банкиры. Но на лице её и намёка на любопытство не было. Только вежливая улыбка.

— Мы решили не взымать плату за аренду дома за следующий месяц, — сказал Ренальди.

«Всего-то? Пять талеров? — подумала Агнес. — Впрочем, и то хорошо, денег-то у меня совсем немного осталось, но могли бы и на пару месяцев освободить от уплаты».

Но лицо её не выразило ни единого чувства, всё так же было спокойно. И она сказала ему:

— Хоть дядюшка и не оставляет меня вниманием своим, хоть и нет для меня в том нужды, но приз ваш я принимаю с радостью. Спасибо вам, господин Ренальди.

Тут банкир полез к себе в шубу и достал красивую бархатную тряпицу, красный бархат он положил на стол, рядом с тарелкой Агнес.

— Это вам лично, юная госпожа, — сказал он с улыбкой.

Агнес очень хотелось знать, что там, аж ладошки зачесались, но вида она опять не подавала, не к лицу ей, девице из славной

фамилии, волноваться и суетиться, тряпицу она не тронула и пальцем, а спросила:

— И что же там?

— Прошу вас взглянуть на эту чудную вещицу, — сказал банкир и, видя, что девушка не разворачивает тряпицу, развернул сам, — это работа одного из лучших мастеров, что сейчас живы, это работа Пауло Гвидиче.

На бархате лежал и вправду удивительной красоты серебряный браслет с золотыми подвесками в виде святых ликов.

Ах, как он был хорош. И несомненно, он был ей впору.

— Прошу вас, юная госпожа, примерьте, — ласково говорил Ренальди.

Агнес надо было сначала вежливо поблагодарить, но не выдержала, схватила браслет и, чуть-чуть осмотрев, начала его приспосабливать к левой руке, а Ренальди вскочил и стал ей помогать с застёжкой.

Да, браслетка с изображениями ликов святых была великолепной. И маленькие золотые иконы так красиво свешивались и болтались с лёгким позвякиванием, что хотелось трясти и трясти рукой. Девушка улыбалась и была весьма довольна подарком.

Видя, что застёжка крепка, а подарок произвёл должное впечатление, банкир сел на свой стул, отпил вина и вкрадчиво заговорил:

— Юная госпожа, вы молоды и красивы, не буду ли я дерзок, если поинтересуюсь о ваших привязанностях.

— Что? — Агнес подняла руку и потрясла ею, с улыбкою глядя на браслет. — Что вас интересует, господин Ренальди?

— Вы молоды, и не только я хотел бы знать, не занято ли ваше сердце? Есть ли кто- нибудь, кто претендует на него?

— Отчего же вы спрашиваете меня об этом? — удивилась Агнес.

— Оттого, что вы уже давно в тех годах, — он взглянул на неё и несомненно заметил, что её платье в груди ей уже мало, — когда юным девам пора подумать о спутнике, с которым они пройдут путь, отпущенный им Господом.

Агнес поняла, о чём он, и теперь смотрела на него ещё более удивлённо:

— Так разве вы, господин Ренальди, не женаты?

— Ах, что вы, — банкир засмеялся, — конечно же, я женат, речь идёт не обо мне, просто моему третьему сыну в нынешнем году исполнится пятнадцать, и поэтому и я, и мой отец, и мой дядя — все интересуются, не свободно ли ваше сердце, не может ли мой сын стать претендентом на вашу руку?

Агнес от такой неожиданности растерялась и даже разозлилась немного, видно от этого, чуть помолчав, сказала немного резко:

— Девушки нашей семьи сами себе женихов не выбирают. Вам нужно с дядей моим говорить, как он решит, так и будет.

— Да-да, — кивал банкир, — в этом мы не сомневались, просто хотели узнать, нет ли у вас каких предпочтений, прежде чем писать вашему дядюшке.

— У меня никаких предпочтений нет. И сердце моё никем не занято, — говорила Агнес строго. — И я, хоть и живу одна, но держу себя в божьем и праведном целомудрии.

— Да, да, да, — понимающе кивал банкир, — ни секунды в этом мы не сомневались.

— И коли вам надобна рука моя, так говорите с дядей, если же он решит, что ваш сын для меня хорошая партия, так тому и быть.

— Я понял, понял, — говорил банкир. — А когда дядя ваш намеревается быть в Ланне?

— То мне не ведомо, но знаю я, что дядя ведёт войну, думаю, что вскорости его тут не будет.

Отчего-то тут девушке вдруг стало даже обидно. И вправду, сколько писем господин написал ей за всё время? Сколько весточек присылал? Один раз приезжал Максимилиан да один раз этот противный одноногий Роха. Большего она и припомнить не смогла.

И о его победах узнаёт она вот так, как сейчас — от посторонних людей да через церковные колокола. А Брунхильда, кобыла эта, графиня из свинарника, всё знает. Она во дворце живёт и с господином уж связь имеет. Это он её в графини пристроил, не иначе. Девушка вздохнула. Что ж, значит, ей самой придётся себе дворец подыскивать, уж ей никто помогать не будет.

— Госпожа Агнес, — вернул её внимание банкир, — коли вам будет угодно, то мы рады будем видеть вас у нас на ужине послезавтра.

— Послезавтра? — спросила девушка. Она взглянула на мужчину. Да, никто ей дворца не подарит, всё придётся ей делать самой. Да и захотелось ей взглянуть на того, кого ей прочат в женихи. — Послезавтра я буду у вас.

— Прекрасно, — Энрике Ренальди улыбался, — дом Ренальди будет ждать вас.

— Господин Ренальди, а знакомы вы с епископом Бернардом? — вдруг спросила девушка.

Банкир даже растерялся, видно, совсем он не был готов к

такому вопросу:

— С Бернардом?

— Да, с настоятелем храма Святого Николая угодника, знакомы?

— Да, знаком, — наконец произнёс Ренальди.

Агнес в словах банкира почувствовала удивление и даже замешательство, но это её не останавливало. Агнес кое-что прознала про епископа, но то были слухи, ей хотелось знать, насколько они правдивы:

— Говорят, сей святой отец преуспел в теологических знаниях и знаменит острым умом своим.

— Заменит умом своим? — тут банкир даже осмелился улыбнуться.

— Да, — уверенно продолжала девушка, несмотря на его усмешки. — И он настолько твёрд перед грехами и соблазнами, что ему доверили патронат и прецепториат над женским монастырём кармелиток, что находится тут, в Ланне.

— А, ну, это так, это так, я слыхал об этом, — стал серьёзен банкир.

— Сможете ли вы представить меня святому отцу? — спросила Агнес.

— Конечно, буду рад служить вам, — отвечал Ренальди.

— А я буду вам признательна, — произнесла девушка с учтивой улыбкой. — И обязательно буду у вас на ужине послезавтра.

— Мы будем тому очень рады, молодая госпожа, — банкир встал и начал кланяться.

Когда он ушёл, Агнес вдруг стало ещё печальнее. Нет, не из-за дворца, а из-за того, что у неё и платьев-то хороших идти в свет не было. Было одно, так его уже весь город видел, да и подол на нём обтрепался. И ещё при новом росте, который ей теперь нравился, платье то ещё и коротко ей было. И главное — денег, денег у неё было мало, совсем мало. А кобылица Брунхильда в замке живёт, графиня! И платьев у неё уйма, и всего у неё уйма. Агнес тут стало себя жалко. Захотелось плакать. Так захотелось, что едва сдержала слёзы. И она поняла, кто за все её беды ответит:

— Ута, корова дебелая, сюда ступай.

— Да, госпожа, — появилась в дверях служанка, она уже по тону хозяйки знала, что надобно ждать беды.

— Я тебе велела у платья золотистого подол обметать, ты сделала, или я как холопка буду и дальше с нитками на подоле ходить? — спокойно и медленно говорила Агнес.

От этого спокойствия похолодела спина у служанки, она

знала, чем обернётся это спокойствие.

— Так вы то платье не снимаете, госпожа, — лепетала Ута, — я так думала, как постираем его, так я подол и обметаю.

— Думала ты? — спросила Агнес с улыбкой и встала из кресла. — Подойди-ка ко мне.

— Госпожа, — захныкала большая Ута.

— Сюда, я сказала! — взвизгнула Агнес.

Глава 9

Всё возвращается на круги своя. Ночью вода в лужах замёрзла, глина тоже. А к утру, хоть и солнце взошло, всё равно не потеплело.

Лужи — лёд. На глине сверху ледяная корка. Слава Богу, что перед походом на горцев Максимилиан расстарался, привёз кузнеца, и всех коней перековали на зимние подковы. С летними сейчас было бы плохо.

Пальцы мёрзнут в перчатках. Он берёт поводья в левую руку, правую прячет в шубу, чтобы отогреть. Хорошо, что Бригитт дала ему каль, лёгкую шапочку с тесёмками под берет, а он ещё брать не хотел стариковскую одежду, а теперь благодарен был этой рыжей красавице. Ветер с проклятых гор заливает всё холодом, а берет у него не для тепла, для красоты. Каль выручает.

С юга опять всё дул и дул ветер. Южный ветер тёплый? Нет, никогда ветер с гор не бывает тёплым. Хоть кругом заросли кустарника, вроде ветру и разгуляться негде, а всё равно всё вымораживает вокруг. Не прошло и часа, они ещё до лачуги монаха не доехали, а в ноге начались прострелы. Нет, боль в старой ране может утихнуть, но никогда уже не пройдёт окончательно. Вот она и вернулась. Волков трёт ногу выше колена, на мгновение боль отступает. Но только на мгновение, потом опять вернётся и будет изводить до конца поездки.

Он едет дальше. За ним брат Ипполит на низеньком мерине, с ним же едет и Максимилиан, и молодой Гренер, и красавиц фон Клаузевиц, и Увалень. Хотел ещё взять Сыча, у того глаз на людей есть, он их видит, но Фриц Ламме ещё не отошёл от тюрьмы, не отъелся. Худой, беззубый, взгляд ещё какой-то загнанный. Пусть пока дома посидит.

Дверь у лачуги открыта, её перекосило, даже ветром не шатает.

Максимилиан, не слезая с коня, заглядывает внутрь:

— А клетки-то нет уже.

Клетка у монаха была из железа. Железо — вещь недешёвая. Клетка ещё и с замком была. Конечно, утащили её. Те же люди Рене и Бертье её и унесли, до поля, на котором они растили рожь, отсюда всего час ходьбы.

— Бог с ней, с клеткой, поедем дальше, нам ещё три часа до замка барона скакать, — сказал Волков.

Никто ему не возражал.

Зря он скакал по холоду, зря ногу морозил. В замок их не пустили, даже ворот не распахнули. Заставили ждать на ветру. Ни

вина, ни хлеба не предложили людям с дороги. То было невежливо. Но Волков стерпел, понимая, что барону сейчас не до визитов.

Стражник вышел из ворот, забрал мешок с доспехами барона и сказал:

— Господин сейчас к вам спустится.

— Господин? — не понял Волков. — Барон к нам спустится?

— Нет, не барон, к нам пожаловал господин Верлингер, дядя барона из Вильбурга. Он велел передать, что к вам выйдет, как только поговорит с доктором.

Сказав это, солдат взвалил мешок на плечо и скрылся в воротах замка, а кавалер и его люди остались у ворот, на ветру. Опять пришлось ждать у закрытых дверей.

Ждать пришлось долго, в замке словно ждали, что они замёрзнут, что им надоест и они уберутся прочь. Но Волков ехал сюда четыре часа и уезжать, ничего не выяснив, не собирался. Он спешился и ходил не спеша, прятался в шубу, поднимая воротник, и «расхаживал» ногу, надеясь, что та перестанет ныть.

Наконец тяжёлая створка ворот, скрипнув, отворилась, и к ним вышел немолодой господин, был он бледен и кутался в одежды от ветра.

— Господин Фолькоф?

— Господин Верлингер?

Они раскланялись, и пожилой господин заговорил:

— Фамилия Балль признательна вам за вашу заботу, кавалер. И наша фамилия горда тем, что представитель её имел честь плечом к плечу с вами и другими добрыми господами нашей земли участвовать в столь знаменитом деле, что было у холмов.

— И я рад, что в трудную минуту член вашей славной фамилии пришёл мне на помощь, — произнёс Волков. — Как самочувствие барона?

— Он тяжек, — сухо ответил дядя барона.

— А смогу ли я с ним поговорить? Прискорбный случай, что приключился с кавалером Рёдлем, был на моей земле. И на мне, как на господине той земли, лежит ответственность за случившееся.

Господин Верлингер скривился, он мотнул головой, демонстрируя отказ:

— Сие невозможно. Барон чаще бывает в беспамятстве, чем в чувствах.

— У него жар? Наконечник болта удалили? — проявлял заинтересованность кавалер.

— Да, наконечник болта удалён, — явно нехотя говорил господин Верлингер. — И у него жар, рана воспалена.

— Со мною отличный врач, — продолжал Волков. — Он может осмотреть рану.

— Я благодарен вам, кавалер, но у нас тоже врач не из последних, — заносчиво отвечал дядя барона.

Дальше предлагать что-либо или просить о встрече было бы невежливым, но вот задать пару вопросов он ещё мог:

— Господин Верлингер, а как же барон вернулся сам в замок со столь тяжкой раной? Они с кавалером Рёдлем уехали вдвоём, кавалера Рёдля мы нашли без головы, голову так и вовсе не сыскали, хоть искали два дня. Доспехи барона нашли. А сам он как-то добрался до замка.

— Приехал, — сухо отвечал Верлингер, — сам приехал, вы тут человек новый, видно, того не знаете, но барон был известен всем как самый крепкий человек графства.

— А про кавалера Рёдля ничего сказать он не успел?

— Нет, — ответил Верлингер тем тоном, которым люди обычно желают закончить разговор.

Дальше говорить смысла не было:

— Ещё раз выражаю вашему дому мою благодарность, — произнёс Волков, чуть кланяясь, — все мы будем молиться за скорейшее выздоровление барона. И о том же я буду просить и епископа Малена.

— Дом Баллей принимает вашу благодарность не как вежливость, а как дружбу, — важно сказал дядя барона.

На этом всё было закончено, дело вышло пустое. По сути, он мог отправить солдата с телегой, в которой бы тот привёз в замок доспехи барона. Смысла тащиться в эту даль самому у него почти не было.

Ну разве что на обратном пути, когда они проезжали мимо кузницы, его догнал сам кузнец Волинг и просил разрешения говорить:

— Говори, — разрешил Волков, останавливая коня.

— Господин, дозвольте узнать, будет ли у вас в Эшбахте место для моей кузни?

— Ты, что, хочешь переехать в мою землю? — удивился кавалер.

— А что же, — говорил кузнец, ничуть не смущаясь и не понимая удивления рыцаря, — народу у вас много, купчишки через вас поехали, говорят, пристань ставите, а на пристани уже корзины с углём стоят. И солдаты у вас живут, без дела не останусь.

— Неужели у тебя тут мало работы? — не верил Волков.

— И работы тут мало, и уголь покупаю втридорога, — кузнец Волинг сделал паузу и потом прибавил с опаской, — да и жить

что-то тут совсем стало страшно.

— Страшно? Отчего же?

— Да как же отчего?! Мужики из замка говорили, что кавалера Рёдля без головы привезли, а голова у него была не отрублена. Говорят, то зверь опять озорничал. А разве вы о том не знаете?

Волков молчал, просто смотрел на кузнеца, и тот, не дождавшись ответа, продолжал:

— Вот я и думаю, если благородных людей зверь кушать надумал, то что уж нам, простым, остаётся. Так что прошу у вас разрешения кузню к вам привезти. А чтобы звоном вас не беспокоить, я её поставлю у края Эшбахта, на выезде к реке.

— Нет, не дозволяю, — нехотя сказал Волков.

— Не дозволяете? — искренне удивился кузнец. — Я же кузнец, а кузнец очень в хозяйстве полезен. Я даже готов вам деньгу платить, какую оговорим за аренду земельки.

Волков уже повернул коня и поехал, а Волинг что-то ещё говорил, в чём-то его ещё убеждал.

Конечно, кузнец был прав. Он мог бы приносить Эшбахту большую пользу, и кавалер сам думал найти себе кузнеца или перевезти своего из Ланна. Вот только не мог он у другого господина из земли уводить мастера. Ни мужика, ни бондаря, ни пивовара, ни сыровара, ни кожевенника уводить у соседа нельзя. А тем более нельзя уводить кузнеца. Иначе прослывёшь соседом недобрым.

А уж уводить мастера из земли того, кто пришёл к тебе на помощь в трудную минуту, так ещё и нечестным прослывёшь и неблагодарным.

Они вернулись к вечеру замёрзшие, уставшие и очень голодные. А ещё и злые, так как ничего не смогли выяснить. Во всяком случае, Волков был зол. А как вошёл в дом, увидал мальчишку лет четырнадцати, был он одет в цвета дома Маленов и разговаривал он с женой его. Сразу кавалер подумал, что гонца прислали к ней из дома. Не к добру это было, ему это не нравилось.

— От графа? — спросил он у Бригитт, которая вышла снимать с него шубу.

— От графини, — ответила та, забирая шубу, — привёз письмо, никому взглянуть не даёт, говорит, что только вам в руки даст.

Волков вошёл в комнаты, поклонился жене и сразу отвёл юношу в сторону:

— Кто вы такой?

— Меня зовут Теодор Бренхофер. С соизволения графа

Малена назначен пажом графини Мален, — говорил юноша со всей возможной важностью. — Надеюсь, вы — господин Эшбахт, брат графини?

— Да. Давайте письмо, я Эшбахт, я брат графини.

Юноша достал из-под колета бумагу с сургучом, протянул её Волкову:

— Извольте.

Кавалер тут же сломал сургуч, подошёл к подсвечнику, графиня писала плохо, неровно и с ошибками, письмо явно давалось ей с трудом, но это была её рука, видно, никого не решалась просить помочь ей в написании. Он стал читать:

«Брат мой и господин мой, дворовые были рады, как услыхали, что безбожных горцев вы сильно побили. От них я о победе вашей узнала, а не от мужа и родственников, но молодой граф настрого запретил дворовым и слугам о ваших победах говорить и им радоваться, злился от этого. А ещё я однажды слышала, что ругал он вас псом бездомным и безродным, поповским прихвостнем. Говорил, что от вас одна в земле суета ненужная, что герцог слаб, раз вас придержать не может. Но я вас с победой поздравляю и очень горжусь таким братом. И руки вам целую.

А со вчерашнего дня во дворец мужа моего съезжались разные господа со всего графства, собирал их молодой граф. И на собрание они звали мужа моего. О чём было собрание, они не говорили, держали в тайне, только пытая мужа, я узнала, сказал он, сильно нехотя, что говорили они о вас. Говорили, что вы не их, а чужой и что война с горцами никому не нужна, что победами этими вы кичиться будете, что человек вы бесчестный, так как они говорят, что Шоуберга убили нечестно и поступили с ним плохо и зло.

И многие говорили, что за то, как вы обошлись с Шоубергом, вас нужно звать на суд дворянской чести.

И порешили, что позовут. На днях пошлют к вам гонцов. Только вы не езжайте, так как решено вас там схватить и выдать на суд герцогу Ребенрее…»

Волков оторвался от письма: «Ах, Брунхильда, моя ты умница, не зря я тебя сосватал за графа, не зря».

«А у меня без вас, брат мой, всё плохо, слуги со мной обращаются дурно, иной раз простыни мокрые на постели менять не идут, хоть зову их и зову, ужины и обеды мне в мои покои не подают, как я ни прошу, только когда муж на них прикрикнет, да и то мужа моего по старости бояться совсем перестали. Все теперь слушаются молодого графа, а он мне не друг. Не любит меня, при всех, когда мужа моего нет, ругает глупой. А вчера, когда я к

обеду не успела, мне от бремени дурно было, так они есть стали без меня, а когда я пришла, так сноха моя, жена среднего сына моего мужа, вскочила из-за стола, сказала, что от меня её тошнит и что я невыносима, и выбежала. А муж мой молчал. За меня не заступался и не бранил её, уже и сил у него нет на это, а они этим и пользуются. И уже верховодит всем молодой граф, иной раз мужа моего не зовёт за советом, а сам всё решает. А когда встречает меня в замке, так делает вид, что меня не видит, словно я дух бестелесный. И так я живу изо дня в день, и только в муже и в мыслях о вас утешение нахожу. А тяжесть моя уже велика, уповаю на Матерь божью, что разрешусь к февралю или чуть позже, и, ежели решит Господь, то вам к февралю племянник или племянница будет. Повитуха сказала, что мальчик, она по чреву моему так решила. Поди врёт, она стара, уже и из ума, кажется, выжила. Но в феврале всяк узнаем, если, конечно, не сживут меня со света родственнички мои. Целую ваши руки и молю Господа, чтобы увидеть вас, но в замок к нам не приезжайте, тут вас беда ждать будет. А мальчику можете доверять, он единственный, кто меня тут в замке жалеет.

Графиня Брунхильда фон Мален».

Глава 10

У Волкова кулаки сжались так, что скомкал он письмо, захлестнула его такая злоба, что аж вздохнуть было невмоготу. Пришлось даже на стену рукой опереться. Мальчишка- паж, что стоял рядом, был ни жив ни мёртв, шевелиться боялся, видя, как лицо кавалера становилось белым, когда он чтение заканчивал. Лютая ненависть клокотала в груди кавалера, заливала его злобой до самой макушки. Всех! Всех холопов, что нашёл бы в замке, всех бил бы, и не руками бил, а кол взял бы, выбивал из быдла всю их спесь вместе с поганой их требухой, а самых злобных и заносчивых, тех, что больше всех донимали его Брунхильду, так с крепостной стены кидал бы в ров. И родственничкам не спустил бы, пусть они самые благородные. Уж поганое семя Маленов не простил бы, а ту дуру, сноху, что своё бабье небрежение его Брунхильде так открыто выказывала, так солдатам отдал бы. Уж потешились бы солдаты благородным мясом.

И вправду, ему двух сотен солдат хватило бы, чтобы взять замок графа. Замок этот скорее для красоты, чем для войны. Его полукартауна любую стену замка за день развалит. Только пожелай он, и все получат по заслугам. Да вот желать он этого не будет. Не поведёт солдат, не потащит к замку пушки. Нет. Хоть и кипела в нём ещё кровь, хладный его ум уже брал своё. Он думал и думал, что ему делать. И казалось бы, что тут сделать можно, когда, несмотря на победы твои, местная земельная знать тебя и близко своим считать не желает, а желает расправы над тобой, хоть не своими руками, так руками сеньора?

«Оскалились волки, и граф молодой их предводитель. Выскочкой меня прозывают, псом безродным, не по нраву я им. Боятся моих побед, горцев боятся, что горцы придут и в их наделы, что силен я, сильнее любого из них, всё это им не по нутру».

А разве по-другому быть могло? Конечно нет, и Волков понимал это. И чтобы выжить тут, чтобы не пасть в бою с горцами, в застенках курфюрста не очутиться, ему нужно быть ещё сильнее, ещё хитрее. И, как это ни странно, но ситуация с Брунхильдой и с её притеснениями в замке графа была ему на руку.

Юный паж уже устал ожидать, когда кавалер наконец прекратит скрипеть зубами от злобы и что-нибудь скажет ему. И Волков разжал кулак со скомканным письмом и заговорил:

— Графиня пишет, что я могу вам доверять.

— Графиня добра ко мне, я буду служить ей и старому графу, как должно, — важно отвечал Теодор Бренхофер. — Соизволите ли писать ответ?

— Нет, на словах передадите. Запомните слова мои.

Юноша понимающе кивнул.

— Госпоже графине скажите, что беды её я принимаю как свои, что найду способ за всё взыскать с её обидчиков.

— Беды её вы принимаете как свои, — кивнул паж. — И за всё взыщете с обидчиков.

— И ещё скажите, чтобы держалась как могла, ибо до февраля не так много времени осталось. Рождество, и вот он уже февраль. Скажите, что родить ей лучше в доме мужа. А уж как родит и в приходской книге запишет чадо, так можно будет и сюда уезжать, тут ей спокойнее будет.

— Я это запомнил, — кивал мальчишка. — Родить ей лучше в доме мужа, а потом и сюда в Эшбахт переезжать можно будет.

— Ещё скажите, что спасла она меня, предупредив о подлости, что она любимая моя сестра и что я как никто другой жду своего племянника.

— И это я запомню.

Волков достал два талера, один протянул пажу:

— Ничего не забудьте, передайте всё, как я сказал.

— Не волнуйтесь, кавалер, всё передам, — обещал паж, принимая монету с поклоном.

— Берегите графиню, — продолжал Волков, протягивая ему второй талер, — и за каждую неделю я вам буду ещё платить по монете. Будьте настороже. Если вы увидите, что госпоже графине угрожает опасность, так хватайте её и везите сюда немедля.

— Я всё исполню, как вам нужно, я не брошу графиню в беде.

— Скажите, а старый граф совсем уже без сил?

— Господин граф стал засыпать на обеде, — только и ответил паж.

Да, Брунхильда оставалась почти одна в окружении злых людей, мальчишка-паж и старый муж были не в счёт. Но ей нужно было прожить там всего полтора месяца. Всего полтора месяца до родов.

— Умеете этим пользоваться? — спросил он у пажа, прикоснувшись к рукояти кинжала, что висел у того на поясе.

— Я брал несколько уроков, — уверенно сказал Теодор Бренхофер. — И ещё я часто хожу в гимнастический зал смотреть, как господа упражняются.

Волков вздохнул:

— Не отходите от графини. Будьте при ней, даже когда она идёт в дамскую комнату. Стойте у двери. Её жизнь и жизнь её

чада в ваших руках.

— Я понимаю это, кавалер.

Что Волков мог ещё сделать для Брунхильды? Да почти ничего, он мог её, конечно, забрать к себе, но тогда права графини и её ребёнка, рождённого ею вне дома, легко можно будет оспаривать. Старый граф умрёт, и зная, кому принадлежит суд в графстве, нетрудно будет догадаться, что графине и её ребенку будет очень непросто претендовать на поместье, обещанное ей по брачному договору в случае смерти графа.

— Берегите графиню, — в который раз повторил Волков, — сейчас идите в бревенчатый дом на холме, там живут господа из моего выезда, переночуйте там, а завтра на рассвете езжайте в замок. И будьте при ней неотлучно.

— Я так и сделаю, — обещал паж.

Он ушёл, а кавалер вернулся в обеденную залу, где за столом сидели Бригитт и Элеонора Августа. Они ужинали. Кавалер посмотрел на жену, а та по глупости своей ещё и мину кислую скорчила. Отвернулась, ему своё пренебрежение демонстрируя. Его от этого вида её высокомерного аж передёрнуло. Не сгори в нём вся злоба ещё недавно, так не сдержался бы он, схватил бы он это семя поганого рода Маленов за лицо своими железными пальцами и давил бы, пока её челюсть не хрустнула бы под ними. Но теперь он был холоден. Всё желание ладить с женой, что появилось в нем недавно, исчезло. Он ничего ей не сказал, но в эту ночь не пошёл ночевать в её покои, чему Бригитт была рада.

Он думал к себе Ёгана позвать, узнать, как дела, так тот на следующее утро сам пришёл. Пришёл спозаранку, на дворе ещё темень была, ещё петухи орали, девки гремели вёдрами, шли на утреннюю дойку, а он уже сидел в прихожей. Волков впустил его, ещё не закончив завтрака. Хмурый он был, весь в делах непроходящих и заботах. Рассказал, что глупое мужичьё то ли зимы такой холодной не знало, то ли скотины у него никогда не было, скотине в морозы нужно подстилку из соломы делать, иначе она за ночь так промерзает, что не вся утром подняться может на ноги, в общем, нужно коновала в Эшбахт звать, так как скоту, что мужичью господин раздал, лечение нужно. Ещё говорил, что озимых хороших не будет, так как снега нет, а мороз землю вымораживает:

— Говорил дуракам, говорил, что глубже пахать нужно, а они: «Мы уже век пашем на ладонь, и ничего, всё хорошо было». А оно вон как развернулось, теперь дураки затылки чешут.

Волков его не перебивал, хотя ему сейчас было совсем не до больных коров и не до помёрзших озимых. Он с утра сам не свой был всё ещё от письма Брунхильды. От того, что беременная она

среди людей, что её ненавидят, и что она там почти одна, так как муж её слаб и стар. Уповал он только на то, что ретива она всегда была и непреклонна. Может, и на сей раз выдержит. А тут Ёган со своими мёрзлыми коровами. Всё бубнит и бубнит про нерадивых и ленивых мужиков.

— Ты Брунхильду вспоминаешь? — вдруг перебил кавалер управляющего.

— О! — Ёган сделал уважительное лицо. — Оно иной раз вспоминается. Шебутная была, не то, что теперь. Теперь оно вон как… Графиня — одно слово. Да, кем была и кем стала. Вот как жизнь распорядилась.

— Сейчас она одна в замке графа, тяжко ей, — сказал Волков.

— Что? Одна? В замке? — Ёган вдруг смеётся. — Вот уж тяжесть, графиней жить в замке при дюжине слуг да при муже графе. Да при поварах, лакеях. Уж насмешили, господин. Тяжко ей.

Волков рассчитывал совсем на другие слова. Он хмурится, а Ёган по простоте своей этого не замечает, снова начинает талдычить про озимые и про то, что телеги из похода пришли все переломанные, либо колёса новые нужны, либо оси менять, ни одной целой телеги из всех, что в поход брали, нет. Что кузнеца выездного приглашать придётся, а те какую деньгу за выезд просят! И что мужики ленивы и не хотят по весне снова копать канавы для осушения прибрежных болот, а молодые господа из выезда, что живут в старом доме с попом, просят свинину каждый день, от говядины воротятся. А ещё просят овса больше, а не сена. Говорят, что кони от сена слабеют, а чего им слабеть, если с войны уже пришли и они их с тех пор ничего не седлали

Обрывать на полуслове старого знакомца кавалер не хочет, всё-таки не чужой ему, кавалер радуется, когда в покоях появляется Максимилиан с бумагой.

— Ну? — спрашивает он у молодого человека.

— Кавалер, письмо от епископа.

— Давай.

— Господин, — волнуется Ёган, понимая, что дальше господин будет заниматься другими делами, — а мои дела как решим? Что со скотом, что с телегами делать?

— Скот лечить, телеги ремонтировать, на всё деньги дам. Что с твоими озимыми делать, я не знаю, — закончил Волков. — А мужикам скажи, что если по весне нечего будет убирать, так и есть им нечего будет.

Он уже начал разворачивать конверт, но Ёган не успокаивался:

— Господин, ещё дельце есть одно.

— Говори.

— Я же детей из Рютте привёз. Жену себе в дом подыскиваю, моя-то хвороба в монастырь подалась, совсем руки у неё распухли, решили, что там ей лучше будет.

— Зато у тебя дом есть свой и дети, — ободрил Ёгана Волков.

— Есть, есть, — соглашался Ёган. — Только вот я из дома выхожу — дети спят, домой прихожу — дети опять спят.

— Так от меня-то тебе чего надобно, детей твоих мне будить, что ли? — чуть раздражается кавалер.

— Да нет же, к чему это. Я про то, что мне бы помощника завести, я думал, вот зима придёт и отдохну, хоть отосплюсь, а тут вот как всё одно за одним тащится: то война, то морозы, то скот, то телеги, то жалобы, я продыху от дел не вижу. Хозяйство-то большое.

Волков смотрит на него и уже не скрывает раздражения:

— А жалование из своего кармана платить помощнику думаешь?

— Не хотелось бы, — сразу скучно говорит Ёган.

— У меня сейчас нет лишних денег, — заканчивает Волков. — Война прибытку не даёт, только тянет из меня и тянет. Так что помощника можешь за свой счёт нанимать.

Больше он на эту тему говорить не собирался.

Кавалер разворачивает письмо и начинает читать. Ёган, чуть повздыхав, вылазит из- за стола и идёт по своим делам.

Добрый епископ пишет ему, что за два дня до рождества просит его быть в Малене в лучшем виде своём, при знамёнах и людях своих. На заре епископ хочет встретить его у ворот и с крестным ходом вести по городу, чествуя победителя. Также епископ писал, что муниципия города согласна оплатить ему для шествия барабанщиков и трубачей. Ещё будут городские ополченцы-стрелки палить в его честь из аркебуз. Порох тоже оплачивает город.

Это письмо сильно ободрило кавалера. Может, местная земельная знать и злится на него, ненавидит его за Шоуберга или ещё Бог знает за что, но пока на его стороне епископ, он будет готов к сопротивлению. Попы всегда большая сила. И своевременно пришло письмецо, вовремя.

Волков тут же просит бумагу и перо, пересказывает святому отцу всё то, что ему рассказала Брунхильда. И о том, что её притесняют в замке мужа родственники, и о том, что молодой граф собирается звать его на дворянский суд за убийство Шоуберга. И просит у епископа совета, как ему быть. Под конец Волков сообщает, что с радостью будет в Малене со своими людьми перед Рождеством, как того просит епископ.

Когда письмо было закончено, он отдаёт его Максимилиану:

— Гонец, что привёз письмо, ещё тут?

— Тут, кавалер, дожидается ответа.

— Езжайте с ним, дождитесь ответа епископа, а заодно купите красивой материи, синей и белой. На ленты сержантам, на шарфы офицерам и на сюрко для выезда моего. Знамёна у нас хороши? Не грязны, не рваны?

— Новое, большое знамя так очень хорошо, а два старых… Тоже неплохи ещё, все чистые, — говорит Максимилиан. — А что, будет шествие?

— Да, епископ готовит нам праздник, и этот праздник мне нужен. Посчитайте, сколько всего нужно материала. Мы должны там выступить во всей красе.

— Кавалер, — Максимилиан был немного встревожен, — да как же мне точно посчитать, сколько материала нужно?

Тут в обеденную залу вошла госпожа Ланге, она с утра хлопотала по дому, раздавала дворовым бабам задания и оплеухи.

За нею шла девка и несла стопку чистого постельного белья и скатертей.

— Как господа стол освободят, так тут скатерть сменишь, — негромко, чтобы не мешать Волкову, распоряжалась Бригитт, — а пока иди в мои покои, поменяй простыни и наволочки, перины взбей на улице, оставь их там, путь на морозе полежат.

— Госпожа Ланге, — окликнул её Волков.

— Да, господин мой, — Бригитт подошла быстро и сделала книксен.

Она была учтива, и намёка на то, что ещё совсем недавно она спала, обнимая господина, а её огненные волосы рассыпались по его плечам, не было. Волкову нравилось, что Бригитт не выпячивает свою с ним близость перед другими людьми его дома.

— Госпожа Ланге, — начал он, — моему знаменосцу нужна помощь.

— Вашему знаменосцу нужна помощь от женщины? — она покосилась на Максимилиана, слегка улыбаясь. — Может, мне знамя подержать?

Тот заметно покраснел, но заметно это было только ей, а Волков продолжал:

— Нет, знамени моего вам держать не нужно. Но епископ благоволит к нам и желает мне и моим людям устроить шествие перед Рождеством в Малене.

— Ах, как мудр наш епископ! — с улыбкой произнесла красавица.

— Да, мудр, мудр, — соглашался с ней кавалер, — в общем,

нужно купить ткани, синей и белой, для шарфов офицеров, для лент сержантов, для сюрко, а господин Максимилиан Брюнхвальд не большой знаток лавок и портных в городе. Не согласитесь ли вы ему помочь, Бригитт? Нужно будет съездить со знаменосцем в город и подготовиться к шествию.

— А жене вашей надобно быть с вами на шествии? — сразу спросила Бригитт.

Об этом кавалер совсем не подумал. Он понял, что правильно сделал, что обратился к госпоже Ланге.

— Коли жене надобно быть с вами, так в карете ей ехать или пешком идти? Если в карете, то нужно и карету в ваши цвета выкрасить.

И это было правильно задумано. Госпожа Эшбахт, судя по лицу её, мужа едва терпеть могла, но показать всем, что дочь графа с ним в шествии участвует, было весьма разумным. Ничего, потерпит, посидит в карете, помашет платочком городскому люду.

— Да, — после некоторого раздумья сказал он, — как хорошо, госпожа Ланге, что у меня хватило ума обратиться к вам, вы всегда всё хорошо придумываете. Значит, вы поможете моему знаменосцу?

— Конечно, и если нужно, съезжу с господином Максимилианом в город, — сказала рыжеволосая красавица, улыбаясь, как улыбаются люди, гордые собой. — Господин знаменосец, сколько нужно будет пошить сюрко, сколько офицеров будет в шествии, сколько сержантов?

Юноша растерянно уставился на Волкова, откуда он мог это знать, он ещё никогда в жизни не планировал шествия:

— Все мои офицеры, весь мой выезд и двенадцать сержантов будет достаточно, — ответил кавалер.

— А сколько нужно…, - начал было Максимилиан.

Но Волков остановил его жестом.

— Пойдёмте, Максимилиан, — произнесла Бригитт, — сами всё посчитаем. Не будем мешать господину.

Глава 11

Вскоре она велела запрягать карету, и они с Максимилианом поехали в Мален, обещая вернуться сегодня же.

Волков звал было брата Семиона. Хитрый монах, кажется, собирался с ним на войну, ходил, солдат вдохновлял, готовился. С важным видом рассуждал о том, что Бог на правой стороне. Но за все дни, что шла кампания, он ни разу не попался Волкову на глаза. Ни в обозе, ни в лагере, ни на пиру в честь победы его не было. Кавалер хотел узнать у него, где же он был всё это время. Вроде на войну вместе со всеми собирался, неужто, не веря в победу господина, убоялся гнева еретиков? Да, попов горцы не жаловали, но брат Ипполит был в войске безотлучно. А вот этот.

Как только брат Семион пожаловал, и Волков готов был уже начать с ним разговор, так из своих покоев спустилась госпожа Эшбахт. Едва кивнула мужу и монаху, хотя те ей кланялись, а муж так и вовсе из-за стола встал. И, больше не поднимая головы, молча уселась за столом с рукодельем. Стала вышивать что-то, позвав к себе одну из дворовых баб для разговора и помощи.

Говорить кавалеру сразу расхотелось, жена сидела тут с таким видом, с такой кислой миной, что какие уж тут разговоры. Она так кривила губы, что и не понять было, отчего сие происходит. Оттого, что дурно ей, оттого, что муж ей ненавистен, или оттого, что она ненавидит здесь всё. И так стало кисло от её нехорошего и тоскливого лица в обеденной зале, что, будь зимой мухи, так они бы дохнуть стали.

— Господин, так я пришёл, чтобы сказать вам, что вы хотели знать? — спросил брат Семион.

— Ничего, — зло ответил Волков, — хотел сказать, чтобы ты готовился к шествию и крестному ходу, которые нам устраивает епископ.

— Ах, как он добр…, - начал монах.

— Добр, конечно, ступай, — оборвал его кавалер. — Найди заодно Увальня, скажи, чтобы мне и себе седлал коней.

— Сейчас же, — обещал монах, кланяясь и уходя.

«Уж быстрее бы».

Очень не хотелось Волкову тут сидеть с такой «кислой» женой, которая вдруг бросила на стол рукоделие и стала рыдать, вытирая горькие слёзы платком, хоть никто поперёк ей и слова не сказал.

Монах быстренько засеменил к выходу, а за ним и кавалер поднялся.

Волков долго думал, куда ему деться. Хотел пойти в кабак

или посидеть в доме с господами из выезда, но всё это было глупо. Поэтому поехал он к реке, к амбарам, посмотреть, началось ли строительство причала, такого, какого хотели торговцы углём и лесом из Рюммикона. По сути, враги его. Заодно думал заехать к сестре, которую давно не видел, и к Брюнхвальду, все его офицеры как раз жили ближе к реке, чем к Эшбахту.

От реки сильный ветер, холодный, промозглый. А на берегу работа кипит. Мастеровые ставят столбы под навесы. Эти навесы для леса, кажется. А лес из кантона Брегген, с которым он воюет. Война войной, а торговля должна идти. Купчишки жадные, им дела до войны нет, им прибыль нужна. Впрочем, и ему нужна. На войну.

На пригорке над рекой маленькая фигурка, завёрнутая в странные одежды. На голове у него каль с развязанными тесёмками. Ветер треплет человека, тесёмки развеваются, но он не уходит с берега, смотрит на работы. Кавалер направляет к нему коня, Увалень едет за ним. Человек увидел их и сразу пошёл навстречу. Тут Волков понял, что это его племянник, Бруно Дейснер. Мальчик ещё издали стал кланяться ему. В руках у него был старый, засаленный и жёлтый, исписанный углём для письма лист бумаги.

— Что на вас надето? — недовольно спросил кавалер у племянника.

На хрупком юноше был надет какой-то старый хук из дрянной овчины, такой, какие носят богатые мужики. Одеяние было юноше сильно велико и подпоясано простой верёвкой.

— Это. Это мне дала тётушка, чтобы я не мёрз, — отвечал племянник.

«Конечно, сестра ему дала то, что было, они и сами с Рене живут не очень богато».

— Когда холодно и у вас нет шубы, так носите стёганку, — нравоучительно говорит кавалер, он вспомнил, что давал племяннику деньги на одежду, но то было ещё летом, кажется, — лучше носить солдатскую стёганку, чем мужицкий наряд. Вот, поглядите на господина Гроссшвюлле, каков молодец, простая стёганка, а вид весьма грозен у него. Если у вас нет стёганки, так зайдите ко мне, у меня, кажется, есть. Или купим.

— Да, дядя, я непременно зайду.

— А вы при оружии, Бруно?

— Нет, — признался юноша, понимая, что опять огорчает дядю.

— Вы всегда должны носить при себе оружие, если не меч, так хоть короткий фальшион или кинжал хотя бы.

— Да, дядя, я буду носить оружие.

— А что вы тут делаете на таком ветру? — спросил кавалер.

— Во-первых, жду баржу из Фринланда, господин Фульман из Рюммикона ещё вчера прислал мне сообщение, что отправил баржу с углями. Она сегодня уже должна быть в Лейденице, значит, сегодня будет уже у нас. Михель поехал в Лейдениц её встречать.

— А вы уже продали тот уголь, что был в первой барже?

— Мы продали его, едва разгрузив, — похвастался Бруно Дейснер. — Его купили тут, мы даже за доставку в Мален не платили. Торговец свинцом Шоннер прислал своего представителя, коммуна Нозельнауф тоже, так они едва не поссорились из-за нашего угля. И тот, и другой хотели купить его весь. Пришлось делить.

— Вот как? И что, хороша вышла прибыль?

— Двадцать четыре крейцера с корзины, это больше, чем мы думали.

— Двадцать четыре крейцера? — Волков задумался. — А корзин было в барже шестьдесят?

— Шестьдесят четыре, дядя, — отвечал племянник чуть не с гордостью.

«Пятнадцать с лишним талеров с одной баржи? Очень неплохо. Очень».

Тут кавалеру пришла в голову одна мысль. Он подумал о том, что курфюрст был бы вовсе не против, поставь Волков на своей земле, прямо у амбаров, таможню для него, с которой герцог стал бы собирать таможенный сбор.

«Да, с сеньором, конечно, придётся делиться, но это будет хороший повод для примирения. Святым отцам это не понравится. Они всё надеются, что я втяну герцога в войну с кантонами. Господь с ними, пусть надеются. Их надежды пусты, герцог не хочет никаких войн. Он скорее меня бросит в застенок, чем ответит кантонам. Да и я уже устал. В самом же деле, не может один рыцарь вечно воевать с целым кантоном, который больше графства Мален раза этак в два, по населению в четыре, а по деньгам раз в десять, святые отцы должны понимать, что рано или поздно горцы меня разобьют, схватят и казнят. Впрочем, святые отцы найдут иной способ, как стравливать курфюрста и горных еретиков. За ними не станется».

Волков ещё раз посмотрел на реку, на суету рабочих у пристани. В общем, всё, что делалось на берегу, ему было нужно.

— А что это у вас за бумага? — спросил он и, склонясь с коня, забрал лист у племянника.

Цифры, цифры, перечёркнутые столбцы, буквы, обрывки слов.

Всё написано корявым почерком человека, не умеющего толком писать.

— Что всё это значит?

— Кажется, дядя, что наш архитектор, господин де Йонг, нас обворовывает, — медленно произнёс Бруно Дейснер.

А вот это было очень хорошо, нет, не то, что их обворовывают, а то, что этот мальчишка уже стал думать об этом.

— Вы сами об этом подумали или вас надоумил кто? — спросил Волков, всё ещё изучая лист с каракулями.

— Сам, дядя, кто ж меня мог надоумить, — отвечал племянник.

А это ещё больше порадовало дядю. То есть у юноши совсем трезвый, склонный к доброму недоверию разум. Кавалер даже не нашёлся, что сказать в похвалу юноше. А ведь совсем недавно, может, ещё весной, брат Ипполит говорил ему, что племянник не очень охоч до наук, а тут вон как всё обернулось.

— Показалось мне, дядя, что господин де Йонг берёт с нас за материалы больше, чем расходует. Вот я и решил посчитать тёс и столбы, что пойдут на навесы, и сравнить с тем, что он купил.

Волков понимающе кивал головой, одобряя каждое слово юноши, а потом спросил:

— А вы только де Йонгу не доверяете? Или, быть может…

— Нет, не только, и купцам, что у нас покупали уголь, не доверяю, и этим господам из Рюммикона тоже, в прошлый раз оказалось, что не все корзины полны углём доверху, как должно. И лодочникам, в прошлый раз, как тёс нам везли, так крали у нас. Вот поэтому я думаю, что за всеми всегда считать надобно.

— А за компаньоном своим, как там его.

— За Цеберингом? И за Михелем считаю, но так, чтобы он не видел. Он хитёр и пронырлив, за ним всё время нужно считать.

— Что ж, скажу вам, племянник, — произнёс кавалер с удовольствием, — что никак не ожидал от вас такой разумности. Для ваших лет разум — дарование редкое. Я тоже стал считать всё, что только возможно, с ваших лет, с тех самых пор, как украли первый заработанный мною талер.

— У вас украли первый ваш талер? — воскликнул юноша. — И кто же был тот вор?

Волков махнул рукой, нечего вспоминать, то былое. Он впервые смотрел на племянника как на близкого человека. Словно только разглядел его. Раньше тот для него был какой-то глупый костлявый малец, что по скудости ума детского мнил себя в военном ремесле и который к тому же был плох в учёбе. Он и не думал о нём как о родственнике. Сын умершей сестры, которую кавалер и припомнить не мог. А вот теперь он почувствовал, что

мальчишка похож на него. Нет, не внешне, но по складу ума. Волков тоже в его годы всё подсчитывал, но ещё был глуп и не любил науки. Потом, потом он будет хватать книги, учить языки, на которых они писаны, читать и перечитывать. Возможно, и этот мальчишка захочет того же.

— Вы выгодно продали уголь, ещё, кажется, и доски возили, у вас должны быть деньги. Отчего же вы не купили себе одежду?

— У нас уже восемнадцать талеров, — с гордостью сказал племянник. — Михель предлагал всё поделить на троих. Отдать вашу часть вам, а оставшееся поделить на два. Но я подумал, что деньги лучше дальше в деле оборачивать. Фульман и Плетт в долг дают товаров только на одну баржу, и то по нехорошей цене; если платить за товар вперёд, так можно дешевле взять. А менялы из Эвельрата деньги давать готовы, но ведь не бесплатно, они свой интерес соблюдают. Вот я и подумал, что пока мы обойдёмся, соберём серебра, чтобы постоянно оборотные были, чтобы свои телеги, свои мерины имелись, чтобы сбыт налажен был, чтобы место своё в Малене для склада было.

— Неужто вы это всё опять сами сообразили? — не верил кавалер, что юноша может так разумен быть.

— Нет, — признался юноша, — глава цеха оружейников Малена Ропербах мне это всё разъяснял, когда вы к нему меня посылали насчёт сбыта угля.

Раньше из всех приехавших к нему родственников мила ему была лишь самая маленькая племянница Катарина, сестра по душе пришлась, так как добра оказалась и скромна, а тут вдруг и племянник ему понравился. Оказывается, когда они все в его старом доме жили, в тесноте неимоверной, то ему эта теснота не в тягость была. С сестрой и двумя племянницами в доме было лучше и теплее, чем в новом и дорогом доме с женой его недовольной, с этой дочкой графа.

Он взглянул на племянника:

— Оденьтесь как подобает и найдите отца Семиона, он книгу приходскую завёл, пусть запишет вас как Бруно Фолькоф.

— Что? — мальчишка открыл рот. — Дядя, спасибо… Вы не пожалеете.

— Носите моё имя, но не вздумайте позорить его. И чтобы всегда были при оружии, не забывайте этого.

— Дядя., - пролепетал Бруно. — Да-да, конечно.

— Можете не стесняться и при нужде называть себя так, и в споре, и при разногласиях ведите себя достойно, и, если нужно будет, ссылайтесь на меня.

— Дядя, — Бруно кинулся к нему и схватил его руку, которая сжимала поводья, поцеловал её, — лучшего дядю я придумать для

себя не мог.

— Не забудьте, приведите себя в порядок, вы теперь Фолькоф, а не мужик и не купчишка бедный.

От берега он свернул налево, к Брюнхвальду он потом решил заехать, а сейчас поехал проведать сестру и взглянуть, не подросли ли племянницы.

Вечереет в это время быстро. Он едва приехал домой, сел ужинать, как вспомнил, что Максимилиан и Бригитт обещали в этот же день вернуться обратно, а уже темень на дворе. Хоть и не хотелось в мороз и ветер идти снова на улицу, но он решил выехать и встретить карету Бригитт.

Увальня он посадил с собой ужинать, чтобы не так было тоскливо за одним столом с женой, и, когда ещё тот не доел, стал говорить ему:

— Александр, придётся нам ехать сейчас, темно уже, седлайте коней, зовите Гренера и братьев Фейлингов.

Элеонора, до сего момента сидевшая безучастно и смотревшая в свою тарелку, тут подняла голову, стала прислушиваться.

— Велите всем брать фонари, — продолжал кавалер.

— Да, кавалер, — сказал Увалень, встал и на ходу закинул себе в рот кусок колбасы.

— Куда же это вы? — почти крикнула госпожа Эшбахта.

Александр, думая, что вопрос адресован ему, так и застыл с колбасой во рту, он уставился на Волкова.

— Темно, дорога замёрзла, сплошной лёд, Максимилиан и госпожа Ланге поехали в город, обещали вернуться до темноты, но что-то нет их, поеду навстречу с огнями.

— Других пошлите, отчего вы всё сами делаете, или у вас людей нет? — вдруг спросила жена. — Неужто вашего Максимилиана и вашу госпожу Ланге не встретят?

«Вашу госпожу Ланге» — это Элеонора Августа произнесла особенно отчётливо.

— Александр, идите седлать коней, — произнёс Волков и уже жене добавил: — лучше меня дорогу знает только Бертье, а он у реки живёт, за ним самим ехать нужно. Так что лучше я сам съезжу.

— Вам просто дома не сидится, вот что! — вдруг крикнула госпожа Эшбахт. — Жена вам не мила.

Увалень сразу поспешил покинуть залу. А она вскочила:

— В покои к жене не ходите, говорить с женой — не говорите, дома быть не желаете.

Кавалер даже не знал, что на это всё ответить.

— Ах, как мне всё здесь не мило! — кричала жена, кидаясь к

лестнице. — Не мой это дом, не мой! Он даже ночью уходит, всё войны у него, всё войны, всё дела, даже ночью дела у него, разве такой муж добрый должен быть?

Он глядел, как она, подбирая юбки, взбежала наверх, и слышал, как хлопнула дверь её покоев. Сидел, ковырял ножом кусок колбасы в тарелке и ничего не понимал.

Глава 12

Ждать долго не пришлось. Уже следующим утром, когда Волков и его офицеры у него дома за столом рассматривали шарфы и обсуждали, кому и сколько людей брать на шествие, в залу вошёл мужик, встал у дверей перепуганный и сообщил едва не шёпотом, что во дворе важные господа просят доложить, что ищут аудиенции у господина Эшбахта.

Волков, который только что был почти весел, рассматривал материал, прикидывал, как будут выглядеть бело-голубые шарфы на офицерах и как будет готовиться к празднику, тут же стал мрачен.

Он знал, зачем пожаловали господа. Не письмо послали, а сами приехали. Хотел бы он ошибаться, да разве после письма Брунхильды тут ошибёшься?

Кавалер молчал и ничего не отвечал мужику. Господа офицеры сразу заметили такую перемену, веселье и шутки стихли, они тоже становились серьёзны. От предпраздничного настроения и следа в зале не осталось. А мужик на пороге так и ждал распоряжений. И тогда госпожа Ланге, что была тут, показывала офицерам шарфы и раздавала им же ленты для их сержантов, произнесла:

— Дурень, в следующий раз запоминай имена господ, что просятся.

— Так я это… — начал оправдываться мужик.

— Ладно, раз не запомнил, так безымянных зови, — распорядилась Бригитт, видя, что кавалер опять молчит.

— Кавалер, следует ли оставить вас? — спросил за всех офицеров Карл Брюнхвальд.

— Да, господа, — произнёс Волков. — Думаю, что лучше вам уйти.

Офицеры стали подниматься, гремя мечами, стали брать шляпы со столов. А тут госпожа Ланге и говорит:

— А что же господам уходить? Я уже и обед велела на всех готовить. Каплуна велела забить, клёцки уже трут. Господин мой, пусть господа офицеры остаются. Дело разве ж тайное у вас?

И говорила она это так уверенно и так громко, словно не приглашала их к столу, не оставляла их на обед, как радушная домоправительница, а отдавала приказы, как уважаемый командир. Брюнхвальд, Рене, Роха, Бертье и Джентиле замерли. Люди, которые всю свою жизнь провели в войнах, мужи, что видели сотни и даже тысячи смертей, сами битые, колотые и рубленые бессчётно, замерли от слов молодой бабёнки, что и

госпожой дома не является.

И, ничуть не смущаясь этим удивлённым замешательством мужчин, Бригитт сама стала быстро собирать ленты, шарфы и материю со стола, приговаривая при этом:

— Что же вы стали, господа, садитесь, садитесь. Я велю сейчас ещё вина нести.

Ловкая и спорая, она тут же убрала стол и крикнула в кухню:

— Мария, Стефания, вина ещё господам и стаканов новым гостям несите.

Господа офицеры в нерешительности стали снова занимать свои стулья, а Волков смотрел на ловкую и смелую Бригитт, смотрел хмуро, но ничего против не говорил. Он хотел было вылезти из-за стола и пойти в прихожую встречать гостей, но и тут медноволосая красавица всё взяла в свои цепкие ручки.

— Господин мой, сидите, я пойду встречу гостей.

И опять Волков промолчал, вставать не стал, остался в кресле.

И встал из него, только когда четыре господина вошли в залу и стали кланяться. Волков и господа офицеры тоже кланялись, началась церемония знакомства. Двоих господ Волков не раз видел в замке графа. Одним из них был молодой и заносчивый фон Хугген, хлыщ из свиты молодого графа. Вторым был фон Эдель, седеющий господин и вечный спутник графа старого. Двоих других Волков не помнил.

Оба они были молоды, и вид у них был нахальный настолько, что у Волкова стала закрадываться мысль, что они приехали сюда, чтобы затеять ссору.

— Прошу вас к столу, господа, думаю, вы устали с дороги. Или, может, поставить вам кресла к камину? — как можно более радушно произнёс кавалер.

— Нет нужды, — отвечал холодно фон Хугген. — И рассиживаться у нас нет времени.

Он умышленно не поблагодарил Волкова за предложение, эту грубость заметили все.

— Да, желаем мы до темноты быть в замке графа, — уже более миролюбиво продолжал фон Эдель.

«Ну что ж, не хотите быть вежливыми, так и я с вами не буду».

— А я тогда сяду, — сказал Волков, улыбаясь и усаживаясь в кресло, — вы уж простите меня, но врач мой говорит мне сидеть, дабы не вызывать в ноге судорог.

Это прибывшим господам совсем не понравилось, они будут стоять, а он пред ними будет сидеть, словно сеньор. Господа стали переглядываться и кривить губы, но кавалеру на то было

плевать, сами начали.

— Так что же вас привело ко мне, господа? — спросил он, беря стакан с вином, что подала ему Бригитт.

— Привел нас сюда печальный случай, что приключился в земле вашей недавно с добрым господином фон Шоубергом.

— Ах вот оно что! Тот самый случай, что произошёл с добрым господином Шоубергом, значит…, - Волков сделал вид, что удивлён. — И что же вас в этом деле удивило — то, что он ехал к моей жене, или то, что он до неё не доехал?

— Говорят, что тот поединок был нечестным! — заявил фон Хугген, и заявил это с заносчивостью, как оскорбление кинул.

— И кто это говорит? — неожиданно для всех захрипел Игнасио Роха.

Он стоял руки в боки, широко расставив ногу и деревяшку. Чёрная борода вперёд, взгляд недобрый. Не дождавшись ответа, он продолжает:

— Вы там были, добрые господа?

— Мы там не были, — ответил фон Эдель опять вежливо, видно, хотел смягчить тон беседы. — Но уважаемые люди, что присутствовали там, говорят, что поединок был нечестный.

— Ваш Шоуберг не хотел драться и хотел уехать, и кавалер обещал вашему Шоубергу, что если он поедет прочь, то он выстрелит ему в спину, — вот и вся нечестность. А в остальном они дрались, как положено мужчинам, — заявил Роха.

— Прекрасно, — вдруг заявил фон Эдель. — Всё это нужно будет вам, кавалер, рассказать на дворянском собрании, что собралось у графа в замке Мелендорф.

— И когда же? — Волков опять изображает удивление.

— Завтра, вас ждут в замке завтра, — сказал посланник графа.

— Завтра? — ещё больше удивился кавалер.

— Завтра, завтра, — настойчиво повторил фон Хугген. — И прошу вас, господин Эшбахт, не пренебрегать желанием благородного собрания видеть вас.

— Я бы и не осмелился, — произнёс Волков с почтительностью, — но видно вы, господа, о том не знаете, что я уже многие дни веду войну с грубыми соседями своими. И у меня, к сожалению, нет никакой возможности покинуть владения свои.

— Даже на один день? — не верил фон Хугген.

— Даже на один час, — отвечал кавалер. — Добрый мой господин, поверьте, по всем границам держу людей и жду вторжения в пределы мои во всякий возможный час.

— Так вы не поедете в дворянское собрание? — радостно и зло спросил фон Хугген. — Пренебрегаете волей всех

благородных людей графства?

— Ни в коей мере, наоборот, прошу быть всё собрание ко мне, чтобы раз и навсегда разъяснить дело о поединке и положить конец всем разговорам.

— Это возмутительно, — сказал фон Хугген, — не было ещё такого в нашей земле, что подозреваемый в нечестности отказывался быть в собрании.

— Я просто не могу покинуть свои пределы на радость горцам, пока их лагерь стоит в миле от реки, — твёрдо сказал кавалер. — Но если господам будет угодно, завтра в полдень я могу быть на границе своих владений и владений графа.

— Мы передадим это благородному собранию и лично его сиятельству, — заверил фон Эдель разочарованно и безо всякого участия в голосе, а только из вежливости.

А фон Хугген и вовсе только фыркнул, словно и думать о таком исходе визита ему было смешно.

— Надеюсь, я найду понимание благородного собрания и самого графа, — ответил Волков, вставая и давая понять, что разговор закончен.

Приезжие господа с каменными лицами кланялись молча, не думали они, что кто-то их осмелится не послушать, ведь они говорили от лица собрания всех благородных землевладельцев графства, включая самого графа. Господа офицеры тоже им кланялись и тоже молчали, только кавалер и госпожа Ланге желали приезжим доброй дороги.

Как они вышли и провожавший их кавалер вернулся в залу, так Брюнхвальд спросил у него:

— Может, стоило вам явиться на их приглашение?

— Нет, мне писали, чтобы я не ездил в замок, там меня собираются схватить и выдать курфюрсту, — ответил Волков.

— О! — удивился Брюнхвальд. — Каковы хитрецы. Неужто это граф всё затеял?

— Не знаю, думаю, что не он, — спокойно отвечал Волков.

— Ну и что мы будем делать? — спросил Роха.

— Да, — согласился с ним Карл Брюнхвальд. — Что мы предпримем, кавалер?

Волков не знал, что и ответить, он уселся в кресло, вздохнул и взял стакан с вином, но ему понравилось то, что его офицеры думали о его неприятностях, как о своих. Они ждали его ответа, но он только смог сказать:

— Не знаю я, что делать. Подумаю пока.

— А что же здесь знать? — неожиданно для всех произнесла госпожа Ланге, которая так и не уходила из залы, хоть ей тут и не место было.

Все удивлённо посмотрели на красивую женщину. Кто она такая, чтобы говорить? По статусу ей бы молчать, она даже не госпожа Эшбахта. Но взгляды мужчин ничуть Бригитт не смутили, и она, как ни в чём ни бывало, продолжала:

— Возьмите, господин мой, солдатиков, сколько немало будет, да езжайте завтра на то место, что указали господам. И ждите господ сеньоров и господина графа.

— Они не приедут, — Волков был недоволен таким вызывающим поведением Бригитт, поэтому говорил строго, чтобы женщина замолчала.

Но и это Бригитт не остановило, дерзкая женщина продолжала:

— И пусть не приедут, а вы будьте, как условлено. До полудня пробудете там, а потом пошлёте гонца в замок. Дескать: «Отчего же вы, господа, не приехали, я вас ждал».

И неожиданно для кавалера Роха произнёс:

— Госпожа права. Съездим, ноги у солдат не отвалятся. А то пьянствуют какой день.

«Да, не отвалятся, верно, но даже за такую малую работу всё равно платить солдатам придётся, хоть малость серебра, да заплати, и платить, Роха, придётся не тебе», — думал Волков, при этом находя, что Бригитт, хоть и дерзка была, но отчасти была и права.

Он некоторое время молчал, глядя на стакан свой неотрывно, и с ним молчали все, кто был в зале, понимая, что не просто так он молчит.

Наконец он произнёс:

— Да, господа, следует нам завтра поутру быть на въезде в мои пределы. Возьмите по три десятка людей, из тех, что потрезвее будут, чтобы завтра на заре готовы были идти.

— Это верное решение, кавалер, — сказал Брюнхвальд. — Мы там будем, а уж они пусть сами решают, ехать к вам или нет.

Нет, Волков был на такое не согласен. Не сами господа сеньоры должны решать, не сами. И когда господа офицеры вышли, он звал к себе Максимилиана:

— Езжайте к графине.

— Письмо отвезти?

— Нет, бумаге не доверю, на словах скажете, — он чуть подумал. — Скажите, что нужно мне, чтобы граф и господа из дворянского собрания завтра были на моей границе, чтобы не я к ним ехал, а они ко мне. Если не поедут господа, просите её уговорить мужа, хоть один пусть приедет. Да, именно. Скажите ей, что пусть даже один приедет, но будет там. Скажите ей, что хоть за бороду пусть его тащит, но чтоб был.

Максимилиан всё понимал, он по тону кавалера видел, что дело серьёзное. Он кивал головой, запоминая каждое слово.

— Я всё сделаю, — обещал юноша, когда Волков закончил.

— Да, кстати, Брунхильде нелегко в доме мужа, поговорите с ней, она, думаю, будет рада старому знакомцу. Скажите ей, что каждый день молюсь за неё и плод её жду, как ничего не ждал.

— Так и сделаю, кавалер, — обещал Максимилиан.

Вечером того же дня он вернулся обратно и сообщил:

— Госпожа графиня графа уговорила ехать. Граф при мне дал обещание быть, но не обещал, что другие господа из дворянского собрания будут.

— Значит, обещал быть? — Волкова это радовало. — Как себя чувствовал граф?

— У него всё время слезятся глаза.

— Он совсем стар?

— Да, кавалер.

— С Брунхильдой говорили?

— Графиня несчастна, кавалер, жёны сыновей, что живут при дворе, всё время ей дерзят, а слуги совсем не слушаются её, пренебрегают её просьбами. Госпожа графиня часто плачет, говорит, что только муж её жалеет.

Волков слушал это всё, словно в упрёк себе, как будто юноша его во всех несчастьях графини винил, кавалер насупился. Он потянулся к графину с вином, но графин был пуст. Тогда он взглянул на госпожу Ланге, которая была тут же. Вина в графине нет.

А та лишь вскользь посмотрела на господина, повернулась к юноше и сказала:

— Благодарю вас, Максимилиан. Поешьте на кухне, там для вас оставлено.

И опять случилось неслыханное. Максимилиан, хоть кавалер его и не отпускал, поклонился и молча пошёл прочь из залы. Он послушался Бригитт, а не его. Волков в искреннем удивлении смотрел на огнегривую красавицу, не понимая, как она смогла взять власть в его доме. А та, ничуть не смущаясь, а, быть может, даже и возгордясь от его взгляда, подошла и положила свою руку на его:

— Господин мой, пойдёмте спать, я велела нам сегодня простыни свежие стелить.

— Простыни? — переспросил он.

— Пойдёмте, господин, — она тянула его за руку. — Ляжем спать сейчас же, завтра нам с вами вставать рано.

И был при этом так мила и красива, а голос её был так нежен и ласков, что ни отчитывать её, ни выговаривать ей он был не в

силах. Встал и пошёл, как просили.

И когда пришли в покои, она сама, словно комнатная слуга, помогла ему снять туфли, шоссы и прочую одежду, при этом обнимала крепко, уложила в перины и сама стала раздеваться так быстро, как только может раздеваться женщина, легла к нему, прижалась своим душистым телом в новой нижней сорочке. Горячая и сильная, как всегда. Волосы медные по подушкам ручьями, и она, не стесняясь желаний своих, стала его трогать и целовать в висок и щёку, и при этом шептала:

— А о завтрашнем не печальтесь, господин мой. С вами я поеду, и если господа сеньоры приедут, я уж найду, что им сказать про Шоуберга, уж не понравится им, уж не дам я хозяина сердца моего им в обиду.

Её крепкая и цепкая ручка вцепилась в тело его, а губы красавицы стали касаться его губ и даже кусать их, словно от жадности, в страсти своей эта женщина ещё и боль ему причиняла, но он не останавливал её. Как ни вспоминал Волков, но не мог вспомнить он женщины более страстной, чем Бригитт.

Глава 13

Чтобы не платить лишку, он взял только сто человек с собой и выезд из молодых господ. Пошли с флагами, хоть и не война, взяли с собою его шатёр. Утром вышли и пошли не спеша по морозцу. Спешить особо было некуда.

За отрядом поехала и Бригитт Ланге, она с утра собирала его и собиралась сама. Он надел лучшую свою шубу, думал-думал и решил доспех не надевать, и так слишком всё будет воинственно выглядеть, сеньоры графства решат, что он их пугать приехал. Решат? Да приедут ли они вообще? Волков очень на то рассчитывал.

Ему нужно было закончить распрю или хотя бы пригасить, не длить и не ворошить её для пущего огня. Обозлить местный сеньорат ему никак не хотелось. Может, сеньоры и позабудут про мерзавца Шоуберга со временем. Для того он и просил Брунхильду, чтобы она привезла на место встречи графа, мужа своего. Один он, конечно, не поедет, увяжутся за ним подхалимы, соседи и приближённые, но с ними-то и собирался говорить кавалер. Для этого он и взял флакон с ядом, который через жену Шоуберг передал Бригитт для преступления страшного. А ещё и письмо от него же, в котором он писал его жене, что собирается купить яд у какой-то старой ведьмы. Да, Волков ехал не с пустыми руками, повод убить любовника жены у него был. И повод был, и доказательства низости Шоуберга у него были. Мало того, убить мерзавца он мог и без поединка, даже в этом его мало кто упрекнул бы. Но вот вешать благородного человека на заборе… Вот за это с него и спросят. Если, конечно, приедут. Но ему казалось, что Шоуберг — это всего лишь повод, только повод, и ничего более. В действительности сеньорам в графстве, скорее всего, не нравилась вся та война, что он тут затеял. Вот истинная причина, почему они хотели выдать его герцогу. Никому из местных господ не хотелось, чтобы разъярённые горцы опустошали их пределы. А то, что горцы после двух или даже трёх унизительных поражений будут раздражены, уж никто не сомневался.

Волков вздохнул и потёр горло. Он надел тот самый колет со вшитой кольчугой, в котором дрался с Шоубергом, а за кружевным высоким воротом колета прятался крепкий обруч из железа, который защищал горло и шею. Он-то и впивался в горло, но ничего, кавалер готов был потерпеть. Всяко это легче, чем целый день носить кирасу и горжет. В самый последний момент, когда он уже надел колет и перчатки, Бригитт заметила на

одежды порезы, который остались от меча Шоуберга, но Волков не стал снимать эту отличную одежду, решил, что шуба всё скроет. Так и поехал.

А госпожа Ланге надела самое дорогое своё платье, все украшения, что у неё были, включая золотой браслет, что дарил ей Волков, надела шубу. Велела запрячь себе карету госпожи Эшбахт, не в телеге же ей ехать.

Садилась в неё, высоко подбирая дорогие юбки, чтобы не запачкать. Настроение у неё с самого утра было строгое. Собиралась в дорогу так, что бранью не ограничивалась, дворовые бабы оплеухи получали чаще, чем обычно. Только звон по дому стоял. Лицо красавицы было холодным и даже злым; когда она уселась в карету, даже Волкову она не улыбалась. Куда только делась вся ласка, вся нежность, что так и лились из неё ночью?

Но даже зла и холодна она была прекрасна.

И опять кавалера удивило то, что не его распоряжения ждал кучер и молодые господа из выезда, что уже сидели в сёдлах, а ждали, пока она, усевшись на подушках и расправив платье, негромко скажет: «Трогай уже».

Хлыст щёлкнул, и карета покатила со двора. И все поехали, не дожидаясь приказа от господина.

Удивительно, как она так могла всё в доме поставить, что не госпожа Эшбахт всем тут заправляла, а незаконнорожденная её родственница. Но не об этом сейчас он думал, не до этого ему сейчас было.

Шатёр разбили на холме, почти на том самом месте, где он дрался с Шоубергом. Может, чуть южнее. До полудня ещё было много времени. Стали рубить кусты, жечь костры. Опять же предусмотрительностью госпожи Ланге, которая велела взять две свиные туши, хлеба и бобы, стали готовить еду господам и солдатам. Над поросшими кустарником глинистыми холмами поплыл приятный запах печёного на углях мяса.

Хоть и завтракал он дома весьма хорошо, как перед любым походом, но на ветру он захотел этого вкусного мяса с пивом, которое, опять же, додумалась взять умная Бригитт.

Но не успел он расположиться вместе с госпожой Ланге за походным столом на походных креслах подле шатра, не успел и раза укусить от сочного большого куска мяса с салом, как солдат, что стоял в пикете на дороге, замахал рукой и закричал:

— Едут! Едут, господа!

Волков сразу вскочил. Он волновался, какая уж тут еда. Но Бригитт поймала его за руку:

— Отчего же вы встали? Сядьте, господин мой, не гоже

господину Эшбахта, Рыцарю Божьему, Хранителю Веры и победителю свирепых горцев, прерывать обед, не Папа и не император по дороге едет, а такие же, как и вы, сеньоры и кавалеры. Сядьте и кушайте. А как пришлют гонца, так и поедете к ним.

То холодное спокойствие, с которым говорила эта красивая женщина, вдруг и Волкова успокоило. Он послушался её и сел, она, не выпуская его руки и чуть наклонившись к нему, продолжала:

— За Шоуберга вам будут говорить, так не переживайте о том, господин сердца моего. Зовите меня сразу, я уж всё им про него скажу, так скажу, что больше и не спросят. А надо будет, так и на писании Святом повторю. А пока ешьте. Дозвольте, я вам порежу мясо.

Она взяла нож и на глазах многих его людей стала в его тарелке резать ему еду, словно матушка помогала малому и любимому дитю.

— Оставьте это, — сказал он чуть сконфуженно, — я ещё при руках и при силе.

Но она нож не выпустила. И нарезала ему его кусок и сказала:

— Вот, кушайте, господин мой. Кушайте и не думайте о господах этих, я уже о них подумала.

Воистину было это странно. Странно слышать было ему такое. Ему, человеку, что провёл почти всю свою жизнь в войнах, предлагала своё заступничество женщина.

Он взял кусок и съел его, да, мясо было прекрасным, и женщина, что сидела перед ним, была прекрасна, и шатёр, чью стену трепал ветер, был прекрасным. И всё это было его: и кони у коновязи, и офицеры, и солдаты, и унылые холмы вокруг. Да, он был здесь господином, и к нему ехали господа, такие же, как и он, в этом Бригитт была права. Так чего ему волноваться?

Теперь и он их видел. Кавалькада появилась на дороге, всадники и карета. Кони, отсюда видно, очень хороши, полсотни, не меньше, и карета с гербами графа.

Ах, какая же молодец была Брунхильда, какая же молодец, выволокла графа из замка, а уже за ним поехали и другие сеньоры.

Карета графа встала у пригорка, тут же лакей снял с задника раскладное кресло, оно было поставлено так, чтобы граф, сидя в нём, был скрыт от декабрьского ветра и кустами, и пригорком. Пока лакеи помогали вылезти из кареты графу и его близким дворянам, остальные господа, что были в кавалькаде, спешивались и, разминая ноги, прохаживались подле кареты.

Волков прикинул и на первый взгляд понял, что господ с графом приехал едва ли десяток, всё остальное — это благородные выезды сеньоров и их неблагородные свиты. Но среди этих господ были те, что недавно приезжали к нему. Да, уехали они в дурном расположении духа, и вряд ли оно к этому дню переменилось.

Но что было хуже всего, все недовольные господа, кроме господина фон Эделя, который был при старом графе, были подле графа молодого, и фон Хугген был там же. Он так и распинался, жестикулировал и всячески пытался разговором своим увлечь молодого графа, но тот был не в духе и, скрестив на груди руки, только рассеяно кивал ему.

С Теодором Иоганном, девятым графом фон Мален, у Волкова сразу сложилась неприязнь. Граф был заносчив и спесив, и при этом, как это ни странно, был неглуп и вечно носил на лице печать скуки. Всем своим видом, каждым жестом и каждой гримасой своего бледного лица он подчёркивал, что кавалер ему не ровня, даже если он и родственник, даже если он дважды родственник, он всё равно должен знать своё место. Простота в общении, что была присуща его отцу, ему была неведома. Волков тоже не любил молодого графа, и теперь не любил его ещё больше, чем раньше, чего уж тут скрывать, и причина его нелюбви скрывалась вовсе не в спеси Теодора Иоганна, на спесь кавалеру было плевать, и даже не в том была, что он сосватал непутёвую и распутную Элеонору Августу за него, и это Волков пережил бы, а вот то, что в доме графа притесняли Брунхильду, он пережить никогда бы не смог. И с этим он примиряться не собирался. Едва увидал родственника, едва вспомнил письма графини, так сразу он отметил, что прямо на ходу, с каждым его шагом в нём растёт и наливается злоба. Тяжёлая и чёрная злоба к Теодору Иоганну. А ещё и раздражение на графа старого, что тот не мог своих дочерей и снох успокоить и защитить жену от брани и пренебрежения.

Как он отошёл от шатра и спустился вниз, так за ним, без приказаний и просьб, сразу пошли офицеры. Волков, услыхав привычное постукивание мечей о сапоги и поножи, чуть оглянулся и вдруг усмехнулся. Идут. Брюнхвальд, Бертье, Рене… Тут же шли господа из выезда: Увалень, Гренер-младший, Максимилиан, фон Клаузевиц, а за всеми ними уже прыгал на своей деревяшке Роха. Волков усмехался от того, что невольно сравнивал приехавших господ сеньоров и своих господ офицеров. Лучшие люди графства щеголяли в шубах и роскошных бархатных беретах, в перчатках и сапогах из тончайшей замши, сверкали перстнями и цепями. Его же люди… Карл Брюнхвальд в мятом доспехе и кирасе, которую, возможно, носил его дед. Рене

почти такой же. Бертье в своих невыносимо красных сапогах, цвет, который он, кажется, предпочитал всем другим цветам, в мятом шлеме и помятом правом наплечнике, да ещё с лицом, на котором красовались не сошедшие ещё после сражения ссадины. Увалень, большой, без шапки и со шлемом подмышкой, вид имел свирепый и напоминал мелкопоместного дворянчика, что вздумал от нищеты разбойничать на дорогах. Только фон Клаузевиц и Максимилиан выглядели прилично, но бедный их вид говорил скорее, что они либо пажи, либо оруженосцы, но которые уже побывали в деле. В общем, вся его свита на фоне приехавших господ выглядела бедно, но грозно.

Когда они подошли к стулу, на котором сидел граф, Волков поклонился первым, все его люди тоже стали кланяться.

В ответ приехавшие господа тоже кланялись, но не так низко, как Волков и его люди. А молодой граф так и вовсе не кивнул. Смотрел на людей кавалера холодно из-под опущенных век и с неизменной надменностью держал руки на груди.

Граф же, не вставая из кресла, протянул Волкову руку для рукопожатия:

— Здравствуйте, сын мой.

Тот не стал её пожимать, а, не боясь грязи и боли в ноге, встал на колено и поцеловал перстень на перчатке графа.

— Здравствуйте, отец мой. Дочь ваша, Элеонора Августа, пребывает в добром здравии, но в дурном расположении духа, шлёт вам привет.

— Это хорошо, что она в добром здравии, хорошо., - улыбался старый граф.

А Волков выпустив руку графа, тут и понял, отчего Брунхильда не находит в муже помощи. Перчатка была заметно велика графу, и волос в его бороде было много меньше, чем в прошлый раз, как кавалер его видел. И шея его была уже тонка для ворота его колета. Граф старел и по-старчески усыхал, у него действительно слезились глаза.

— Как скоро мне ждать от дочери любимой моей внуков? — продолжал граф.

— Как будет то угодно Господу, но я со своей стороны тружусь над тем неустанно. Хоть иногда госпожа фон Эшбахт и ленится.

Бертье засмеялся, другие офицеры тоже улыбались, даже кое-кто из приехавших господ улыбался вместе со старым графом, а вот молодой граф только презрительно скривился, и люди, что были с ним, остались с лицами каменными.

— А как же поживает госпожа графиня? — в свою очередь поинтересовался кавалер.

— Хорошо, хорошо поживает, — самому себе кивал граф, — всем домом заправляет, всем спуску не даёт.

И ведь не врал старый граф, совсем не врал. Он и сам верил в то, что говорил. Видно, старость уже не только тело тронула, но и разума коснулась. А граф с радостью сообщал:

— Господа, вы знаете, как велико её бремя? — он показал руками, как велик живот Брунхильды. — Как колесо телеги. Едва ходит мой ангел. Видно, чадо будет велико, видно, пошло в вашу породу, кавалер.

Теперь же улыбались все, кроме молодого графа и Волкова. Теодор Иоганн по своему обыкновению, а Волков от пришедшей мысли, что граф постарел очень быстро, едва ли не за полгода, и следующие полгода он, может, и не переживёт.

— Рад это слышать, господин граф, — произнёс он. — И рад видеть вас и всех других господ в моих землях.

— Рады? — вдруг вступил в разговор молодой граф, видно, ему надоело ждать, когда закончатся все эти любезности. — Так рады, что привели на встречу с родственниками десять дюжин солдат?

— Мой дорогой брат, видно, вы не слышали, — отвечал кавалер со всем возможным спокойствием, — но я уже который месяц веду войну со свирепыми соседями и всегда держу при себе верных людей, чтобы в любой момент отправиться на юг, если враг снова ступит в пределы мои.

— Слушайся вы сеньора своего, так не было бы меж вами и вашими соседями никакой войны, — высокопарно заявил Теодор Иоганн, девятый граф фон Мален.

— Видит Бог, что я самый послушный из вассалов сеньора моего, — говорил кавалер, — и ваш отец тому свидетель, я беспрекословно выплатил нечестный штраф, что назначили мне соседи за случайно вырубленный лес, я велел пальцем не трогать браконьеров, что грабили землю мою, так как герцог велел мне блюсти мир.

Старый граф согласно кивал, слушая Волкова и соглашаясь с ним, и этим только злил своего сына.

— И граф, помня слова герцога, увещевал меня не длить обид и мириться с мерзавцами, и я мирился, но, видно, моя умиротворённость только раззадоривала врага, мой мирный нрав считали они, видно, трусостью, и тогда они до полусмерти избили одного из моих господ офицеров. Большего я снести не смог и решил сам вступиться за себя, раз сеньор мой за меня не вступается.

— Как бы там ни было, — воскликнул молодой граф, — вам надобно немедля ехать к сеньору и предстать перед его судом.

Сегодня же езжайте!

И сказано это было тоном повелительным, это было уже проявлением невежливым. С чего это Теодор Иоганн, девятый граф фон Мален, решил, что может указывать Волкову, что ему делать, да ещё на его, Волкова, земле. Нельзя было ему давать так разговаривать с собой. Кавалер пристально взглянул на родственника и ответил:

— Ищи я ссоры, так спросил бы вас, дорогой мой брат, отчего вы так говорите со мной, неужто я вассал или, может, холоп ваш? Но я считаю, что распри среди родственников — это худшие распри, поэтому на ваши слова я отвечу по-другому и скажу вам, что не могу я откликнуться на просьбу герцога и не могу поехать к нему, так как враг мой, по мнению шпионов моих, снова собирает лагерь на берегу реки, и одному Богу известно, когда он решит напасть. Вот потому я и не могу покинуть свои земли.

По презрительной ухмылке было видно, что молодой граф не поверил ни единому его слову, тем не менее, сказать ему было нечего. Он только фыркнул, а после состроил гримасу высокомерия на лице.

Глава 14

Пауза была недолгой, как только Теодор Иоганн закончил, так сразу заговорил фон Хугген:

— Отчего вы не дали фон Шоубергу возможность выбрать время для поединка?

— Почему же я должен был давать время этому мерзавцу? — с удивлением спросил Волков. — Сей подлец ехал к замужней даме, к моей жене.

— Он ехал с другими господами, один из которых был её брат, это был просто визит к родственнице! — крикнул запальчиво один молодой дворянин, имени которого Волков не помнил.

— От души желаю вам, молодой человек, чтобы и к вашей жене приезжали подобные «родственнички» с подобными визитами, — язвительно отвечал кавалер.

— Не смейте так говорить! — продолжал кричать молодой дворянин. — Ваш злой язык кидает тень на благороднейшую семью земли Ребенрее.

Тут Волков понял, что орёт он неспроста. Он криком своим распалял приехавших господ и распалялся сам. И делал он это только для одного. Кавалеру показалось, что этот дворянин собирался затеять ссору, которая приведёт к поединку.

«Не мытьём, так катаньем».

Значит, если они его не передадут в руки герцога, то убьют на поединке.

«Интересно, этот сопляк меня вызовет, или найдут кого поопытнее?»

Волков вздохнул, и видя, что он не отвечает, молодой дворянин продолжил так же громко:

— Я не потреплю, чтобы в моём присутствии очерняли фамилию моего сеньора! Я требую, чтобы вы извинились перед сеньором моим.

— Я бы тоже не хотел очернять мою жену, — спокойно отвечал кавалер, — мне, как мужу, тяжко переживать такой позор. Я бы с удовольствием извинился десять раз, но что мне сделать с двумя письмами Шоуберга, которые он писал моей жене, и что мне сделать с письмом моей жены, что она писала Шоубергу?

Повисла пауза. Молодой дворянин, который вот только что кричал, всё более распаляясь, вдруг смолк, не зная, что и ответить. Другие господа тоже молчали. Видно, к такому обороту никто из них готов не был.

— Если желаете, господа, я готов зачитать письма, хоть

почерк в них и не очень разборчив, — продолжал кавалер, стараясь, чтобы радость победы не проступала на лице его.

Тут молодой дворянин, что неистово кричал минуту назад, обернулся и растерянно поглядел на молодого графа, и во взгляде юного глупца так и читался вопрос: а теперь мне что делать? Что говорить?

И этот его глупый, детский взгляд вдруг открыл для Волкова всю картину, которую до сих пор он не видел.

Нет, это дело затеяли не сеньоры графства, которые боялись, что горцы дойдут до их владений. И даже не герцог. Всё это было делом рук Теодора Иоганна, девятого графа Мален. Именно его. И теперь, когда всё пошло не по плану, выученные заранее роли уже не вели дело к нужной оконцовке. Вот поэтому молодой дворянин и смотрел на своего сеньора так растерянно.

Кавалер взглянул на графа. И в первый раз на бледном лице этого человека он увидел… Нет, не страх, а опасение. И раздражение.

Волков ждал, что граф наконец что-то скажет, но тот молчал, и, выручая его, заговорил умный и старый фон Эдель. И говорил он примирительно:

— Нет смысла читать те письма, ведь они могут быть поддельными, история знает много таких случаев.

— Да, — воскликнул обрадованно фон Хугген. — Откуда нам знать, что письма не поддельны?

— Неужто вы думаете, что я и письма подделал? — от удивления Волков даже засмеялся.

— Ах, вы ещё смеётесь! — воскликнул молодой дворянин. — Вы смеётесь, над благородным собранием смеётесь? Сначала вы игнорировали наше приглашение, заставили нас ехать к вам, а теперь ещё и потешаетесь над нами?

«Сопляк и дальше будет искать повод для драки, — понял кавалер. — Он не угомонится, не для того его сюда привезли».

— Эти письма подлинные! — уже серьёзно сказал он. — И господин Шоуберг получил по заслугам.

— По заслугам? — возмутился один сеньор, которого звали фон Клейст. Он весь разговор стоял за креслом графа, а тут вдруг заговорил. — Даже изменников, коли они благородны, Его Высочество казнит не так свирепо. Если человек благороден, так ему отсекают голову, а после хоронят по церковному обычаю, но уж никак не вешают на заборах, как вора или конокрада.

Волков знал, что ему этого никогда не простят, уже тогда, когда приказывал повесить труп Шоуберга на заборе. Но ничего не мог с собой поделать, больно ему хотелось уязвить жену в то время. Понимал, что это глупо, да не смог с собой совладать.

— Фон Шоуберг был подлый человек, — только и мог ответить кавалер.

— Подлый? — воскликнул фон Клейст. — Он был честный и благородный человек. Он был не способен на подлость!

— Откуда вы знаете? — не согласился кавалер.

— Потому что я его дядя, и он вырос на моих глазах, а вы убили его, не дав даже выбрать время, место и оружие.

— Да! — с вызовом крикнул молодой дворянин, снова нашедший повод для распри. — По закону рыцарства вы должны были дать ему право выбора оружия? Вы дали? Нет! А право место поединка? Дали ему выбрать? Нет! А может, он был болен в тот день?

— А ведь вы ещё убили Кранкля! — вставил фон Эдель. — Он тоже был подл? Кажется, вы благородно убили его из арбалета?

В голосе сеньора слышалось презрение.

«О! Они про Кранкля вспомнили, видно, и вправду серьёзно готовились к встрече».

— Между прочим, господин Кранкль стрелял первым, — напомнил Волков, — и убить меня из арбалета он не считал зазорным.

— А как в вашей земле погиб благородный кавалер Рёдль? Один из лучших рыцарей графства? — спросил молодой граф. — Он и его сеньор защищали цвета нашего дома на всех турнирах и были непревзойдёнными бойцами.

«Чёрт, они и это сюда приплели».

— Мне о том неизвестно, — вот на это ему и вправду нечего было ответить. — Я буду искать виновных.

Граф опять презрительно хмыкнул:

— Как же так вышло, что одному из них в ваших владениях отрубили голову?

«Отрубили? Они не знают, что голову ему оторвали. Слава Богу».

Может и зря он это сделал, но всё-таки он произнёс:

— Я найду виновных.

— Конечно, найдёте, — зло сказал фон Клейст, он даже невежливо указывал на Волкова пальцем, продолжая говорить, — а скорее назначите. Как это было с Шоубергом. Вы ведь просто убили его! Не дав ему права выбора места и оружия!

Волков поморщился от этих слов, как от глупости.

— Не смейте гримасничать! — закричал молодой дворянин. И при этом тоже стал указывать на кавалера пальцем. — Извольте выслушать тех, чей дом вы оскорбили.

Волков молчал, опасаясь, что начни он говорить, он не сдержится и скажет наглецу то, из-за чего вспыхнет ссора. А

молодец всё не унимался, и уже сделал шаг к Волкову, и всё так же нагло указывал на него пальцем:

— А если я сделаю вам вызов, и не позволю вам выбрать арбалет? Примете ли вы его или спрячетесь за спины своих сволочей, что вы притащили с собой?

А вот это уже была откровенная грубость.

— Эй вы! — воскликнул Бертье. — Кого это вы соизволили назвать сволочью?

Чувствуя, что дело идёт к большим, большим неприятностям, Волков повернулся к Бертье и поднял руку:

— Прошу вас, Гаэтан.

— Пусть этот господин соизволит ответить на мой вопрос! — не отставал Бертье.

— О, простите, — нахально и с показной вежливостью отвечал молодой дворянин, — конечно же, я не имел в виду вас, господа, а только ваших солдат.

Это было вызывающее поведение, но по букве его ответ был поясняющим извинением. Бертье молча поклонился. Так как должен был быть удовлетворён таким пояснением. Молодой господин поклонился в ответ и тут же продолжил:

— Ну так что, Эшбахт, вы примете мой вызов, если я не дозволю вам делать выбор оружия?

Деваться было некуда, Волков уже готов был согласиться.

«Чёртов Шоуберг».

И тут заговорил старый граф:

— Господа, господа, остановитесь! Вижу я, что в вас, юный Вельтман, клокочет гнев, но вы ведь даже не родственник Шоубергу.

Молодой дворянин поклонился графу и сказал:

— Вы правы, господин граф, но я не хочу терпеть такого высокомерия от господина Эшбахта, эдак любого из нас он убьёт по своему решению и беззаконно, и повесит на своём заборе! И я вовсе не стремлюсь к раздору, но хочу узнать, как он ответит на честный вызов. Просто хочу узнать.

— Полно вам, Вельтман, полно…, - сказал граф и махнул старческой рукой, — вы ведь и не родственник Шоубергу.

— Так я родственник Шоубергу, — вдруг заговорил один из незнакомых Волкову сеньоров.

Был он много взрослее задиры Вельдмана, и выглядел много опытнее. До сих пор он молчал, просто стоял тут, держа руку на эфесе меча, словно его это всё не касается, а тут заговорил — и говорил с такой спокойной уверенностью, что Волков понял, насколько он опаснее, чем молодой глупец.

И он продолжал:

— Я, Отто Герхард фон Зейдлиц, — родственник фон Шоуберга и считаю, что вы, Эшбахт, убили его нечестно и по смерти его были с ним не честны. И коли вы пожелаете выбрать оружие, то пусть так и будет. Если думаете взять арбалет, так я готов драться оружием холопов.

Вот теперь деваться ему было некуда, если молодого болвана мог удержать граф, то теперь всё было предельно ясно. Этого Зейдлица было не остановить.

«Что ж, арбалет мне знаком всяко лучше, чем ему, поэтому будем стреляться».

И тут произошло то, чего не ожидал ни Волков, ни молодой граф, ни все другие господа, включая офицеров.

Вперёд вышел Георг фон Клаузевиц. Вышел и сказал:

— Господа, думаю, что поступлю честно, если на правах вассала господина фон Эшбахта приму ваши вызовы. И ваш, фон Вельдман, и ваш, господин фон Зейдлиц. Никаких арбалетов не нужно, драться будем благородным оружием, мечами и кинжалами, и без всякого доспеха. Хоть до крови, хоть до смерти, то вам выбирать. Кто пожелает драться первым, так тоже выберете промеж себя.

И сразу заметил Волков перемену в лицах храбрецов, что говорили о вызовах, и главное, перемену в лице молодого графа, он был явно обескуражен поступком рыцаря и сразу начал говорить:

— С чего это, Клаузевиц, вы решились стать чемпионом Эшбахта? Он просил вас о том?

— Нет, не просил, то моё решение, — отвечал молодой рыцарь с заметным поклоном графу.

— Надеетесь, что Эшбахт отблагодарит вас землями и мужиками? — умудрённый сединами фон Эдель откровенно не понимал поведения молодого рыцаря.

— Нет, не надеюсь, господин фон Эдель.

— Так отчего же вы готовы биться за Эшбахта? — всё ещё не понимал фон Эдель.

В словах фон Эделя так и слышалось недоумение: Вы же наш, Клаузевиц! Наш! Как и Шоуберг, будь он неладен. А этот… Он здесь чужой! Хоть и успел породниться с самой именитой фамилией. Он не нашего круга. Он пришлый! Так, почему, Клаузевиц? Почему?

— Господин Эшбахт — лучший командир, под знаменем которого я служил, при мне никто так не бил горцев, как он. И я не позволю в самый разгар войны с горными псами ранить или убить его.

Сказал всё это молодой рыцарь так твёрдо, что ни у кого не

осталось сомнений в его решительности.

У молодого задиры фон Вельдмана весь запал как-то и прошёл, кажется, ему уже не интересно стало, какое оружие выберет Волков, если он, Вельдман, вызовет его на поединок. А вот фон Зейдлиц всё ещё не успокаивался, его лицо стало высокомерным, подбородок он держал вверх и говорил он свои слова, руководствуясь выражением «будь что будет».

— Значит, вы, Клаузевиц, примете мой вызов?

— Выходит, что так, — отвечал молодой рыцарь.

— Господа, господа, — говорил граф, всё больше волнуясь, — не для того мы сюда ехали, разве в этом есть необходимость? Мы же приехали, чтобы разобраться, а не драться. Зачем же, зачем лучшие бойцы нашей земли будут драться меж собой, в чём причина?

Но молодой граф не разделял миролюбия отца:

— Господин Эшбахт вёл себя бесчестно, Зейдлиц имеет право требовать сатисфакции. И если фон Клаузевиц, к нашему глубочайшему сожалению, готов принять вызов вместо своего сеньора, то пусть так и будет.

Глава 15

Ну теперь-то у Волкова и последние сомнения исчезли, что всё это дело затеял Теодор Иоганн. Кавалер просто не знал, зачем молодому графу это нужно, неужто он хотел выслужиться перед курфюрстом? Неужели для того, чтобы показать себя перед герцогом, он даст согласие на поединок, который может закончиться и смертью этих смелых людей?

— Когда и где господам будет угодно встретиться? — спокойно продолжал молодой граф.

«Конечно, даст, этот ни перед чем не остановится».

— Что ж тянуть, раз можно кончить дело немедля, — произнёс Георг фон Клаузевиц, снимая плащ и отдавая его Увальню. — Если господин Зейдлиц будет не против?

— Я не буду против, сейчас так сейчас, — ответил фон Зейдлиц решительно и тоже снял шубу.

— Ну что ж, господа, — громко произнёс Теодор Иоганн, — господин фон Зейдлиц требует сатисфакции от господина фон Эшбахта, но этот вызов принимает чемпион фон Эшбахта кавалер фон Клаузевиц. Драться решено на мечах и кинжалах и без доспеха. Господа решили драться здесь и сейчас.

Да, молодой граф вёл дело к поединку. И для своей цели он готов был пролить чужую кровь.

Но вот только Волков всё-таки был не таков. Как ни хотел не доводить до этого, как ни берёг свой оставшийся козырь до последнего, но тут он уже не выдержал. Не мог он допустить, чтобы его рыцарь рисковал ради него — и не в бою, а на этом глупом поединке. Он знал, что ему это ещё откликнется, откликнется неприятностями большими, чем сегодняшние, и тем не менее, он сказал:

— Остановитесь, господа.

— Что ещё? — нетерпеливо крикнул фон Зейдлиц

— В поединке нет надобности, — он полез в кошель и достал оттуда склянку. Поднял её над головой, чтобы все видели. — Вот яд, которым господин Шоуберг собирался меня отравить.

— Это отвратительная ложь! — заорал фон Зейдлиц, багровея лицом. — Вы лжец, Эшбахт!

— Нет, не ложь. У меня есть письма Шоуберга к Элеоноре Августе фон Мален, в которых он пишет, что купил яд для меня у старой повитухи за пять талеров.

— Мы даже не будем читать ваши письма, — шипел молодой граф.

— Это навет! — кричал фон Зейдлиц.

— Верно, верно, — тут же поддерживал его Теодор Иоганн, — это клевета на все добрые дома нашего графства.

— Сын мой, — заговорил старый граф, приходя так же, как и все, в волнение, — это очень серьёзное обвинение. Очень серьёзное.

— Что ж, — холодно произнёс кавалер, он, кажется, сейчас был один, кто оставался спокоен, — я буду писать епископу Малена, или лучше даже архиепископу Ланна, чтобы он прислал сюда святых отцов, опытных святых отцов из Священного Трибунала, чтобы они провели расследование и установили доподлинно, был ли Шоуберг отравителем.

— Плевать мне на ваших попов! — закричал Зейдлиц. — И я…

Старый граф прервал его движением руки и заговорил, обращаясь к Волкову:

— Сын мой, обвинение сие весьма тяжко, и даже святые отцы из Трибунала захотят услышать свидетелей. Есть ли у вас свидетели? Письма письмами, но без свидетелей дело не пойдёт.

Волков обернулся назад:

— Максимилиан, пригласите госпожу Ланге.

Юноша кивнул и чуть не бегом кинулся к шатру кавалера.

Все господа, и со стороны графа, и со стороны Волкова, без единого слова и даже без единого звука стояли и смотрели, как от шатра, чуть подбирая юбки, чтобы не пачкать их в мокрой глине, спускается высокая и стройная Бригитт. Она была удивительно хороша в своём лучшем зелёном платье, небольшой шубке и с идеальной причёской, несмотря на ветер. Она раскраснелась от волнения, ведь десятки мужчин смотрели на неё, но это ничуть её не портило. Чуть сзади неё шёл Максимилиан, такой же взволнованный и краснощёкий, как и госпожа Ланге.

— Ах, это вы, дитя моё! — старый граф стал щурить глаза, когда она приблизилась. — Подойдите ко мне, подойдите.

Госпожа Ланге подошла и, больше не боясь грязи, встала перед графом на колени и поцеловала ему перчатку.

— Ах, Бригитт, вы ли это, воспитанница моя?

— Да, господин граф, это я, — улыбалась госпожа Ланге.

— Ах, как вы стали хороши вот бы ваша матушка порадовалась, увидав вас.

А вот молодой граф так, кажется, вовсе не был рад видеть тут Бригитт.

— К чему она здесь? — спросил Теодор Иоганн, грозно глядя на красавицу.

Волков ему не ответил, он опять поднял склянку с ядом, чтобы все видели, и спросил:

— Госпожа Ланге, знаете ли вы, что это?

— Узнаю ту склянку, что передал мне господин Шоуберг, говоря, что в ней яд.

— Опять ложь! — закричал фон Зейдлиц. — Где он вам её передал?

— В замке Мелендорф, когда я была там, под лестницей у кухонь он мне этот флакон и передал.

— Зачем же ему это? — спросил старый граф с неподдельным удивлением.

— Сказал, чтобы я отравила господина Эшбахта. И сказал, куда лить яд, чтобы вкуса Эшбахт не почувствовал. Сказал, чтобы лила я его в крепкое вино, и то после того, как он уже другого выпьет — и тогда вкуса яда уже не разберёт.

— И что же он вам за это обещал? Он был беден, у него ничего не было! — всё ещё не верил фон Зейдлиц.

— Он ничего не обещал, — спокойно отвечала госпожа Ланге, — обещала госпожа Эшбахт. Говорила, что когда господина Эшбахта не будет, то выйдет она замуж за господина Шоуберга. И тогда подарит мне свою карету, кучера, девку в услужение даст и двести талеров серебром обещала. Просила, чтобы сделала я всё.

Тут старый граф закрыл глаза перчаткой. А молодой стал чёрен лицом и спросил сквозь зубы:

— Отчего же это она вас просила?

— Оттого, что я дом у господина Эшбахта веду, и чуланы с едой, и погреба с вином, и прислуга — всё это в моей власти.

И замолчал молодой граф, не зная, что ещё и спросить. Молчал, а злоба в нём клокотала.

— Этого быть не может! — упорствовал фон Зейдлиц. — Это навет!

И тут Бригитт, повернув к нему своё прекрасное лицо, холодно стала говорить, так говорила, словно пощёчины отвешивала при каждом слове.

— Коли надобно будет, всё, всё повторю на Святом писании, и при добрых людях, и при святых отцах. За каждое слово своё душой бессмертной своей отвечу.

И насупившийся фон Зейдлиц отступил перед прекрасной женщиной, ни слова не сказав более, повернулся, взял у человека свою шубу и пошёл к своему коню. Старый граф так и сидел, закрыв лицо рукой, а молодой так и стоял с лицом темнее, чем камень. Больше ему сказать было нечего. Остальные сеньоры тоже молчали.

Дело было сделано. И последнее слово сказала именно она, его красавица Бригитт. Так сказала, что у всех господ продолжать

упрёки желание отпало. Ах, как хотелось ему поцеловать её прекрасные губы. И уже думал он, каким подарком её отблагодарить.

Он, его выезд и его офицеры стали раскланиваться с господами, что приехали с графом. Кажется, даже среди них были люди, довольные тем, что не случилось кровопролития. Только граф молодой всё ещё стоял, скрестив руки на груди, и на поклоны не отвечал, так и смотрел взглядом, полным неприязни, то на Волкова, то на Бригитт.

А кавалер и его люди пошли уже к своему лагерю, и балагур Бертье вдруг стал представлять встречу как сражение:

— Враг был силён и первым пошёл на сближение. И атаки его были яростны, но кавалер, как и всегда, стойко оборонялся, и когда враг уже считал победу своею, наш командир выпустил госпожу Ланге, и та своим ударом во фланг врага опрокинула и смела его с поля. Полная победа, полная! Слава госпоже Ланге!

— Истинно так, истинно! — поддерживал его Рене. — Окажите честь и дозвольте поцеловать вам руку.

Она краснела так, что все её веснушки, что зимой исчезали, вновь стали заметны. И молча, так как не могла от волнения говорить, давала целовать себе руку всем господам, что просили её об этом.

Последним целовал ей руку Волков. И когда он поднял голову, она улыбалась ему, хоть в её прекрасных зелёных глазах стояли слёзы.

Да, то была победа, как и говорил славный Бертье, но победа та была временная. И это Волков отлично понимал. Если молодой граф от простой неприязни вдруг перешёл к открытой вражде, а по иному всё это дело и не выглядело, то нужно было искать причину.

И единственный человек, который мог ему открыть эту тайну, жил, конечно, во дворце самого графа.

Вернувшись в Эшбахт, всех своих людей он звал к себе в дом на обед. Раз не доели свинью на границе, отчего же не доесть её в тепле и с вином, и с пивом, раз дело прошло удачно.

Все с радостью согласились. С радостью. А вот у него радости особой не было. Пока все рассаживались за стол, едва умещаясь за ним, он ушёл наверх и звал к себе брата Ипполита и Сыча. Монах, зная зачем его зовут, нёс чернильницу, перья и бумагу, сургуч и свечу.

А Сыч присел на стул, молча ожидая, когда господин напишет. Сыч изменился после плена, Волков это замечал. Он стал тише, молчаливее и серьёзнее, что ли.

— Вот, — кавалер указал на письмо, которое монах

запечатывал при помощи свечи и сургуча, — нужно отвезти его Брунхильде.

— Но так, чтобы другие-какие люди о нём не ведали? — догадался Фриц Ламме.

— Именно.

— Сделаю, экселенц. Ехать сейчас или подождать до утра можно?

— Дело промедления не терпит. И главное, дождись ответа.

— Ясно, поеду сейчас.

— Деньги есть?

— Три талера, думаю, на это дело хватит, — кивал Сыч.

Он встал и ушёл, а Волков и монах побыли ещё в покоях. Волков думал, а монах собирал писчие принадлежности. Ещё один вопрос, кроме вопроса о молодом графе, не давал кавалеру покоя. И этот вопрос становился всё более насущным, ибо за это с него уже начинали спрашивать, как сегодня спросили за кавалера Рёдля.

— Как ты думаешь, монах, кто растерзал нашего святого человека?

— Ну как же, зверь, конечно, растерзал, — отвечал брат Ипполит.

— Зверь, зверь, а кто он, этот зверь?

Брат Ипполит задумался на минуту, а потом и сказал:

— Он из тех, кто рядом живёт, но не из тех, кто приехал сюда с вами.

— Из тех, кто рядом, из тех, кто рядом, — задумчиво повторял кавалер, глядя перед собой.

— Господин мой, — на пороге появилась Бригитт, она была весела и прекрасна, — а вино я приказала из погреба последнее подавать. Надо будет новое покупать.

— Хорошо, госпожа Ланге, подавайте последнее. Купим, — отвечал он ей.

— А отчего вы грустны, отчего не идёте к гостям? Туда уже и госпожа Эшбахт спустилась.

— Вот как? — Волков вдруг засмеялся. — Хорошо ей будет среди господ, что сегодня про её подвиги слушали.

— Надеюсь, о том ей никто не упомянет, а то будет ей конфуз, — несмотря на его смех, серьёзно сказала красавица. — Пойдемте, господин, негоже заставлять гостей ждать.

Всё вино выпили от радости, и даже Элеонора Августа пила со всеми. Она прислушивалась к тостам, удивлялась им, стала пить первая, когда Волков предложил выпить за здоровье графа, тестя его, и сидела она со всеми долго, и была, кажется, даже весела, и ушла уже вечером, сказав, что ей дурно от духоты.

Видно, так и не поняла, что победу праздновали над мёртвым Шоубергом, так как у всех господ хватило такта и трезвости имя это не упоминать.

Но главной женщиной за столом по праву была Бригитт. За неё пили, её прославляли. А Бертье называл её Красной Розой Эшбахта. Отчего красавица краснела и впрямь становилась красивой, как удивительный цветок.

Уже после того, как всё закончилось, она, даже не отдав обычных приказаний домовым слугам, не проследив за уборкой обеденной залы, со смехом потащила кавалера за руку вверх по лестнице в свои покои.

— Тише вы, сумасшедшая, тише, — говорил он, хромая вверх по ступенькам, — мои хромые ноги за вашими красивыми не поспевают.

Она же только смеялась в ответ и влекла его дальше, не давая ему поблажки.

А там, ещё и дверь за ними не закрылась, кинулась его целовать и помогать ему раздеваться.

А когда он уже расположился в перинах, она тоже стала разоблачаться, но хоть и весела была от вина, тут она проявляла сдержанность, платье своё безумно дорогое она снимала осторожно, чтобы шитьё не попортить, чтобы кружева не порвать.

Но Волков не торопил её, он любовался этой молодой ещё, стройной и красивой женщиной. Когда на ней осталась одна нижняя рубашка, она готова была уже лезть под перины, но он её остановил:

— А ну-ка стойте.

— Что? — спросила красавица.

— Рубаху скиньте?

— Зачем? — она явно кокетничала.

— Хочу видеть вас, долой тряпки.

— Как пожелаете, мой господин, — отвечала Бригитт, скидывая на пол с себя последнюю одежду.

Хоть никогда такого он за ней не замечал, но тут она, кажется, стала смущаться. А он, придирчиво и с наигранной строгостью разглядывая её, сказал:

— Так оно и есть, а я думал, что мне всё кажется.

— Что же со мной не так? — чуть испуганно спросила красавица.

— Так волосы у вас на животе не так красны, как на голове.

— И что же мне, их покрасить, что ли? — чуть обиженно произнесла она, пытаясь залезть к нему в постель.

— Куда, куда вы, я ещё не налюбовался вами, — кавалер не пустил её под перины. — А ну-ка, спляшите мне, я видел, как вы

плясали во дворце у графа, вы были грациозны.

— Так музыки же нет, господин мой, — чуть стесняясь, говорила она.

— Ладно, так хоть повернитесь ко мне спиной. Хочу видеть вас, какова вы сзади.

Эту просьбу она выполнила беспрекословно, встала и сама подобрала свои волосы, чтобы не мешали кавалеру любоваться ею, собрала их на затылке в один огромный красный ком.

Была удивительно стройна, даже и Брунхильде не уступала в стройности, уступала той в телесной роскоши, но зато брала изящностью своих линий.

— Идите же ко мне, госпожа моя.

— Что? Наконец, возжелали взять меня? — с кокетством и вызовом поинтересовалась красавица, залезая к нему в кровать.

— Желаю вас, как никого не желал.

Она чуть не пискнула от счастья, услышав такие слова, всё кокетство её и весь вызов сразу улетучились:

— Скажите, что мне делать, господин мой.

— Становитесь на колени, хочу видеть ваш зад.

Она тут же исполнила его просьбу. А когда всё было конечно, и Бригитт носиком касалась его плеча, руками держала руку его, а ногу положила на ногу его, и чтобы в счастье своём найти ещё словесное удовлетворение, она спросила у него:

— Довольны ли вы мной сегодня, господин мой?

И в ответ услыхала то, от чего ей вдруг захотелось плакать. Кавалер ей сказал коротко:

— Жалею, что не жена вы мне.

И чтобы не выдать слёзы в голосе, Бригитт больше в ту ночь вопросов ему не задавала.

Глава 16

Сыч уже утром был в зале, ждал его с письмом от графини. Сразу, не повелев нести завтрак, он схватил письмо. Нет, он не тешил себя надеждами, что Брунхильда сразу раскроет ему тайны и расскажет, отчего молодой граф затеял дело против него. Кавалер прекрасно понимал, что графиня будет последней, кто узнает о тайнах молодого графа, но как он и ожидал, кое-что в письме её стало для него интересным.

Кроме всё тех же жалоб на обиды и притеснения, в письме она писала про мужа — и писала, что тот стал хвор, что нужду ему стало справлять тяжко, что лёгкая нужда вызывает у него боль и кровь, что ночью он на спине спать не может, что худеет, это Волков и сам видел, и что в пояснице у него часты прострелы такие, что он от них плачет, и что глаза графа совсем стали плохи. В общем, со слов доктора, графу до Божьего суда оставался год и не более.

Волков отложил письмо. Ему не стало ясно, почему граф затеял дело, но стало ясно, что в замке графа, да и во всём графстве всеми делами заправляет уже молодой граф Теодор Иоганн. И с этим ему в дальнейшем придётся мириться. И ещё кое-что писала графиня, то, что поначалу не показалось кавалеру важным. Она писала, что уже два месяца в замке все только и говорят о раздоре с домом Фейлинг из Малена. Сути она не ведала, но писала, что раздор тот крепок и все в замке говорят, что если суд курфюрста не даст нужного решения, то может, дело станет и кровопролитным.

«Фейлинги, Фейлинги, а ведь при мне состоят двое из этой фамилии».

— Максимилиан, — позвал он.

— Да, кавалер, — отозвался юноша.

— После завтрака просите господ Курта и Эрнста Фейлингов ко мне.

— Как пожелаете, кавалер, — ответил молодой человек и вышел.

Волков взглянул на Сыча:

— С Брунхильдой ты не виделся?

— Нет, экселенц, в замок мне соваться опасно, я же бывал там с вами, узнает ещё кто.

Волков понимающе кивал. А Фриц Ламме продолжал:

— Я познакомился в трактире с конюхом из графской конюшни, он вхож в замок и в покои господ, мужичонка жаден, будет нам помогать за мелкое серебро. А ещё я поговорил с

пажом нашей Брунхильды. Он приносил ответ.

— Ну и…?

— Кажется, сопляк ей верен. Волнуется за неё.

Волков опять кивнул.

— И сдаётся мне, что он её имеет, — продолжал Сыч.

Кавалер удивлённо уставился на него.

— А что, муж у неё совсем никуда не годен, а она молода, ещё и хороша собой. Кто же не соблазнится?

— Она же беременная, — сомневался Волков.

— И что? Мой папаша брал мою мамашу до дня родов, и ничего, все мои братья и сёстры были один к одному, как огурцы. А ежели вам не нравится брюхо беременной бабы, так поставьте её на колени, зад-то её от беременности не поменяется.

Волкову всё это слушать не хотелось, он махнул на Сыча рукой: Ступай.

Сыч пошёл к двери, а кавалер его окликнул:

— Фриц.

— Да, экселенц.

— Спасибо тебе.

— Я потратил талер, экселенц, — только и ответил пройдоха.

Волков знал, что он врёт, но спорить не стал.

А госпожа Ланге просто сияла. Она и раньше была красива, а нынче утром не было ничего в округе, что могло сравниться с ней по красоте. Она была ослепительна! И мила, и добра со всеми слугами, даже с Элеонорой Августой, которую она недолюбливала, в это утро Бригитт была ласкова и спрашивала, как та спала.

Проходя мимо кавалера, если была возможность, она касалась его рукой или, стоя рядом, — бедром. Или вовсе, когда никто не видел, запускала свои тонкие пальцы ему в волосы.

Когда пришли братья Фейлинги, так ему даже пришлось просить её оставить их, так как она, встав рядом с его креслом, собиралась слушать их разговор.

На молодых господах бархат уже пообтрепался, да и сами они уже не те, что были прежде. Возраст их вряд ли изменился, всё те же шестнадцать и четырнадцать лет им было, но выглядели они уже старше. И походы, и войны, и жизнь среди людей рыцарского и воинского звания уже наложили отпечаток на юношей. Стали они серьёзны и основательны.

Вина в доме кавалера после вчерашнего пира не осталось совсем, и Бригитт с утра посылала к трактирщику. Вино у того было мерзко, и драл за него он втридорога, а вот пиво его было сносно, и теперь перед братьями стояли большие, тяжёлые кружки, прилипающие к столу, в кружках было крепкое, липкое

пиво.

— И что же, господа, нравится вам ваша жизнь среди воинского сословия? — спросил кавалер у молодых людей. — Не тяжка ли, не скучна ли?

— Жизнь воинская вполне себе весела, кавалер, — важно отвечал Эрнст, старший из братьев.

— Вполне себе весела, — подтвердил совсем ещё юный четырнадцатилетний Курт Фейлинг.

Мальчишки врали, Волков помнил, как они выглядели, когда он гонял своё войско по глине и кустам туда и обратно, заманивая горцев в нужное ему место. Он случайно видел их. На братьях лиц не было от усталости и уныния. Тогда все были уставшие, а эти так из сёдел едва не падали. Но ничего, не упали, не отстали. И теперь сидят хорохорятся.

— Как живётся вам в доме с другими господами?

— Хорошо, живётся, хорошо, — заверил Эрнст Фейлинг. — Господа, что живут с нами, добры и благородны.

— Благородны? — спросил Волков для поддержания беседы.

— Благородны и веселы, — добавил молодой Фейлинг.

— И кто же из них самый весёлый?

Братья переглянулись, и младший сказал:

— Так господин Гренер самый весёлый.

— Да-да, — согласился с ним старший, — самый весёлый среди нас господин Гренер, всегда всех смешит.

— И господин Максимилиан тоже весел.

— О нет, — тут братья засмеялись, — весел может быть кто угодно, даже кавалер фон Клаузевиц, но только не господин Максимилиан.

— Да, господин Максимилиан весьма строг, всегда следит за порядком и даже не даёт нам спать, если мы забыли коней после езды почистить. Или напоить, — говорил Эрнст.

— Да-да, весьма строг, бывало, что он и с постели нас поднимал, когда мы забывали до ночи про коней, — подтвердил Курт.

— Это правильно, господа, за конём должно следить больше, чем за своей одеждой и своей красотой. И не всегда нужно полагаться на конюхов своих, в том подлости нет, что ты за своим конём сам смотришь. Лично я во множестве коней своих командиров чистил, — нравоучительно говорил кавалер. — Ибо от коня часто будет зависеть ваша жизнь в бою. Я рад, что господин Максимилиан с вами строг.

Юноши всё понимали, они соглашались, кивая головами.

— Вы пейте пиво, господа, — продолжал разговор Волков.

Братья Фейлинги брали большие кружки, младшему, Курту,

так пришлось брать свою двумя руками, чтобы сделать глоток.

— А господин Увалень вам не докучает?

— Нет-нет, мы его любим, он добр и очень могуч, — сказал Эрнст.

— Да. Добр, но много ест и сильно храпит, но всё равно мы его любим, — говорил младший. — И ещё мы любим кавалера фон Клаузевица.

— Да, его тоже любим, он учит нас фехтовать.

— Господин Георг — лучший фехтовальщик. И не жалеет времени на то, чтобы учить нас, — добавлял Эрнст воодушевлённо.

После того как вчера на встрече весь пыл слетел с тех храбрых господ, когда Клаузевиц сказал, что примет вызов вместо Волкова, слова молодых братьев вовсе не казались ему пустым детским восхищением.

Он, кстати, ещё собирался поговорить об этом его поступке с молодым рыцарем, вчера от радости ему было не до того.

— Я рад, господа, что вам всё нравится, а теперь я хотел бы поговорить о другом.

— О чем же, кавалер? — спросил Эрнст, причём оба юноши сразу насторожились.

Волков помолчал, он понимал, что его дальнейшие вопросы, возможно, будут несколько бестактны, но он хотел знать как можно больше по делу, которое его интересовало:

— Господа, мне недавно стало известно, что дом Фейлингов ведёт какую-то старую тяжбу с домом Маленов. Вам что-нибудь известно о том?

Братья в который раз переглянулись, и старший стал рассказывать:

— То старый раздор. Старая распря из-за Хлиденских холмов. Говорят, граф, дед нашего нынешнего графа, уступил большую землю на северо-востоке от Малена городу после проигранной войны, а наш дом те земли у города выкупил, а графы говорят, что те земли мы забрали бесправно, так как документов на передачу земли в Мирном договоре между городом и графом нет, они утеряны. А герцог эту тяжбу судить не желает. Ему и город дорог, и граф родственник. Как не рассуди — всё обиженные будут.

Волков удивлялся осведомлённости юноши и, всё запоминая, спрашивал ещё:

— И что же, богаты те земли?

— Богаты, пахотной земли там мало, едва ли двенадцать десятин будет, но есть луга хорошие. Да и через всю землю идёт большая дорога на северо-восток. У нас там две кузни, три

постоялых двора и трактира, и все берут пиво с нашей пивоварни, и припасы все наши, мельницы две штуки, есть коровьи фермы и сыроварня, и конезавод, мы так за год прошлый тридцать коней и меринов для городской управы выставили. Всё с большой удачей в серебре.

— А мужики? Сколько у вас там мужиков?

— Дворов двести, но все вольные, крепостных нет.

Двести дворов, конезавод, фермы, кузницы вдоль дороги. Да, земля, кажется, та и вправду была хороша, да и не стал бы молодой граф заводить распрю ради земли бросовой. Хотя может…

Он ещё спрашивал братьев Фейлингов, и те ему говорили без утайки всё, что знали про эту старую распрю. И кавалер всё отчётливее понимал, что в этой своей вражде с графом и местными сеньорами, что непременно станут на сторону графа, придётся ему искать союзников среди знати городской. А вот как они его встретят, он уже и так в немилости у герцога, нужен ли городу такой обременённый сварами и войнами союзник? Это был вопрос.

Вскоре, узнав всё нужное, он отпустил братьев от себя. И младший брат, выпивши всю кружку пива, из-за стола выходил на ногах нетвёрдых.

Эти тяжкие думы были не последними его тяжкими думами; помимо вдруг появившейся нелюбви молодого графа ещё ему не давала покоя смерть кавалера Рёдля в его земле. Чёртов зверь. Он всё, всё портил. Разбей ты хоть десять раз свирепых горцев на своих границах, но если в твоих пределах гибнут столь известные турнирные бойцы, то какой же ты сеньор? Впрочем, известно какой — плохой. Который по скудоумию или по небрежению не может навести порядок в земле, данной ему в прокорм. Может, такому сеньору и земля не нужна? Не по силам ему быть владетелем.

Чёртов зверь!

Одно дело разорванный бродяга. Бродяга? Да хоть целое небольшое кладбище бродяг, что было за хижиной монаха, даже пропавшие дети, да и сам монах беспокоили всех меньше, чем всего один, но благородный и известный человек. Волкову уже один раз припомнили его, а сколько раз ещё будут припоминать? В общем, со зверем надо было кончать:

— Максимилиан.

— Да, кавалер.

— Седлайте коней, вы и Увалень едете со мной, — сказал кавалер и, чуть подумав, добавил, — и просите господина Клаузевица ехать со мной тоже.

— Далеко ли нам ехать? Брать ли с собой съестное?

— Нет, доедем до замка соседа, хочу знать, как там барон фон Дениц, жив ли, нет ли, к ужину будем дома.

Максимилиан поклонился и ушёл исполнять приказание, а Волков звал дворового, чтобы помог одеться в дорогу.

Они ехали по известной дороге на запад. Через брошеную хижину монаха к старому, но ещё крепкому замку Балль. В этот день было не так холодно, как в прежний раз, но декабрь есть декабрь. Ветер есть ветер, а горы, что за рекой в двух днях пути отсюда, есть горы. В общем, зимой даже несильный ветер с гор несёт вовсе не свежесть. И уже вскоре ногу ему крутило, как обычно. Казалось, давно нужно к тому привыкнуть, а оно всё не привыкалось. Он остановил коня, пропуская вперед Увальня, а сам стал растирать ногу. Когда с ним поравнялся фон Клаузевиц, Волков заговорил с ним:

— Вам нравится мой вороной трёхлеток?

— Это тот, которого вы редко ставите под седло? — в свою очередь спросил рыцарь.

— Да, тот, которого я берегу.

— Мало у кого есть такие кони, — отвечал фон Клаузевиц. — Любому такой конь будет по душе, даже пусть то граф.

Кусты тут были не часты, место шло чуть в гору, и они поехали бок о бок.

— Теперь тот конь ваш, — сказал Волков.

Георг фон Клаузевиц удивлённо уставился на кавалера:

— Кавалер, в том совсем нет нужды, я и своим конём доволен. Он у меня не так быстр, но весьма выносливи характер имеет не трусливый, и при этом покладист.

А Волков, словно не слышав этого, продолжал:

— Я его берёг, на войну никогда не брал, думал оставить его на племя и приглядывал хороших кобыл. Но раз уж вы вызвались быть моим чемпионом, придётся мне с ним расстаться.

— Да нет же в том нужды, — повторял молодой рыцарь, — я вызвался драться за вас вовсе не за подарки.

— Мне о том известно. Но раз уж взялись быть моим чемпионом, мне придётся быть вашим патроном. Я читал о том. И читал, что первым подарком от патрона должен быть конь. Вороной ваш.

— Кавалер, я вовсе не потому ввязался в это дело, что искал подарков.

— Обычай есть обычай, конь ваш. И раз уж мы с вами так всё решили, скажите мне, что побудило вас влезть в столь опасный раздор?

Фон Клаузевиц помолчал некоторое время и сказал:

— То дело не в вас, уже да простите вы меня, кавалер, — отвечал молодой рыцарь.

— Так в чём же?

— В клятве.

— В клятве? После такого интереса у меня ещё больше стало. Говорите же.

— Хорошо, раз вы просите. Отец мой и два брата мои одиннадцать лет назад, когда горцы из четырёх союзных кантонов осадили Мален, были в ополчении у герцога. И герцог в сражении у замка Грезебург, что северо-западнее Малена, был сильно горцами побит. Отец мой погиб ещё на поле, а брат был ранен и схвачен псами подлыми. И когда герцог просил их отдать пленных и сулил сволочам за благородных людей серебро, изверги эти отказались, всех пленных, что не были ранены, они прирезали, а тех, что были ранены, бросали в сухой ров у замка, где те умирали от ран и жажды. Умирали долго и мучительно. Там мы и разыскали нашего брата.

— Сие печально, но это обычай горцев, правил доброй войны они не знают, ибо как звери растут в своих горах без чести и человеколюбия божеского, подобно скотам. Оттого они сразу всякую ересь себе берут, что истинного Бога не ведали никогда, — произнёс кавалер, сочувствуя молодому рыцарю.

— Именно, — соглашался тот, — человеколюбие им не присуще, и уважения к благородству они не знают. А мать моя после смерти отца и брата была безутешна. Траура более не снимала. Старший мой брат, который остался жив в том сражении, вступил во владение поместьем, а меня отдали в учение к славному рыцарь Сриберу. И я учился как мог. Это был добрый человек и большой мастер, он и просил герцога по прошествии лет даровать мне рыцарское достоинство. И как я его получил, мать звала меня к себе и на иконе Божьей матери просила меня клясться, что отомщу я горцам за отца и брата. Я клялся, а брат мой взял в долг большие деньги и купил мне коня, доспехи и оружие. И с тех пор я искал любых людей, что осмелятся бросить вызов горцам. Две компании воевал за герцога, но на севере, с еретиками. Но война кончилась. Уже думал, что пойду в войско императора и поеду в южные земли, а тут как раз слух прошёл, что какой-то помещик побил горцев на их берегу и разграбил их ярмарку. Я решил подождать и посмотреть, может, это был простой приграничный набег. И теперь вы будете прятаться да бегать от врага. А вы возьми и побей их на реке. Тут уже я понял, что провидение мне вас подвело. И решил, что с вами- то и выполню клятву, данную матушке. Уж как она радовалась в письме, когда я написал, что враг во множестве бит

у холмов и что я в этом деле был участником. Писала, что молится за вас не меньше, чем за меня.

— Что ж, передавайте вашей матушке поклон, — произнёс Волков.

— Передам обязательно, — говорил Георг фон Клаузевиц. И продолжал. — И уже когда на встрече с сеньорами графства вас стали задирать всякие нелепые люди, что ни под какими знамёнами стоять не захотят, если сражаться придётся против горцев, понял я, что не допущу того, чтобы человека, который бьёт свирепых горных псов без боязни, ранили или, не дай Бог, убили люди не славные и не храбрые, а только лишь умелые во владении мечом.

Для Волкова это стало неожиданностью, вот, оказывается, как к нему пришёл его ангел-хранитель.

— Что ж, — сказал кавалер, — теперь вы всё мне разъяснили, и ещё раз говорю вам спасибо, что были смелы и вразумили дерзких в нужный час.

— Не стоит, кавалер, рад был услужить, — сказал Георг фон Клаузевиц.

Но в словах молодого рыцаря не было законченности, и Волков это заметил:

— Что вас гнетёт, Георг? Кажется, вы не всем довольны.

— Гнетёт? Нет-нет, ничего меня не гнетёт, я всем доволен при вас. А теперь ещё и конь у меня будет на зависть всем другим. Просто…

— Ну, говорите же.

— У меня есть вопрос. Боюсь, что он будет не совсем уместен.

— Задавайте; у честных людей, а вы, как я вижу, именно такой, не должно быть вопросов, что другим людям задать их непозволительно.

— Вы правы, кавалер, в моём вопросе нет ничего предосудительного. Значит и спрошу вас: при доме вашем состоит молодая госпожа.

Волков сразу покосился на него: о чём это он?

— Госпожа Ланге, — продолжал фон Клаузевиц.

— Состоит. И что?

— Хотел бы знать её статус при вашем доме, она, кажется, домоправительница, но за столом она сидит с нами, то есть она не служанка вам, а женщина благородная. Я слышал, что она родственница вашей жене.

— Да, она ей родственница, а что у вас за дело до неё?

— Я думал, что она, быть может, свободна, ведь мужа у неё нет, и раз она благородна., - он замолчал, не договорив.

Волков понял, к чему клонит этот модой человек. Мальчишка

был молод и, конечно же, не мог не заметить, как красива Бригитт. Все видели, как она расцвела за последнее время. Из той рыжей замухрышки в старом платье, что приехала с его женой, выросла и распустилась прекрасная роза. Но это была его роза, роза господина Эшбахта, и он сказал так, чтобы у рыцаря не осталось никаких сомнений.

— Её мать, кажется, была сестрою старого графа, а отец был из холопов, то ли лакей, то ли конюх. А теперь она не только домоправительница, но ещё и моя женщина, в чьих покоях я провожу ночей больше, чем в покоях госпожи Эшбахт.

Ответ был исчерпывающий. Молодой рыцарь приложил руку к груди и поклонился, показывая тем, что разговор о госпоже Ланге закончен.

Глава 17

И эта поездка ничего ему не дала. Странно это было видеть, но в мирное время и посреди дня ворота замка были заперты. Волков требовал к себе человека, кто скажет ему, что с бароном, и опять к нему вышел родственник. Вышел! Да никуда он не вышел, а кричал кавалеру с верхней площадки башни при воротах, откуда обычно лучники или арбалетчики кидают стрелы и болты.

Господин Верлингер, всё тот же унылый и немолодой господин, кажется, дядя барона, не потрудился спуститься и кричал, как простолюдин, с башни:

— Нет, господин Эшбахт, увидеть вы его не сможете, господин барон ещё не в себе, всё ещё страдает от раны!

И Волкову, как простолюдину, приходилось орать ему в ответ:

— Есть ли улучшение, нет ли жара у господина барона? Не гниёт ли плоть вокруг раны?

— Жар почти не спадает, — чуть помедлив, отвечал господин Верлингер, — доктор всё время кладёт ему полотенца мокрые и лёд.

«Мокрые полотенца и лёд? Барон целую неделю не приходит в себя? Что за глупости». Волков и в первый раз сомневался в словах почтенного господина, а теперь и вовсе не верил ни единому его слову:

— Господин Верлингер, у меня была дюжина ран, никак не меньше, не соизволите ли вы позвать доктора, я хочу от него послушать, как протекает хворь, я кое-что понимаю в ранениях.

На башне опять, опять повисла тишина, и была она похожа на тишину замешательства, словно господин Верлингер не знал, что на эту просьбу ответить. Он даже исчез за зубцом башни, но видя, что докучающий ему гость не уезжает, наконец появился и крикнул:

— Сие абсолютно невозможно, доктор не отходит от постели больного.

— И спит у неё, что ли? — негромко, самому себе, сказал кавалер.

— До свидания, господин Эшбахт! — орал с башни почтенный господин, которому явно не терпелось закончить разговор.

— До свидания, господин Верлингер! — прокричал Волков напоследок.

Вернулся он домой замёрзшим, голодным, усталым. Помимо того, с болью в ноге. И больше всего его злило то, что вся эта

затея оказалась пустой. Упрямый Верлингер был не хуже всякого другого привратника. И в замок не пускал, и не говорил ничего.

А на пороге его встречала Бригитт, вся цветущая в своей молодой красоте. Так свежа она была сегодня, что никто бы не дал ей её двадцати шести лет. Госпожа Ланге брала сама его шубу и берет, не давая дворовой девке помочь ему, той достались всего лишь перчатки, а Бригитт что-то щебетала, счастливая и красивая необыкновенно, а он был хмур, глядел на неё и в первый раз подумал о том, что уж слишком она прихорашивается. К чему быть такой пригожей, когда вокруг столько молодых красавцев, как фон Клаузевиц, и Максимилиан, и даже Гренер-младший? Зачем бередить им сердца и распалять кровь? Но ничего ей говорить не стал. Разве скажешь, если она так хороша сегодня и в таком хорошем расположении духа.

Ей он ничего не сказал бы, но почему-то ещё перед домом попрощался с фон Клаузевицем, не став звать ни его, ни Максимилиана, ни Увальня на ужин вопреки своему обычаю.

Хмурый и задумчивый, он велел поставить своё кресло к камину, сел и снял меч и просил дворовую девку снять с себя сапоги и принести туфли. Госпожа Ланге на кухне хлопотала с ужином, уже спустилась сверху и жена с неизменным рукоделием. А он всё думал и думал о том, что никак не может повидать барона. И это казалось ему странным. И повидать барона он очень хотел, хоть раненого, хоть мёртвого. А тут жена отрывает глаза от шитья и говорит ему:

— Отчего вы сестру в гости никогда не зовёте?

Вот уж чего не ожидал кавалер от жены, так это подобных вопросов. Никогда за ней не водилось особой любви к его сестре и её детям. Поначалу он даже и не поверил, что правильно понял сказанное.

— Ну так что, позовёте сестру на обед? Пусть будет к нам в гости, и пусть дети её придут, — продолжала Элеонора Августа, видя, что муж не отвечает.

— Зачем вам это? — удивлённо спросил Волков.

— От скуки, мне даже и поговорить в доме не с кем, с одной Марией говорю, у госпожи Ланге всё хлопоты и хлопоты, поп наш, и тот заходит только раз в неделю, вы в делах да войнах нескончаемых, так пусть, что ли, ваша сестра приходит.

— Так сами и позовите, — сказал кавалер, всё ещё удивляясь поведению жены.

— Позову, — сказала Элеонора Августа. — А ещё хочу знать, когда наш архитектор достроит церковь?

И опять Волков смотрел на жену удивлённо:

«Уж не затевает ли чего?»

— Хочу к обедням ходить, — продолжала жена, снова берясь за рукоделие, — и причащаться как положено, исповедоваться в исповедальне, а не впопыхах, на скорую руку, как делает наш отец Семион, и не за нашим столом.

У церкви уже стояли стены, а те деньги, что кавалер дал на крышу, они с монахом решили потратить на часовню, что построили в честь невинно убиенного зверем брата Бенедикта. Как водится, собранных на часовню денег не хватило, и деньги церкви пошли на окончание строительства часовни. Кавалер ничего, совсем ничего не взял себе после победы над горцами, всё отдал солдатам и офицерам. И сейчас, чтобы закончить церковь, ему нужно было тратить своё золото, которого и так оставалось немного, или залезть в то золото, что он взял у купцов. И то, и другое было совсем не хорошо. Но он прекрасно понимал, что церковь нужно было достраивать. Поэтому обещал:

— После Рождества святого возьмусь за церковь.

— Да уж постарайтесь, а то мало того, что живу в захолустье, живу в крестьянском доме, так ещё и церкви рядом нет, помолиться негде. — говорила жена, продолжая рукоделие.

Опять, опять эта дочь графа упрекала его, что не такова у неё жизнь, как она хотела. Что ни балов, ни пиров, ни приёмов у неё нет, что с любовником её так круто обошёлся, что другие соискатели расположения замужних дам не скоро подумают о ней. Кавалер искоса посмотрел на жену: мало было ему боли в ноге, так ещё и это. Он снова отвернулся к огню и велел звать к себе Сыча.

Сыч явился на удивление скоро. Был трезв и серьёзен. Он после тюрьмы был всё время серьёзен и почти всегда трезв.

— Что, экселенц?

— Не даёт мне покоя этот барон, — негромко начал Волков.

— Я слыхал, вы ездили к нему сегодня.

— Ездил, и опять впустую. Этот чёртов его родственник даже на двор замка меня не пустил. Говорит, болен барон, без памяти лежит который день.

— Думаете, врёт? Скрывает что-то?

— Думаю, — говорит кавалер, — но думами сыт не будешь. Ты займись-ка этим. Выясни, что с бароном.

Сыч поглядел в огонь, подумал и заговорил:

— Шубу вы мне хорошую подарили, не по росту, конечно, но тёплую. Думаю, возьму с собой Ежа, возьму у вас телегу крытую с хорошим мерином, поеду в Мален, куплю тесьмы, лент, платков да пряников. А оттуда поеду в земли барона, поторгую, послушаю, что говорят мужики. Может, в замок меня пустят, может, доктора увижу. Думаю, что моё лицо в тех местах никто не

знает.

Волкову эта идея очень понравилась:

— Хорошо придумал. Так и делай.

— На товары да нам с Ежом на прокорм понадобится серебришко…, - говорит Фриц Ламме.

Волков смотрит на него, ждёт, пока тот назовёт сумму.

— На товары, думаю, десять монет надобно, да нам с Ежом ещё пяток.

— Десяти будет довольно, — сухо говорит Волков.

— Маловато, — говорит Сыч.

— Довольно будет, — начинает злиться кавалер, — мне церковь достраивать не на что. Все деньги, что мошенник Семион взял у епископа на церковь, уже потрачены. Теперь мне из своих её достраивать.

— Хорошо, экселенц, десять так десять, — соглашается Сыч. — Авось не пропадём.

Ужин уже подали, и нога, согревшись, уже не так болела, и жена была не зла, как обычно, а Бригитт так и вовсе весела и за столом не умолкала:

— Ленты сегодня лучшим вашим сержантам меряла.

— Девицы ленты носят, — поправил её Волков, — сержанты носят нарукавные банды, чтобы в бою и в строю сразу сержанта было видно.

— Да-да, банды примеряла, и они хороши, краски ярки, материи прочны, но вот у сержантов ваших одежда грязна очень, видно, они её не стирают совсем.

— В походе не до чистоты, а уж в бою так и вовсе не до неё, — поясняет кавалер.

— Так то в войне, а мы на ход собираемся, весь город придёт на нас смотреть, — говорит Бригитт и с аппетитом ест куриный бок, жаренный с чесноком.

И вот в этом она права.

— Велю одежду стирать и мыть, доспех всем велю чистить, — говорит Волков, тоже с удовольствием поедая курицу.

Ни он, ни Бригитт не видят, как к их разговору вдруг стала прислушиваться госпожа Эшбахт. Обычно ко всему безучастная, за столом молчаливая, а тут вдруг заинтересовалась.

— Велите, велите, а то шествие уже через два дня. — говорит госпожа Ланге.

Элеонора Августа отрывается от трапезы, смотрит на мужа, но спрашивает у Бригитт:

— И что это за шествие вы устраиваете?

— То не мы устраиваем, — говорит Бригитт, она довольна и словно хвастается, — то город в честь победы нашего господина

над горцами просит его быть с шествием на Рождество. Город сам оплатит нам барабанщиков и трубачей, а мы будем шествовать от южных ворот до кафедрала, где епископ будет читать рождественскую мессу.

Волков вздыхает, понимая, что зря Бригитт болтает так много. И как в воду глядел, жена вдруг кладёт кусочек курицы, что держала в пальчиках, в тарелку, смотрит на Волкова, и во взгляде её читается удивление и даже обида.

— Господин мой, отчего же вы не говорили мне, что город просил вас провести шествие? Почему же я ничего не знаю о вашем шествии?

Волков сам удивляется в свою очередь. И он, и его господа офицеры, и Бригитт неоднократно говорили об этом, тут же, в этой зале, за этим столом, в присутствии госпожи Эшбахт. Как она могла не слышать их разговор? И пока он удивлялся и думал, что ему ответить, заговорила Бригитт:

— Так это оттого, что вам славные дела господина нашего не интересны.

О Господи! Уж лучше бы она молчала. Элеонора Августа напряглась, вытянулась, выпрямила спину и стала нервно вытирать полотенцем жирные пальчики, не отводя ледяного взгляда от госпожи Ланге. А потом, всё ещё смотря на Бригитт, сказала твёрдо и явно адресуя слова только ему:

— Желаю на шествии при вас быть и на мессе праздничной у епископа при вас быть, как жене положено.

— Хорошо, — успел сказать Волков, пока Бригитт ещё чего не сказала.

Но Бригитт и не думала замолкать:

— Да к чему вам это? Хочется вам таскаться по холоду? Сидели бы уж дома.

Тут Элеонора Августа вытерла руки, отбросила полотенце и встала и, так же глядя на Бригитт, сказала Волкову:

— На шествие я поеду, хочу мессу епископа слушать и при муже своём сидеть, — она помолчала и добавила победно: — Господин мой, прошу вас нынче ночью спать в моих покоях. Устала я одна спать, словно незамужняя какая.

Сказала и, выйдя из-за стола, пошла к лестнице, что вела на второй этаж.

Волков молчал, даже и знать не знал он, как ему быть в этой ситуации. Что сделать? Что сказать? Бригитт же покраснела от злобы, так была зла, что стала не так хороша, как обычно, так зла, что ногти на пальчиках, что стакан сжимали, побелели.

Глава 18

Это ему было не присуще, но кавалер решил, что этот раздор в его доме сам утрясётся. Уляжется и забудется, как и все бабьи склоки. Без его вмешательства. Две женщины, законная и желанная, сами уже найдут способ, как им жить под одной крышей. Ну а как иначе, им три раза в день придётся садиться за один стол, встречаться, ходить по одним комнатам, разговаривать. Может, уже и не будет про меж них прошлой сердечности, когда Элеонора Августа и Бригитт были компаньонками, но уж найдут они слова и договорятся, как жить без кошачьих драк. Всё-таки не хамская кровь в них текла, кровь в обеих была самая что ни на есть благородная. Графская.

Волков помнил, что во всех женских бандах, что ходили за любым войском, всегда поначалу случались склоки и драки. Сначала дрались из-за места в колонне. Всем хотелось идти вместе со своими повозками сразу за солдатским обозом, а не плестись в самом конце за арьергардом. Дрались за место в лагере, всем хотелось быть поближе к воде и к офицерским палаткам, а не у отхожих мест. За право торговать вином и даже за право торговать телом в каком-нибудь привилегированном и поэтому состоятельном отряде. В общем, поводов рвать друг другу космы у женщин было предостаточно. Маркитантки и девки гулящие при любой возможности били друг друга. Таскали за волосы друг друга так, что вырывали из голов клочья, оставляли проплешины. Лица друг другу царапали так безжалостно, что потом даже бывалые солдаты, видавшие всякие раны, смотреть на окровавленные женские лица не могли. Впрочем, солдат это забавляло, они с удовольствием сбегались смотреть на «кошачью войну», которая случалась всегда в начале похода. В ругани, в визге, в драках кое-как выстраивалась женская иерархия, появлялось своё «чинопочитание». Потом в женском «войске» постепенно наступал мир. Всем становился ясен их статус и их место в войске, все всё понимали, все уясняли, кто, и где, и чем может торговать и кто, и когда, и кому может дарить ласки, женщины успокаивались. В войске наступал мир, который совсем изредка прерывался дракой. Эти драки носили уже сугубо коммерческий характер. Били, как правило, хитрюг, которые думали, что умнее всех остальных. Когда какая-то девица переспала не с тем, с кем ей положено, или, что ещё хуже, сбивала цену на ласки, вот таких били и отнимали у них заработанное. Били и маркитанток, если, к примеру, она зашла торговать остатками пива в расположение отряда, где ей это

делать не положено.

Волков думал, что всё и в его доме образуется так же, как и в бабьих батальонах, что ходили вечно за солдатами. И поэтому ничего не предпринимал. Ночь он спал у жены, как она того и требовала. Чем обозлил Бригитт, это он сразу понял утром по тому, как красавица с ним поздоровалась. Она буркнула ему что-то, не подняв головы от дела. Он удивился и спросил её о самочувствии, а она лишь сказала ему холодно:

— За стол садитесь, завтрак велю подавать.

Сели завтракать, так за столом такой нехороший дух висел меж женщинами, тяжесть была столь осязаема, что возьми он боевой топор да проведи меж ними так топор, тот застрял бы и повис бы в воздухе.

Элеонора Августа всё время, как приехала в дом его, словно спала, до сих пор ни домом, ни мужем не интересовалась. Грезила только домом отца своего, мечтала о балах и танцах. Читала романы да рукодельем занималась. До сих пор ей было всё равно, где муж её ночует. Да хоть в хлеву, лишь бы к ней не прислонялся. А тут вдруг как проснулась. Посмотрела на мужа, потом на Бригитт и, морща носик от недовольства, говорит:

— Отчего вы, госпожа Ланге, так небрежны?

Рыжая красавица смотрит на Элеонору Августу в удивлении, ярость её приливает к сердцу, а кровь к лицу, но говорит она ещё спокойно:

— В чём же небрежность моя? Дом я держу в чистоте, слуги в покорности, где же вы тут небрежность увидали, госпожа Эшбахт?

— Муж мой жизнь свою в солдатских лагерях провёл в грубости и грязи, вам ли того не знать, моя дорогая, — продолжает Элеонора Августа с видимым подтекстом. — Всю свою аккуратность он на коней своих да на железо своё тратит, за столом совсем не аккуратен. Вон под левым локтем его жирные пятна на скатерти, второй день ими любуюсь, а вам, видно, недосуг, госпожа Ланге, позвать слуг да сменить скатерть.

Волков замер, думая, что Бригитт сейчас скажет тоже что-то грубое, но та только покосилась на пятна под локтем Волкова и спокойно отвечала:

— Ничего, гостей нынче не предвидится, а господин наш и на простой бочке едал, так что пятен он и не заметит, ежели ему не напоминать.

Волков хотел сказать что-то, чтобы разговор другой начать, да разве тут успеешь.

— Муж мой, может, и на бочках едал, может, и из седла не вылезая ел, а может, ел и на земле сидя, только вот я с бочек не ела, — уже шипит госпожа Эшбахт. — И я не для гостей скатерти

стелю, для себя и для дома своего. А для гостей скатерти стелют мужики. И бюргеры, что тухлой колбасой торгуют.

«Не очень-то хорошо, жена моя, вы знаете, как живут мужики», — думал Волков, надеясь, что пожар, разгоревшийся за столом, утихнет без его участия.

Но утихать пожар не собирался, Бригитт была вовсе не глупа и за словом в карман не лезла:

— Господин наш, как вы изволили сами сказать, из сословия воинского, он до женитьбы с бочки ел, а за жену ему дали приданое малое, и простыней, и скатертей, всего было мало, да и те, что были в приданом, хороши не были. От стирок частых совсем быстро ветхими становятся, вот и не велю стирать их часто, чтобы поберечь.

Госпожа Эшбахт побледнела и сжала вилку в руке, словно оружие. И заговорила так громко и пылко, как уже совсем господам не подобает:

— Во всяком случае, за жену господину приданое дали, помимо приданого имя знатное и родственников славных. А у иных ни имени славного, ни приданого, хоть плохого, ни благословения божьего.

Волков скорчил гримасу, увидав, как из дверей на кухню выглядывает прислуга, он уже руку поднял над тарелкой, думая так привлечь к себе внимание и остановить перепалку, да не тут-то было, уже сплелись две змеи в поединке, Бригитт уже кричала не хуже Элеоноры Августы:

— Ах да, конечно, и благословение есть, и имя, и приданое есть, но отчего-то мужа приходится к себе в спальню приказами гнать, как вчера было, сам-то не идёт, в иной раз так и палку взять придётся.

От такого госпожа Эшбахт рот открыла и не находила, что ответить.

«Ах, как это всё глупо», — думал он.

И старался не смотреть на жену. А та как раз на него и смотрела, ища, кажется, его поддержки перед такими оскорблениями. Не найдя её, вскочила, швырнула вилку об стол, так что та со стола улетела прочь, звякала по полу, а Элеонора Августа пошла быстро к себе, кажется, в слезах.

А Бригитт вдруг с лицом спокойным стала дальше есть завтрак. Словно ничего и не случилось. И не замечая, как с кухни всё выглядывают и выглядывают любопытные дворовые дуры, которых за это Мария лупит тряпкой.

Волков надумал высказать свое неудовольствие Бригитт за то, что была она груба с его женой. 11о… Побоялся, что красавица обидится. Она и так с ним с утра не разговаривала. А

ему очень не хотелось ссориться с госпожой Ланге. Ведь вчера, когда он лёг спать в постель с женой, он даже думал о том, что когда Элеонора Августа заснёт, он пойдёт в покои этой огнегривой красавицы, чтобы хотя бы пожелать ей спокойной ночи. И поцеловать. Ему и вправду этого хотелось.

Может, он и не стал бы так уж волноваться о настроениях Бригитт и сказал бы ей быть потише с женой, не случись у него совсем недавно этого разговора с фон Клаузевицем про Бригитт. Теперь он понимал, что не он один видит её красоту. Не одного его она привлекала своими рыжими волосами, удивительной статью и природной грацией, а ещё глазами большими, зелёными, как у кошки недоброй. Поэтому упрекать он её за глупый бабий раздор не стал, и завтрак они заканчивали в полной тишине.

В этот день, чтобы не сидеть под одной крышей с двумя гарпиями, он поехал смотреть солдат, что пойдут на шествие. Солдатами и офицерами он остался доволен. Все тридцать стрелков, что были отобраны для шествия Рохой, Хилли и Вилли, все были хороши. У всех одежда была чиста, панцири и шлемы начищены. У всех стрелков, и у аркебузиров, и у мушкетёров по новой моде через плечо тянулась дорогая кожаная бандольера со свисающими с неё зарядными лядунгами-картушами. Люди Рене и Бертье тоже выглядели молодцами. Ни рваных ботинок, ни грязных рукавов стёганок.

Ну а уже про людей ротмистра Брюнхвальда и говорить не приходилось. Их алебарды сверкали на свету, даже и намёка на ржавчину не было. Ни на кирасах, ни на шлемах, ни на наплечниках и поручах, даже захоти он, и то не нашёл бы ни единого жёлтого пятнышка. Да, Карл Брюнхвальд был прекрасный офицер. Господа из выезда тоже приготовились, кони у всех хорошо кормлены и чищены. Гривы и хвосты вычесаны и даже заплетены по рыцарской моде. Даже молодой Гренер, который был совсем не богат, и тот гляделся хорошо. Видно, взял одежду напрокат у товарищей. Все офицеры в бело-голубых шарфах. Все господа из выезда в бело-голубых сюрко. Все сержанты с бело-голубыми лентами- бандами на левом плече. Также выбрали три самых красивых штандарта. Один, конечно, тот, что подарил ему архиепископ. Это был главный и просто роскошный стяг. Два других были не столь хороши, но ещё новы и смотрелись совсем неплохо.

Волков был от увиденного в хорошем расположении духа и совсем забыл про домашние распри. А когда смотр был окончен и нужно было возвращаться домой, то вспомнил. И как вспомнил, так напросился на обед к Рене, сказав ему, что соскучился по

сестре и племянницам. И сестра, и племянницы были рады видеть дядю, и он просидел у них дома, пока на дворе не начало смеркаться. И лишь потом они с Максимилианом поехали домой.

А дома за ужином он сидел за столом только с женой, Бригитт не пришла. И после ужина жена, как и в прошлый вечер, просила его спать в её покоях. Он так и сделал, хотя хотелось ему спать в другой постели.

Встали далеко до петухов, рассветом ещё и не пахло, начали собираться, одеваться, завтракать. Служанки собирали госпожу в дорогу, с вечера ума не хватило собраться. Приходили господа офицеры с рапортами. Говорили, что все готовы. А он поначалу не давал команды, думал вместе с ними поехать, да какой там, жена совсем не готова, одно платье узко стало, она о том не ведала, на другом пятно, у третьего платья кружева не пришиты, кони в карету не впряжены, Мария впопыхах собирает в дорогу снедь. И ко всему этому нет никакой помощи от Бригитт. Она уже собралась, вещи, платья, нижние юбки, еда и всё другое, что надобно женщине, уже собрано, всё сложено в телегу. Там и перины, и одеяла, чтобы не мёрзнуть в дальней дороге. И мерин уже в телегу впряжён, и возница ждёт.

И теперь она, одетая и причёсанная, готовая к дороге, только шубу накинуть, с кривой улыбочкой смотрит, как Элеонора Августа, ещё не причёсанная, орёт на девок домашних, которые не знают, где кружевной верх к её платью.

Волков доспех ещё не надел, только стёганку и кольчугу. Доспех он собирался надеть перед городом, перед шествием. В стёганке ему жарко в натопленной зале. Он сидит недовольный, смотрит на всю эту кутерьму, что творится дома. Его жена бестолочь, к ведению хозяйства склонности никакой не имеет, это всем понятно. Только зря ругает прислугу, то отдаёт, то отменяет приказание. Порой сама не понимает, что ей нужно. Будь у него такой бестолковый офицер, так выгнал бы его сразу. А Бригитт, дрянь, тому рада, что госпожа глупа, так и стоит, так и улыбается, глядя на бестолковую утреннюю суету, что устроила госпожа Эшбахт. И ведь слова не скажет, хотя знает, что кружева к платью лежат в большой корзине после стирки.

— Карл, — наконец говорит Волков, — думаю, сборы ещё продлятся, выступайте без меня, я вас догоню.

Брюнхвальд кивает, он всё понимает, встаёт, идёт из дома на улицу.

Он молодец, старая кираса начищена так, что иному зеркалу не уступит. Шлем под мышкой, меч на боку. Весь собран, строг. Всегда хорош Карл Брюнхвальд. На него можно положиться.

Да, хорош, а вот госпожа Ланге кавалера раздражает.

Кажется, её забавляет вся та истеричная кутерьма с суетой и руганью, что устроила Элеонора Августа.

Кажется, его жена уже пережила боль от утраты любовника. И, кажется, смирилась с тем, что ей придётся жить в ненавистном доме, ложась в постель с ненавистным человеком. И сейчас она была хоть и суетлива, хоть и глупа, но весьма бойка и слуг приводила в чувство и повиновение не хуже госпожи Ланге.

Сама же госпожа Ланге так и стояла в обеденной зале, глядя, как суетятся дворовые девки, собирая гардероб своей госпожи.

Это её поведение ещё больше усугубляло дело, так как Элеонора Августа ещё и раздражалась, зная, что Бригитт смеётся над ней прямо при слугах.

— Госпожа Ланге, — видя всё это, говорил Волков, — вы собираетесь ехать в карете госпожи Эшбахт?

— Куда уж мне, — со смиренной, но фальшивой покорностью говорила Бригитт, — с меня и телеги довольно будет.

— Так не ждите нас, — сухо сказал кавалер, — езжайте с ротмистром Брюнхвальдом.

— Как пожелаете, господин мой, — она присела в низком книксене, после взяла шубку и пошла на двор.

Эта дрянь сказала «господин мой». Хотя в этом случае было бы достаточно просто слова «господин». Слово «мой» в этой ситуации было не то чтобы фамильярным, скорее оно подчёркивало более высокий уровень отношений.

Естественно, госпожа Эшбахт не могла этого не заметить. Она подняла глаза от платья, что рассматривала, поглядела в спину уходящей Бригитт, а потом и на господина Эшбахта. Губы её скривились. И взгляд жены словно обжёг его. И он понял: Элеонора Августа отошла от своего горя.

Он вздохнул. Он хотел выйти на улицу, потому что было ему жарко, но подумал, что жене почудится, что он пошёл провожать Бригитт, и остался на месте. Так и сидел в своём кресле ещё час, пока Элеонора Августа, урождённая фон Мален, а ныне госпожа фон Эшбахт, не готова была ехать.

Уже рассвело, когда их на дороге встретил отряд бравых горожан. То были шесть барабанщиков и четыре трубача с городским корпоралом. Одежда у них была празднична и ярка.

— Господин, — говорил усатый и немолодой уже корпорал, — до города отсюда меньше мили, он уже за поворотом, вас выйдут встречать важные люди из совета города и из консулата во главе с новым бургомистром, и сам епископ будет, лучше тут вам построиться и развернуть знамёна.

Волков сел на табурет, что принёс ему Увалень, стал облачаться в доспех. А тут прибежала одна из служанок жены:

— Господин, госпожа спрашивает, долго ли будем стоять?

— Отчего же она спрашивает?

Служанка вдруг наклонилась к его уху и зашептала:

— Госпоже надобно по нужде. Давно надобно. А вазу ночную взять забыли.

Волков поморщился, как раз ему Максимилиан пристёгивал наплечник. И он так же тихо ответил служанке:

— Отведи госпожу в кусты.

— Госпожу в кусты? — удивилась служанка.

— В кусты, в кусты, кустов вокруг много.

Служанка не уходила, стояла, дура, над душой, лицо глупое в растерянности.

— Скажи госпоже, чтобы сейчас шла; когда тронемся, когда шествие через город пойдёт, ей точно некуда будет пойти, так как народ вокруг будет, — уже с раздражением говорил кавалер.

Говорил, а сам думал: разве же с Бригитт такое быть могло бы? Да никогда. Собирай она жену в дорогу, никогда ничего не забыла бы.

Вскоре доспех был надет. Да, этим подарком архиепископа мог гордиться любой, жалко было закрывать его изысканные узоры даже самым красивым ваффенроком. Тем не менее, он надел поверх доспеха свой бело-голубой наряд с чёрным вороном, сжимающим факел. Поверх ваффенрока надел серебряную цепь, подарок герцога. Подпоясался дорогим расшитым поясом, повязал свой драгоценный меч с золочёным эфесом, сел на своего самого дорогого коня. Подшлемник решил не надевать, не так уж было и холодно. Ограничился лёгким калем, шлем взял под мышку. Два бравых сержанта с протазанами из людей Брюнхвальда встали перед его конём, барабанщики и трубачи построились впереди сержантов. Максимилиан развернул роскошное бело-голубое знамя, его конь был сразу за конём Волкова. Лёгкий и нехолодный ветер с запада сразу подхватил красивое полотнище. За Максимилианом уже сидели в сёдлах фон Клаузевиц и Увалень, за ними другие господа из выезда. А за ними уже и офицеры на конях и солдаты. Все ждали его сигнала, чтобы начать. Волков повернул коня, чтобы убедиться, что все готовы, и уже было поднял руку, чтобы отдать команду, как увидал девку-служанку. Девка, вся запыхавшаяся, бежала к нему и махала рукой. Она оббегала солдат, офицеров, господ из выезда, а те удивлённо смотрели на неё, не понимая, что ей нужно. Наконец она добежала до кавалера и сказала так громко, что слышали все, кто был вокруг:

— Господин, господин, госпожа просит, чтобы вы пока не шли. Постояли ещё.

Волкова скривился от раздражения, но стеснялся спросить, отчего госпоже так угодно.

И служанка пояснила всё так же громко:

— Госпожа решилась сходить до кустов. И просит без неё не трогаться.

Кавалеру страшно не хотелось смотреть, как тайком усмехаются его люди и даже городские барабанщики, что стояли в строю последними перед ним и, конечно, слышали, что говорит девка. Он опустил уже поднятую руку и отвернулся.

Глава 19

Резкий, пронзительный звон труб был так громок, что его, наверное, было слышно за стенами города. Стая ворон, хлопая крыльями, сорвалась с деревьев, как только звон разлетелся по округе. Трубачи дело своё знали. Они могли выдувать такие звуки, даже не останавливаясь.

И барабанщики города Малена были не хуже трубачей. Ровный и слаженный бой барабанов заставлял людей шагать, попадая в такт ритмичным ударам.

Так и пошли к городу, где перед воротами на дороге уже их ждали многие люди. Там были и горожане, и святые отцы, разодетые в лучшие свои одежды. Стояли они со всеми своими хоругвями, и статуями святых, и прочими святыми символами, готовыми для крестного хода. Ждали его.

Волков ехал, держа под мышкой свой шлем. Незавязанные тесёмки каля трепал лёгкий и тёплый западный ветерок. Он поглядывал по сторонам, смотрел как кланяются ему встречные мужики и купчишки, второпях убирая свои повозки и телеги, освобождая дорогу шествию. Он был весьма милостив, многим особенно учтивым он отвечал поклоном. Пусть радуются.

Хоть и не первый раз его так чествовали, но всё равно это было для него волнительно. Любому была бы в радость такая честь. И ведь по делам его чествовали, а не по крови, не по роду и не по серебру.

Но свою честь он заслужил по праву, и теперь в его честь к городским воротам выезжали первые люди города и святые отцы во главе с епископом. Да, к нему попы пришли, пришли, чтобы возглавить его шествие, сотворив из него крестный, праздничный ход. И этим благословляя перед всем людом его славу и его триумф. И людишки в городе сбегались к дороге. Праздновать Рождество и его победу. И это было важно, очень важно. Все его недоброжелатели пусть смотрят, пусть и герцог Ребенрее, и молодой граф Мален видят, как его встречают и почитают его простые люди в тех землях, которые они считали своими вотчинами.

Он уже полпути до ворот проехал, уже видел епископа и важных мирян у ворот различал, как за звуками труб и барабанов стали различаться городские колокола, зазвенели на все голоса и лады, разливаясь по округе. Теперь-то ни одного человека в городе и окрестностях не останется, что не будет знать о его приближении.

Теперь самый низкий мужик в округе и самый бедный бюргер

в городе знает о приближении шествия славного господина Эшбахта, который трижды бил подлых собак, поганых горных еретиков, обидчиков города Малена, что живут за рекой в своих богомерзких горах.

У ворот его встречал епископ. И хоть он был лет весьма преклонных, стоял пеший и без кареты, осеняя крестным знамением приближающееся воинство. Волков не поленился, слез с коня, стал перед святым отцом на колено, целовал епископу перстень и полу одежды. Отец Теодор, по обыкновению, с колена его поднял и стал целовать троекратно. И говорил при этом негромко:

— Мало, сын мой и друг мой, мало кто делал столько для Матери Церкви в землях этих больше вашего. Пожалуй, никто другой на память мне не приходит, хоть живу я тут давно. Да, давно…

— То не я, святой отец, то Господь, — смиренно отвечал Волков, — поэтому и люди за мной идут.

— Да-да, — старик провел рукой по его волосам, словно отец ласкал сына, которым гордился, — оттого и прозывают вас Дланью Господней. Я о том слыхал, слыхал..

Тут епископ обернулся, разыскивая кого-то глазами, и найдя, поднял руку и позвал человека к себе. Кавалер увидел, как к ним идёт важный человек в шубе. Но на голове его был не дорогой берет из бархата, а простая чёрная шапочка с «ушами».

— Сын мой, дозвольте вам представить нашего нового бургомистра, — говорил святой отец, когда господин приблизился, — это господин Виллегунд. Господин бургомистр, это кавалер Иероним Фолькоф, господин фон Эшбахт.

Волков и бургомистр сначала раскланялись, а затем Волков первым протянул бургомистру руку. Лицо бургомистра было тяжёлым, бледным, под серыми глазами мешки, и бургомистр Виллегунд заговорил, ещё не выпустив руки кавалера:

— Надеюсь, кавалер, вы уделите мне время для разговора. В вашу честь город устраивает пир, может, там мы сможем переговорить?

— Отчего же не поговорить, — сразу согласился кавалер. — Я всегда рад разговору с добрыми и честными людьми.

— Господа, господа, — прервал его епископ, — дела потом, потом, сначала ход и месса. Нас ждут люди, они хотят вас видеть, кавалер.

— Да-да, — сказал бургомистр, соглашаясь с епископом, — господин Эшбахт, дозволите ли вы мне и моим людям стать в конец вашей колонны и пойти с вами?

— Конечно, господин бургомистр, — отвечал Волков, — пусть

ваши люди становятся после моих, а вы становитесь прямо подле меня, под моим стягом.

— Сие невозможно, — господин Виллегунд опять поклонился, — эту честь я не заслужил, я же не бил горцев с вами.

— Я настаиваю, — произнёс кавалер, ему было плевать на заслуги, ему нужны были союзники в городе, а разве может быть в городе союзник важнее, чем бургомистр, поэтому он продолжал, — я хочу, чтобы со мной рядом на моём шествии был первый горожанин славного города Малена.

— Не смею отказать, — бургомистр опять поклонился, — сейчас только схожу за конём.

Когда он ушёл, епископ, кивая головой, словно соглашаясь, говорил Волкову:

— Сие мудро, мудро. Фамилия Виллегундов очень старая, не богатая, но очень влиятельная. Держите их к себе ближе, они будут вам хорошим подспорьем.

Раз уж зашёл этот разговор и образовалась свободная минута, пока шествие ожидало бургомистра, кавалер не стал ждать другого случая и заговорил с епископом:

— Святой отец, кажется, у меня будут распри не только с герцогом, но и с графом Маленом.

— С молодым? — отец Теодор сразу насторожился.

— С молодым.

— Это плохо, — сказал святой отец, — старый граф не жилец, долго не протянет, скоро уже Теодор Иоганн станет девятым графом Маленом. А он не глуп, энергичен и способен на многое. И в чём же у вас вышел раздор?

— То мне неизвестно, я, кажется, о том вам писал, я с ним не ссорился. А он вдруг начал собирать местных сеньоров, звать меня на их суд за поединок с Шоубергом, любовником моей жены.

— Ах да, этот поединок наделал много шума, о нём долго говорили. Кстати, как с женой вашей, у вас с ней после того раздора большого не вышло, спите вместе?

Волков поморщился, не о том говорил старый поп:

— Вместе, святой отец, вместе.

— Это очень хорошо, ищите в себе силы простить её. Женщина по сути своей слаба и умом, и душою, живёт позывами своей плоти, как животное, и спрос с неё мал. Во всём виноват мерзавец Шоуберг, и думаю, что на том свете ему воздастся, так же как воздалось и на этом, — говорил ему епископ.

Да уж совсем не об этом сейчас думал кавалер, он соглашался с попом и продолжал:

— Истинно, святой отец, только вот не Шоуберг причина раздора.

— Конечно, не Шоуберг. Шоуберг только видимая причина, у вас с графом нет ли каких тяжб земельных? Ваши имения, кажется, граничат с имением Маленов.

— Граничат, — согласился Волков, но вспомнить какие-нибудь претензии со стороны графа не мог. — Нет, споров по земле у нас нет, вряд ли он соблазнится той моей землёй, что граничит с его уделами. Там пустыня. Непонятна мне его неприязнь ко мне.

— Хорошо, — произнёс епископ, — я узнаю, отчего молодой граф вас невзлюбил.

Волков ещё многое хотел обсудить с епископом, но тут приехал на своей лошади бургомистр. И разговор пришлось отложить.

Одна за другой бахнули на приворотных башнях кулеврины. Над стенами поплыл чёрный пороховой дым. Взвизгнули трубы, раскатисто забили «приготовиться» барабаны. И… Колонна пошла, впереди епископ, ничего, что стар, за ним служки с креслом- паланкином, вдруг святой отец притомится. Дальше статуя Богоматери в полный рост, вся золочёная — Рождество же. Дальше хоругви и иконы Богородицы всех размеров и стилей. Попы от всех приходов города, служки в дорогих одеждах, юные хористы пытаются петь. Какой там, разве перекричат они барабаны, трубы и колокола на всех соборах. За попами, как и положено, кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт, что прозван за свою ярость в вере Инквизитором, а за свою удачливость Дланью Господней. Лик его горд и холоден, а доспех его так хорош, что и у самого герцога Ребенрее такого нет. Жаль, что великолепный фальтрок большей частью скрывает латы, видны людям лишь его наручи, перчатки да наголенники. Ну и шлем, который кавалер держит под мышкой. По левую руку от него едет сам бургомистр. А за ними и совсем ещё юный знаменосец кавалера фон Эшбахта. Он без головного убора и без шлема, но в доспехе, дерзкий красавчик, на которого с интересом смотрят все молодые, даже и замужние женщины. Он упирает в правое стремя древко красивейшего и большого, дорогого шитья стяга. Левой рукой небрежно держит поводья. За его спиной на лёгком ветру едва шевелится бело-голубое полотнище со злым чёрным вороном.

А за ним уже едет первый офицер кавалера и отец знаменосца-красавчика Карл Брюнхвальд. За ним же его люди — тридцать человек. Все в сверкающей броне, все алебарды и копья с протазанами блестят. Дальше Рене и Бертье с их людьми, а после и чернобородый и одноногий Роха со своими молодыми

сержантами и стрелками. Все люди в одежде чистой, ни одного рваного башмака. Выглядят грозно. А уже за ними, не спрашивая позволения, стали пристраиваться все, кому не лень, — и мастеровые со знаками гильдий, и члены городских коммун, и мельники со своими стягами, и торговцы солью и мясники. Все, все имели свои знамёна и знаки. И все были в лучших своих одеждах.

На площади сразу после ворот, там, где стража проверяет товары и взымает пошлины и проверяет, нет ли в телегах чего недозволенного, там их встретил отряд аркебузиров из городского ополчения. Было их не менее сорока, и с ними их ротмистр и сержант. И к шуму труб, барабанов, к звону церковных колоколов прибавились ещё и холостые выстрелы из аркебуз.

Аркебузиры ещё и пошли впереди всех, даже впереди попов и епископа, и на ходу перезаряжали оружие своё и стреляли, и стреляли. И так не жалели пороха, что, проезжая по узким улочкам, Волков и бургомистр с улыбками морщились, так как ветер совсем не выдувал с улиц чёрный пороховой дым. Он так и висел тяжёлыми клубами, не сразу растворяясь в прохладном ещё утреннем воздухе.

Люди со всех соседних улиц, со всех проулков и переулков вываливали целыми кучами к дороге, по которой шло шествие.

«Вон он, вон он — Эшбахт», — слышал Волков то и дело, несмотря на весь возможный шум.

«Ишь ты каков!» — кричала женщина, в общем ещё и не совсем старая и даже приятная на лицо.

«Хорош!» — кричала другая ей в ответ.

«Да уж не хуже наших, дуралеев, что горцев ни разу побить не могли!» — кричал городской мужик.

И люди всё ближе и ближе подходили к нему, так как сзади на них напирали другие.

И все были радостны. И Волков был добр и, морщась всё ещё от грохота, звона и порохового дыма, видя в толпе или в окнах честных людей, он кивал им, а незамужним девам так и вовсе помахивал тяжкой латной перчаткой.

И тут краем глаза он увидал, как из толпы, которая была уже совсем рядом, вдруг появилась маленькая рука, которая храбро потянулась к нему, к его коню. Он даже испугался, машинально потянулся к мечу, думая, что это злодей какой что-то задумал и намеревается схватить его коня под уздцы. Но потом он ругал себя за глупый испуг, когда понял, что та рука женская и узду коня вовсе хватать не намеревалась. А потянулась к его латному боту, к его стремени. И прикоснулись женские пальцы так, словно

погладили железо. Так глубоко верующие касаются одежд святого. Он увидел молодую женщину, которой принадлежала рука, женщина была из небогатых и улыбалась, глядя на него. Довольная, что удалось к нему прикоснуться. Он тоже ей улыбнулся. И тут же следующая рука потянулась к его стремени. Тоже прикоснулась. И следующая рука появилась, и следующая, уже в перстнях, так стали вдоль его пути от людей тянуться руки, тут уже и мужские были, и даже детские, и все норовили прикоснуться к правому боту его великолепного доспеха или к стремени, а кто посмелей, тот трогал и наголенник или «колено». И тогда он снял перчатку и опустил руку вниз, чтобы те, кто хотел, могли касаться и его руки. И люди сразу стали трогать его руку. Кто-то едва касался пальцами, а кто-то пытался и пожать.

— Даже герцога так у нас не встречали, когда он был тут три года назад, — видя это, говорил бургомистр. — Люди от вас в восторге.

Бургомистр говорил это без всякой зависти и весьма дружелюбно. Но Волков ничего ему не ответил, он не знал, как правильно ответить на эти слова.

Церковь была полна, даже в проходах стояли люди, так их было много, что в большом храме от свечей и их дыхания стало тепло. Первые господа города стали рассаживаться в положенных им по статусу первых рядах. Ему же полагалось место в первом ряду, ещё и прямо напротив кафедры епископа. Он уселся, осеняя себя крестным знамением, готовился слушать праздничную проповедь в честь великого праздника и тут увидал, как молодой поп с большим почтением ведёт к нему Элеонору Августу. Кавалер уже и забыл про неё, как забыл и про госпожу Ланге.

Госпожа Эшбахт, расправив юбки, уселась от него по правую руку, села с видом гордым, с видом, от которого ясно было всем, что сидит она тут по праву и, может быть, и не первый раз.

— Доброго дня вам, мой господин, — сказала она Волкову. И, чуть нагнувшись, добавила. — И вам, господин Виллегунд, доброго дня.

Волков подивился тому, что его жена знает бургомистра, а бургомистр сразу ответил ей, вставая с места:

— Доброго дня вам, госпожа Эшбахт, и с великим праздником вас.

— И вас, и вас с праздником, — отвечала Элеонора Августа.

— Ах да, — вспомнил Волков, — с праздником Святого Рождества, господин бургомистр. И вас, госпожа моя.

— Вспомнили наконец про жену, что Богом вам вручена, — с лёгким укором заговорила госпожа Эшбахт. — Не пойди я искать места сама, так сидела бы до сих пор в карете перед храмом.

— Ах, простите меня, госпожа, — вступился за Волкова бургомистр. Он даже руку к груди приложил. — То моя оплошность.

— Нет-нет, то оплошность не ваша, господин Виллегунд, — говорила Элеонора Августа с улыбкой, — господин мой часто про меня забывает; будь я, к примеру, дорогой кобылой или горским еретиком, мужа я видела бы много чаще, так как нет у него больше интересов, чем разбираться в лошадях да воевать.

При этом госпожа Эшбахт вдруг положила свою руку на руку Волкова. Не то чтобы сие было предосудительно, любови и ласке положено быть промеж супругов. Но то было в церкви, а ещё то было весьма удивительно для Волкова. Жену было не узнать в последнее время. Кавалер не удивился бы, если бы узнал, что она что-то задумала. Руки он, конечно, не отнял, но насторожился, хотя бургомистр начал его хвалить:

— Уж простите его, госпожа, но воинское дело есть труднейшее из всех дел, что даны Господом человеку, а в воинском деле мало кому-то удалось сделать, что мужу вашему. Ибо злейшему из врагов наших он неоднократно указывал место его.

— Да, в войнах и поединках ему равных мало, — неожиданно согласилась жена. — Жаль, что не так он куртуазен и галантен, как храбр в поединках и умел в войне.

— Каждому своё, госпожа, каждому своё, — отвечал ей бургомистр.

После этого разговора Волков ещё больше убедился в том, что жена что-то замышляет. Возможно, ему ещё откликнется чёртов Шоуберг. Даже из могилы.

А тут вдруг красиво и стройно запели хоры, и епископ, в лучших своих нарядах, не без помощи молодых служек взобрался на кафедру и начал праздничную мессу. Рождество всё-таки. А Волков, наклонившись к бургомистру, спросил тихо, чтобы не мешать другим слушать мессу:

— Кажется, после мессы будет пир?

— Как водится, господин фон Эшбахт, как водится. У нас же сегодня два праздника сразу.

— Будьте добры, проследите, чтобы на пиру мой первый офицер Брюнхвальд получил должное место.

— Непременно, я сам прослежу за этим.

И тогда Волков ему говорит то, из-за чего он этот разговор и начал:

— А ещё найдите подобающее место на пиру госпоже Ланге.

— Не та ли это госпожа Ланге, что была при доме Маленов раньше? — спрашивает господин Виллегунд.

— Именно та, сейчас она при моём доме состоит, со мною приехала.

— Не волнуйтесь, кавалер, мы найдём подобающее место и вашему первому офицеру, и госпоже Ланге. — заверил бургомистр.

Глава 20

После мессы все стали выходить на площадь, важные городские господа шли кланяться к Волкову. Бургомистр и епископ, а также госпожа Эшбахт стояли рядом с ним. Отец Теодор, чуть сзади, представлял ему городских господ, многих из которых кавалер уже знал, а кое-кому был и денег должен. Помнил он и Фейлингов. Как раз это семейство шло к нему здороваться. Двое юношей из этого дома, что состояли при нём, были сейчас при семье. Волков чуть оборотил голову и негромко спросил бургомистра:

— А как зовут Фейлинга?

— Фердинанд, — так же негромко отвечал бургомистр.

Вот он-то и нужен был Волкову. Фердинанд Фейлинг и весь его дом должны были стать союзниками кавалера в Малене. Вторыми после святого отца Теодора. Волков при приближении Фердинанда Фейлинга протянул ему обе руки, как другу старому и сердечному.

Фердинанд хотел ему кланяться, но кавалер притянул его к себе и обнял:

— Рад видеть вас, друг мой, — говорил Волков.

— И я… И мы_, - Фейлинг даже растерялся от такой ласки. — Вот, всей семьёй решили засвидетельствовать почтение. Это моя жена Изабелла.

— Госпожа Эшбахт, — скромно представил свою супругу кавалер.

Дамы улыбались, приседали в книксенах, однако Элеонора Августа делала это вежливо, но снисходительно. Всё-таки она дочь графа.

— Рад сообщить вам, друг мой, что очень доволен вашими сыновьями Куртом и Эрнстом.

— То мои племянники, — поправил Фейлинг.

— Ах вот как!

— Но любимые, любимые племянники, — говорил дядя молодых людей, — такие любимые, что иной раз люблю их больше, чем собственных сыновей.

Все поняли, что это господин Фейлинг так шутит. Все смеялись. И как ни хотелось Волкову продолжить разговор с Фейлингом, но к нему уже шли другие важные люди здороваться.

Раскланявшись с очередной влиятельной семьёй Малена, Волков, всё ещё думая о нужной для него встрече с Фейлингом, снова повернулся к бургомистру:

— А во сколько закончатся праздники?

— Завтра закончатся, — сообщил ему господин Виллегунд.

— Завтра? — удивился кавалер.

— Завтра, завтра, — говорил бургомистр, — сегодня у нас будет Рождественский обед, а завтра пир в вашу честь, смотр городского ополчения и бал.

— Ах вот как, — Волков сразу стал подсчитывать, во сколько ему обойдётся постой и прокорм солдат, офицеров и господ из выезда.

Он продолжал улыбаться и кланялся очередным важным горожанам, хотя ему хотелось скривиться. А бургомистр, словно прочтя его мысли, шептал ему сзади:

— Не извольте беспокоиться, господин кавалер, солдат ваших мы разместим в городских казармах, на то уже даны распоряжения, а господа офицеры получат приглашения на ночлег от лучших домов города. Очень рассчитываю на то, что вы и ваша досточтимая супруга согласитесь принять моё приглашение.

С одной стороны это было приятно, но с другой стороны. Волков не хотел оставаться один, без солдат или хотя бы офицеров. Кто знает, что у этих горожан на уме. Он покосился на епископа, это был единственный человек, которому кавалер доверял всецело.

И старый умный поп сразу понял его взгляд и сказал бургомистру:

— Сын мой, на правах духовника господина Эшбахта прошу вас уступить мне право быть гостеприимным хозяином.

— Прошу простить меня, господин Виллегунд, — продолжил Волков, — но я очень скучаю по наставлениям святого отца и давно хотел поговорить о делах духовных.

Виллегунд безропотно поклонился. На том разговор был бы и закончен, не вступи в него Элеонора Августа:

— Отчего же нам, как бездомным бродягам, искать чужого крова, когда у нас тут есть свой большой дом, где все ваши офицеры смогут разместиться?

— То не мой дом, — произнёс кавалер сдержанно, — то дом вашего отца.

Ночевать в доме, хозяин которого твой откровенный недруг, ему совсем не хотелось.

— Как пожелаете, муж мой, — с несвойственным для неё смирением произнесла Элеонора Августа.

Они ещё долго здоровались с городскими нобилями, прежде чем всё закончилось, и все господа под всё тот же шум направились в городскую ратушу. Пошли пешком, даже епископ шёл сам, хоть на брусчатке кое-где был лёд, слава Богу, ратуша

была совсем рядом.

На рождественском обеде было весело. На верхних лавках разместились музыканты. Стали играть весёлую музыку. Ратушу, хоть и была она велика, протопили, дров не жалея, и шубы тут были уже не нужны. Хоть и святой праздник, но дамы незамужние блистали открытыми плечами, непокрытыми и распущенными волосами и прозрачными нижними сорочками, что не были прикрыты лифами платьев. Элеонора Августа кривилась от такой распущенности городских девиц. А Волкову и другим мужчинам всё нравилось. Он сидел за главным столом, по правую руку от епископа. Справа от него сидела жена, за женой сидел бургомистр, далее члены городского совета с жёнами, главы гильдий и коммун.

Все остальные сидели за другими столами. Народу важного тут было не менее двух сотен человек.

Блюда подавались самые изысканные — куропатки, жаренные с мёдом, и целиком зажаренные молодые свиньи, присыпанные сушёными сливами и абрикосами, буженины и окорока, к которым приносили острые соусы. Ко всему этому жирные, сладкие и жёлтые, на сливочном масле, хлеба.

Вино разливалось по ратуше ручьями. Прямо тут же, за спинками кресел первых господ города, слуги проламывали бочки и разливали вино по кувшинам, сразу разнося его по столам. Денег на пир городской совет не пожалел. А ведь завтра должно было быть продолжение. Волков ел и пил с удовольствием и с удивлением замечал, что и жена его, которая обычно в еде и питье была весьма придирчива, тоже всё ела с удовольствием. Особенно медовых куропаток. Да, она изменилась за последнее время, изменилась.

А тут бургомистр встал, подошёл сзади к его креслу и негромко заговорил:

— Кавалер, город решил сделать вам подарок, но всё никак совет не мог решить, какой. Одни говорят, что вам к лицу будет конь, самый что ни на есть лучший в графстве, другие говорят, что золотую цепь с гербом города. Так и не пришли к согласию. Что было бы вам по сердцу?

«Конь за двести талеров, или цепь за триста? Конечно, цепь, а лучше двадцать бочек пороху или и вовсе серебро».

В его положении ничего лучше денег быть не могло, хотя порох, будь он неладен из- за своей дороговизны, тоже был бы кстати.

— Что ж, конь для любого рыцаря лучший подарок, — скромно отвечал он.

Бургомистр поклонился и ушел говорить с другими

горожанами. А кавалер случайно повернул голову налево от себя и заметил за одним из столов её. Бригитт была прекрасна. Так прекрасна, что даже самые юные и свежие девы города, коим ещё едва исполнилось шестнадцать, не были так красивы и свежи, как эта двадцатишестилетняя женщина. Она, как и прочие незамужние девы, не собиралась прятать свои медные волосы. Не собрала она их и в причёску, так и струились они по её плечам и спине непослушными пружинами. А точёное лицо, чуть покрасневшее от вина, так и сияло женскою притягательною силой. Той силой, что так и тянет мужчин прикоснуться к такому лицу губами.

Была она вызывающе хороша, и плохо было то, что по левую руку от неё сидел молодой красавец фон Клаузевиц. Справа, конечно, был его Брюнхвальд, это могло бы его успокоить, но Карл совсем не уделял внимания красавице, а больше интересовался молодой свининой. Бригитт что-то говорила ему, а старый солдафон лишь кивал ей, кажется, даже и не прислушиваясь к её словам. Этот грубый болван никогда не был излишне галантным. Волков стал бы беспокоиться, но его немного успокаивал вид молодого рыцаря. Фон Клаузевиц сидел с каменным лицом, в разговоре Бригитт и Брюнхвальда участия не принимал никакого. Он даже не ел толком. Но всё равно Волков чувствовал беспокойство. То было беспокойство старого мужа, имеющего молодую жену. Да, он был высок и широк в плечах. Но он был хром, и его левая рука была совсем не так хороша, как в молодости. Да, он был знаменит, и в его честь давали пиры. Но его лицо было изрезано мелкими шрамами, а на лбу так шрам был и не мелкий. От его правого уха осталось чуть больше половины, на его голове белел пробором длинный шрам, его шея была изуродована. Да уж, на фоне фон Клаузевица, Максимилиана или молодого Гренера он выглядел весьма отталкивающе. Впрочем, он не видел людей, что провели полжизни в войнах и выглядели бы лучше, чем он. Кого ни возьми, хоть Брюнхвальда, хоть Рене, хоть Роху, на всех на них войны и походы оставили свой след. В отличие от них, между прочим, у него были все пальцы и все зубы. И все ноги! Он усмехнулся, найдя Роху глазами. Тот радостно наливался вином, сидя перед целой тарелкой всяких яств. Но как раз еда-то его и не волновали, его волновали молодые красавцы, что были близки к его дому, а значит, были близки и к его Бригитт.

Он подозвал одного из лакеев и велел пригласить к себе Максимилиана, указав на того пальцем. Вскоре Максимилиан пришёл, и Волков сказал ему:

— Передайте госпоже Ланге, что сегодня мы будем ночевать в

доме епископа.

— Да, кавалер. Быть ли мне с вами?

— А вас разве не пригласили в гости местные господа?

— Нас с Увальнем пригласили братья Фейлинги ночевать у них. Я слышал, что и Гренеров и фон Клаузевица пригласили другие господа.

— Вот и ночуйте там, а утром чтобы все были у дома епископа.

— Понял, я передам госпоже Ланге ваше пожелания.

Волков чуть подумал и сказал:

— Пусть Увалень проводит её.

Всё равно волнение не покидало кавалера. И епископ, и жена к нему обращались с разными словами, он слушал их вполуха. Даже кивал, соглашаясь, но сам то и дело бросал взгляд на Бригитт и осуждал её лёгкое поведение и особенно её вид. Слишком уж она была откровенна в виде своём, зачем же так волосы распускать? К чему это? Забыла, что ли, что она представляет его дом?

Так и досидел он до конца обеда, думая уже не про дом Фейлингов, который надо было сделать союзником, а всё больше про госпожу Ланге, о том, что она нескромна и слишком много внимания себе берёт, и что платье у неё чересчур ярко. Эти мысли подпортили ему всё настроение от радостного праздника.

После обеда, когда он с госпожой Эшбахт поехал в дом епископа, туда же приехал по приглашению и бургомистр Виллегунд. Так и сидели они вчетвером. Поначалу и госпожа Эшбахт была с ними, но как услышала она их речи и о чём говорят мужчины, так попрощалась и пошла в спальню. А они за вином и продолжили.

— Не буду лукавить, господин кавалер, — говорил бургомистр, — что ни в ком город Мален так не нуждается, как в опытном и славном военачальнике. Помним мы, как за последние десять лет дважды сюда приходили горцы, глумились и издевались. Один раз с трудом мы отбились, за стенами отсиделись, а второй раз так и откупаться пришлось с большою тяжестью и позором. Никогда на памяти моей не было в наших землях воина, подобного вам, да и у курфюрста не было таких.

Волков кивал и благодарил бургомистра, а тот от вина, что ли, вдруг ещё более смелые речи стал говорить:

— Земельная знать всё больше наглеет, вся эта родовая деревенщина хочет себе всё большего; конечно, слыхали вы, кавалер, что молодой граф все земли, что восточнее Малена, алчет себе. Полагая, что старые роды города владеют ими беззаконно.

— Что-то о том слышал, — с видимой отстранённостью отвечает Волков, хотя сам в душе радуется такому раздору между молодым графом и городом. — Спор тот, кажется, древний.

— Древний, — подтвердил епископ. — И город не хочет ему уступать, так как уже давно владеет восточной дорогой. И всеми землями окрест неё.

— А чью же сторону примет герцог в этом споре? — сразу спросил Волков.

— Конечно же, сторону своих родственников. Мален — главная его опора и поддержка тут, на юге его земли, — сказал епископ.

— Так и будет, — согласился с ним бургомистр, — нас герцог бесконечно обременяет своими просьбами и пожеланиями, словно город Мален его податной мужик, а родовую земельную знать графства он и войной не беспокоит. Когда они в последний раз воевали за его Высочество? Они уже и не помнят, как воевать, уже и в доспехи не влезут, если придётся.

— А вы слышали, бургомистр, — заговорил опять епископ, — что господина Эшбахта они звали на дворянский суд?

— Конечно, — оживился тот, — об этом три дня у нас все говорили. Как осмелились и, главное, за что? За то, что человек на честном поединке отстаивал честь своей жены! Это просто возмутительно!

— Думаю, что городу нужно укрепить свои связи с господином Эшбахтом, — задумчиво произнёс отец Теодор. — Думаю, и кавалеру, и городу то пойдёт на пользу.

— Господа из города уже говорили со мной о дороге, что надобно построить между городом и моим поместьем, — вспомнил Волков.

— Мудро, — согласно кивал бургомистр. — Я подниму этот вопрос на совете, что будет в январе.

— Да, мудро, но этого мало, — произнёс епископ. — Нужны более прочные связи. Узы кровные.

— Именно, именно, — соглашался господин Виллегунд. — Кавалер, а есть ли у вас дети брачного возраста?

— Нет, — чуть помедлив, отвечал Волков.

— Но у вас есть племянница, — напомнил епископ, откуда он только всё знал, — кажется у неё уже была кровь?

— Кажется, была, — отвечал Волков, удивляясь изощрённости старого попа.

— Вот и прекрасно, а у Фердинанда Фейлинга, что ведёт тяжбу с графом из-за Хлидена, всех восточных холмов и всей восточной дороги, третьему сыну уже пятнадцать. Вот и партия для вашей племянницы, — продолжал отец Теодор.

— Какая прекрасная идея! — воскликнул бургомистр. — Завтра же поговорю с Фейлингами. Уверен, что они не откажут себе в удовольствии завести столь сильного родственника. А уж как будет злиться граф!

— Вот и прекрасно, — произнёс епископ, — значит, у нас с вами, господа, два дела: брак между Фейлингами и Эшбахтами и дорога.

— Надеюсь, я всё это устрою, — обещал бургомистр.

— Да благословит вас Господь, сын мой, — отец Теодор перекрестил его, — а теперь, господа, прошу вас простить меня, но годы берут своё, пора мне на покой.

— Конечно-конечно, — говорил бургомистр, вставая из кресла.

— Разумеется, святой отец, — Волков тоже поднялся.

— А вы, кавалер, останьтесь на минуту, — задержал его епископ.

Когда бургомистр вышел, отец Теодор позвал слугу, чтобы начать раздеваться, сам же не торопясь, как бы рассуждая, начал говорить:

— Не верите бургомистру? Не захотели ночевать в его доме? Мудро. Это мудро. Не верьте ни единому его слову, и словам Фейлинга не верьте. Сейчас вы городу нужны много больше, чем город вам. Герцог зол на город ещё с прошлой войны, злится на вечную их жадность, а за то, что город не дал солдат против вас, злится ещё больше, и он думает отменить торговые преференции для города Малена. А граф желает вернуть то, что, по чести говоря, всегда и принадлежало графам. Сто лет назад Хлиден и вся восточная дорога были частью графского домена, пока город не забрал за мнимый долг все те земли. Городу нужен полководец, которого у него никогда не было. И не для войны, скорее для торга и для того, чтобы показать вас всем остальным. Но как только всё утрясётся, они предадут вас, как и всех прочих и во все времена; как только герцог поманит их преференциями в торговле, так и забудут о вас сразу. Разрешение торговать во всех пределах Ребенрее, и в Хоккенхайме, и в Фёренбурге и Вильбурге, очень, очень важно для них.

— Так что же, мне не отдавать племянницу за сына Фейлинга? — Волков был откровенно растерян.

— Почему же! Обязательно, обязательно отдавайте. Заводите как можно больше родни. Привязывайте их к себе браками, торговлей, дорогами, общими предприятиями. И дорогу мы построим, уж я тоже позабочусь об этом. Но имейте в виду, доверять этим господам нельзя. Для них вы не горожанин, пока не станете тут жить постоянно. И запомните главное: они будут

целовать вам руки и осыпать серебром, пока вы сильны, скорее всего, они даже не отважатся вас в открытую предать, пока вы побеждаете и пока за вами стоит хоть сотня добрых людей. Но как только вы проиграете сражение, хоть одно, они к вам переменятся, проиграете войну и ослабнете — тут же эти же люди, что сегодня вам кланялись, постановят на городском совете при тайном голосовании, что вас надобно схватить по возможности и выдать герцогу. А за долг ваш, что вы им должны, они заберут всё, что только смогут. И они так и поступят, чтобы только он не отнимал у них торговых привилегий. Так что, если вы проиграете и вам нужно будет укрыться, не вздумайте ехать в Мален, бегите в Ланн.

— Я знал, что мне нельзя проигрывать, — сказал Волков задумчиво.

— Только победы, сын мой, только победы. Пока вы побеждаете, вы в безопасности.

— Пока я побеждаю, я в безопасности, — повторял кавалер, идя по тёмному коридору в поисках своих покоев. — Тут поп прав.

Он дошёл до своих покоев и остановился. Там было тихо, и из-под двери не

выбивалось ни лучика света. Жена, видно, уже спала. Он чуть постоял и раздумал заходить, а, взяв со стены небольшую лампу, пошёл по коридору.

Он попробовал одну дверь — заперта. Попробовал другую — тоже заперта. А тут у него за спиной появилась тень.

— Чёрт тебя разорви! — зарычал кавалер, вздрогнув от неожиданности и чуть не уронив лампу.

— Господи-господи, — закрестилась баба, — к чему же Сатану поминать, авось не в кабаке.

Волков поднял огонь повыше, присмотрелся — то была старая монахиня.

— Простите, сестра.

— Ваши покои там, супруга ваша там уже давно, — старуха указала ему на конец коридора.

Нет, он явно искал не того:

— А со мною в свите была женщина, — он немного стеснялся. — Такая рыжая.

Старая монахиня молча указала на следующую по коридору дверь, и жест её весь был из едкой укоризны. Указала и пошла по коридору прочь. Волков подошёл к двери, из-под которой пробивался свет, дождался, пока она удалится, и лишь после этого негромко постучал.

— Кто там? — донёсся испуганный и такой знакомый голос.

— Госпожа моя, откройте, это я, — тихо сказал Волков.

— К чему это? — послышался из-за двери наглый вопрос.

— Откройте, я скучал по вам.

— К жене идите, — донеслось из-за двери. — Я спать собралась.

— Бригитт, прошу вас, откройте, не заставляйте меня торчать под дверью.

Звякнул маленький засов на двери, и та без скрипа раскрылась. Волков вошёл и увидел её, она стояла перед ним в одной нижней рубашке, и та рубашка была так тонка и прозрачна, что через неё был виден весь прекрасный стан Бригитт и темнели через полотно тёмные соски и тёмное пятно внизу живота. Сама же она расчёсывала свои удивительные волосы и смотрела на него с показным удивлением:

— Что вам, господин? Ночь уже, как бы жена вас искать не стала.

Он поставил лампу на комод и хотел обхватить её, прижать к себе, но она вдруг оттолкнула его руки, схватила его лампу, отдала ему её обратно и стала его теснить к двери.

— В чём дело, госпожа моя? — искренне удивлялся он.

— К жене, к жене идите, раз она в доме повелевает, то я ссориться с ней не хочу. Как повелит она вам спать у меня, так приходите. А без её разрешения никак.

— Что за глупости, что вы несёте? — начинал злиться Волков. — Вы мне дороги, а жена — это… Это для долга супружеского.

— Ах, для долга, — она тут стала его ручками своими в грудь пихать, да откуда только силы взялись, так и дотолкала до двери, — а у меня от мужицкой телеги все бока болят, чай не в карете ехала, не могу вас принять сегодня. А жена ваша в карете ехала, вот пусть вас и принимает.

И вытолкала его за дверь, захлопнула её и заперла её на засов.

— Какова дура! — возмущался кавалер.

Он хотел уже своим огромным кулаком ударить в дверь, да побоялся, что шум поднимет на ноги всех вокруг. И пошёл к жене. И ему казалось, что за дверью эта дрянь ещё и смеётся над ним. И от этого он злился ещё сильнее.

Глава 21

Утром епископ к завтраку не вышел. Просил завтракать без него, так как он уехал в собор раздавать страждущим причастия. Приехавшие засветло Максимилиан и Увалень были приглашены к столу. Ещё до завтрака Элеонора Августа была зла, служанок домашних при ней не было, а монахини, что брались ей помогать с туалетами, делали всё не так. А уж с причёской так и вовсе всё испортили. Так испортили, что она стала вдруг плакать горько. И этим перепугала монашек. И муж был удивлён. Дочь графа не была так уж слезлива, если и плакала она раньше, так от бессилия и злости, и никогда не рыдала из- за подобных пустяков. А тут вон вдруг как. В общем, к завтраку господин Эшбахт шёл невесёлый, а госпожа Эшбахт шла заплаканная. В столовой зале их уже ждали, болтая о вчерашнем обеде, госпожа Ланге, Максимилиан и Увалень. Все поздоровались, сели за стол. И дурное расположение госпожи Эшбахт передалось всем иным. За столом сидели почти молча, пока не стали подавать еду. Повар епископа удивил всех изысканностью подаваемых к завтраку блюд. Первым делом был подан паштет из гусиных печёнок с черносливом и сливочным маслом. Все ели паштет, для всех то было редким лакомством, только Элеонора Августа есть его не стала. Для дочери графа, может, эта еда и не была диковинной. Она всё больше пила разбавленное вино с видом печали на лице. А после паштета подавали сырный пирог. Пирог был только что из печи. Дорогой сыр в нём был горяч, и к пирогу подавались ложки. Взяв ложку и отломив кусочек пирога, госпожа Эшбахт попробовала его. Волков, которому и паштет, и пирог были весьма по вкусу, вдруг увидел, как искривилось лицо его жены. Как она схватила салфетку и при всех выплюнула в неё еду. Он думал сначала, что для неё сыр в пироге слишком горяч, но Элеонора Августа вскочила из-за стола и произнесла:

— О Господи! — потом она повернулась к Волкову и зло крикнула ему. — Теперь вы довольны?

И, прижимая салфетку ко рту, пошла прочь, и спина её и плечи вздрагивали, сзади казалось, что её стало рвать. Волков удивлённо смотрел ей вслед, думая, что пирог вовсе не так отвратителен был.

Увалень и Максимилиан, бросив еду, с таким же удивлением, как и у Волкова, смотрели, как госпожа Эшбахт удалялась. А госпожа Ланге, напротив, была спокойна и так и не отрывалась от своей тарелки, ела пирог с лицом абсолютно равнодушным Её спокойствие дивило всех, но только кавалер осмелился спросить

у неё:

— Госпожа Ланге, а не знаете ли вы, что с госпожой Эшбахт?

Бригитт, не поднимая глаз от еды, кротко отвечала:

— Дело то обычное.

Сказала и замолчала, дальше поедая пирог.

— В чём же обычность его? — не отставал от неё Волков.

Она же, набрав полную ложку великолепного пирога, произнесла:

— Супруга ваша, кажется, обременена.

И после этого красавица отправила ложку в рот. А вот он свою ложку бросил. Ему стало не до пирога.

Первое время Волков сидел, словно не понимая сказанных ему слов. Смотрел на с удовольствием кушавшую Бригитт, смотрел на всё ещё удивлённых Максимилиана и Увальня и лишь после осознал смысл сказанного. Кавалер встал:

— Извините меня, господа.

И быстро, насколько позволяла нога, пошёл за женой. Он нашёл её в их покоях. Элеонора Августа сидела на кровати и рыдала. Салфетка, испачканная рвотой, валялась подле.

— Что, вы довольны? — снова воскликнула она, увидав его. — Добились своего?

Он присел рядом, взял её влажную руку и не отпустил, хоть она и пыталась её отнять:

— Госпожа моя, смею ли я надеяться, что сбылось то, о чём я мечтал?

— Сбылось, сбылось, — всхлипывала жена, и от неё пахло рвотой. — Кровь уже месяц как должна была прийти, а всё нет.

Он погладил её по голове, словно маленькую, и говорил ласково:

— Отчего же вы плачете? То радость всем.

— То радость вам, а меня мутит каждое утро, а вы всё ходите к другой женщине спать. А ещё воюете беспрестанно, уж лучше охотились бы, что, другого дела для вас нет, кроме войны? Родственники на вас злы, герцог на вас зол. Чего же здесь радостного?

Он снова погладил её по голове, а после и прижал к груди:

— Для меня это большая радость. А воевать — то дело моё, и вы исполняйте то, что вам Богом велено.

— Велено! Есть я хочу, а как сяду, так мутит, — воскликнула жена.

— Путь к моим победам тоже труден был. Но я всё предначертанное исполнил и награду великую получил. Теперь меня славят везде. Так и вы, родив чадо, будете вспоминать свои трудности с улыбкой.

Она тут вытерла слёзы, стала трезва и спокойна:

— Хочу, чтобы больше не воевали вы, то чадо вам нужное, так при мне больше будьте. Хочу, чтобы к подлой Бригитт вы больше не ходили. И вообще, чтобы гнали её от дома. Погоните? Обещайте!

Волков опять погладил её по голове:

— Воюю я не по своей воле, а по чести. С войной не знаю, как закончить.

— А подлую от дома погоните? — с надеждой спросила жена.

— Нет, надобна она мне в доме. Для хозяйства.

— Знаю я, зачем она вам надобна! — закричала Элеонора Августа. — Коли для хозяйства, так пусть за стол с нами не садится и пусть в холопской спит.

Волков встал и сказал холодно:

— Кричать вам не надо, я ещё ваши прежние заслуги не забыл. Вашу неласковость и небрежение тоже помню. И то, что я живой и с вами говорю, так то заслуга госпожи Ланге, не то отравил бы меня подлый любовник ваш.

Он подошёл к двери:

— Пришлю вам монахиню, скажете ей, что кушать желаете.

Госпожа Эшбахт завыла навзрыд, закрыла лицо руками и упала на подушки.

Вот, вот и свершилось то, о чём он грезил, приходя к нелюбимой жене за супружеским долгом. Теперь счастлив ли он? И близко того нет. Раньше он делал своё дело, мечтая об этом и не думая о том, что это только первый шаг. Бремя — это только первый шаг. Теперь нужно, чтобы его злая и глупая жена ещё выносила плод. Дальше — родила. Дальше — родила мальчика. Дальше — чтобы мальчик ещё был здоров. И тогда можно быть счастливым? Нет, конечно. Кругом враги, и мальчика будет ждать жизнь воина, а значит, одним сыном дело заканчивать нельзя. Нужен ещё сын, а лучше два. В общем, ему ещё придётся много раз приходить к жене. И хочет она того или нет, ей придётся его принимать. Принимать и рожать, рожать мальчиков и девочек, пока Богу это угодно. Девочки ему тоже будут нужны. С недавних пор кавалер это понимал.

Он вернулся к столу и сел на своё место. На столе уже были сладости: изюм, колотый сахар, сушёные абрикосы, разные, уже чищеные, орехи и сыры. Слуга разливал в стаканы розовое, сильно разбавленное вино.

Монахиня, что была, видимо, тут домоправительницей, спросила:

— Господин желает чего-нибудь?

— Жена моя беременна, пошлите кого-нибудь спросить, что

она желает, — ответил Волков, сгребая с подноса орехи и прочие сладости.

— Если ваша жена беременна, — произнесла монахиня, — то, может, к ней послать мать Амелию, она лучшая в городе повитуха?

— Повитуха? — Волков задумался.

— Мать Амелия знает всё о родах и беременностях, знает все лекарства и снадобья, что надобны обременённым, — уверяла монахиня.

— Что ж, зовите её к жене, та рыдает и её мутит. Эта мать Амелия тут или за ней нужно послать?

— Мать Амелия состоит при доме епископа, за ней никуда посылать не нужно.

Волков молча кивнул, а когда монахиня ушла, то он сказал:

— Госпожа Ланге и вы, господа, прошу вас пока о том, что вы узнали, никому не говорить.

— Конечно, кавалер, — сказал Максимилиан.

— Да, кавалер, — сказал Увалень.

— Как вам будет угодно, мой господин, — фамильярно и с некоторым запозданием ответила Бригитт.

По её тону и поведению Волков понял, что красавица недовольна всем происходящим.

Он не успел ещё доесть и допить, как пришёл посыльный от бургомистра и сообщил, что его скоро будут ждать на главной площади. Кавалер обещал быть.

Глава 22

Теперь Фердинанд Фейлинг, увидав Волкова, уже не смущался, как вчера, а смело пошёл к нему, сам протягивая руки:

— Друг мой, как я рад, как я рад видеть вас, уже возьму на себя смелость и заранее назову вас родственником.

— Здравствуйте, друг мой, — Волков ему кланялся.

А глава дома Фейлингов уже брал руки госпожи Эшбахт и целовал их, хотя та и улыбалась ему весьма натужно.

Изабелла Фейлинг тоже улыбалась, низко приседала в книксене и кланялась Элеоноре Августе, чуть не задевая ту своим замысловатым головным убором. Элеонора Августа тоже была радушна, хотя и не так, как госпожа Фейлинг, она всегда помнила, что она дочь графа и родственница герцога, а не какая-то там горожанка. Но всё-таки улыбалась и также называла Изабеллу родственницей.

А Фердинанд Фейлинг просто цвёл, рассказывая:

— Утром, представьте, ещё не рассвело, а мне мажордом и говорит: господин, к вам бургомистр, изволите принять? Я ему: дурак, к чему бургомистру к нам быть в такую рань? Но что делать, говорю: зови. И глазам своим не верю. И вправду пришёл первый консул нашего города господин Виллегунд. Я ему: в чем же причина, друг мой? А он мне: я к вам, господин Фейлинг, по вопросу матримониальному. Представляете! По вопросу матримониальному! Я говорю: объяснитесь же, первый консул! А сам волнуюсь! А бургомистр и отвечает: сын ваш третий Вильгельм достиг брачного возраста, и городу было бы выгодно, если бы он сочетался браком с племянницей господина Эшбахта. Я растерялся от такого, сам не верю в такое счастье, а он продолжает: епископ одобряет сей брак. А я только и могу спросить: а господин Эшбахт согласится на такое? А он мне: епископ его благословил. Вот радость-то какая!

Фердинанд Фейлинг, кажется, был и вправду счастлив, а его жена Изабелла даже смахивала слезу бархатной перчаткой. И Волков, и Элеонора Августа также были веселы, а иные знатные господа, что были рядом, слыша такие разговоры, подходили и начинали поздравлять дом Эшбахтов и дом Фейлингов со столь радостным событием. Весть эта сразу облетела улицу. И так бы всё и продолжалась, но пришёл первый секретарь городского совета и просил господина Эшбахта прибыть к ратуше.

— Там построилась первая рота города, — пока шли, шептал ему сзади на ухо первый секретарь совета, проворный и, видимо, умный муж, — соизволите осмотреть?

— Осмотрю, — милостиво согласился Волков.

— Коли будут замечания, удосужьтесь сказать. Нам ваше слово будет очень интересно.

— Удосужусь, — обещал кавалер.

На площади при его приближении стали бить барабаны и снова, как и вчера, зазвенели на весь город трубы. Перед ратушей в прямоугольник выстроились двести солдат в хорошем доспехе, при пиках и алебардах. Тут же были три десятка всадников и вчерашние аркебузиры.

Капитан из местных кланялся ему и просил пройти вдоль фронта.

Волков пошёл, и жена его шла. Шла важно, высоко подняв голову, как и положено дочери графа и жене знаменитого воина.

Волков сразу понял, с первого взгляда, что солдаты эти его солдатам не чета, а злым горным мужикам — и тем более. Горожане, что полагают себя храбрецами, что ни походов, ни сражений не знали. Младшие сыновья мясников, колбасников да пекарей, что служат по муниципальному набору от коммун да гильдий, чтобы отцы городского налога платили меньше, и только в страже.

Но ругать перед их капитаном он солдат этих не стал, чтобы не обижать начальника, и спросил только:

— Отчего же у вас нет арбалетчиков?

— Есть арбалетчики, есть, — заверял его капитан, идя на полшага сзади него. — Сто двадцать человек будет по спискам. Просто с этой ротой не хотели их собирать.

Волков понимающе кивал:

— А пушки у вас есть?

— Есть, а как же, двенадцать штук, на стенах все. Восемь малых кулеврин, одна кулеврина ординара, две бомбарды и на южной стене картауна без лафета, — подробно говорил капитан. — Порох всегда в избытке, картечи разные, ядра почти все чугунные, только для картауны есть каменные. И то немного.

— Прекрасно, прекрасно, — говорил Волков, но, честно говоря, он не понимал, зачем ему всё это показывают.

— Что-нибудь скажете? — интересовался секретарь городского совета. — Показались ли вам наши солдаты из первой роты?

— Доспех у всех хороший, сами весьма бодры, капитан кажется разумным, — говорил кавалер, а секретарь вроде как всё запоминал. — Но ничего я вам о ваших солдатах верного не скажу, пока не побуду с ними в походе. Не увижу, как строятся и как строй держат, не посмотрю ваших сержантов в деле.

Секретарь кивал понимающе. На том смотр был закончен. И

Волкова и его жену попросили в ратушу.

Снова их сажали за центральный стол, что был на две ступеньки выше всех других, на самое почётное место. Снова слуги стали разносить по столам хлеба и сыры, разливать вино в красивые стаканы из разноцветного стекла. Снова зал заполнялся городской знатью. И снова подле него сидела жена, а за ней епископ, приехавший к обеду, слева от него сидел бургомистр,

Но теперь прямо перед ним, у ступеней, стоял отдельный стол, за который никого не сажали, он и скатертью был покрыт не белой, как прочие столы, а хорошим сукном.

Волков есть не хотел, с завтрака ещё не проголодался, только отпивал вино понемногу. А вот у Элеоноры Августы вдруг разыгрался аппетит, она отламывала куски от хлебов и жадно ела их без мяса, сыра или соуса. Кавалер косился на неё с удивлением и, кажется, он такой был не один.

— Госпожа моя, может, дождётесь блюд, к чему есть один хлеб? — тихо сказал он ей.

— Не могу сдержаться, — отвечала жена, — уж очень хорош здесь хлеб. Надо бы для нашей Марии выведать рецепт, хочу и дома такой хлеб печь.

Волков на всякий случай отломил себе кусочек хлеба. Попробовал.

Хлеб как хлеб, хороший, из хорошей пшеницы. Жирный, с маслом, чуть сладкий. Но ничего необычного. А жена продолжала его есть.

И тут он снова увидал Бригитт среди господ. Снова она сидела между Брюнхвальдом и фон Клаузевицем. Чёрт бы побрал этого красавца. И кавалер с неудовольствием вспомнил вчерашний их разговор. И её наглость, и смешки из-за двери. Он повернулся к бургомистру:

— Там, на улице, я видал удивительную карету, она со стёклами и, кажется, с мягкими креслами внутри, а не с лавками.

— Да, это наш каретный мастер Бихлер делает такие, одну из его карет купила сама герцогиня.

— Герцогиня? — с уважением переспросил Волков.

— Да-да, Её Высочество ездит в такой же карете. На них сейчас большой спрос. Господа в очередь стоят за такими каретами.

— Вот как? — Волков на секунду задумался и потом продолжил: — вы, кажется, хотели подарить мне коня?

— Великолепного коня, — важно подтвердил первый консул города Малена господин Виллегунд.

— А нельзя ли вместо коня подарить мне такую карету?

Важность тут же слетела с лица бургомистра, в его лице

появилось напряжение. И кавалер понял природу оного. И сразу добавил:

— Разницу между стоимостью коня и стоимостью кареты я доплачу.

Эти его слова изменили настрой бургомистра.

— Сейчас я всё выясню, — сказал он и встал из-за стола.

А Волков снова стал смотреть то на жену, как та ест хлеб, то на красавицу Бригитт, как та болтает с его офицерами. Он хотел поговорить с епископом о будущей свадьбе своей племянницы, но старик, кажется, устал и дремал в своём кресле. А тут и первые блюда понесли.

Уже поставили перед ним блюдо с котлетами на кости из ягнёнка, он уже взял себе одну, хотя всё ещё не хотел есть, как вернулся бургомистр. Он улыбался, и Волков сразу понял, что несёт бургомистр вести добрые:

— У Бихлера как раз есть готовая карета, заказчик не внёс за неё деньги вовремя, и Бихлер готов уступить её нам.

— Отлично, — произнёс Волков.

— Совет города выделил на подарок для вас сто восемьдесят талеров…

«Ах, какой это должен был быть конь, раз он стоит такую гору серебра!»

— так что вам придётся доплатить всего сто шестьдесят монет, — закончил господин Виллегунд.

«Сто шестьдесят! Всего!»

Сумма была огромной, но Волов вида не показал:

— Конечно. И что же, карету я смогу забрать сегодня?

— Да-да, — кивал бургомистр, — её доставят на площадь к ратуше. Бихлер распорядится.

— Я благодарен вам, господин первый консул, — улыбался Волков.

— Рад услужить вам, кавалер, — улыбался ему в ответ бургомистр.

И тут оглушительно взревели трубы, ревели они прямо в здании ратуши.

— О Господи! — с перепуга воскликнула госпожа Эшбахт и руку свою положила на руку его. — Отчего же они так шумят?!

Волков и сам не знал, он видел, как за трубачами под городским знаменем к нему через весь зал идёт процессия во главе всё с тем же городским секретарём, имени которого он не помнил. Перед пустым столом процессия остановилась. Секретарь расправил на груди серебряную цепь с гербом города Малена и достал свиток из мехов своей шубы. Поклонился Волкову, бургомистру и епископу и, развернув свиток, стал читать:

— Консулат и совет честного города Малена единодушным решением проголосовал за то, чтобы просить Божьего Рыцаря, кавалера Иеронима Фолькоф, коего кличут Инквизитором, а отцы святые прозывают Хранителем веры, а прочие зовут господином фон Эшбахтом, принять на себя почётное звание Первого капитана города, капитана-лейтенанта всей стражи и капитана всего ополчения и всего пушечного парка честного города Малена, — тут секретарь совета низко поклонился Волкову и добавил; — город нижайше просит вас принять этот чин, кавалер.

Тут бургомистр встал и начал хлопать в ладоши. Люди стали вставать из-за столов и тоже хлопали в ладоши. Волков поначалу растерялся и сидел в полной растерянности, пока епископ не протянул руку через спину его жены, не коснулся его локтя и не прокричал, перекрывая шум аплодисментов:

— Что же вы сидите, поклонитесь им!

Только после этого кавалер додумался встать и стал раскланиваться людям. Его в этот момент переполняли незабываемые чувства. Он видел уважение в лицах всех этих важных мужей и восхищение и интерес в глазах всех этих прекрасных и родовитых женщин. И он кланялся им и кланялся. И что ещё его приятно удивило, так это лицо жены. Теперь оно не отображало вечную спесь и высокомерие, что было присуще дочери графа, теперь она была явно горда своим мужем. Поглядывала на него снизу вверх и даже хлопала вместе со всеми.

Наконец аплодисменты стали стихать, и господа садились в свои кресла и на свои лавки. А после того, как снова взревели трубы и установилась тишина, секретарь продолжил с новым низким поклоном:

— С замиранием сердца ждём вашего ответа, кавалер. Ежели вам нужно на раздумье время, то мы будем и дальше ждать.

Тут к нему склонился бургомистр и зашептал:

— Сия должность в мирное время вас ко многому не обяжет. Капитаны у нас дело своё знают, вы же объясните им, как устроить городское войско лучше, чтобы было как ваше, и будете про то спрашивать с них. А коли война случится, так уж только тогда будете командовать как должно.

Но Волков не торопился соглашаться.

— А должность даёт содержание сто двадцать талеров в год, — продолжал бургомистр.

Ну, это уже стоило того, чтобы хотя бы подумать.

— Город оплачивает кров, можете снять любой дом, все расходы понесёт город, также вам полагается две перины, двенадцать простыней, шесть скатертей, двенадцать полотенец, двадцать четыре салфетки, двенадцать возов дров. И главное, сей

чин даёт вам место и голос в совете города. А командовать вами может только майор. То есть первый консул города. То есть я. И всё, более начальников над вами не будет.

Волков всё ещё не решался. Не хотел он так сразу, не подумав и не взвесив всё, соглашаться, даже на почётную должность. Но он взглянул на епископа. И увидал, как старый и хитрый поп сделал всего одно движение. Отец Теодор всего-навсего коротко кивнул ему: соглашайся, сын мой.

«Навести порядок в городском ополчении? Ну, сие несложно, надо это дело просто поручить Брюнхвальду, за небольшую долю из жалования. Уж Карл и его сержанты порядок тут наведут. Замордуют быстро городских пузанов так, что те плакать будут. В этом сомнений нет. Посмотреть и проверить арсенал он сможет сам, проверить пушечный парк сможет Пруфф. А вот место в совете города — это большая удача. То не каждому предложат, епископ прав, нужно соглашаться».

Он встал, и в ратуше повисла тишина, он оглядел зал и заговорил так, чтобы слышно было везде:

— Чин такой для всякого великая честь, и для меня тоже; надеюсь, что оправдаю доверие консулата и совета честного города Малена.

Зал взорвался аплодисментами и радостными криками. И ему снова и снова пришлось кланяться.

И всё было прекрасно, да тут он поглядел на жену, а та бела, как полотно.

— Что с вами, госпожа моя?

— Что-то тут душно, — вяло отвечала госпожа Эшбахт.

Да, в ратуше было много народа и горели камины.

— Выпейте вина, госпожа моя.

— Не хочу вина.

— Может, пива?

— Кислой воды велите подать.

Волков подзывает одного из слуг:

— Принеси воды с лимоном или с уксусом.

Сам он сел и, взяв с блюда отличную котлету из рёбер ягнёнка, предложил её жене:

— Может, желаете котлету?

— Ах, уберите её от меня, этой вони бараньей даже слышать не могу, — кривилась Элеонора Августа.

— Ну, потерпите тогда, слышал я, что будет жаркое, телята на вертелах.

— Ах, не хочу я ничего такого, — морщилась госпожа Эшбахт. — Хочу чего-нибудь свежего и холодного.

И она при том снова начала отламывать куски от хлеба.

И тут в который раз зазвенели трубы, двери ратуши распахнулись, и вошла делегация горожан. Впереди шёл важный седой господин с большим пузом, он нес перед собой подушку, на которой стояла шкатулка хорошей работы. Он остановился прямо напротив Волкова и закричал зычно, на весь зал ратуши:

— Коммуна Заячьей улицы, с прилегающими проулками и с площадью святого Андрея, просит вас, кавалер, за дела ваши славные, за победы великие принять в дар шкатулку с перцами. С красным и чёрным.

К нему подлетел молодой человек и открыл крышку шкатулки. Пузатый господин повернулся налево, затем направо, чтобы все видели, что шкатулка, разделённая на две части, доверху наполнена красным и чёрным перцем, и уже потом поднёс её ближе к столу, за которым сидел Волков.

Кавалер встал и поклонился:

— Благодарю вашу коммуну, я люблю перец. Видно, не зря я бил горных собак.

В зале засмеялись.

Шкатулка была бережно водружена на стол, что был до сих пор пуст. Теперь предназначение стола стало ясным. И кавалер понял, что не для одной шкатулки тут поставили целый стол. И оказался прав.

За пузатым представителем коммуны Заячьей улицы шли следующие дарители. Эта делегация была явно богаче первой.

— Гильдия мукомолов и мельничных мастеров, — гордо представился седой господин в большом и красивом берете. — Дозвольте, Рыцарь Божий, преподнести вам подарок от нашей гильдии, уж всех вы нас порадовали делом последним своим. Ответили за все наши обиды и унижения.

Он стянул покрывало с рук юноши, что стоял за ним.

— Прошу принять от нас четыре меха чёрного соболя!

По залу прокатился удивлённый гул. Соболь считался мехом королевским. Конечно, четырёх соболей и на четверть шубы не хватило бы, но всё равно подарок был очень дорогой, очень.

Волков снова вставал, снова кланялся, снова говорил слова благодарности.

А когда взглянул на жену, чтобы сказать ей, что этими соболями можно оторочить ей шубу, то увидал лицо совсем белое.

— Госпожа моя, — с волнением заговорил он, — что с вами?

— Душно мне, — отвечала она с раздражением.

— Вот же вода кислая, как вы хотели.

— Я хотела с лимоном, мне же принесли с укусом, да ещё и теплую, — она опять морщилась. — Мутит меня, велите убрать

отсюда эти котлеты.

Волков дал знак слуге, и тот убрал блюдо с его стола. А к нему уже шла новая делегация из шести человек. И делегация та была совсем не бедная, судя по их одеждам. Как же Волков был удивлён, когда узнал, что это…

— Гильдия золотарей и старьёвщиков просит вас, достославный рыцарь Фолькоф, не отказать в милости и принять от нас в дар шкатулку, в коей лежит двадцать пять талеров серебром.

— Благодарю вас, — с удивлением отвечал он, вставая. — Ваши деньги будут мне очень кстати.

А Элеонора Августа касается его руки, и когда он глядит на неё, произносит едва не со стоном:

— Мутит меня, нужно бы мне прилечь. Вернёмся к епископу в дом.

— Сие невозможно, госпожа моя, — отвечает Волков. — Люди ещё, кажется, будут ко мне.

Но видя её жалкий вид и её бледность, он находит глазами Увальня, делает ему знак, зовёт к себе.

Увалень, пока не пошла новая делегация, приходит к нему, захватив с собой и Максимилиана.

— Госпоже дурно, выведите её на улицу; коли нужно будет, так сажайте в карету и пусть едет в дом епископа, — распорядился кавалер.

Максимилиан и Александр вежливо и бережно вывели Элеонору Августу из зала, а епископ наклонился через её опустевшее кресло и произнёс:

— Монахиня моя сказала мне, что ваша жена обременена.

— Кажется, — неуверенно и с надеждой произнёс кавалер.

— Да благословит её Господь, я молился о том часто. Да будет над чревом её благодать покровительства Матери Божьей, — епископ перекрестился.

Волков тоже крестился за ним следом. А поп продолжал:

— Я благословлю мать Амелию быть с вашей женой до благополучного разрешения. Она лучшая повитуха графства и города.

— Премного вам благодарен, святой отец, — смиренно произнёс кавалер.

— Не благодарите, вы служите престолу Петра и Павла так же, как и я, и ещё неизвестно, от кого из нас больше пользы.

— Разумеется, от вас.

— Нет. Нет, неправильно. Я язык, вы меч, язык без меча — пустой звон, меч без языка — напрасная кровь. Так что для Матери Церкви мы одинаково ценны. Вон к вам идут новые люди.

Волков увидал, что в ратушу входит новая делегация.

— Помните мои слова? — произнёс епископ.

— Это те, что про поцелуи и серебро?

— Да именно те, сейчас они продолжат целовать вам руки и осыпать серебром, но вы не обольщайтесь.

— Я держу в памяти ваши слова, святой отец, — ответил кавалер.

Глава 23

— Гильдия печников, каминных мастеров и трубочистов просит вас, господин, принять наше подношение, — говорил важный господин, ставя на стол поднос из серебра.

— Цех пивоваров Восточных ворот просит принять две бочки чёрного пива, уж поверьте, господин рыцарь, от него вы трезвым не будете, — говорил следующий делегат, — бочки нам сюда закатывать не дозволили, они вас ждут на улице перед ратушей.

— Коллегия судейских писцов и адвокатов просят принять наш дар, господин фон Эшбахт, — серебряная тарелка, нож и вилка из серебра появляются на столе.

— Корпорация виноторговцев города Малена просит вас не отказаться от нашего дара, господин кавалер, и принять в дар двадцативёдерную бочку десятилетнего ламбрийского вина. И вёдерный бочонок отличного генейского бренди.

— Коммуна Вонючей улицы и Гильдия кожевенных дел мастеров просят принять от нас узду, седло и стремена, всё это с серебряным чернением. А гильдия перчаточников просит принять в дар по полдюжины лучших перчаток для вас и вашей супруги.

Волков уже устал вставать, даже нога стала ныть, устал кланяться и отвечать на приветствия, а люди всё шли и шли. Уже и бочонок мёда ему подарили, и отрез великолепного зелёного шёлка, и посуду, и кинжал с позолотой, оружейники принесли ему протазан великолепной работы и шпоры, тоже позолоченные, две интересные, более длинные аркебузы. В общем, к концу церемонии на столе почти не осталось места. И новые подарки складывали поверх прежних. И их всё ещё несли. Кажется, гости даже позабыли про печёных телят и окорока в горчице, так и смотрели, что же ещё подарит следующая делегация прославленному воину. Последние и самые богатые подарки он получил, разумеется, от купеческих гильдий и от корпорации городских менял и банкиров. Эти господа уже дарили не вещи и не серебро, эти дарили золото. От них было: маленькая серебряная шкатулка с десятью золотыми дублонами. Редкие и ценные деньги. От других была алая бархатная подушка, на которой лежало двадцать новеньких гульденов. Золотой перстень с небывалой красы аметистом, что сулит владельцу долгие лета.

И когда стол уже был завален подарками, и когда Волков уже едва мог встать и поклониться, делегации наконец закончились. Но несмотря на усталость, он был доволен и уважением горожан, и ценностью подарков. Да, город Мален был богат, раз горожане вот так, без требований и указаний, а лишь повелением души

собрали ему подарков на две, да на две тысячи талеров. Это не считая золота.

А тут ещё встал бургомистр и прокричал:

— Консулат и совет города Малена просят господина кавалера принять подарок не только от горожан, но и от города и выйти из ратуши для получения его. Все желающие тоже могут выйти посмотреть.

В зале пошёл шум, все стали подниматься из-за столов. Волков взглянул на епископа, а тот никуда не собирался, но ему махнул рукой: ступайте, я посижу тут.

А на улице и так было многолюдно, а тут ещё все важные господа проследовали из помещения на площадь, чтобы увидать там роскошную карету с четвёркой отлично подобранных вороных коней. В карете были и стёкла, и занавески из сукна, и откидная ступенька, и дверцы были с замочными ручками. Бургомистр открыл дверь и показал внутреннее убранство кареты. И всем оно нравилось. На полу войлок, диваны мягкие внутри. В такой карете в любую стужу тепло было. При карете был и каретный мастер Бихлер. Он был горд, что Волков с ним раскланялся. И от этого сиял.

— Каково? — спрашивал господин Виллегунд у кавалера с таким видом, будто он сам эту карету сделал.

— Великолепно, — отвечал кавалер. — Это великолепно.

И тут же бургомистр добавил тихо:

— Кони не оплачены, ежели желаете их оставить, так придётся доплатить двести талеров.

«Двести талеров! Да ты, братец, ополоумел! Кони, конечно, неплохи, но в Вильбурге или Ланне четвёрка таких коней будет стоить талеров сто пятьдесят, ну может, шестьдесят. Но не двести же!»

— Нет-нет, оставьте коней, — произнёс кавалер спокойно, — кони хороши и как раз подходят к этой карете. Я заплачу за них.

Бургомистр ещё демонстрировал всем карету, а Волков чуть отошёл от него, чтобы встать рядом с госпожою Ланге, которая, как и все другие, была восхищена каретой.

— Как ваши бока, всё ещё болят? — спросил он у неё негромко.

— Да не болят уже, приходите сегодня, — отвечала красавица и добавляла высокомерно и даже зло, — коли вам жена, конечно, дозволит.

— Вам нравится карета? — не замечая её высокомерия, продолжал кавалер.

— Кому же она может не нравиться? — отвечала Бригитт.

— Значит, она ваша.

Она уставилась на него с большим удивлением во взгляде.

— Она ваша, — повторил он таким тоном, как будто дарил ей пустую безделицу вроде медного колечка. — Надеюсь, впредь ваши бока болеть не будут?

Красавица стояла, разинув рот, и не произносила ни слова от изумления. Волков побоялся, что она кинется ему на шею от радости, и поспешил отойти, но сказал перед этим:

— Только сначала пусть художник какой-нибудь изобразит на дверце кареты мой герб.

Госпожа Ланге кивала, соглашаясь, в её глазах блеснули слёзы, но она так и не нашла слов, которые должны были быть при таком случае.

А после был бал. Волков попросил Карла Брюнхвальда и других офицеров перевезти его подарки в дом епископа. А пока все подарки собирались, на верхних лавках, на которых сидят зрители во время заседания городского совета, стали размещаться музыканты. Столы с едою и вином сдвигались к лавкам и стенам, чтобы освободить середину ратуши для танцев.

Заиграла музыка, молодёжь сразу пошла танцевать, а отцы семейств с бокалами вина стали ходить к их столу, чтобы перекинуться парой слов с Волковым, бургомистром или епископом. И как-то так вышло, что вокруг кавалера собралось городское рыцарство и мужи сословия воинского, которые интересовались тем, как Волков воевал с горцами. Они много спрашивали, умно и по делу, как и что он делал для победы, и среди них он увидал землемера Куртца и ещё почтмейстера города Малена и некоторых других имперских чиновников, тех людей, что происходили из бывших ландскнехтов. И он был им рад, как старым друзьям, и стоял с ними и пил вино, и всё им рассказывал. И от вина, и от хороших людей вокруг у него становилось на душе хорошо. Ещё и от того, что старые солдаты к нему относятся с большим уважением. Как тут не радоваться. Как не возгордиться собой. Это ж вам не богатые бюргеры, не менялы и не банкиры, не юристы и не политики, не знать земельная. То были люди добрые, железом крещёные, кровью причащённые. Такие же, как и он.

К нему приходили гонцы от знатных фамилий, спрашивали, не составит ли он пары в следующем танце для такой-то девицы?

Но Волков от людей воинских уходить не хотел, ссылался на ногу больную и на то, что в солдатских лагерях танцам не обучился. Он и про жену беременную позабыл, и про красавицу Бригитт. И на епископа с бургомистром внимания не обращал, только бы с приятными людьми побыть.

Только когда уже стемнело и бал закончился, гости

приходили к нему прощаться, а он был весьма пьян. И тогда пришли за ним фон Клаузевиц, Максимилиан и Рене и кое-как уговорили его ехать спать. А за ним пошли его такие же пьяные дружки, и они дружно горланили на весь город сальные солдатские песни, пока наконец не добрались до дома епископа, где ещё долгое время прощались и обнимались. А к Бригитт он в эту ночь так и не попал, потому что бестолковый фон Клаузевиц отвел его в комнату его супруги, госпожи фон Эшбахт.

Утром он чувствовал себя не очень хорошо, долго лежал не вставая, нога гудела от вчерашнего. Лежал, хотя дел было много.

Рене и Роха повели солдат в Эшбахт, Брюнхвальд нанимал телеги, так как подарков оказалось столько, что унести их не было никакой возможности. Одних бочек с пивом, мёдом, оливковым и топлёным маслом и с вином было девять. И всякой мелочи ещё на три подводы. А ещё пришёл человек от бургомистра, чтобы произвести расчёт за карету и коней. Также он принёс письмо, в котором говорилось, что бургомистр в течение недели подготовит для него контракт на должность Первого капитана и брачный договор для его племянницы. После ухода посыльного ему пришлось говорить с матерью Амелией. То была пожилая уже монахиня. Типичная монахиня, с постным лицом и чётками в узловатых пальцах. Строгая и нудная. Сразу начала она с того, что муж должен… Должен то, должен это… В общем, должен беречь и любить свою беременную жену и быть с ней ласковым. Да- да. Волков на всё это был согласен. Действительно, эта беременность была для него очень важна. И он готов был мириться с дурным духом жены, с её глупыми слезами, с тазом, что стоит у кровати с её стороны, и со всем остальным.

В общем, несмотря на его недомогание и на то, что он ещё не завтракал и даже не мылся, ему пришлось заниматься делами.

Разными делами. Никто не знал, куда поутру уехала Бригитт в новой карете. И главное с кем, ведь кучера у неё не было. Он послал Максимилиана разыскать её.

Пообедав с епископом, он тепло с ним прощался. Святой отец говорил с ним так, как говорят с сыном. И под конец, когда уже прощались, напомнил ему:

— Езжай к себе, сын мой, молись Богу и готовься к новой войне. Готовься и ни о чем не волнуйся и, главное, помни, чтобы бес разочарования не рвал тебе душу, не позволяй бесу обольщения в ней селиться.

— Я буду помнить о том, святой отец, — обещал Волков, целуя руку старика.

Также ему руку целовала и Элеонора Августа, бледная и

серьёзная.

Повезло ещё и храбрецу Бертье, он был как раз рядом и тоже был благословлён епископом.

Элеонора Августа и новая её компаньонка мать Амелия поехали в карете вперёд, при них ехали господа Гренер, братья Фейлинги, фон Клаузевиц и прочие люди с ними. Сам же кавалер у южных ворот остановился дождаться Брюнхвальда с телегами, в которых были все его подарки, что не могли уместиться в кошелёк. А заодно и понять, куда делись госпожа Ланге с каретой и Максимилиан, который поехал её искать. А пока он и Увалень и Бертье пошли в трактир, что был недалеко от ворот. Не успели они ещё выпить и по кружке пива, как солдат из людей Бертье вбежал и сообщил, что к воротам приехала как раз та карета с гербом, что кавалер искал.

Карета с гербом? Волков поспешил встать и пошёл на улицу. Глянуть, что там за карета и что на ней за герб, обещая солдату неприятности, если он поднял его с места зря.

Но солдат поднял его не зря. То была карета госпожи Ланге, а на дверцах кареты красовался его, Волкова, чёрный ворон с факелом в когтях. А по борту кареты шли белые и голубые квадраты в шахматном порядке.

Бригитт улыбалась ему, опустив стекло:

— Так вы хотели красить карету?

Нет, не так, он бы велел красить её скромнее, но раз уж она так покрасила, то пусть так и будет.

— Вы сделали лучше, чем я смог бы придумать, — отвечал он. — Но откуда у вас деньги, откуда у вас кучер?

— Деньги? — она презрительно усмехнулась. — Вы же сами мне их не раз давали, а кучер нашёлся из солдат господина Брюнхвальда. Он крепкий и надёжный, может, возьмёте его на содержание?

— Я подумаю, — отвечал Волков холодно, разглядывая кучера.

У кавалера и так расходов было много больше, чем доходов, брать ещё одного человека на жалование ему очень не хотелось, несмотря на все вчерашние подарки.

— Садитесь же ко мне, — продолжала Бригитт, распахивая дверцу кареты, — попробуйте, как мягки тут диваны. И как тут тепло.

«В карету? Ему? Чтобы прослыть изнеженным? Или старым? Враги будут рады узнать, что он стал ездить в карете, презрев коня, карета — это верный признак того, что человек состарился».

— Благодарю вас, госпожа Ланге, — отвечал он, — но мужчине не пристала та изнеженность, что позволительна

женщинам. У меня для дороги есть конь.

— Ну как хотите, только потом у вас опять будет болеть нога от холода и седла, — сказала Бригитт с сожалением.

Но Волкову Увалень уже помогал сесть в седло. Максимилиана и Карла Брюнхвальда с телегами они ждать не стали и поехали в Эшбахт вслед за каретой Элеоноры Августы.

Чуть отъехали от города, так подул ветер. И был он злой и резкий, дул с северо- востока и как раз в больную ногу. А ещё принёс он колючий снег, что больше походил на мелкий лёд. Конечно же, нога стала сразу ныть, а ведь впереди была ещё вся дорога до дома, полдня в седле. Он и шубу снял короткую свою, надел из запасов стёганку. Она почти до колен была. Именно что почти, у него как раз чуть выше колена крутило, и в голень ниже колена боль отдавала. Час ещё в седле промучился он и сдался.

— Госпожа Ланге, — он постучал костяшками пальцев в стекло, — найдётся там место у вас для меня?

— Ну наконец-то одумались, — сразу оживилась Бригитт, — образумились, а то всё куражились, гарцевали перед молодыми, а к чему? Что, заболела нога?

В её вопросе прекрасно слышались и забота, и тревога. Она отворила дверцу.

— Идите сюда, идите.

Волков бросил поводья Увальню, морщился, но влез в карету. Завалился на диван напротив Бригитт. Вытянул ногу. Уф, как тут было хорошо, как тепло. И намёка на сухой и холодный ветер нет.

А госпожа Ланге вдруг пересела к нему, помогла развязать завязки стёганки. А потом взяла его руку в свои.

— Вы уж простите меня, — сказал он.

— За что же? За то, что раньше мне такой кареты не дарили? — улыбалась рыжеволосая красавица.

— Да нет же, за то, что не пришёл вчера к вам, как обещал.

— А я знала, что не придёте вы, — сказала она.

— Знали? Откуда?

— Как увидала, что на балу вы стакан за стаканами со своими городскими дружками опрокидываете, так и поняла, что ждать вас не следует. Ещё и последнего танца не было, а вы уже пьяны были.

Он взял и повалился головой к ней на колени, как на подушку, а она стала его волосы гладить, пальчиками своими изящными по его шрамам проводить:

— Господи, я раньше и не видала, а у вас вся голова иссечена, вот этот шрам откуда?

— Этот, кажется, от ведьмы и её банды в Хоккенхайме достался.

— Наверное, больно было?

— Да нет, когда дерёшься, больно не бывает.

— Неужто?

— Да. Почти никогда. В тот раз точно не было.

— А потом было?

— Потом? — он попытался вспомнить. — Нет, не было. Кажется, не было. Не помню.

— А этот откуда? — теперь она провела по его лбу.

— Этот — при осаде одного города болт пробил шлем и застрял в голове.

— Больно было?

— Нет, тогда точно было не до того. Снял шлем, вытащил наконечник да снова надел, вот и всё.

— А этот шрам от чего?

— На шее — это недавно, на реке получил от горцев.

— Нет, не на шее, на шее я помню, как он появился, — говорит она и трогает его голову, — на левом виске.

— На левом виске? — кавалер пытается вспомнить. И не может. — Нет, не помню.

— Как же так, — удивляется она, — вас били, а вы и не помните?

— Не помню, меня же бьют почти с детства, разве всё упомнишь?

А Бригитт тут наклоняется к нему и целует в висок. А сама так и продолжает гладить его по старым ранам да по волосам. А у него от тепла и её доброты нога болеть перестала. Карета! Это не в седле мучаться.

Глава 24

Она по запаху поняла, что у неё всё вышло. Запахи она чувствовала тонко, различала их самые незаметные оттенки, понимала самые замысловатые сочетания. Агнес принюхивалась и принюхивалась к зелью, получая удовольствие, которое получает мастер, тяжко добивавшийся нужного результата.

Да, зелье удалось, тонкий, почти невесомый запах полевого цветка василька, запах подмышек молодой, здоровой женщины, полынь, ещё что-то, и ещё. Всё то, что надо.

А сколько она мучалась с ним, сколько драгоценной мандрагоры извела напрасно. После чего не получившееся варево приходилось лить в нужник. И всё-таки оно вышло. Агнес улыбалась, она даже забыла принять свой любимый вид, так и была в обычном и убогоньком своём теле. Как раз тут об этом и вспомнила, когда стала разливать зелье по маленьким красивым флакончикам. И стала себя менять. Руки брали флакончик и прямо на глазах менялись. Становились полнее, пальцы удлинялись, кожа вытягивалась, разглаживалась. Она и от этого получала удовольствие. Ей нравилась и та лёгкость, с которой она изменяла свою внешность, и то, что теперь ей для этого зеркала были не нужны. И то, что свой новый облик она может носить хоть целый день с такой же лёгкостью, с какой глупые людишки носят свою одежду. Она сожалела только о том, что ей вообще приходится возвращаться в своё естественное обличие.

Ведь все соседи и знакомые помнили её серой и некрасивой, ну ничего, со временем она думала медленно изменять себя, выходя на улицу, чтобы люди привыкали к её изменениям.

Пока девушка разлила всё зелье в четыре флакона, она стала статной красавицей, с красивыми плечами, и с заметной грудью, и с широкими бёдрами, и с длинными ногами. Она уложила флакончики в шкатулку, закрыла её крышку. Встряхнула своими длинными волосами цвета спелого каштана.

— Уж епископ мне за это зелье золотом заплатит.

Но этого ей было мало, и чтобы найти себе серебра вдоволь, ей и другие средства были надобны. Она вечерами листала книгу, находя в ней всё больше нужных для дела снадобий. То было и средство полного обездвиживания, оно у неё уже получалось неплохим, и снотворное средство, и яд быстрый, как удар кинжала, и яд, который и есть не нужно, а для смерти и его липкого касания достаточно будет, и порошок, что звался ведьмин сахар. Эта вещь ей особенно приглянулась. То была особая пыль, что от легкого дуновения взвивалась в воздух и,

попадая в глаза людей, слепила их на время. Всё, всё это ей было нужно, и ещё много что.

Ко всему этому нужно было немало редких ингредиентов. Редких и недешёвых, она собиралась их купить, и для этого ей нужен был богатый епископ.

— Ута! — закричала Агнес.

— Да, госпожа, — ещё снизу лестницы кричала в ответ служанка.

Она влетела в комнату и поморщилась от едких запахов, что стояли в ней.

— Послезавтра у меня я буду на обеде, помнишь?

— Помню, госпожа, помню.

— Платье!

— Портниха говорит, что низ подобьёт, как вы велели, юбка удлинится, а клиньями бока расшивать, так она без вас не решается, боится испортить. Говорит, чтобы вы на примерку были.

— Так поехали к ней, скажи Игнатию, чтобы запрягал лошадей, и подавай одеваться. Едем платье править.

Ута убежала вниз, а Агнес даже стало себя жаль немного, всё от бедности это. Она пошла в свою спальню, к зеркалу. Как ни крути, а у неё только одно хорошее платье, в котором она может на званом обеде быть. А платье то было на её естественное тело, а ей же хотелось в свете появиться яркой, чтобы быть повыше, да чтобы и грудь была полнее, плечи пошире. Вот и приходилось одежду править. Это своё последнее богатое платье расшивать и удлинять.

Она взяла браслетку с комода, ту, что дарил ей банкир. Нацепила на руку. Хорошо. Хорошо, да мало. Разве молодой девушке достаточно одной жалкой браслетки? Она поглядела на лики святых угодников, что были на цепочке. Нет, мало ей этого, ей хотелось жемчугов, и перстней, и серёжек золотых с каменьями. Она подняла руку, потрясла браслетом. Лики святых тряслись вокруг её запястья. И этого ей было мало.

Выехали из дома, и прямо за первым же поворотом к карете кинулся продавец пирожных и булок, ловкий и сбитый малый.

— Госпожа Сивилла! — кричит он, а сам торопится за каретой и старается булки с лотка не растерять. — Помните меня? Я Петер Майер, пирожник.

Она смотрит на него сверху вниз. Узнаёт, конечно, но виду не показывает. Отворачивается.

— Госпожа Сивилла, а я вас помню! — продолжает кричать болван. — А вы меня?

Она не хочет, чтобы лишние люди её видели. Но он не

отстаёт от кареты, всё бежит и бежит рядом:

— Меня все запоминают! Вы тоже должны. Неужто не помните?

— Прочь пошёл, — наконец отвечает она высокомерно. — Хам!

А он всё равно, подлец, не отстаёт, ловкий мошенник вдруг прыгает и цепляется за дверцу кареты, и едет, и ведь ни одной булки наземь при том с лотка не роняет.

— Хотите сдобу, госпожа Сивилла? — говорит юноша, он смотрит на неё, такой белозубый, плечи широкие, руки сильные у него. — Булки у меня ужас как хороши, ни масла, ни сахара на них не жалею. А яиц сколько уходит — пропасть!

И она не выдерживает, улыбается ему, хоть и не хочет.

— Ну, госпожа, берите, бесплатно вас угощу…

— Вечером приноси, куплю, — вдруг неожиданно для себя самой говорит Агнес, — дом мой знаешь, поди?

— Слева от монастыря стоит, — сразу говорит парень.

«Откуда подлец только знает, неужели следил?»

А тут и Игнатий его, наглеца, заметил:

— А ну пошёл, — рычит кучер, нагибаясь с козел, и в воздухе звонко щёлкает бич.

— Ай, сволочь какая, — кричит Петер Майер и отрывается от кареты, — как больно ожёг!

Он остаётся на дороге, чешет бедро, а Агнес выглядывает в окно и смеётся, видя это: получил, наглец! Поделом!

Выругав и немного напугав портниху, чтобы та лучше старалась, Агнес вернулась домой.

Шла Рождественская неделя, на улицах было много людей в лучшей своей одежде. Люди ходили друг другу в гости, встречаясь на, обменивались поклонами и поздравлениями. А девушка, видя на улицах радостных людей, слыша, как громко они славят святой праздник, тоже хотела, чтобы её кто-то поздравлял. Тоже хотела с кем-нибудь поболтать. А с кем ей было общаться? Со слугами? С вонючим детоубийцей? Со старым хирургом? И тут она поняла, что особо ей и поговорить-то не с кем. Как хорошо было прежде, когда она могла говорить с господином. Он её слушал. И ничего, что с высокомерной улыбкой, но слушал, общался и спорил по вопросам писания. И с братом Ипполитом могла поговорить. А теперь тут, в огромном городе, в котором живёт, как говорят, сорок тысяч человек, ей не с кем было словом перекинуться. Ну не с Утой же, этой собакой о двух ногах, ей говорить. Вот она и ждала званого ужина, на который её пригласил банкир Энрике Ренальди, хоть и не знала, доведётся ли ей там поговорить с людьми. Хотя вряд ли,

приличной деве в обществе подобает больше молчать, а вот торговое, но тайное дело вести с епископом ей точно придётся. Нет, в том, что ей удастся продать зелье попу, она не сомневалась. Раз поп его искал, значит, и купит. Лишь бы у него деньги были, а уж убедить его она сможет.

И всё-таки, даже этот ужин был не тем, чего она искала для своей души. Ужин был важен для дел. Только для дел. И умные разговоры с господином и братом Ипполитом тоже всё не то было. Ведь не могла она о своих тайных силах, о своих скрытых умениях им рассказывать. Даже господину не могла, хотя он многое знал про неё. А ей так хотелось поделиться этим хоть с кем-нибудь. Похвастаться, показать, что она может, какие зелья умеет выварить, увидать восхищённые глаза и выслушать похвалы. Ну, а кто мог её похвалить? Вот эти вот людишки, что жались к стенам, когда её карета проезжала по улицам? Городские пузаны, хозяева лавок и мастерских, глупые бабы, что вечно хлопочут по кухне да по дому, волнуясь о своих многочисленных выводках да о своих никому не нужных бессмертных душах. Да расскажи она им про свои умения, так они к попу тут же побегут. Донесут сразу. Нет, никому из всех этих людей она рассказать о себе не могла. Прислуга и так о ней знала и боялась её, даже Игнатий её побаивался. Вот и стала она иной раз заглядывать на рынки, бродила там, как будто искала себе редкие приправы, а сама всё высматривала и высматривала там женщин, особенно смотрела среди тех, что торговали травами да настоями. Заглядывала им в глаза, пытаясь узнать среди них таких же, как она. Сестёр.

Но пока никого не находила, то ли скрывались бабы, боясь показать себя, то ли не было ей подобных на рынках. В общем, томилось сердце молодой женщины. Ни подруг, с кем поделиться, ни любимого, с кем спать лечь.

— А ну стой, — крикнула она кучеру, увидав на палке возле лавки шляпника связку разных шапок.

Карета тут же встала. А Агнес выглянула из окна и произнесла, показывая пальцем на шапки:

— Покажи, что у тебя есть.

Расторопный продавец, который только что болтал с соседом, тут же кинулся к ней со всеми шапками, что были привязаны к шесту:

— Какую вам угодно посмотреть, госпожа?

Агнес некоторое время выбирала, разглядывая шапки, и потом сказала:

— Вот ту, красную, с фазаньим пером.

— Ах, как хорош ваш выбор, — тут же забубнил продавец,

отцепляя шапку от палки, — все благородные девицы, что не замужем, такие носят.

— Девицы? — Агнес взяла шапку в руки. — Что ты врёшь, дурак? Разве девы в нашем городе такие носят? Не видела я таких шапок на головах дев. Я вообще её для юноши покупаю.

— Конечно-конечно, — ничуть не смутился торговец, — для юноши лучше и быть не может. Вон какое перо у неё, и такую красную шапку все издали будут видеть.

— Ну и сколько? — спросила девушка.

— Восемьдесят пять крейцеров, добрая госпожа, — с улыбкой сообщил торговец.

— Восемьдесят пять? — это было явно недорого для фетровой шапки красного цвета, да ещё и с большим пером. Но в Агнес давно поселилась женская страсть к торговле. — Шестьдесят дам.

— Госпожа моя! — шляпник даже в лице переменился. — Да разве ж это цена, я по такой лёгкой цене отдаю из-за праздника, иначе талер бы просил. Вы поглядите, какой фетр, на нём ножками вашими прыгать можно, он всё одно форму удержит, а перо? А краска какова? Дайте хоть восемьдесят!

— Думаешь одурачить меня, подлец? — почти без злобы говорит Агнес. Она даже подумывает так у него шапку забрать, без денег, и уверена, что заберёт, если надумает, коли не решила бы раньше для себя в городе силы свои не применять по мелочи и без надобности. И она говорит ему так убедительно, как умеет: — Думаешь, что молодая женщина перед тобой — так одурачишь её? Нет, не выйдет. Давай за шестьдесят крейцеров шапку. Соглашайся немедля, прохвост.

Она кидает ему монету.

— Хорошо, хорошо, госпожа, — сразу говорит продавец, поймав талер, ему, торговцу, что всю жизнь торгует, и в голову не придёт перечить такой… деве. Он и сам не понимает, почему согласился, но уже лезет в кошель за сдачей. Отсчитывает, причём медь отдать ей не решается. Берёт серебро, да и то самое новое, не потёртое.

А когда девица уезжает, торговец отчего-то чувствует облегчение. И Бог с ним, что не взял за хорошую шапку хорошую цену, шапок таких он ещё сделает, а вот торговаться с этой злой девицей ему было на удивление в тягость.

А вот Агнес чувствовала себя, наоборот, прекрасно. Она получила то, что хотела, и по той цене, что ей была мила. Шапку она купила… Конечно, для юного булочника с крепкими руками, вдруг вправду придёт, не побоится. Вот как раз подарок ему к празднику будет. Она от мысли, что он может к ней прийти сегодня, вдруг немного заволновалась. Это ж нужно ужин

приготовить. Нужно новую нижнюю рубаху надеть, чистую, мало ли что. А что может случиться? Да ничего не может, разве она покажет мужику свою рубаху? Разве допустит до себя? Он же из бюргеров, да ещё и работник. Нет, конечно. Главное, вина много не пить. Да, вина она вообще не велит подавать. И тут она уже волноваться стала не на шутку. Даже дурища Ута, что сидела напротив, и та заметила это:

— Госпожа, дурно вам?

— Если ко мне гости сегодня будут, так вели горбунье вина на стол не подавать, — чуть не закричала Агнес.

— Гости будут? Это тот наглый булочник, что на двери кареты вис? — уточнила служанка.

Агнес даже застеснялась. Подумала, что служанка будет смеяться над ней, что она таких низких гостей принимает, и, собравшись, сказала строго:

— Не твоё дело, сказано тебе на стол вина для гостей сегодня не ставить.

— Как изволите, скажу горбунье, чтобы не ставила, — послушно сказала служанка. Она знала уже свою госпожу, уж лучше ей не перечить и на всё отвечать согласием, когда она так волнуется.

Глава 25

Подарков было столько, что дворовые устали вино, пиво, масло и мёд в подвал спускать. Посуду, серебрёную и простую, расставить было некуда, отрезы шёлка, бархата, дорогого сукна сложили в большой сундук, так его закрыть потом не смогли. Хлопот было много. Тут как раз последние свободные покои для монахини, для матери Амелии готовили. Кровать искали. Хорошо, что монашка была проста. Кровать просила малую. Брат Ипполит ей свою уступил. Перенесли также туда комод, зеркало, столик. От перин она отказалась, попросив одеяла. Больше в доме свободных комнат не было.

Волков сразу понял, что с этой старой монашкой он ещё хлебнёт лиха. Только в доме появилась, только за стол села, так сразу свои порядки заводить стала:

— Отчего же у вас нескоромной еды не подают? — говорила она, поджав губы и глядя, как дворовые девки носят на стол блюда с жареной колбасой и бобы в жирной подливе. — Вы никак Рыцарь Божий?

— Так поста сейчас нет, к чему постное? — нехотя ответил Волков, видя, что Бригитт совсем не хочет отвечать монахине.

— Постное в любое время хорошо, — не успокаивалась мать Амелия.

— Дело моё война, — снова отвечал ей кавалер, — много я на постной еде навоюю? И жена моя беременна, ей тоже постное ни к чему.

— Постное всем полезно, в доме епископа всегда постный стол был. И в пост, и в жирные дни. Там и репа с маслом, и капуста кислая, и просо с постным маслом, и яблоки мочёные, и сухие фрукты, — продолжала монахиня.

— Госпожа Ланге, — произнёс кавалер, не дослушав её, — распорядитесь, чтобы впредь на столе было постное, капуста, репа, ещё что там…

— Да, господин, — сразу согласилась Бригитт.

Думал он, что на том всё и закончится, да какой там!

— Отчего же вы вино подаёте к столу неразбавленное? — тут же продолжала мать Амелия.

— Вино я пью неразбавленное, — ответил кавалер.

— А супруге вашей теперь неразбавленное пить нельзя. Даже пиво ей такое нельзя, — монахиня с отвращением заглянула в кувшин. — Вон какое оно у вас чёрное да крепкое. Пиво ей нужно светлое.

— Госпожа Ланге, велите госпоже Эшбахт отныне вино

подавать разбавленное, а пиво для неё брать в трактире, оно так как раз для беременных, почти вода, — чтобы не спорить с противной бабой, сказал Волков. Сам же наливал себе этого чёрного и крепкого пива, о котором говорила монахиня.

— Как пожелаете, господин, — отвечала госпожа Ланге.

При этом разговоре сама Элеонора Августа была тиха и кротка, звука не проронила, кушала себе еду скоромную и только поглядывала на разговаривающих. Но Волков уже почувствовал, что с монахиней они сразу общий язык нашли.

А тут, как будто специально, в обеденную залу бочком, бочком, чтобы особо не беспокоить господ, влез тот солдат, что подвизался кучером у Бригитт. И говорит тихонечко:

— Госпожа, коней думаю чистить, сегодня никуда больше не поедете?

Ей бы встать, да вывести дурака из залы, да дать ему оплеух, чтобы впредь знал, когда можно господ беспокоить. А Бригитт лишь отвечает:

— Чисть, никуда сегодня не поеду.

— Я тогда и карету вашу помою, — говорит кучер.

Тут Элеонора Августа, что сидела птичкой райской, встрепенулась, перестала есть и спрашивает у него:

— Какую ещё карету ты мыть надумал? Мою? Так у меня есть кучер, он сам её помоет.

— Нет, не вашу, госпожа, зачем же мне вашу мыть, — поясняет кучер Бригитт. — Карету госпожи Ланге.

— Карету госпожи Ланге? — Элеонора Августа бросает нож на стол. И повторяет. — Карету госпожи Ланге?

Она смотрит на Волкова, так пристально, что он не решается поднять головы. Так и сидит, уставившись в тарелку.

Не дождавшись ответа ни от него, ни от Бригитт, Элеонора Августа вскакивает и скорым шагом идёт прочь из залы, за ней следует кучер Бригитт, бормоча только:

— Вашу-то карету ваш кучер помыл уже, я ж про карету госпожи Ланге говорю.

Конечно, когда Волков дарил карету Бригитт, понимал, что жене это придётся не по вкусу. Тем не менее надеялся, что она переживёт это спокойно, но уже по вою, что донёсся из прихожей, он понял, что ошибся.

Госпожа Эшбахт влетела в столовую залу, указывая пальцем в окно, на улицу:

— Вы эту карету подарили вот этой вот. женщине? — завывала жена.

— Госпожа моя, вам я подарил соболей, мало у кого есть такие соболя.

— К дьяволу ваших соболей! — закричала жена так звонко и зло, что монахиня поморщилась, а с кухни стали опять выглядывать любопытные лица прислуги. — К дьяволу ваших соболей! Сколько стоит эта карета? А?

— Эту карету мне подарили консулат и совет города Малена, я не знаю, сколько она стоит, — врал кавалер.

— И коней вороных? Коней тоже подарил? — допытывается жена, а сама аж трясётся от возмущения.

— И коней тоже, — продолжает врать кавалер.

— Я… Я, — кричит Элеонора Августа, теперь уже указывая пальцем на госпожу Ланге, — жена ваша перед людьми и Богом, езжу в этой кибитке, в которой иной мужик постесняется возить брюкву, а эта. неопределённая женщина ездит в карете, в которой ездит герцогиня?!

«О! Вспомнили, что вы жена моя пред людьми и пред Богом?»

— В этой кибитке вы ездили, когда ещё жили в доме своего отца, и тогда она вам кибиткой не казалась, и ругались вы, когда я просил вас одолжить эту кибитку для госпожи Ланге. Отчего же вы сейчас так шумите, что вся прислуга из дома сбежалась на этот балаган посмотреть? — отвечал он жене недовольно.

Тут Элеонора Августа сжала кулаки, прижала их к глазам и, продолжая рыдать и задевая стулья у стола, кинулась к лестнице и по ней уже побежала наверх в свои покои. Мать Амелия резко встала и бодро, для своих-то лет, пошла за госпожой Эшбахт.

Волков, мрачен, остался в комнате один с Бригитт. Лишь Мария убирала пустые блюда со стола. Кавалер пил вино, уже и не думая о еде. Он поглядел на госпожу Ланге, и его чуть не передёрнуло.

Мало того, что та сидела и спокойно ела колбасу, так она ещё едва не улыбалась. Волков видел, что она силится и силится скрыть улыбку этого злого бабьего самодовольства. Улыбку самодовольства и превосходства. Её всё, всё устраивало в этой истерике госпожи Эшбахт. Ей всё нравилось в этой истерике. Она была ею удовлетворена. Он даже подумал, что всю эту ругань она как-то подстроила. Специально подстроила, чтобы унизить и позлить Элеонору Августу. И теперь она пожинала плоды, она была рада. Так рада, что едва могла это скрывать.

— Отчего вы так счастливы? — спросил кавалер, глядя на красавицу весьма хмуро.

А она, взяв стакан с пивом и отпив из него, сказала ему, как бы промежду прочим:

— А пиво это чёрное очень крепко, крепче многих иных вин, как бы не запьянеть от него.

— Отчего вы так счастливы? — повторил он, повышая голос.

Его злила эта её манера не отвечать на его вопросы.

— А чего же мне грустить? — решила ответить Бригитт, она при этом улыбалась обворожительно. — Господин мой мною доволен, так доволен, что дарит мне кареты, в которых лишь герцогини ездят. Жена его уже обременена, и теперь господину моему нет нужды спать в её покоях, теперь господин мой будет спать со мной. Я уже и сама по нему скучаю. Жду его каждую ночь. Иной раз проснусь, а на подушке рядом нет лица милого, так я тоскую. И каждый день думаю: вот теперь-то он и придёт ко мне, а сегодня уж точно придёт мой господин, жена его сегодня видеть не захочет. Чего же мне не быть счастливой?

Говорила она это, держа своими пальцами красивыми красивый бокал. И платье на ней было красиво, и браслет, что он подарил ей, был на её руке, и причёска уложена волос к волосу. Вся она была чистая, ни намёка на пятнышко, вся свежая, как только что сорванное яблоко, и пахла почти так же, в общем, само очарование. Так хороша, так хороша, что устоять пред ней было невозможно. Но Волков устоял, встал и, не сказав ей ни слова, пошёл на двор, рявкнув:

— Эй, кто-нибудь, пошлите за Максимилианом.

Но Максимилиана в старом доме не нашлось, он уехал к отцу, так что Волкову в этот вечер никуда уехать не получилось, и он, посидев в с братом Ипполитом за книгами, хоть книги его совсем сейчас не интересовали, всё-таки пошёл к этой женщине, так как больше ему и некуда было податься в своём доме. Ну не идти же ему было в старый дом к молодым господам, они и так в тесноте жили. А Бригитт уж ждала его, и так она была ласкова с ним и так нежна, что он не пожалел, что пошёл к ней.

Праздники, подарки, кареты, беременность жены, всё это было радостно и хорошо. Приятно, что на какой-то момент даже про дела денежные он позабыл. Подарки из золотых монет хоть на месяц, хоть на два или даже на четыре месяца, но помогли бы ему избавиться от вечных дум про убывающие деньги. А должность Первого капитана города Малена так и вовсе тешила его, и не только мыслями о денежном содержании, но и властью и влиянием, что она сулила. Кому теперь будет писать герцог, чтобы город выделил солдат на поимку господина Эшбахта? Ну, разве что письмо Его Высочество адресует самому господину Эшбахту. Он невольно смеялся, думая об этом.

Он смеялся, а его господа офицеры, наоборот, были очень серьёзны. И даже горды тем, что их командиру предложен столь высокий пост. Все они, как один, готовы были помочь ему в деле улучшения войск города. И, кажется, им не терпелось приступить к делу. И всё было бы хорошо, домашние дрязги улеглись бы,

когда-нибудь женщины смирились бы со своим положением, и в доме его всё, хоть на время, до родов жены, и успокоилось бы. Но было одно, что не давало ему спать спокойно.

Война-то никуда не делась. Не ушла, проклятущая.

Трижды враг бит и унижен, но это ничего не значило. Абсолютно ничего. Он всё ещё был силён и всё ещё был зол. Да, Волков и сам становился сильнее, важная городская должность и новые кровные узы значительно усиливали его, давали ему необходимую поддержку, но тягаться с целым кантоном он, конечно, не мог. Да и всё графство Мален не смогло бы соперничать с целым горным краем, с этим немаленьким горным государством, что навечно скреплено с другими такими же государствами.

Он про войну никогда не забывал, попробуй про неё забудь, она так про себя напомнит, что тошно станет. Вот он и помнил. Роху отправил в Ланн, к кузнецу за мушкетами. Очень он надеялся, что тот сделал ему хотя бы полсотни штук. К тому же велено было Рохе купить пороха и ядер для кулеврин и полукартауны. Пули и картечь, как и весь свинец, тут, в Малене, были дёшевы, а вот ядра и порох в Ланне были заметно дешевле. Вот Роха с капитаном Пруффом, что был уже в Ланне, и должны были всего нужного для пушечного боя привезти.

Сам же другим днём, ранним утром, ещё до светла, отъехал на юг своих владений вместе с ротмистром Рене. Поехал он к рыбацкой деревне, чтобы посмотреть, что построено там.

Приехал и был почти доволен. Сержант Жанзуан по плану, что рисовал ему ротмистр Рене, построил крепкий форт. Строил честно, лес покупал, что мимо сплавляли, и из него построил крепкие стены на возвышенности над деревней. В два человеческих роста. Хорошо окопал их. С налёта такой форт нипочём было не взять. Солдаты уже стали и обживаться там. Он оставил им одну хорошую лодку из тех, что захватили у горцев, они приспособили её под рыбалку.

И всё бы ничего, но когда форт был осмотрен, сержант заговорил:

— Господин, людишки мои форт поставили, как вы и распорядились.

— Ну и? — отвечал Волков, чувствуя, что дальше разговор будет неприятен для него.

— От дел люди были оторваны, свои дела побросали, без праздников и выходных ради вас старались, — продолжал Жанзуан.

— Что ж они хотят?

— Серебра, господин, хоть немного серебра. Не зря же люди

тут старались, почитай, без малого месяц.

— Немного? Немного — это сколько? — настроение у кавалера становилось ещё хуже.

— Просят хоть по три монеты.

«По три монеты! По три монеты на брата. А тут их тридцать человек вместе с сержантом и корпоралом. Сто монет вынь им да положь!»

Ему подарили десять дублонов в маленькой серебряной шкатулке, так вот два из них надо было отдать этим мерзавцам. Форт, конечно, стоял, но два великолепных дублона… Кавалер вздыхал и молчал.

— Думаю, такая плата будет справедливой, — продолжает Жанзуан, видя, что Волков не отвечает.

— Дам по два талера на человека, — наконец ответил кавалер, — тебе дам четыре, больше не проси, больше нет у меня, я на порох и ядра с мушкетами сегодня две сотни отдал. А впереди весна, скоро эти, — он кивнул в сторону реки, — снова затеют дело.

— Ну, два так два, — сказал Жанзуан без особой радости, — а ещё людишки просят разрешение на тот берег наведаться.

— К чему это? — насторожился Волков.

— Бабы надобны, — отвечал сержант. — Без баб тут тоска, вон кругом дикость какая, а мы домишки поставили бы, попа позвали бы для венчания.

— Нет, — сразу и строго отвечал он, — не думайте даже, потерпите до лета, сами к нам сунутся, мы им врежем и уже потом на их берег сходим, тогда и возьмёте себе баб каких захотите, самых красивых и молодых возьмёте.

Он осмотрелся. Да, тут и вправду было дико, холодная река, сгнившие лачуги на берегу, заросли кустов. Холодно, мрачно. Но всё равно:

— Нет, не злите горца раньше времени. А пару девок я вам пришлю на пару дней, за свой счёт пришлю, и пива пришлю чёрного целую бочку, и пару свиней.

— Что ж, так и скажу людям, — отвечал ему сержант Жанзуан.

Ничего, потерпят до лета. Они солдаты, им не впервой.

Верил ли он сам в свои слова о том, что опять врежет горцам? Кавалер не знал и сам. Но вот солдаты и ротмистр Рене, что стоял рядом, должны были верить. Вот он и говорил об этом с такой уверенностью.

От реки и форта он поехал не домой, а к амбарам, там проживали его офицеры. В частности, там жил ротмистр Рене с его сестрой. Вот к ней-то он и собирался с радостной, а может и

не очень, вестью.

Сестра была ему рада, жили они с Рене совсем не богато, дом их был беден, немногим он отличался от дома простого крепостного мужика, который стоял рядом. Того самого мужика с женой, что Волков, помимо земли, дал за сестру в приданое. Но всё равно, даже назло бедности сестра казалась счастливой, может потому, что была беременной, а может потому, что брат пришёл. Она стала спешно собирать на стол, а он уселся к очагу, вытянул по привычке свою больную ногу и звал к себе племянниц. Ротмистр достал какое-то крепкое вино в кувшине, стал разливать его, а кавалер, во все времена прежде привечавший больше младшую племянницу, на сей раз стал обнимать и гладить по голове старшую. Этим много удивлял и её, и ротмистра, и сестру:

— Что вы, дядя? — удивлённо спрашивала девочка, которая до сих пор не удостаивалась таких его ласк. — Хотите, наверное, знать, как учусь я? Так я хорошо учусь.

— Да, — не без гордости говорила мать, — Брат Ипполит её нахваливает. Читает она уже бегло и пишет почти чисто. И в языке пращуров уже многое знает. Писание нам по вечерам читает даже.

— То хорошо, — говорил Волков, — то хорошо. — Тянуть он больше с этим делом не хотел и поэтому сказал больше сестре, чем племяннице, но обращаясь при этом к девочке. — Урсула Видль, пришло время вам готовиться к замужеству.

— Что?! — воскликнула его сестра. Она даже руками закрыла себе рот, чтобы не закричать.

— Да, вопрос сей уже решён.

— Ну что ж, — с удивительным спокойствием произнесла девочка, — раз вопрос решён, так, значит, буду готовиться.

— Она же мала ещё совсем! — кричала её мать с голосом, полным слёз. — Куда же её замуж?

— Кровь у неё была? — сухо спросил Волков, и сам прекрасно зная о том.

— Была, ещё летом была, — отвечала ему сестра, вытирая слёзы.

— Значит, уже не мала. И прекратите рыдать, сестра, не за мужика её отдаём, будет с серебра до конца дней своих есть.

— И кто же жених? — спросил ротмистр Рене, который, кажется, не слыхал о свадьбе, хоть и был в городе на пирах. Сейчас он вид имел удивлённый и растерянный.

— Один из Фейлингов. — отвечал Волков. — Третий сын главы дома. Не помню, как его зовут. Вы же знаете Фейлингов, двое братьев состоят при мне.

— О! Это богатая фамилия. Эти два брата привели с собой конных четырёх послуживцев, — уважительно говорил ротмистр.

Но сестру это, кажется, не успокаивало, она рыдала, прижимая руки ко рту, но не решалась приблизиться к дочери, которую всё ещё обнимал дядя. А вот девочка была на удивление спокойна и рассудительна:

— Дядя, раз мой жених из богатых, то и мне нельзя будет в таком платье перед ним показаться.

— Об этом не беспокойтесь, дорогая моя Урсула, — отвечал Волков, — платья и всё остальное, что нужно женщине, у вас будет, даже шуба у вас будет.

— И приданое у меня будет? — спрашивала девочка, которая была в восторге от подобных перспектив.

— Будет приданое, будет, — говорил Волков. — И будет оно такое, что никто не посмеет вас упрекнуть в пустом приданом. Вы получите пять тысяч десятин земли и двух крепостных мужиков, помимо скота и помимо перин, скатертей и всего такого.

— Я очень рада, дядя, что вы нашли мне такого жениха, — спокойно говорила девочка, хотя мать её заливалась слезами.

Тут и маленькая племянница подошла к нему, по-свойски обняла его руку и спросила:

— Дядя, а мне вы тоже найдёте жениха?

— Конечно, моя дорогая, — отвечал ей Волков, теперь он обнимал уже двух племянниц, — и тебе я тоже найду жениха.

— Только мне красивого, — говорила маленькая Катарина.

— Лучше богатого, — смеялся дядя. — Такого, как у Урсулы.

— Нет, мне лучше красивого, — настаивала Катарина.

— Хорошо, поищем тебе и красивого, и богатого, — продолжал смеяться кавалер.

Тем временем мать их продолжала плакать, только теперь она это делала тихо. А ротмистр Рене в одиночку опрокидывал уже второй стакан крепкого вина. Даже не предлагая выпить Волкову.

Глава 26

Помимо военных дел и будущей свадьбы, у него были и другие заботы. Ту пристань, что просили купцы из Рюммикона, его архитектор уже достроил, и она уже могла принимать любые, даже самые большие, баржи из тех, что ходили тут в верховьях реки. И теперь чуть не каждый день господин де Йонг приходил к нему и спрашивал:

— Соизволит ли господин кавалер достроить церковь?

Стены церкви были уже поставлены. Но до сих пор у Волкова не было денег, чтобы заняться крышей. Да и сейчас, даже после всех подношений, что он получил в городе, денег не сильно прибавилось. Но церковь была нужна, очень нужна. И это не со слов братьев Семиона и Ипполита, которые частенько напоминали ему об этом. Он и сам понимал, что людям без церкви никак нельзя.

— Сколько же вам нужно, чтобы покрыть крышу? — наконец спросил он у де Йонга, когда тот опять поутру пришёл к нему.

— Я говорил вам уже, сто двадцать шесть талеров будет стоить вся работа вместе с материалами.

— Хорошо, но всё, что нужно, вам будет поставлять мой племянник.

Кажется, это весть не очень обрадовала господина архитектора, но он согласился:

— Значит, всё, что нужно для строительства, будет мне поставлять господин Дейснер? Хорошо.

— Теперь он Фолькоф, я дал ему своё имя.

— Ах вот как, — господин де Йонг помолчал, — впрочем, Бруно очень умный юноша, он, разумеется, достоин вашего имени.

Деньги, будь они неладны, деньги, словно вода из дырявой кадки, вытекали из него. А поместье, поместье давало крохи, он уже прикидывал, сидя с Ёганом, сколько всего ему принесло его убогое поместье. И понял — всё, что дало ему поместье, съели господа из его выезда и его дом с дворней. Доходы от проплывающего мимо леса, кирпич и черепица, что жгли солдаты, доходы, что давала его худая землица, которую он сдавал всем желающим её пахать, — всего этого едва хватало ему на жизнь. Но кроме этого, Волков строил форты, пристани, церкви. Позарез нужна была дорога, а ещё он собирался выдавать замуж племянницу. Форт, крыша церкви и свадьба племянницы уже тянули на все те двадцать гульденов, что ему поднесли на бархатной подушке в день его празднования. А новые мушкеты, а

порох, ядра, а картечь с пулями, а ботинки, которые он обещал солдатам, когда те бродили с ним по холодной глине, заманивая горцев к оврагу и холмам. Деньги, серебро. Он испытывал в них постоянную нужду. Да, у него ещё осталась часть того золота, что он вывез из Хоккенхайма, ещё было то золото, что он взял в долг у горожан. Но сколько времени ему понадобится, чтобы потратить всё своё и начать тратить занятое?

Кавалер, когда был у сестры, и вышел от неё, сев на коня, некоторое время смотрел на восток. И смотрел он не на свои амбары и свою пристань, он смотрел за реку. Смотрел на берег Фринланда. На тот самый богатый край, о котором ему всё время напоминал архиепископ Ланна. Да, там было что пограбить, купчишки там были жирные. Можно было их лодчонки на реке ловить, а можно было и прогуляться по их стороне. Да, с пятью сотнями своих людей он бы подрастряс им мошну. И архиепископ был бы доволен. Но ему очень, очень не хотелось этого делать. Просто потому, что нельзя воевать со всеми сразу. Враждуя с горцами, проявляя своенравие с герцогом, втягиваясь в распри с местной земельной знатью, ему ещё оставалось поссориться с богатым купечеством Фринланда. Нет, это было бы самоубийством. Но деньги ему были очень нужны. Поэтому он звал к себе племянника. Волков хотел знать, как обстоит дело с торговлей углём и лесом. Пристань была уже готова, можно было уже принимать баржи. Хоть дорога от амбаров до Эшбахта была и не хороша, а дорога от Эшбахта до города и того хуже, но ещё стояла зима, и глина, скованная холодом, ещё в состоянии была выдержать пару десятков телег прежде, чем превратиться в канавы с грязью. Нужно было начинать торговлю. Не ждать потепления.

Но пока Увалень искал Бруно, приехал гонец из города. Привез письмо от бургомистра. Был как раз обед, за столом были Бригитт, Элеонора Августа, мать Амелия со своей вечной постной миной на лице и брат Ипполит.

Волков в настроении вполне благодушном развернул бумагу. Стал читать. Он хотел знать, когда ему надобно приступать к исполнению обязанностей Первого капитана, также он хотел знать, когда ему пришлют брачный контракт для ознакомления.

Брат Ипполит, что сидел дальше всех от него, был единственным человеком за столом, который увидел перемену в лице кавалера. Женщины молча ели. А монах сразу почувствовал неладное, когда только ещё губы рыцаря скривились и превратились в нитку. А когда нос рыцаря заострился, и со стороны он стал похож на хищную птицу, молодой монах почувствовал приближение бури. Брат Ипполит не первый год

знал кавалера, он уже видал не раз это выражение его лица. Но даже он не мог предвидеть то, что произойдёт дальше.

А Волков левой рукой скомкал письмо, словно горло врага сжимая бумагу, правой же вдруг смахнул всё, что было перед ним, со стола. Дорогая посуда, его серебряный кубок, вилки с ножами, блюдо с кусками жареной курицы, дорогой бокал жены из синего стекла, кувшин с пивом, всё, всё это полетело на пол, на колени к его жене.

Элеонора Августа вскрикнула от испуга, и Бригитт тоже, и потом обе, как по команде, закрыли рты руками, а монахиня стала креститься и креститься. А кавалер вскочил, сжал кулаки, упер их в стол и стал орать так, что лицо его стало багровым, а вены на шее вздулись:

— Ублюдки! Бюргерская погань! Чернильное рыцарство! Сволочь! Придорожная падаль!

Глаза его словно остекленели, и он продолжал сыпать и другими недобрыми словами и самыми отборными солдатскими ругательствами, которые при женщинах и звучать не должны.

— В блудных девках чести больше, чем во всех в них! Городская сволота, рыночные шуты, балаганные артисты, содомиты!

Монахиня уже вытаскивала из-за стола перепуганную и перепачканную куриным жиром госпожу Эшбахт. Брат Ипполит судорожно искал в своей сумке склянки, думая, какой настой дать господину. Госпожа Ланге так и сидела в ужасе, прикрывая рот ладонями. А челядь на кухне, как и положено ей, вся сбежалась к двери и со страхом и любопытством так и глядела, что там происходит у господ в столовой.

А в столовой Волкову стало не хватать воздуха, и он тяжело повалился в своё кресло. Дурных слов он больше не произносил, дышал так, словно пробежал милю, сидел, продолжая сжимать письмо от бургомистра в кулаке. А лицо его было таким багровым, что Бригитт перепугалась ещё больше прежнего, вскочила, подбежала к господину, обняла его за шею и кричала монаху:

— Ну что ты там копаешься, дай же господину капель каких-нибудь! Иначе у него удар случится!

И тут же кричала слугам:

— Эй, вы, чего зенки таращите, дуры, несите полотенце мокрое и воду, воду несите! В стакане!

Страх у окружающих отступал, суета кое-как приняла нужное русло, монах, не жалея снадобья, накапал ему в стакан. Волков молча выпил, а Бригитт, разжав его пальцы, вытащила из них — аккуратно, чтобы не порвать — злополучное письмо и стала

читать.

А монах, щупая жилу на шее кавалера, следил за тем, как меняется умное и красивое лицо Бригитт по мере прочтения письма. Госпожа Ланге дочитала и вдруг сказала с неожиданной строгостью:

— Негоже вам, господин, так убиваться. Сами сказали вы, что они бюргеры. Чего же вы от них чести ждёте, коли они бесчестны? Странно ждать держания слова от чернильного рыцарства.

— Опозорили они меня, — прохрипел Волков. — Перед офицерами моими, перед людьми моими.

— То не вам позор, а им, — продолжала Бригитт всё так же строго. — Они и сами это знают. Вот первый консул так и пишет, — она снова стала читать мятый листок. — «С прискорбием и немалым стыдом пишу я вам». Видите? «С прискорбием».

Волкова только скривился в ответ. А красавица продолжала читать:

«.. и в том письме к городскому совету герцог выявил неудовольствие тем, что совет просил вас принять должность Первого капитана городской стражи. И в нём же Его Высочество просил совет ещё раз подумать о назначении на сей важный пост человека столь дерзкого и непримиримого».

— Ну подумайте сами, — продолжала Бригитт уже более мягко, — разве осмелятся все эти бюргеры противиться воле курфюрста? Во всей земле Ребенрее нашёлся всего один храбрец, что на такое отважился, — говорила она, гладя его по голове, словно ребёнка.

И она снова начала читать: «А моё письмо по поводу будущего бракосочетания господин Фейлинг оставил без ответа.».

— Холопы, — холодно, но уже спокойно произнёс Волков, — стоило господину прикрикнуть, так даже этот «благородный» обгадился. Про свадьбу забыл, а я уже племяннице всё рассказал. Фердинанд Фейлинг мерзавец, трус и лакей. А ещё недели не прошло, как обниматься лез, — Волков поморщился, вспоминая это. — Братьев Фейлингов, что состоят при мне, выгоню сегодня же. Пусть убираются.

— Сие не умно будет, — сразу сказала госпожа Ланге.

— Плевать, не хочу это семя трусливое и лакейское видеть при себе. Пусть своему герцогу прислуживают.

Слуги уже стали убирать осколки стекла и куски еды с пола, смывать липкое пиво, а Бригитт села рядом и положила на его руку свою:

— Торопиться, господин мой, не нужно. А то ведёте себя, как солдафон неумный.

— Я и есть солдафон, — высокомерно произнёс кавалер.

— Вот именно, а надо быть политиком. Хитрым будьте. Они хитры и трусливы, а вы будьте хитрым и храбрым. Не спешите, и за всё, за все унижения с ними поквитаетесь.

— Это оскорбление! — воскликнул он. — Понимаете? Оскорбление! Мои офицеры… Моя сестра, все ими оскорблены. Их посулами, и клятвами, и обманами. Поманили дураков, да и обманули! Бюргеры поганые. Холопы.

— А ещё посмеётся над вами и граф, узнав про ваш конфуз, — словно подливала масла в огонь Бригитт.

Волков взглянул на неё зло. А она продолжала как ни в чём не бывало.

— Но вы стерпите, не кидайтесь в драку и не карайте виновных, будьте хитрее. Затаитесь. Езжайте к епископу, с ним поговорите, а братьев Фейлингов от себя пока не гоните, с ними будьте ласковы. И конфуз свой оберните себе на выгоду.

Он всегда считал, что слушать женщину — глупо. Женщины трусливы, вот оттого и хитры, а хитрым быть для рыцаря недостойно. Но на сей раз Волков молчал, думая, что в словах красавицы что-то есть. Может, и в самом деле не рубить сейчас с плеча, не наживать себе в городе врагов, а и вправду поехать к епископу, поговорить с ним да попытаться повернуть свой конфуз к своей выгоде?

Он молча сжал её пальцы, так выражая госпоже Ланге свою благодарность. А она прямо при монахе и при слугах, что продолжали уборку, склонилась и поцеловала его руку. И он руку не отнял, ничего, пусть целует, ведь то был вовсе не знак куртуазности или проявление приязни, а знак уважения к главе дома. Впрочем, слуги и так знали, когда и в каких покоях спит господин. Да и монах, кажется, догадывался. Этот поцелуй, кажется, ни для кого диковинкой не стал.

Тут она встала:

— Пойду, Ёган ещё до обеда пришёл, дожидается.

— Меня? Так пусть войдёт.

— Нет, вам то будет недосуг, то мелочи всё, хозяйство, — отвечала Бригитт. — Я сама дело разрешу.

— Управитесь сама? — Волков всё чаще замечал, что эта женщина берёт на себя больше тех дел, что раньше делал он.

— Он про бороны пришёл поговорить, — объяснила госпожа Ланге. — земля наша плоха, глиниста, бороны гнутся, их к следующему севу править надобно, а сев уже не за горами, вот он и ездил к кузнецу про цену спросить. Наверное, узнал.

Такие слова от такой женщины слышать Волкову было удивительно. Даже и представить он не мог, что, например,

госпожа Эшбахт про бороны будет с управляющим говорить. А Бригитт могла. Могла и говорила. Она вникала во всё, и за худые надои с нерадивых баб спрашивала, и за растрату сена мужиков отчитывала. Она экономила господское вино и пиво и собственноручно нещадно лупила по мордасам слуг, если от тех пахло тем или другим. Она интересовалась стоимостью ремонта телег, стоимостью овса, что засыпают господским коням. Ей до всего было дело. Она неустанно следила за домом, за кухней, за погребом, за коровником, за спальнями, даже за нужниками, всё видела, всё подмечала, ко всему придираясь со всем живым пристрастием, и при этом всегда была свежа, бодра, а платье её всегда было удивительно чисто. Даже подол был всегда сух и чист.

Нет, не Элеонора Августа была сердцем дома его, сердцем усадьбы и поместья его, сердцем этим становилась госпожа Ланге. Забирая себе постепенно все его дела, с которыми могла управиться. Слуги слушались её беспрекословно, боялись её больше всех остальных господ, господа офицеры и молодые господа из выезда относились к ней с не меньшим почтением, чем к госпоже фон Эшбахт. Да и сам Волков всё чаще прислушивался к её советам, понимая про себя, что слишком уж много власти в его доме стала брать эта огнегривая, молодая и такая желанная женщина. Но осаживать её он не торопился. А честно говоря, и не хотел. И она, чувствуя это, всё глубже и глубже врастала в его дом, в его жизнь и в его сердце.

— Сидите, господин, я всё решу, — сказала Бригитт и ушла в прихожую к Ёгану.

А он сидеть не захотел, у него тоже были дела, а тут как раз Увалень нашёл его племянника, Бруно вошёл в столовую и поклонился:

— Звали меня, дядя?

— Звал, хотел говорить, но теперь уже поздно, мне ехать пора. Александр, передайте господам, чтобы коней седлали, едем в Мален.

— Как в Мален? — уже вбежала в столовую Бригитт. — Сейчас?

— Так вы же меня сами уговаривали ехать к епископу, — удивлялся кавалер.

— Так день уже к вечеру пошёл.

— Ничего, до темна доедем, — отвечал Волков вставая. — Александр, скажите, чтобы седлали коней.

Глава 27

Епископ был уже не в силах после вечерней службы даровать благословения всем желающим стоя. Ищущих прикосновения старого епископа было много. Страждущие и болезные, нищие и зажиточные, городские бюргеры и мужики с окрестных сёл и бабы с детьми — все безропотно выстраивались в очередь и ждали своей минуты. А епископу выносили кресло, ставили его рядом с кафедрой, сидя в нём он и принимал людей. Выслушивал их. Со всяким разговаривал, говорил несколько слов, утешительных или приободрительных, всякого благословлял, кладя ладонь на голову, крестил, над всяким читал краткую молитву, давал руку на целование. Говорил он негромко, и в церкви было тихо, даже больные дети почти не плакали.

А тут шум по церкви пошёл. Пришли господа грозные, шумные, идут по храму дерзко, плащи у них развеваются, мечами лавки задевают, сапоги кавалерийские с каблуками по полу топают. А впереди предводитель, хоть и хромой, но ещё резвый. И идут прямо к епископу. Люди, что в очереди стоят, шепчутся, удивляются, интересуются: кто такие? А некоторые знают, шепчут в ответ: Рыцарь Божий, кавалер фон Эшбахт. Победитель горцев.

Волков подошёл к креслу епископа и остановился в двух шагах, ожидая, когда тот своё дело закончит с каким-то мужиком деревенским.

— И что же вы так шумны? — спрашивает его отец Теодор, чуть прерываясь от чтения молитвы над мужиком. — Не на плацу, в храме всё-таки. Вон людей моих переполошили.

Волков с поклоном, но молча достаёт комканую и расправленную бумагу. Протягивает её епископу.

Тот на бумагу не смотрит и говорит мужику:

— Пока старая жена не помрёт, новую женщину в дом брать не следует. Уж потерпи, сам говоришь, что долго жена не протянет. Схоронишь старую, так новую и возьмёшь, — он осеняет мужика крестным знамением, даёт ему руку для поцелуя. — Ступай, сын мой.

Мужик быстро целует руку и кланяясь, кланяясь уходит. А епископ всё не берёт бумагу у Волкова, только говорит:

— Не вижу я к вечеру ничего, сын мой. Не давай мне своих бумаг, так говори, что случилось.

Волков мрачен, говорит отрывисто и зло:

— Бургомистр пишет, что герцог писал в городской совет, что не желает, чтобы я был Первым капитаном стражи и ополчения города Малена.

— И что же, городской совет послушался герцога? — спрашивает отец Теодор с интересом, не глядя на Волкова, сам при этом чуть улыбается серыми губами старика.

— Конечно, бургомистр пишет, что городской совет повторным голосованием отклонил моё соискательство, — тут Волков не выдержал обиды и заорал. — Соискательство! Будто не они мне предлагали эту должность, а я её искал! Просил у них! Чёртовы рыцари чернильные!

— Тише! Тише, сын мой, вы в доме Господнем, не забывайте!

— Простите меня, святой отец, — сказал кавалер, поклонившись сначала епископу, а потом и распятию, а после и перекрестившись.

— Вижу, что отказ от должности ещё не все огорчения ваши? — продолжал поп.

— Конечно, не все, — продолжал Волков. — Также господин первый консул пишет, что не дождался от господина Фейлинга обещанного брачного контракта и послал ему письмо с напоминанием. На которое господин Фейлинг не соизволил ответить. Не соизволил он!

Волков потряс письмом так, будто этот клочок бумаги во всём виноват.

— Не понимаю, отчего вы так злы? — спокойно заговорил епископ. — Разве я вам не говорил, что они вами играют, хорохорятся, в барабаны бьют, флаги носят, но как только господин кот зашипел, так мыши попрятались в подпол. А кот даже и когтей, кажется, не показал.

— Бюргеры, — с презрением произнёс Волков. — Хоть и показывают себя благородными.

— Бюргеры, бюргеры, — соглашался епископ, — за ними каждое слово надо записывать и регистрировать в нотариальной книге и говорить через суд.

— И что же мне делать? Может, мне прийти сюда с людьми да зарезать мерзавца Фердинанда Фейлинга? А с совета города за нанесённое оскорбление потребовать компенсацию?

— Что ж, это было бы поучительно, — произнёс епископ, — и прибавило бы вам заслуженной славы, но сие вряд ли бы улучшило ваши отношения с городом. Бюргеры не очень любят, когда их первых горожан режут, и уж совсем не любят, когда с них трясут деньги. Знаете что… Отправьте своих бравых молодцов в трактир, а сами поезжайте ко мне, там и поговорим.

Волков молча поклонился ему, а епископ встал не без труда из кресла и сказал людям, что ждали его:

— Дети мои, сегодня более благословлять не буду, устал, уж простите великодушно, завтра приходите, обязательно всех

приму.

«Отправьте своих бравых молодцов в трактир». Сказать сие легко, а вот заплатить за такую прорву людей и лошадей совсем не просто. Серебро извольте выложить. Хорошо, что братья Фейлинги поехали к родителям спать, но даже так Волкову пришлось раскошелиться на талер. Деньги, деньги, деньги. За каждый шаг ему приходилось платить. Он передал монету Максимилиану, а сам скоро уже был в доме епископа.

Монашка, на удивление не старая и миловидная, сказала:

— Постелю вам в ваших покоях, господин.

Да, у него уже были тут покои.

Вскоре ему сообщили, что епископ вернулся и зовёт его к ужину.

Повар у епископа был хорош, Волкову принесли на ужин половину жареной утки в меду, а вот старый поп ел варёную постную телятину с брусникой. Волков пил крепкий вермут из погребов епископа, сам же епископ пил воду с мёдом.

— Не время злиться, — рассуждал отец Теодор. — Не время растить и лелеять обиды.

— Надобно случившийся позор обернуть к себе в выгоду?

— Именно, молодец вы, коли так думаете.

— Это не моя мысль, — отвечал Волков.

— А чья же? — заинтересовался поп.

— Одной женщины, что живёт при моём доме.

— Женщины? — епископ, кажется, удивился. — А не той ли рыжей госпожи Ланге эта мысль, что компаньонка вашей супруги?

— Именно её, и она уже не компаньонка моей жены, она ключница моего дома.

— Не компаньонка? — епископ стал серьёзен. — Потому что вы делите с госпожой Ланге ложе, жена с ней перестала водить дружбу?

— Не только, жена перестала водить с ней дружбу, потому что госпожа Ланге донесла мне, что меня задумывают отравить.

— Ах, это. Да, я помню о том подлом деле, помню, — говорил епископ, беря кусочек телятины и макая его в брусничный соус. — И значит, она умна, красива и предана вам, эта госпожа Ланге?

— И красива, и… Даже, кажется, слишком умна. И, возможно, предана. Она со мной ласкова.

— Но как вы умудряетесь держать в доме двух столь своенравных женщин?

— Дочь графа мной пренебрегает и не желает меня к себе допускать; смешно говорить, но иной раз мне приходилось брать

собственную жену силой. В дни, благоприятные для зачатия, мне было не до церемоний. А когда жена не допускала меня до себя, госпожа Ланге ждала меня.

— Так и не корите себя за то, — спокойно сказал поп. — Холопы, бюргеры, мужики и даже женщины иной раз и забывают свои обязанности перед Богом и людьми, так рыцарство для того и надобно, чтобы принудить их к должному. Пусть даже и силой. А жена пусть сама себя корит за свою холодность.

Святой отец отпил из тяжёлого серебряного кубка медовой воды, рука его старческая при этом не была тверда.

— Но зато теперь вы рады, ваша жена обременена.

— Свершилось, на Господа и деву Марию уповаю, что всё разрешится к благополучию моему. Только вот не об этом всём сейчас думы мои.

— Знаю, знаю, — сказал епископ, — но всё это негодное дело с вашим назначением на должность и со свадьбой я предвидел. Знаете, как говорили пращуры наши: «Предупреждён значит вооружён». Вот и я подготовился. За позор с отказом от должности мы с совета спросим, а вот свадьбе быть.

— Нет-нет, — сразу сказал Волков, — с подлыми Фейлингами знаться более не желаю. Оскорбления этого им не прощу.

— Негодование ваше обосновано, но выводы ваши поспешны, не с Фейлингами будет свадьба.

— Не с Фейлингами? А с кем же?

— К завтраку будут ко мне гости, бургомистр и ещё один человек. Зовут его Кёршнер, — поп смотрел на Волкова и улыбался. — Что, вам не по душе его имя?

Волков ничего не ответил. А святой отец продолжал:

— Да, вы правы, он из мужиков, из скорняков и кожевенников. Его папаша поначалу вонял мочой так, что рядом нельзя было стоять, хоть из храма его гони. Но он уже тогда… а было это, кажется, — старик на секунду задумался, — кажется, лет тридцать назад. он был очень богат. Однажды приносит ко мне мешок, сам разодет в парчу и бархат. Облился благовониями так, что не знаю даже, что хуже, моча или тот его запах, и говорит: отец мой, примите в дар. Я уже и обрадовался. Думаю, в мешке талеров двести, не меньше, как раз мне крышу на соборе после бури перекрыть. Беру, а мешок-то тяжёл, открываю, а там одно золото: гульдены, кроны, флорины папские. Поблагодарил его, конечно.

— И сын его стал ещё богаче? — догадался Волков.

— Десятикратно. Его отец, разбогатевший на поставках кожи для войны, ещё и красильни открыл. К вони скорняцкой привык, так и вонь от красилен не страшна. А у нас вся ткань в графстве

красилась мужичьём только в коричневый цвет, а у него были и красные, и зелёные краски, и горчичные, вот тут он уже и озолотился. Умные люди говорят, что у него пятьдесят тысяч десятин земли и мужиков полторы тысячи в крепости, может, и побольше, чем у графа, и всякое другое имущество в большом множестве и что стоит оно сто пятьдесят тысяч гульденов. А нотариусы говорят, что и все двести.

— И мочой он уже не воняет? — произнёс Волков заинтересованно.

— Никто этого уже не заметит, даже если это и так. Но он так и не смог стать своим в городе. Местные нобили его к себе всё еще не принимают.

— А будет ли у такого богача партия для моей племянницы?

— Будет, будет, — заверял старый поп и продолжал: — Когда герцог к нам приезжал, так он подносил ему золотую чашу и золотой поднос. Но герцог его до руки допустить побрезговал. Кёршнер на городской смотр выставлял сорок всадников в отличной броне и сорок аркебузиров, он платит большие подати в казну города, но едва смог избраться в совет. Он многое отдаст, чтобы сесть за один стол со мной и с вами, кавалер. Я говорил ему о том, что ему неплохо бы было породниться с таким славным человеком, как вы, кавалер, и он соглашался с такой мыслью. Соглашался не раздумывая и с радостью. Он и его семья были на пиру в вашу честь, но сидели совсем не на почётных местах. Думаю, что и вам не следует брезговать таким возможным родственником.

— А я и не собирался, — только и отвечал кавалер.

Утром едва рассвело, а за столом уже собрались епископ, Волков, бургомистр и этот самый господин Кёршнер. Он пришёл последний. В столовую он вошёл в шубе и огромном берете неимоверно красного цвета, такого же цвета, как и перчатки. А шуба на нём была сплошь из чёрных соболей. В прихожей он не отдал её лакею, а так и шёл в ней до столовой, а лакей бежал за ним следом. И только тут, в столовой, он с шубой расстался. Как и с беретом, как и с перчатками.

«Соболя, конечно. Ну слава Богу, что хоть не горностаи, как у коронованных особ».

Был господин Кёршнер весьма полнокровен, обширен и богат чревом. Он улыбался и кланялся, что-то мямлил вежливое, извинялся за опоздание. Волков не стал его дослушивать, а сделал к нему шаг и протянул руку:

— Кавалер Фолькоф.

Толстяк схватил его руку и стал кланяться, да так низко, что Волкову показалось, что он собирается его руку целовать.

— Большая честь, — высоким голосом говорил владелец пятидесяти тысяч десятин земли и прочего имущества. — Наслышан о ваших подвигах, кавалер, наслышан. И очень, так

сказать, рад, спасибо святому отцу, что приглашён сюда для такого дела.

Вот только присутствие бургомистра кавалера удивляло. Неужто он тоже тут был нужен? И словно прочитав его мысли, епископ произнёс:

— Не буду скрывать от вас, господа, что мысль связать вас в матримониальном союзе принадлежит не мне, а господину бургомистру. Но я полагаю, что мысль эта хороша, и обоим домам от такого союза будет большая польза.

— Очень рад, очень рад, — опять кланялся Кёршнер, — очень рад, что проявляете участие, господин первый консул.

Волков тоже кивал согласно. А бургомистр улыбался и кланялся в ответ.

— Прошу вас, господа, к столу, — пригласил всех епископ.

А слуги уже расставляли кушанья на стол. Тут были и холодные буженины с хреном и горчицей, и горячие варёные с укропом колбасы, и взбитые яичные желтки с сахаром, и меда разные, белые и тёмные, жёлтое топлёное молоко, взбитые сливки с ягодами, и крестьянские жирнейшие блины пфанкюхены с добавками к ним разнообразной начинки из мяса и томлёных овощей, и свежайший белый хлеб. Также к завтраку были поданы два вида пива, два вида вина и вода с лимонами. Стол был сервирован только серебряной посудой, что подчёркивало официальность завтрака.

— Значит, господа, — взял на себя смелость господин бургомистр, — ни у вас, кавалер, ни у вас, господин Кёршнер, нет возражений насчёт сближения ваших домов?

— Нет, — без всяких лишних слов и ненужных вежливостей произнёс Волков, — сдаётся мне, что чести в доме господина Кёршнера будет больше, чем в доме некоего Фейлинга, который даже не соизволил произнести отказ мне в лицо, а предпочёл трусливо отмолчаться.

Кажется, эта фраза была немного груба и могла бы задеть Кёршнера, но нет, наоборот, большие щёки его покраснели, как от большой похвалы, он поглядел, во-первых, на епископа, потом на бургомистра и уже потом сказал, обращаясь к рыцарю:

— Ах, господин рыцарь, вы первый, кто мой дом по чести поставил выше, чем знатный дом Фейлингов.

— Коли будет угодно Господу и свадьба состоится, так вы будете сидеть подле меня, — говорил Волков, — а ваша жена будет сидеть подле моей жены.

— Как вам известно, господин Кёршнер, — вставил бургомистр, — жена кавалера — урождённая фон Мален, дочь графа Малена.

— Да-да, мне это известно, — кивал Кёршнер. — Для мой жены то тоже будет честь.

— И я буду на той свадьбе, — заверил епископ. — Думаю, что и бургомистр будет.

— Ну разумеется, — произнёс бургомистр.

— А Фейлингов на свадьбу я звать не разрешу, — продолжал кавалер. — В тех бесчестных людях нужды я не вижу.

Кажется, у толстяка-богатея от счастья стала кружиться голова:

— Сегодня же сообщу второму, неженатому моему сыну Людвигу, что невеста ему найдена, чтобы собирался к ней ехать с подарками.

Волков сам взял кувшин, не дожидаясь лакеев, налил вина и себе, и ему, встал и сказал:

— Бог всегда, во всех битвах был ко мне милостив, надеюсь, он не допустит никаких препятствий к этому браку. Выпьем же за то, друг мой.

Трясущейся пухлой рукой господин Кёршнер брал свой кубок. Вставал и пил вино до дна вместе с кавалером. А епископ и бургомистр им хлопали в ладоши.

Волков выпил и сел на свой стул, и Кёршнер сел, он так растрогался, что ему пришлось вытирать глаза салфеткой.

Но святой отец вернул его к разговору, он поднял палец к небу и сказал толстяку:

— Сын мой, а известно ли вам, что господин кавалер ведёт тяжкую войну с горными дикарями и безбожниками во славу Матери Церкви?

— Конечно, — отвечал тот, — разве про то может кто-то не знать в наших краях, мало того, слава о победах кавалера идёт далеко за пределы нашей земли, мои торговые партнёры мне о том пишут.

— Ну а раз так, вы должны понимать, что война дело накладное, и кавалер весьма ограничен в средствах и много серебра на свадьбу дать не сможет.

Сначала Волков не понимал, куда клонит старый поп, но теперь был очень благодарен ему. Очень.

— Конечно, конечно, понимаю, — сразу оживился богач, — я так и вовсе думаю просить господина кавалера не утруждаться, я с радостью готов все расходы по свадьбе взять на себя и думаю дать…, - он на мгновение задумался, — думаю дать десять тысяч.

Ни Волков, ни бургомистр, ни епископ в эти слова сразу не

поверили, и бургомистр даже негромко уточнил:

— Десять тысяч талеров чеканки Ребенрее?

— Конечно, — сообщил господин Кёршнер, — хочу, чтобы свадьба моего сына запомнилась. Надеюсь, святой отец, обряд будете проводить вы лично.

— Разумеется, сын мой, разумеется, — заверил его епископ.

«Десять тысяч талеров? Да что это будет за свадьба? На десять тысяч монет можно провести не свадьбу, а следующую летнюю компанию против горцев, и после этого, может, деньги ещё даже и останутся, что же он собирается с ними делать, пригоршнями в голытьбу швырять?».

Волков снова взял кувшин и снова стал наливать вино себе и Кёршнеру, потом встал и сказал:

— Друг мой — надеюсь, отныне я могу так называть вас, учитывая, что вы вошли в моё непростое положение, — протягиваю вам свою руку, отныне можете рассчитывать на меня и мой меч. Выпьем.

Одной рукой хватая кубок, другой руку Волкова, Кёршнер вставал из кресла. По его щекам текли слёзы:

— Ах, как это хорошо, как хорошо, — бормотал он. — Ваша дружба для меня — великая честь. Великая.

Когда он ушёл, и Волков остался с епископом и бургомистром, Волков возьми да и скажи:

— Со этой свадьбой, кажется, всё складывается лучше, чем с предыдущей, может, дело и до венца дойдёт. Но вот как город собирается загладить оскорбление, что было нанесено мне?

Бургомистр сразу насупился:

— То предложение было ошибкой. Мы и думать не могли, что герцог будет столь резок по сему поводу.

— Вы не подумали, а из меня на всё графство посмешище сделали. Уж молодой граф от души посмеялся над моим конфузом, и горцы тоже, думаю, позубоскалили. А мне непривычна роль посмешища.

— Ни секунды в том не сомневаюсь, но что же вы хотите в сатисфакцию за сие недоразумение? — нехотя спросил господин Виллегунд.

— Мне нужна дорога, — сразу отвечал кавалер, — от Малена хоть до границ моего удела.

— Об этом уже говорилось, и не раз, — произнёс бургомистр. — Совсем недавно купцы и торговцы железом и свинцом уже заводили речь про неё, просили город разделить с ними траты, но совет отказал. Совет не даст денег на эту дорогу.

— Отчего же? — помрачнев, спросил кавалер.

— Глушь, дичь, безлюдье, — говорил бургомистр.

Но Волков чувствовал, что не безлюдье главная причина.

— От моей пристани, от моих амбаров дорога до города в три раза короче, чем от Хоккенхайма. Неужто совет не знает о том?

Бургомистр помолчал немного и потом сказал:

— Господа из совета не желают в одно прекрасное утро увидеть, как по хорошей дороге с юга к ним идут колонны горцев.

А вот это уже было похоже на правду. Да, конечно, горожане прекрасно помнят, как горцы стояли под их стенами. Дважды стояли, между прочим.

Волкова так и подмывало сказать бургомистру, что он собирается мириться с кантоном, но при отце Теодоре такого говорить было нельзя, старый поп был верным человеком архиепископа Ланна, а тот страстно желал, чтобы война здесь разгоралась, сильнее захватывая всё новые земли. Поэтому он сказал всего лишь:

— Дорога эта будет очень полезна городу.

— Знаю, — отвечал бургомистр. — Поэтому немедля соберу всех купцов и глав гильдий, что были заинтересованы в этой дороге, переговорю с ними и на ближайшем совете лично подниму этот вопрос. Буду уповать на то, что вам нанесено оскорбление, и требовать сатисфакцию в вашу пользу. Может, они меня и послушают. А не захотят строить дорогу, так потребую подарка для вас.

— Что ж, я буду вам признателен, — кавалер сделал многозначительный жест, недвусмысленно дающий понять, в чём будет выражаться его благодарность. — Особенно если вы преуспеете с дорогой.

— Приложу все силы, господин рыцарь, — заверил его господин первый консул города Малена.

И кажется, говорил он вполне себе искренно.

Когда бургомистр откланялся, когда уже и сам кавалер собирался уходить, он спросил у епископа:

— А почему же бургомистр так старается для меня?

— Ах вы наивный рыцарь, — усмехался старый поп, — бургомистр выбран совсем недавно, и выборы ему дались очень нелегко. Следующие выборы он собирается выигрывать благодаря деньгам Кёршнера, да и видимая дружба с вами ему никак не повредит. Тех, кто побеждает, все хотят видеть в своих друзьях. Так что старается он не для вас. Вовсе не для вас. Но дружбу с ним вы всё равно водите, он очень влиятелен сейчас. Да и в делах необыкновенно проворен.

Когда Волков садился в седло, чтобы ехать в трактир за своей свитой, он неожиданно подумал о том, что, может, и неплохо вышло, что брак с Фейлингами расстроился. Что, может,

Кёршнеры ему будут много выгоднее Фейлингов. Шутка ли! Десять тысяч монет на свадьбу! Да и с дорогой ещё не всё потеряно, может, дорога ещё будет.

Глава 28

Признаваться в том, что Бригитт была права, он не собирался. Вот ещё, и так много о себе стала думать, карету ей подарил — это уже немало. Но так и было, совет рыжей красавицы был хорошим.

Он совсем не зря ездил в город, и вместо того, чтобы раздуть новую свару, кажется, наживал новых и ценных друзей.

Уже через день с утра приехал посыльный от Кёршнеров и просил узнать, будет ли угодно господам Эшбахтам и девице Урсуле Видль принять Людвига Вольфганга Кёршнера и сопровождающую его мать Клару Кёршнер.

На что был получен благоприятный ответ. Сказано было посыльному, что дом Эшбахтов ждёт уважаемых гостей с большим нетерпением. На что посыльный сообщил, что гости поедут к ним затемно и уже к обеду будут.

Волков звал к себе сестру Терезу и племянниц, чтобы сообщить им о деле. И когда те пришли, мать заплаканная, а девочки перепуганные, кавалер глянул на них и охнул.

У невесты, оказывается, и платья подобающего нет. И у матери её платья хорошего нет, а всё что есть, старо и обтрепалось. То, что кавалер покупал племянницам, то хоть и неплохие платья были, но девочки давно из них выросли. А ко всему ещё и обед нужно начинать готовить сейчас.

— Собирайтесь, — говорит кавалер, а сам хмурится, — надо в город ехать за платьями.

— Пока доедете, ночь уже будет, вам и городских ворот не откроют, — сказала госпожа Ланге. — А коли и откроют, так портные все спят.

И пока Волков молчит и хмурится дальше, она продолжает:

— Не волнуйтесь, господин мой, я всё устрою. До завтра ещё целый вечер и ночь. Мы успеем.

— Что ж вы, новые платья для Урсулы и Катарины и для моей сестры пошьете? — не верит Волков.

— Катарина пусть берёт платье старшей сестры, — говорит Бригитт.

— Ой, я согласна! — кричит младшая племянница.

— Госпожа Рене, сестра ваша, пусть возьмёт платье у госпожи Эшбахт, они телом схожи почти, разница невелика, её никто и не заметит.

— Берите любое моё платье, — милостиво согласилась Элеонора Августа, она взяла за руку сестру Волкова Терезу, — пойдёмте, сестра, посмотрите, что можно взять у меня.

— А я? — искренне удивлялась происходящему виновница всего переполоха, тринадцатилетняя невеста. — А где же мне взять платье?

— Вам нравится моё платье из зелёного бархата? — спросила у неё госпожа Ланге.

— Ваше платье из зелёного бархата? — глаза Урсулы округлились. — Очень нравится. Но оно же мне велико.

— У нас есть ножницы, иголки, нитки и дворовые девки. И целая ночь впереди, мы всё перешьём под вас, вы будете в нём так хороши, что жених влюбится в вас с первого взгляда. Согласны?

— Согласна, — сразу согласилась племянница, — но, госпожа Ланге, разве вам не жалко такого хорошего платья?

— Не волнуйтесь, дорогая моя, завтра вы будете главной, а платье, — Бригитт с улыбкой взглянула на Волкова, — думаю, что господин купит мне новое.

Господин, увидав, что все смотрят на него, молча кивнул и стал подсчитывать, что бы ему обошлось дешевле, три хороших платья для сестры и племянниц или ещё одно роскошное платье для Бригитт.

А госпожа Ланге уже звала к себе Марию, велела ставить варить бульоны, звала мужиков, велела им забить свинью, звала девку умелую в шитье, объясняя ей, что надобно делать. Звала ещё кого-то, распоряжаясь и распоряжаясь. И так она это умно делала, что Волкову ничего не оставалось, как сесть в своё кресло, налить пива и позвать монаха с новой книгой, которую тот купил недавно.

Всё, что Бригитт задумала, всё так и сделала. Придраться было не к чему.

Тринадцатилетняя Урсула Видль была напомажена и нарумянена, её волосы были помыты с яичными желтками для блеска, распущены и чуть завиты. Платье, как и ожидалось, было великолепно, бархат есть бархат, и сидело на девочке изумительно. Волков хотел было сказать, что уж слишком она выглядит взрослой, но вспомнил, что девочке скоро ложиться на брачное ложе, и промолчал. Для неё посреди залы, чуть отодвинув стол к стене, поставили кресло, под ноги подставили скамеечку. Урсула всё понимала и была не только на вид взрослой, но и не по годам серьёзна:

— Матушка, дайте мне платок, лучше мне при платке быть, — и тут же отбросила платок, что давала ей мать. — Да нет же, что вы мне тряпку даёте, мне кружевной надобно. Тётушка Элеонора, можете мне на время дать кружева? Как гости отъедут, так я вам верну.

Элеонора Августа молча отдала ей свой кружевной платок.

Племянница, как и положено даме, тут же спрятала его в рукав платья, оставив небольшую часть его наружу. Она делала всё так же, как делали взрослые дамы. Девочки очень ловко перенимают всё у взрослых женщин. И тут же она потребовала зеркало:

— Катарина, подай мне зеркало, хочу поглядеть на себя.

— Ты только что смотрела, — отвечала младшая племянница, которая не хотела отходить от кресла дяди, а хотела смотреть картинки в его книге.

— Глупая гусыня! Немедля неси мне зеркало! — кричала старшая таким тоном, который Волков за ней ещё не замечал.

Тереза Рене, мать девочки и сестра господина, то и дело кривила губы и, с трудом сдерживая рыдания, начинала промокать глаза от слёз.

Урсула, видя это, говорила ей строго:

— Матушка, того не надобно сейчас. Ни к чему тут слёзы ваши. Авось не хороните меня. И не за холопа меня дядюшка выдаёт.

Волков же, слыша это, и читать забывал, диву давался:

«Вон как свадьба меняет женщин. Вчера ещё тихой девочкой была, а сегодня строга уже даже с матерью».

Ротмистр Рене, которому Урсула была падчерицей, непонятно отчего грустил не меньше, чем её мать. Лицо его было печально, он сидел у стены и вставал всякий раз, когда в его стакане кончалось вино, наливал и садился снова грустить и медленно напиваться.

— Дорогая моя, отнесите сестре зеркало, у неё сегодня очень важный день, — Волков чуть подтолкнул младшую, и та нехотя исполнила его просьбу.

А тут как раз влетела в залу девка дворовая и, разгоняя страсти, кричала:

— Приехали! Во двор въезжают!

Волков встал, закрыл книгу и пошёл на двор встречать гостей. За ним шли все его люди: жена — единственная из женщин, даже госпожа Ланге не пошла на двор — оба монаха, фон Клаузевиц, Максимилиан, Увалень, Гренер, братья Фейлинги, Бертье, Рене. Все были в лучших одеждах, и только бесшабашный Бертье был с непокрытой головой.

Во дворе уже была карета, в точности такая же, какую он подарил госпоже Ланге, а помимо кареты было ещё четверо вооружённых верховых. Охрана.

Людвиг Вольфганг Кёршнер был на удивление худ по сравнению со своим отцом. Был чуть прыщав и лопоух. Что пытался, кажется, скрывать при помощи кокетливой бархатной шапочки с драгоценным заморским пером. Вся его другая одежда

была тоже очень дорога: и шуба, подбитая синим атласом, и панталоны необыкновенно свободного кроя из яркого красного шёлка с дивными узорами, и шоссы в цвет панталон, и синие до черноты сафьяновые сапоги, которые, хоть он и не приехал верхом, доходили ему до бёдер. Перчатки, цепи, кольца, всё, как и полагалось, на нём было. Небольшой меч-эспада с золочёным эфесом и отлично выделанными ножнами завершал его костюм. Любой молодой принц или первый сын графа не погнушался бы такой одежды.

Мать же его Клара Кёршнер тоже была дорого одета, но всё-таки не так вычурно, как её сын.

Мальчик сразу подошёл к Волкову и поклонился. Хорошо, низко поклонился, с уважением:

— От всего дома Кёршнеров передаю вам привет и благодарность за великодушное ваше приглашение, господин кавалер, и вас благодарю, госпожа фон Эшбахт, — он поклонился и Элеоноре Августе.

Видимо, юноша заучивал эту речь наизусть, значит, готовился. Это Волкову понравилось.

— Мы вам тоже рады, молодой господин Кёршнер, — без всякой графской спеси на этот раз отвечала госпожа Эшбахт.

Тут юный Кёршнер поклонился и всем его людям:

— Приветствую вас, добрые господа.

И Увалень, и Максимилиан, и фон Клаузевиц, и все другие, включая стариков Брюнхвальда и Рене, все ему кланялись в ответ весьма учтиво, хоть и смотрелся он ребёнком даже на фоне таких молодых, но уже закалённых и обветренных людей, как Гренер и братья Фейлинги. А вот они-то, эти двое, хоть и поклонились, как положено, но потом стали тихо переговариваться, и при том на их лицах были высокомерные ухмылки. И это кавалер для себя отметил.

— Рад вас видеть, друг мой, — сказал он весьма сердечно и тепло, что для него было необычно, и протянул юноше руку.

Волков был без перчаток, а Людвиг Вольфганг в перчатках. Хоть и позволял ему этикет пожать руку кавалера, не снимая перчатки, но он всё-таки потрудился стянуть узкую перчатку перед рукопожатием. Это тоже понравилось кавалеру, и он, чуть улыбаясь, произнёс:

— Прошу вас быть моим гостем и пройти в дом, сдаётся мне, что вас там кто-то с нетерпением дожидается.

Все заулыбались, даже мать юноши, а сам он заметно покраснел.

Глава 29

Урсула встретила жениха глубоким книксеном. Кажется, и вправду женщины переборщили с румянами и белилами. Уж очень она была похожа на взрослую даму.

А жених, чуть заикаясь от волнения, после долгого поклона стянул с головы своей шапку, стал говорить:

— Госпожа Урсула… Урсула Видль. Разрешите мне засвидетельствовать… Да, засвидетельствовать своё нижайшее почтение.

Любой молодой человек волновался бы, если на него смотрели бы три десятка глаз. Да и для девочки эта церемония была волнительна. Но она всё-таки говорила ровно, без запинок, но то, что ей из-за спины нашёптывала Бригитт:

— Рада видеть вас, добрый господин, и вашу матушку в доме нашем.

— Я привёз подарки, — продолжал Людвиг Вольфганг, — будет ли вам угодно принять их?

— Будет, — сразу и без посторонних подсказок говорила Урсула, — да, давайте ваши подарки.

Она опять же без всяких подсказок додумалась, что подарки она будет принимать, сидя в кресле, она вернулась, влезла в него и устроилась на подушке. Замерла в ожидании.

А приехавшие с Кёршнером люди внесли в залу сундук. Поставили его недалеко от кресла, в котором сидела девочка. Распахнули и отошли. Людвиг Вольфганг склонился и достал из него. шубу! Вернее, лёгкую серую шубку из очень богатого меха неизвестного Волкову зверя.

— Ах! — только и смогла произнести Урсула.

Шуб в её короткой жизни ещё не было.

— Вам нравится?

И вот тут Урсула и показала себя девочкой, а не взрослой и умудрённой женщиной. Она вскочила со своего места:

— Дозвольте мне примерить её!

Людвиг Вольфганг не погнушался работою лакея и сам помог девочке облачиться в шубку. Шуба была чуть велика девочке, но смотрелась изумительно. Так хороша была шуба, что Урсула ни слова не могла произнести, даже поблагодарить не могла.

— Это подарок от папеньки моего, — говорил юный Кёршнер. — Надеюсь, он угодил вам?

— Ах, как это прекрасно, — наконец выдохнула девочка, — передайте вашему папеньке, что очень, очень угодил мне.

А Бригитт ей делала строгие знаки, что уж чересчур она

радуется, что надо быть спокойнее. И только тут девица пришла в себя и, снова сделав книксен жениху, вернулась в своё кресло.

— А этот подарок от матушки моей, — продолжал доставать вещи из сундука Людвиг Вольфганг. — Отрез вам на платье.

С этими словами он положил нетолстый рулон ткани ей на колени.

Это был отрез превосходнейшего атласа. Самого блестящего атласа, что Волков когда-либо видел. К тому же он был яркого, насыщенного синего цвета, это был тот самый цвет, что не одобряли некоторые прелаты церкви, называвшие его цветом гордыни и едой дьявола. Может, поэтому этот цвет был так моден среди молодых женщин. Моден и очень дорог.

Урсула Видль была скромной девочкой из небогатой, а некогда и нищей семьи, она и слыхать не могла о том, что этот гладкий материал очень дорог сам по себе и дорог ещё больше из-за удивительного цвета, но тут она, чутьём рождающейся в ней женщины, чутьём, что вложено в девочек матерью-природой, моментально прочувствовала величественную роскошь сочетания этой материи с этим насыщенным цветом и сказала честно:

— Прекраснее я ничего и не видела за всю свою жизнь.

От этих честных слов девочки госпожа Клара Кёршнер, до сего времени строгая, стала улыбаться, понимая, что её выбор пришёлся невесте сына по душе.

— Сие ещё не всё, — продолжал жених, снова наклоняясь к сундуку, — матушка говорит, что такому платью надобно расшить лиф жемчугом.

Он достал небольшую шкатулку из красного дерева и, раскрыв её, передал шкатулку невесте.

Волков, знавший кое-что обо всём, что стоило бы хоть пару талеров, ещё с солдатских своих времён, сразу оценил жемчуг. Жемчуг не был велик или ярок цветами. Но был он на удивление ровен как в размерах, так и в цвете. А ещё он был правильно округл. Что тоже добавляло ему цены. Ровен, кругл, един размером и цветом. Уже от этого своего хорошо подобранного однообразия он был не дёшев.

«Двадцать талеров? Тридцать? Чёрт его знает, но уж точно не дёшев».

Он не мог прикинуть верную цену, но уже сейчас понимал, что платье из этого атласа, расшитое столь хорошо отобранным жемчугом, будет стоить пятьдесят серебряных монет, а может, и все семьдесят.

Урсула запустила руку в жемчуг и стала играть им, при этом улыбаясь и поглядывая на Людвига Вольфганга.

— Думаю, что такое платье будет хорошо смотреться у

алтаря, — заметила госпожа Ланге.

И все кивали и соглашались с ней, разве что мать Амелия, старая монашка, говорила негромко и едко:

— Если, конечно, святые отцы допустят в храм в платье такого цвета.

Но её никто не слушал, так как все хотели знать, что же ещё за подарки привёз жених. А тот уже доставал из сундука новые прекрасные вещи. Говоря при этом:

— А это я выбирал сам.

Это был утренний прибор. В нем была немалая чаша для умывания из серебра, поднос из серебра, небольшое зеркало в серебряном обрамлении, которое удобно ставить на стол или комод перед собой, и набор гребней и щёток для волос из кости заморского животного и серебра. Как раз всё то, что нужно для любой уважающей себя женщины поутру.

— Надеюсь, что вы примете от меня этот дар и будете расчёсывать свои превосходные волосы, — говорил Людвиг Вольфганг с надеждой.

— Ах, как это всё прекрасно и нужно мне, — отвечала Урсула, хватая все щётки одну за другой и пробуя их рукою. — А вот эта очень мягкая, мне она по душе.

Людвиг Вольфганг улыбался и кланялся ей и снова лез в сундук. И достал оттуда большой и красивый ларец:

— А это от моих сестер и братьев, от родных и двоюродных, — он отворил крышку и показал содержимое Урсуле. — Это конфеты, в южных странах их зовут каррамелла. Вы любите конфеты из варёного сахара с разными вкусами?

Ларец был полон дорогих разноцветных конфет. От вида этого разнообразия невеста тут же позабыла про все другие подарки:

— Я очень, очень люблю такие конфеты, — сказала она, хотя, скорее всего, до сих пор даже и не пробовала их. Девочка робко взяла жёлтую конфету. И положила её в рот.

— Это с лимоном, она кислая, — сказал Людвиг Вольфганг.

— Точно! — воскликнула невеста. Её глаза округлились от восторга. — Точно кислая, но и сладкая! Ах, как это вкусно!

Все опять смеялись и радовалась. А мать невесты опять незаметно смахивала слёзы. Но подарки закончились. И возникло некоторое замешательство. Небольшая неловкость, и видя это, смелость на себя взяла госпожа Ланге:

— Господа, обед уже готов, прошу всех к столу.

Все обрадовались, пошли к столу, стали выяснять, кому где положено сидеть, а Волков сразу поглядел на жену. Конечно, та была белее мела, и лицо её было полно негодованием. Элеонора

Августа тряслась от злости, глядя, как Бригитт распоряжается, рассаживая гостей за стол.

Бригитт вела себя как хозяйка дома. Только хозяйка могла приглашать всех к столу и рассаживать гостей. Тут Волков был согласен с женой, Бригитт вела себя дерзко, но он никогда не стал бы что-то выговаривать ей. Кавалер понял, что вскоре ему предстоит неприятный разговор с госпожой Эшбахт по поводу Бригитт, и случай этой вопиющей дерзости жена ему ещё припомнит. Но пока он, улыбаясь, садился во главе стола, подле жены и подле госпожи Кёршнер и одного из её сопровождающих, а жених и невеста сели рядом, рука к руке, в середине стола. Так, чтобы их было видно всем, кто сидел за столом.

Опять же Бригитт дала знак, и с кухни на удивление опрятные слуги стали носить в столовую блюда с едой. Блюда те были не так изысканны, как блюда в доме епископа, но кто же с дороги откажется от горячих свиных котлет, от рагу из бараньих рёбер, от обжаренного в муке сыра, и многого другого из хорошей, сытной деревенской пищи, к которой ещё давали отличное вино и очень чёрное пиво. Госпоже Кёршнер и её сопровождающему, кажется, всё нравилось, а жениху было вовсе не до еды. Ему хоть что сейчас подавай, он ничего бы не пробовал даже, он интересовался у невесты, все ли подарки пришлись ей по нраву и какие из них пришлись больше по нраву, чем иные. И умная девочка не вспоминала ни шубу, ни атлас, ни жемчуг, а отвечала правильно:

— Уж таких щёток для волос я ни разу не видела, очень они мне по душе. И зеркало очень удобное, его хоть на кровать себе ставь.

Людвиг Вольфганг выпрямлялся от гордости и, краснея, задавал следующий вопрос:

— Госпожа Урсула, а не кажусь ли я вам… немилым? Может, что вам во мне кажется дурным?

— Нет, ничего такого я в вас не вижу.

— Нет, вы, пожалуйста, не скрывайте, — волновался жених. — Коли уже что кажется вам, так честно и говорите.

Многие прислушивались к их разговору, всякому было интересно, о чем говорят жених и невеста, да шум за столом стоял такой, что никто их не слышал. И Урсула, беря новую, на сей раз красную, конфету из ларца, говорила жениху:

— Так я и не скрываю, коли мне что в вас будут немило, так я вам сразу скажу.

— А уши? — говорил жених, продолжая волноваться.

— Что уши? — не понимала невеста.

— Братья мои говорили, что я лопоухий и что вы меня не

примете из-за ушей. И не пойдёте со мной к алтарю.

— Ах, как это глупо и зло говорить подобное. Уши у вас вполне приличные, и я, когда стану вашей женой, не позволю вашим братьям говорить на вас всякое.

— Значит, уши у меня приличные?

— Вполне себе, — говорила девочка и, чтобы убедить волнующегося жениха, добавила. — А коли ваши братья и меня слушать не будут, так мы дядюшке моему скажем, и он им запретит. Уж дядю моего никто ослушаться не осмелится.

Это был серьёзный довод, после которого жених только и смог сказать:

— А я полагаю вас очень красивой, госпожа Урсула. Я доволен, что мне досталась такая красивая невеста.

— Спасибо, добрый господин, — вежливо отвечала девочка, — я тоже довольна тем, что мне попался такой хороший и добрый жених.

Все были довольны в обеденной зале, кроме госпожи Эшбахт, которая то и дело бросала злые взгляды на госпожу Ланге. И так была зла, что есть не могла, хоть монахиня её и уговаривала. Да ещё матери невесты, которая то и дело всхлипывала, глядя на дочь. Но вскоре и она утешилась, услыхав от будущей родственницы, матери жениха, что отец жениха подыскивает дом для молодой семьи. Ищет и не может найти, нужен-то дом хороший, с большим двором, чтобы карету где было поставить, а таких домов сейчас в продаже в городе нет.

Узнав это, Тереза Рене вроде как и успокоилась.

Дело со свадьбой решалось быстрее, чем Волков думал. Видно, что главе семьи Дитмару Кёршнеру не терпелось поскорее женить сына, да так женить, чтобы весь город об этом знал. И вся округа об этом слышала.

Уже на следующий день после знакомства невеста Урсула Видль и её мать Тереза Рене были приглашены в дом Кёршнеров в Мален. Приглашены они были для пошивки и примерки платьев, а также должны были решить всякие важные вопросы: кому и где сидеть на пиру, кто и где будет стоять в церкви, в какие цвета должны быть украшены кареты и бальные комнаты. Также невесте срочно нужно было разучить пару танцев. К стыду своему Волков узнал, что племянница его не знает ни одного танца. Даже крестьянки, девы молодые, хоть какой-нибудь танец, хоть крестьянский, да знали, а тут ни одного движения девица, замуж выдаваемая, не ведала. Не позор ли? Она, коли спросят, уж не ответит, что выросла и возмужала в солдатских лагерях и что раны старые ей танцевать не дозволяют. Как же ей в свет выходить неумехой? Разве что быть девице на балах придётся

неумелой дурой, над которой другие женщины на балах будут смеяться с удовольствием, полагая её ущербной.

С сестрой и племянницей кавалер решил отправить брата Семиона как грамотея и ротмистра Рене как старшего мужчину. Арчибальдус Рене всё-таки был не чужим человеком невесте. Урсула о нём говорила тепло. Но кавалер понимал, что брат Семион, уж какой он дока во всяких бумагах, но насчёт церемоний и этикета он не был большим знатоком. Как и Кёршнеры. Волков, служа при дворце герцога да Приньи, сам церемонии видел и сам принимал в них участие, в общем, он в них разбирался, но самому ему этим всем заниматься было некогда.

Волновало его сейчас совсем другое. Ждал он Роху из Ланна с мушкетами и порохом и думал лишь о том в последнее время, что на той стороне реки у него нет ни одного соглядатая. И что он не знает ничего, что там творится.

Поэтому он снова звал к себе племянника, чтобы узнать у него, поддерживает ли он отношения с купцами с того берега реки. И когда узнал, что тот всё время с ними переписывается и готовится принять первую баржу на новую пристань, то немного приободрился и задумал одно дельце. А ещё он ждал Сыча, уж больно долго сидел тот со своим приятелем в землях барона Адольфа Фридриха фон Деница. Уж за столько-то дней можно было выведать, что там и как.

В общем, никак не мог кавалер сейчас ехать в город и заниматься свадьбой племянницы. И думал, что свадьба будет богата, но богата по-купечески, что не будет в ней изыска благородного.

И кто же ему на помощь пришёл? Конечно же, она.

— Что ж вы, собрались свадьбу племянницы на вкус купчишек отдать? — спросила Бригитт, видя, как все собираются в дорогу.

— Дела у меня, — сухо отвечал Волков, он как раз говорил с племянником о том, что ему нужна встреча с кем-нибудь из купцов из кантона.

— Хорошо, тогда я этим займусь, — сказала госпожа Ланге. — У Кёршнеров своего герба нет. Так хоть наших гербов пошьём, лент бело-голубых закажем, чтобы хоть нашими цветами залы прибрать. Музыкантов нужно нанять хороших, а не абы каких, оговорить, какие скатерти будут, какие кушанья будут, какое вино. Нужно сказать будет, чтобы сладкие вина до третьей смены блюд не подавали, купцы, может, того не знают. А ещё у невесты платье хорошего цвета, если ей прибавить белую фату и шёлковый белый шарф, так как раз будут цвета вашего флага.

О! Это была отличная идея. Она была права, кавалер удивлялся, сам он об этом никогда бы не подумал.

— Я поеду с ними, всё им расскажу, — продолжала Бригитт. — Коли они решили большую свадьбу играть, так уж нужно им помочь, чтобы зря деньги на ветер не выкидывали.

— Нет, — вдруг сказал Волков.

— Отчего же нет? — удивилась госпожа Ланге.

Волков не хотел ей говорить, почему не отпускал её. Скажи он, так это было бы признанием.

— Отчего же нет? — настаивала Бригитт. — Мария уж по дому управится и без меня, не велик срок три дня, а на четвёртый я буду.

А впрочем, что ему было скрывать, он ей и ответил спокойно:

— Не хочу быть без вас. Хочу, чтобы вы всегда при мне были.

Бригитт и так всегда была со спиною прямой, а тут после этих слов так ещё больше выпрямилась. К её щекам прилила кровь. И от того её веснушки, что зимой были почти невидны, исчезли совсем. И она стала оглядываться по сторонам, ища того, кто ещё мог бы слышать эти слова господина. Словно свидетелей искала. Но кроме племянника, что сидел подле Волкова, этих слов никто больше не слышал, ну а юноша к таким речам был спокоен. И тогда она, чуть улыбаясь улыбкой гордости, отвечала:

— Господин мой, сами же понимаете, что там я нужна, там я всё устрою, в три дня управлюсь, три дня без меня проживёте, а коли так я вам надобна, так можете меня прямо сейчас в покои отвести, пока я не уехала.

Спорить с ней было тяжко, почти всегда эта красивая женщина была права. Кавалер понимал, что лучше ей быть в городе и всё там устроить. Поэтому он сказал племяннику:

— Ждите меня тут.

И пошёл за улыбающейся госпожой Ланге вверх по лестнице в её покои.

А когда после всего она, ещё нагая, помогала ему надеть туфлю на больную ногу, то говорила:

— А ещё, господин мой, надобно мне талеров двадцать. А то и тридцать.

Деньги, опять деньги. Он не отвечал ей.

— Платье своё лучшее я отдала племяннице вашей. И быть мне на свадьбе нищей приживалкой не хочется. Так что дайте мне тридцать талеров.

— Вы и так прекрасны, — ответил он. — Без всяких платьев.

Она встала рядом с ним, положила руки ему на плечи и снова улыбалась: — Но тридцать талеров вы мне всё равно дайте.

Глава 30

Он знал, что этот разговор будет непростым и дорогим. Может даже, очень дорогим, но делать ему было нечего. Ему необходимы были хоть какие-нибудь известия с того берега реки. Что там происходило у горцев, что они замышляли, он мог только догадываться. Да, у него был там мальчишка-сирота, свинопас, которого он наградил примерно. Дал десять талеров. И который после этого обещал и дальше ему служить, но с тех пор, как мальчишка ушёл к себе за реку, от него больше вестей не было. Кто знает, что там с ним. Может, попался он страже — из-за глупости, из-за бахвальства пьяного, из-за лишних трат, которые не мог себе позволить свинопас. Может, он уже и не жив. А может, женился или ушёл в другой край. В общем, ничего, кроме догадок, у Волкова не было, а на догадках только дурень строит планы. Ему нужно было знать всё то, что интересовало его о врагах и раньше: когда, сколько и где? Вот он и сел говорить с племянником. Бруно, теперь уже Фолькоф, а не Дейснер, сразу стал отчитываться о проделанной работе. О построенной пристани и договорах с купцами из кантона.

Волкову понравилось то, что молодой человек, во-первых, уже носил иную одежду, одежду приличную, соответствующую новой фамилии, а не ту, в которой кавалер видел его в последний раз. А ещё то, что Бруно вёл записи и во время отчёта то и дело заглядывал в них.

— Брёвна вбили в берег, куплено которых сорок два, — он заглянул в свои бумаги, — а вбито тридцать шесть. Я спросил, где остальные, а господин де Йонг говорит, что остальные пошли на стяжки и перекрытия.

Бруно делает паузу, чтобы кавалер понял всю серьёзность произошедшего, и продолжает:

— А никаких стяжек из брёвен я не видел. А под перекрытия куплено, — он снова заглядывает в бумагу, — а на перекрытия он брал хороший стропильный брус. Двадцать две штуки. А брёвна, купленные под сваи, дороги, дерево самое крепкое на сваи шло. Я подсчитал, что те шесть брёвен стоили не меньше половины талера.

«А мальчишка-то умён не по годам и, главное, въедлив, совсем не по годам, хорошо, что пошёл он не в воинское ремесло».

— И это только брёвна, — продолжал Бруно Фолькоф, снова заглядывая в бумагу. — Скобы железные у кузнеца куплены, сто восемьдесят шесть штук, а вбитых сто семьдесят две. Я спросил у

господина де Йонга, дескать, где остальные скобы, а он говорит, мол, мастера не ловки, многие из скоб роняли в реку. Думаю, что на скобах он ещё больше заработал, чем на брёвнах.

Да, всё это, конечно, интересно и для мальчишки важно, но это всё мелочи, Волков всё это слушает скорее из вежливости к племяннику. И так ясно, что к лапам господ архитекторов всегда будет липнуть серебро выше оговоренного. Этого не исправить, главное, чтобы подлец архитектор меру знал.

Бруно уже перевернул листок и хотел продолжить, но Волков его остановил:

— Бог с ним, с де Йонгом.

— Но дядя, он деньги у вас крадёт.

Волков махнул рукой:

— Потом. Ты мне скажи, как ты вести купцам в кантон шлёшь? Ты же не ездишь туда сам? И надеюсь, этот твой компаньон, как его там…

— Цеберинг, господин, Михель, — напомнил Бруно.

— Да-да, Цеберинг. Он, надеюсь, тоже не ездит?

— Нет, дядя, — отвечал племянник, — вы же не велели. Мы пишем им письма и отдаём купцу Гевельдасу из Эвельрата, у него есть контора здесь через реку, в Лейденице. Он почти каждую неделю плавает за товарами в Рюммикон, а иногда доплывает на своих баржах и до Милликона. Через него и отправляем письма. Это нам капитан Тайленрих из Лейденица так советовал делать.

— Вот как? Это правильно. А кто писал вам в последний раз, кто из купцов кантона самый настойчивый и нетерпеливый?

— Последним писал лесоторговец Плетт. Справлялся о готовности пристани и навесов для дерева. Он хотел прислать первую партию тёса ещё до Рождества, да не получилось. Но и угольщик Фульман тоже спрашивал, тоже торопился. Он писал, что из добрых побуждений уступит нам цену, он хочет начать торговать скорее.

— Уступит цену? — Волков не верил в эту купеческую благотворительность. — С чего бы?

Племянник его тоже не верил. Юноша улыбнулся и продолжил:

— Гевельдас говорит, что зима в этом году выдалась теплее, чем ждали, а угля на зиму Фульман заготовил шесть тысяч корзин. Так они и стоят почти не распроданы. Вот Фульман и торопится. Как пойдут оттепели да весенние дожди, так уголь начнёт сыреть и сильно падать в цене.

— Ах вот оно что!

— Да, дядя, и нам бы было очень то хорошо, если бы мы сейчас же начали торговать. Пока уголь ещё хорош и цена

хороша.

— Да, — согласился кавалер, — нужно начинать, раз пристань готова, пока дороги не раскисли от оттепелей. Как раскиснут, так торговлю придётся прекратить, иначе только все подводы поломаем да лошадей надорвём. Спрашивай у Фульмана и у Плетта спрашивай, какова будет цена на их товар, если будем мы брать с отсрочкой? И не тяни. В середине февраля придут оттепели, а к концу и грозы.

— Напишу сегодня же им.

И уже после этого кавалер спросил:

— А кого из них ты считаешь более жадным?

Бруно Фолькоф задумался, но думал не много:

— Оба они жадны, но самым жадным мне кажется глава Линдхаймской коммуны лесорубов и советник Рюммикона Вальдсдорф.

— А, этот толстяк? — Волков его не любил с первой их встречи, помнил его спесь и заносчивость, хотя Вальдсдорф уже был с ним любезен и, кажется, искал при всякой встрече примирения.

— Да, он, дядя. Он при каждой нашей встрече говорит мне, чтобы я не стеснялся и просил его о всякой услуге, что мне надобна. Он всегда будет готов помочь.

Волков молча кивал, размышляя над каждым словом племянника.

В его голове уже складывался план действий.

— А что за купец этот Гевельдас?

— Хороший купец, говорят, он из крещёных жидов. Ко мне и к имени вашему относится с почтением.

— Ну что ж, хорошо, что относится с почтением, — произнёс Волков, — проси его о встрече. Проси, чтобы, как сможет, был у меня, но только тайно, встретимся у амбаров. Напиши, что дело это будет сулить ему прибыль.

— Да, дядя, напишу, сейчас же.

— Напиши ещё и…, - Волков сделал паузу, додумывая последние детали, — да, напиши ещё и Вальдсдорфу. Напиши, что как раз его услуги и надобны будут.

Может, Бруно Фолькоф и не понимал чего-то, но он и вправду был умён не по годам, лишних вопросов дяде задавать не стал. А только обещал:

— Все письма сегодня же напишу, завтра поутру всё отправлено будет.

— Вот и прекрасно, — говорил кавалер, теперь думая только о том, во сколько ему обойдётся его затея. И понимая уже, что теми деньгами, что он расплатился с мальчишкой- свинопасом,

ему на сей раз не обойтись.

И тут он вспомнил:

— Кажется, вы сегодня не обедали?

— Ещё нет, дядя, — отвечал юноша.

— Мария, — кричит Волков, — подай обед моему племяннику.

Пока племянник ел, пришёл Максимилиан и сказал:

— Кавалер, у нас приехал из города один купчишка.

— Предлагаете пойти к нему и посмотреть его товары? — спросил Волков. — Пора бы вам знать, Максимилиан, что лентами, пряниками и тесьмой я не интересуюсь.

— Да нет же, я не о том, — молодой человек ничуть не смутился от шутки Волкова. — Он рассказывает чудные вещи.

— Купчишки много сказок знают, — подтвердил Волков. — В деревнях они так заговаривают мужицких детей. Купчишка, который умеет рассказывать сказки, продаёт товаров больше иных.

— Да нет же, то не сказки для детей. Он приехал и говорит, что известный купец Кёршнер из Малена в честь женитьбы своего сына устраивает рыцарский турнир.

Волков уставился на Максимилиана, и даже Бруно перестал есть, тоже стал прислушиваться к тому, что говорил знаменосец Волкова. А Максимилиан, истолковав взгляд кавалера по-своему, продолжил:

— Вот и я тоже думаю: кто же из благородных людей пойдёт на турнир, что организовал какой-то купчишка?

— Один из самых славных турниров в здешних землях, чтобы вы знали, учредила Первая торговая гильдия свободного города Ланна, — напомнил ему кавалер. — Это во- первых. А во-вторых, Кёршнер богатейший человек графства. И коли призы будут соответствовать, так многие из рыцарей и благородных людей приедут. Многие добрые люди маются без войны в безденежье, всякий крепкий человек захочет попробовать себя, если есть надежда получить золотой кубок или перстень с рубином.

Максимилиан чуть постоял в странной задумчивости, а потом и говорит:

— Раз так, то прошу у вас дозволения принять участие в турнире.

Волков даже растерялся на пару мгновений. Да, Максимилиан уже заметно возмужал, заметно вырос, стал широк в плечах, но кавалер всё ещё воспринимал его тем мальчишкой, которого в пятнадцать лет представлял ему его отец Карл Брюнхвальд. И Волков говорит ему с заметным недовольством:

— Думаете угробить одного из моих коней в этих глупых

развлечениях?

— Нет-нет, — тут же заверил его знаменосец, — в копейном бое на коне у меня нет никаких навыков, я хочу испытать себя в бое пешем, на турнире будут и пешие схватки.

— Уж не с мечом ли полагаете выйти?

— Нет, фон Клаузевиц говорит, что с мечом у меня шансов на победу немного, пойду с молотом или с топором.

— С молотом или топором? — переспросил кавалер.

— Да, с молотом или топором. — подтвердил бестолковый молодой человек.

— А вы представляете, что будет с вами, когда вам по жребию попадётся такой молодец, как наш Бертье? С молотом или топором.

— Ну…, - начал Максимилиан.

— Вы и до десяти сосчитать не успеете, как из вас сделают рагу. Вам вполне вероятно изувечат лицо, ведь шлем у вас открытый, и, возможно, выбьют зубы. Вы хотите в свои семнадцать. Вам ведь семнадцать?

— Да, — кивнул молодой человек.

— Вы хотите в свои семнадцать остаться без зубов?

— Нет, но почему же мне сразу выбьют зубы.

— Лучше пусть выбьют глаз? Или раскрошат молотом кость в плече? — Волков чуть наклонился вперёд для убедительности. — Лучше уже выходить к барьеру конным и с копьём, а выходить пешим и с молотом против закоренелых мастеров пеших свалок может захотеть уже совсем отчаявшийся человек.

Максимилиан молчал. Но разговора не заканчивал и не уходил.

— И зачем же вам это надобно? Вам, что, деньги нужны?

— Нет, — отвечал знаменосец.

— А что же вам нужно?

— Ну, — Максимилиан замялся, — все говорят, что вы бы могли пойти. И победить в турнире.

— Я? — удивился Волков. — Я ещё последний разум не потерял. Я могу только в ложе посидеть.

— Это потому, что вы и так на всю округу славны. Все о вас только и говорят. Все говорят о том, что вы в двух поединках победили. И знаменитого чемпиона герцога Кранкля убили, и Шоуберга. Который тоже был известный фехтовальщик.

— В этих поединках ничего приятного нет, — сказал Волков строго, — уж поверьте мне на слово. И я никогда бы не стал драться на них, коли не нужда. А уж последствия этих поединков ещё хуже, чем сами они.

— Что же плохого в славе?

— Слава вещь глупая, а вот о Кранкле я каждый раз вспоминаю, когда сажусь на коня, и чем больше еду, тем больше его вспоминаю, да горит он в аду. И мерзавец Шоуберг мне ещё неприятностями отольётся. Меня вся местная земельная знать из-за него терпеть не может, уже и не знаю, чем всё это закончится.

И видя, что даже эти слова его не убедили знаменосца до конца, он добавил:

— Я знаю, что молодым людям нужны деньги; те деньги, что вы получили от победы над горцами, видно, уже потратили, я могу вам дать немного, лишь бы вы больше не думали о таких вещах, как поединок на молотах или секирах.

— Я вовсе то желал не из-за денег, — отвечал Максимилиан.

— А славу оставьте дуракам.

— И не из-за славы.

— А из-за чего же вы собрались драться?

— За даму сердца, — вдруг ответил молодой человек.

— О Господи! — Волков даже поморщился. — Что вы, читаете романы? Болван, их же пишут для баб.

— Я не читаю романы.

— И что, у вас есть дама сердца? За которую вы хотите получать по шлему обухом секиры?

— Пока что нет, но я рассчитывал её просить о чести…

— Просить о чести? — Волков всё ещё продолжал говорить, кривясь. — И кто же эта счастливица?

«Неужто он собирается избрать своей дамой сердца Элеонору Августу? Больше тут нет благородных дам. Или этот молодой идиот где-то и с кем-то познакомился?»

И тут Максимилиан и говорит:

— Я хотел просить о чести зваться дамой моего сердца прекрасную госпожу Ланге.

До сих пор Волков говорил с ним, может, чуть высокомерно, может, чуть едко, может, чуть поучительно, но всё-таки с некоторой отеческой теплотой, а тут вдруг стал холоден, словно лёд. Лицо каменное, как перед битвой:

— Не дозволяю вам впредь и речь о турнире заводить. Впереди свадьба моей племянницы, и вам, как знаменосцу моему, надобно быть готовым к новому шествию. Надобно проверить все знамёна и все сюрко, чтобы они чистые на всех господах из выезда были, и чтобы кони все были здоровы. Займитесь делом. Ступайте.

Максимилиан даже растерялся от такой заметной перемены, он чуть помедлил, как бы осознавая услышанное, потом поклонился и сказал:

— Как вам будет угодно, кавалер.

А кавалер снова остался за столом с притихшим племянником, которого тоже удивила столь резкая в дяде перемена.

«Рыжая мерзавка, любому неженатому человеку голову вскружить сможет. Да и женатому сможет. Уж очень она ладна, умела, говорлива да пригожа. Г олосок звонкий, речи умные, сама приветлива со всеми. Всем умеет понравиться, кроме жены моей. Её надо при себе неотрывно держать. А как? Ведь не женишься на ней, всё-таки не сарацин. И что же теперь делать? Молодых господ от стола отвадить? В дом не допускать?»

Ответов на все эти вопросы у него не было, и он тяжело вздохнул.

Глава 31

Молодой женщине в этом мире жить невыносимо тяжко. Агнес смотрела на себя в зеркале, надувала губы, готова была разрыдаться. Как, как ей не плакать. На званый ужин её пригласили, не абы кто, пригласил её один из первых банкирских домов свободного города Ланна. Сам молодой Ренальди лично приехал её приглашать. А ведь ещё и красавчик он какой, засмотришься. Мало того, на обед тот для неё!.. Для неё пригласили нужного ей человека. Уж и не знали, как ей услужить, как умилостивить племянницу знаменитого кавалера Фолькофа, а у племянницы той для обеда важного даже нормального платья нет. И туфлей нет. Даже юбок нижних нет новых.

У Агнес даже слёзы на глаза навернулись от жалости к себе. Поплакать захотелось или Уту избить. Отхлестать её по толстым щекам. Ходит в одной юбке всё время, только лиф да передник меняет. Пожрёт и счастлива.

Но хлещи дуру по мордасам, не хлещи, нового платья не появится, только руки об башку каменную её обобьёшь. А тут ещё про Брунхильду вспомнила. О-о, и совсем настроение у девушки испортилось. Что за несправедливость творится в этом мире! Одной дуре беззубой, шалаве задастой — всё, даже титул графский.

А ей умнице, что всякое может и многое умеет, даже платья не досталось. А у той всё есть. И с господином спала в одной постели, а он ей ещё и титул потом устроил. А за что всё беззубой кобылище? За то, что вымахала с мужчин ростом, да за то, что вымя отрастила красивое? Так не её в том заслуга. Не её. Сама то она дура беспросветная. Но всё равно все мужчины её богатеи да кавалеры. А нынче вон и граф. Граф! У этой девки кабацкой, что за десять крейцеров давала кучерам в кабаке в Рютте муж граф. А что есть у Агнес? Пирожник неграмотный, с мордашкой смазливой да крепкими плечами, который и пары слов связать толком не может. Нищий дурень с крепким передом, вся сладость которого в том, что в делах постельных он неутомим, так неутомим, что даже и скучно с ним за этим делом становится. Хоть книгу берись читать, пока он не угомонится. А как штаны наденет, так и вовсе дурак дураком, смотрит на Агнес с разинутым ртом и гыгыкает над каждой её прибауткой или над тем, как она Уту тиранит. Да жрёт всё что не дадут и сожрёт сколько ни положат. Поначалу сие забавно было, а теперь не забавно вовсе. Докучать стал. И за всё время ничего, кроме пирожных своих, так ей и не подарил. Что за ухажёр, только лишь

брать мастак. И выйти с ним никуда нельзя. Всё тайком. Ему-то, дураку всё в радость. Пожрёт, вина напьётся да в постель тащит. Чёрт неугомонный. А ей уже того мало.

Агнес уже думать стала о том, что в виде, в котором она его принимала, в виде роскошной темноволосой красавицы, она и получше кого могла найти. Человека благородного ей хотелось. Чтобы понимал разговоры её, чтобы восхищался ей, чтобы любил её изысканно или брал по-хозяйски, как делал это, ну например, господин с Брунхильдой. А не гыгыкал как мул в конюшне, когда на кровать её валил.

Агнес так расстроилась, что даже Уту звать не стала, пошла от зеркала на кровать легла и заплакала.

Мало того, что платье у неё старое, и юбки старые, такие старые, что подолы добела уже не отстирать, и кружева обтрёпаны, и башмачки старые, так ещё и вид она свой старый, некрасивый, тот, что от природы ей дан, должна «надеть». Нельзя же прийти в том, что она сама себе придумала. Не узнают её банкиры. Вот и было ей от чего плакать.

Ни платья нового у неё нет, ни умений своих удивительных ей не применить. Пойдёт на обед она замарашкой. Пусть уж её выгонят или вовсе не пустят.

Господин её не любит ни как женщину, ни как племянницу. Любил бы, так хоть самую малость денег присылал бы. Хоть иногда.

Горько, горько всё было.

А тут в дверь поскреблись. Ута, страх поборов, осмелилась её в печали беспокоить?

— Уйди, корова! — закричала Агнес со слезами в голосе.

— Да, госпожа, — донеслось из-за двери.

— Стой, дура!

— Да, стою, госпожа.

— Чего приходила?

— Сказать, что пирожник Петер Маер пришёл, пирожные принёс, и вас спрашивает.

— Гони его к чёрту! — зло крикнула Агнес. И тут же вдруг вспомнила, что хотела новый свой отвар, что людей обездвиживает и память у них напрочь отбивает, испробовать. Думала вчера на Уте испытать, да недосуг было. Вспомнила и крикнула: — Нет, не гони, скажи пусть сюда идёт, и вина нам принеси!

Сама же встала с кровати, подошла к зеркалу, стала себя в «божеский» вид приводить. Вместо жалкой серой поросли на голове быстро «отрастила» себе гриву чёрную, бёдра да ляжки, плечи, грудь — всё себе «вырастила» пышное, налитое, красивое.

Роста себе прибавила, лицо изменила, про глаза не позабыла. Так красива стала, что хоть саму себя целуй. К тому же она научилась так быстро себя менять, что даже сама удивлялась. Удивлялась себе и гордилась собой. Вот только похвастаться было ей умениями своими не перед кем. А как хотелось ей, как хотелось…

А по ступеням лестницы топает уже пирожник. Болван, вечно в своих деревянных башмаках и полосатых шерстяных носках по колено. Не может даже купить себе нормальных туфлей, говорит, что при его работе лучше деревянных башмаков нет ничего, говорит, что они не промокают никогда. Поэтому и ходит, как самый бедный мужик на деревне. Деревяшками своими по мостовой клацает.

Подошла к комоду, достала из него шкатулку. В шкатулке несколько разных изящных флакончиков. Взяла один тонкий, из коричного почти не просвечивающегося стекла. Шкатулочку закрыла и бережно поставила её обратно. А как иначе, если там в той шкатулке работа её за всю зиму сложена. И заработок там же.

Только ещё в товаре он, а не в звонких и таких нужных ей монетах.

Вошёл без стука, варнак, в шапке с пером, что она ему подарила, он в ней так и ходит.

— Ах, — шапку с головы тянет, улыбается, — вы уже голая моя госпожа. Как я люблю, когда вы голая!

Кидается к ней, хватает как свою, начинает её лапать прямо сразу и за зад, и за грудь, и за всё иное. Мнёт всё своими крепкими пальцами, целоваться лезет, а Агнес отворачивается. Пальцы-то у него липкие, ей неприятно, отталкивает его наконец:

— Ты бы хоть руки помыл дурень, липко же мне.

— Да ладно вам, то ж не грязь, то сладость сахарная, — смеётся Петер Маер. — Я же пирожными торгую, а не навозом. Только вот товар распродал.

— Ступай вниз и руки помой, иначе меня не касайся, — тоном, что не терпит возражений, говорит ему девушка.

— Хорошо, — сразу соглашается молодой человек, — но уж потом буду вас целовать и ласкать, как захочу.

Тут, пока он ещё не ушёл, приходит Ута, приносит поднос с графином и двумя стаканами. Ставит их на стол.

Как только все ушли и Агнес осталась одна, она раскрывает флакончик и в один из стаканов капает всего одну каплю.

«Думаю, сего довольно будет, вывар вышел весьма крепким, а впрочем, поглядим».

Она разливает вино, один стакан берёт себе и присаживается на край стола. А тот, что с каплей зелья оставляет на подносе. А любовничек уже стучит деревянными башмаками по лестнице,

торопится сладострастец. Влетает в комнату и опять к ней:

— Как я по вам скучал, уже даже сплю плохо, думаю и на работе не о деле, а о вас, о вас всё думаю, моя сладкая булочка, — он гладит ей живот, целует в шейку, — ну что, теперь руки не липкие?

— Выпей вина, — говорит Агнес.

— Потом выпью, как взопрею.

«Взопрею! — она морщится. — Разве господин так сказал бы? И банкир Энрике Ренальди так не сказал бы, ну а с этого, что взять, кроме его деревянных башмаков?»

— Выпей вина, говорю, — настаивает Агнес.

— Ладно-ладно, — отвечает он, хватая стакан и выпивая содержимое до капли.

Лишь бы побыстрее, а потом хватает её за руку поворачивает к себе спиной и хочет наклонить её «носом в стол». Но девушка вырывается:

— Стой, подожди…

— Чего же ждать, госпожа моя, со вчерашнего дня жду, мечтаю о вас, аж во сне у меня на вас стоит, сплю и ворочаюсь. Весь день сегодняшний мечтал на вашу спину голую поглядеть, да на всё остальное тоже.

Но Агнес нужно некоторое время, она хочет знать, как быстро зелье начнёт действовать.

— Не хочу стоя, не хочу у стола. — говорит она.

— Так пойдёмте на постель, — сразу соглашается Петер Маер, хватает её и тащит к кровати, — мне и в кровати вас брать очень нравится.

Он дотаскивает её до кровати сажает на край сам начинает быстро раздеваться. Он него пахнет потом, от его одежды, одежды уличного торговца, пахнет сыростью. Но тело у него очень крепкое, сбитое, может на это польстилась глупая Агнес. Как он остался гол, так кидается на неё. Но она снова вырывается:

— Да погоди же ты, — девушка злится, — давай хоть поговорим о чём-нибудь.

— Да о чём же нам говорить сейчас, потом поговорим, я уже готов, вон, поглядите.

Он и вправду готов, это видно издали. Пирожник суёт ей руку меж ног:

— Да и вы тоже готовы, чего болтать то зря. Уж прошу вас, моя госпожа, допустите уже меня до себя, мочи нет теперь, со вчерашнего дня терплю.

«Дурак».

Вот возьми бы он, да и повали её в перины, да не спрашивая разрешения сам раздвинь ей ноги, даже пусть и не хочется ей. Ей

бы может и не так скучно было бы.

— Ладно уж, — говорит Агнес, — бери, раз невтерпёж тебе.

А сама всё думает о том, когда же зелье начнёт действовать.

Вечером Агнес открыла тетрадь. Теперь, когда готовила она всякие снадобья, то делала записи, чтобы не забывать и не путаться. Зелье, что вводило людей в беспамятство на первый взгляд удалось на славу, темное, тягучее, со смолянистым запахом. А дурак- пирожник даже не уснул от него. Так и брал её, пока на улице темнеть не начало. Лишь потом сказал, что в голове у него туман, словно он во сне. Хотел тут у неё лечь спать, но она его прогнала. Нечего, не ночлежка для бродяг тут. Он сказал: «Спасибо и на том, госпожа», оделся и ушёл. А она, приняв свой естественный вид, взяла тетрадь, снова улеглась в кровать, и стала думать почему же это варнак не упал без сил, не потерял чувств и не забыл всё, что было с ним сегодня?

Но утомил её пирожник страстью своею, так утомил, что глаза у неё закрывались над тетрадью. Ничего не надумала она, бросила тетрадь на пол рядом с кроватью и позвала Уту. Когда та пришла, повелела

— Вазу ночную подай.

Было ей лень идти до нужника. А как управилась, сказала служанке:

— Лампы погаси, только ночник оставь.

И тут же заснула, даже не подумав о том, что платья у неё к завтрашнему обеду нет.

Карета осталась во дворе, Игнатий на козлах, Ута, она её взяла с собой на всякий случай, сидела в карете. Девушка, как вышла, пошла по ступеням вверх, там слуги приняли её шубку. Так и пришлось ей идти в платье старом, платье позорном. И у нижних юбок её подолы были не белоснежны. И башмачки её не были безупречны. Но разве в том её вина, а не вина её дяди. Но кое в чём она не удержалась — к белилам и румянам добавила себе немного губ, потолще их сделала. Ну и волос немного прибавила, самую малость, чтобы причёска попышнее была. Лоб чуть покрасивее. Скулы чуть повыше. Грудь. Ну тут она не удержалась. Стала даже сомневаться, уж не переборщила ли. Аж немного дышать было тяжко. И роста прибавила. Вон Брунхильда какая каланча церковная, оттого, видно, к ней мужчины так и льнут. Платье стало мало. Ну да ладно. Ничего. Она оправила одежду свою пред огромным зеркалом в прихожей. Ей тоже такое зеркало было нужно. Интересно, сколько такое стоит? А кругом лакеи, лакеи. Все одеты не хуже господ.

Мажордома и вовсе с вельможей можно спутать, он ей низко кланялся:

— Как прикажете доложить?

— Агнес Фолькоф, — отвечает она, а сама волнуется.

Они с ним идут по лестнице вверх. Девушка волнуется ещё больше. Так они доходят до больших дверей. А тут он подлец, вдруг делает ей рукой знак остановиться. Прямо перед дверями.

Что? Что случилось? Может с ней что-то не так? Может платье её недостаточно хорошо для этого обеда? Так отчего же он её сюда вёл, а сразу ей не сказал?

Сердце упало у неё. Так она перепугалась, что руки вспотели. Остановилась и в необыкновенном волнении стала ждать, что дальше будет. А дальше лакей перед мажордомом распахнул двери, тот вошёл в ярко освещённую залу и крикнул звонко, так, чтобы все слышали:

— Девица Агнес Фолькоф.

Кажется, от волнения Агнес даже пошатнулась, замерла, а мажордом, повернувшись, шепчет ей любезно:

— Госпожа, прошу вас, входите.

Она еле смогла сделать шаг в залу. А там… Окна огромные, солнце в них светит, зеркала, зеркала повсюду. Света столько, что зажмуриться впору. И люди, разные, вельможи, городская знать. Дамы и господа, священники. И молодые и старики, что у стен сидят. И все на неё смотрят.

Девушка встала у двери, не зная, что делать дальше, слава Богу, к ней навстречу уже шли плотный и седеющий Кальяри, сын одного из основателей дома, и сын другого основателя банкирского дома, великолепный Энрике Ренальди. Агнес обоих знала. Не раз, и с тем и другим говорила об аренде и даже о продаже дома, в котором жила.

Они ей улыбались и когда подошли, то низко кланялись, и она присела в таком же низком реверансе перед ними.

— Госпожа Агнес, — говорил красавец Ренальди беря её руку, — дозвольте я познакомлю вас с гостями.

И он повёл её по этой великолепной светлой зале.

«Ах, какие же здесь светлые и блестящие паркеты, — думала девушка, глядя на пол. — Они здесь не хуже, чем зеркала».

Улыбающийся Кальяри шёл рядом, он остановился около благородной пары и, указывая на этих двух великолепно одетых людей, заговорил:

— Фердинанд Иоганн Лейвених, член ландтага Фринланда и личный советник его высочества курфюрста Ланна и его жена Клотильда.

Все друг другу кланялись.

— Премного наслышан о славных победах вашего дядюшки, — произнёс господин

Лейвених.

— Все о том только и говорят, — добавила его жена. — Очень желаем видеть его у себя, как он будет в Ланне.

— Я передам дяде ваше приглашение, — едва слышно от волнения отвечала девушка.

— И вас, и вас желаем видеть, дорогая моя, — продолжал господин Левейних.

— Да, уж не пренебрегайте нашим приглашением, — молитвенно сложив руки говорила Клотильда Левейних. — Вот хоть в следующую среду приезжайте, госпожа Агнес.

— Обязательно буду, — отвечала Агнес с вымученной улыбкой. Но она тут же подумала о своём платье, не может же она пойти в гости опять в этом платье, и посему сразу добавила. — Если с делами управлюсь.

— Уж управьтесь, пожалуйста. Мы пришлём вам человека с напоминанием, — говорила госпожа Клотильда.

А молодые банкиры уже вели её к другим людям:

— Штатгальтер Его Императорского Величества господин Ульрик, — представлял нового, безусловно богатого вельможу Кальяри.

— Я немного знаком с вашим дядей, — говорил тот после поклона. — Как и все, восхищаюсь его победами.

— Рада это слышать! — делала перед ним книксен Агнес. — Я передам дяде ваше восхищение.

Как хорошо, что она умела читать, как хорошо, что она читала книги, читала романы про любовь, которые брала у мерзкого книготорговца, романы про дам и рыцарей. Иначе она и не знала бы, как отвечать на все эти вежливые слова, что то и дело говорили ей эти вежливые люди.

Потом её вели к новым людям и новым, Агнес, хоть и, кажется, начала успокаиваться, но всё равно была очень возбуждена, она почти не запоминала ни их имен, ни титулов, ни званий. К стыду своему! Были они лишь картинки говорящие. И это при её-то великолепной памяти, при которой она с одного прочтения могла наизусть проговорить сложный рецепт какого-нибудь редкого снадобья!

— А вот и тот, о ком вы просили, — ей на ухо произнёс Энрике Ренальди, когда они подходили к священнослужителю в великолепном лиловом одеянии.

— Епископ, настоятель храма святого Николая отец Бернард, — представил священника Кальяри.

Отец Бернард был красавчиком. Лицо, сразу видно, человека благородного. Перчатки лиловые из атласа. Персты перстнями унизаны. Смотрит на неё весьма благожелательно, улыбается

даже.

Тут всё волнение у девушки и прошло. Без спроса схватила она руку святого отца и поцеловала в самый большой перстень, проговорив после этого искренне и с сердечным жаром:

— Не довелось мне даже рядом стоять со столь высокопоставленным святым отцом, уж возможности руку его поцеловать я не упущу.

Все, кто был рядом заулыбались, и сам епископ улыбался и даже по голове её погладил:

— Приятно видеть рвение такое в молодых девицах.

После него её знакомили с другими людьми, и уже этих то она всех запомнила. Хоть ночью её разбуди — спроси про них, так расскажет и все имена и все титулы.

После хозяева звали гостей к столу. На хорах, в верху, заиграла музыка. А место Агнес оказалось как раз между головой первой купеческой гильдии Ланна господином Кельдером и его преосвященством настоятелем храма святого Николая отцом Бернардом.

Не подвёл её Кальяри, посадил её так, как ей надо было.

Глава 32

Сыч есть Сыч, и хоть тюрьма и поменяла его, да уж и не совсем. Шубу, что подарил ему Волков было жалко. Грязна, словно в жиру, а рукава засалены вовсе. Он себе ещё берет купил, чтобы казаться настоящим и благообразным купцом. Берет тот, кажется, был красив, пока Сычу не достался. Сейчас же Фриц Ламме более походил на разбойника, что отобрал одежду у небедного купчишки. После тюрьмы Сыч, конечно, раздобрел на вольных харчах, но дородности ему это не придавало, весь левый его глаз заплыл большим и отёком с ярким синяком. Опасный завсегдатай грязных бандитских кабаков, да и только.

— Смотреть на тебя дурака тошно, — сказал Волков зло. Махнул рукой. — Горбатого могила исправит.

— Так чего же… Так непросто мне там было, — оправдывался Сыч.

— В кабаке дрался?

— С кабацкими я бы управился, — заявляет Фриц Ламме с апломбом.

— Так кто же тебя бил?

— Господа били.

— Что за господа? Ну чего тянешь рассказывай, — раздражается кавалер.

— Ну, господа из свиты барона.

— За что?

— Ну дело было так. Остановился в той харчевне, что в миле от замка барона, — начал Сыч. — Ну всё чин по чину, торгуем с мужичками, мы ж вроде как купцы, торгуем, значит, пиво пьём. Два дня так. И я всё спрашиваю и спрашиваю у всех, как, мол, дела тут, каков урожай был, не злой ли барин. В общем говорю с ними, но вижу, что мужичьё ничего толком не знает. Думаю, нужно выяснить про доктора. А как? Вот и придумали мы с Ежом. Лёг я в покоях для гостей, вроде как с животом маюсь, Ёж побежал к трактирщику, мол: «Зови врача!» Тот отвечает, что за врачом нужно в Ольвиц или Мален ехать. Ну Ёж ему и говорит, ты в замок кого-нибудь пошли там врач должен быть. Скажи ему, что талер дадим, если придёт. Ну, он и послал мальчонку. Тот приходит обратно и говорит, что в замке никакого врача нет.

— Как же нет, барон при смерти лежит, врач при нём безотлучно был, — не верит Волков. — Мне о том дядя барона говорил.

— Что вам какой дядя говорил, я не знаю, а вот то, что никакого доктора в замке нет, это я знаю точно.

Волков молча ждёт пояснений, Сыч и продолжает.

— Полежал я ещё денёк, и поехали мы с Ежом по окрестностям, стали мужиков местных спрашивать. Никто не знает, что в замке творится. Пришлось через пару дней к замку ехать. Вот, значит. И нашли мы мужичонку одного, что дрова в замок возил.

Мужичонка жадненький был. Поговорили с ним, мол есть доктор в замке или нет. Он говорит не знаю, меня на верх особо не пускают, моё дело — дрова. Посулили мы ему полталера, если он нам доктора найдёт. Говорю ему, что болею, а в замке, говорят какой-то доктор хороший есть, найди его, денег тебе дам. А мы тебя в трактире будем ждать, только ты никому о деле не говори. Он говорит: лады.

И полдня не прошло как влетают в кабак четыре благородных варнака и ко мне. Ты, говорят, тот купчишка что врача искал?

Я и ответить не успел, как один из них, конь глупый, как даст мне в глаз. Чего, орут, сволочь, тут вынюхиваешь? И как начали меня возить по полу, да пинают всё, пинают, еле под столом спрятался. А один подлец уже кочергу из камина тащит. Другой нож достал. Я думал убьют уже. Ну тут Ёж и крикнул: «Стойте господа, мы, мол, люди господина фон Эшбахта». Так, не поверите, сразу поутихли ублюдки…

— Тише, мерзавец, не смей хаять благородных, — остановил его кавалер. — Дальше говори, что было.

— Ну, дальше они били нас уже не так рьяно, но всё били и выспрашивали, зачем мы там, да послали ли вы нас туда. Или мы сами заявились к ним.

— И ты что?

— Что, что, сказал всё как есть, чего же мне умирать нужно было? А потом они сказали, чтобы мы, псы-ищейки, убирались прочь. — он чуть помолчал и прибавил. — И деньги у нас все, что были, отобрали.

Волков вдохнул было, задумался. Но Сыч продолжил:

— Так вот, мы потом мужика того истопника-то встретили.

— И?

— Так он нам и сказал, что обошёл весь замок, всех опросил слуг, но никакого доктора в замке барона не нашёл, и никто не помнит, когда он там был. Говорит, ходил спрашивал, пока какой-то господин не стал интересоваться почему он доктора ищет.

Волков молчал и думал, и мог с уверенностью сказать лишь то, что это всё выглядит странным. Смерть Рёдля, ранение барона, дядя, что печётся о его выздоровлении и никого к нему не допускает, и история с несуществующим доктором.

— Ну а сам ты что думаешь по этому делу? — наконец

спросил он у переминающегося с ноги на ногу Сыча.

— Давайте, экселенц, я вопросы задавать буду, а вы будете отвечать. Я всегда так для себя делю, коли что не ясно.

— Задавай, — согласился кавалер.

— Ранение у барона было? — сразу спросил Фриц Ламме.

— Многие видели, арбалетный болт попал ему в лицо, когда он забрало поднял.

— Кавалер, дружок его, был цел и невредим, когда увозил его.

— Кажется, так.

— А потом вы нашли кавалера без головы, и доспехи барона недалеко от лачуги отшельника?

— Бертье нашёл.

— Значит раненый тяжко барон в одиночку, — Сыч поднял палец вверх, — в одиночку добрался до своего замка?

— Но ранение было столь тяжело, что родственник барона вас до него не допустил? И с врачом поговорить не дал?

— Да, не дал поговорить с врачом и в замок не пустил, — соглашался Волков.

— Но врача, кажется, в замке никто не видел, — уже не спрашивал, а почти утверждал Фриц Ламме.

— И что же из всего этого следует? — спросил кавалер.

— Что кто-то тут врёт. А врёт, я думаю, дядя барона. Вот одно непонятно — зачем? Вернее, это-то понятно. Может барон помер, а может и не болел, и старик не хотел, чтобы вы о том прознали. Но вот зачем он это скрывал, вот это и есть главный вопрос.

Волков понял, что ему придётся опять ехать к замку барона и уже без обиняков поговорить с господином Верлингером, потребовав от того видать барона живого или мёртвого, и уже после сказал Сычу:

— Ладно ступай пока. Отдыхай. Потом ещё для тебя работа будет.

Но Сыч не был бы Сычом если бы ушёл сразу.

— Экселенц, — он смущённо улыбнулся.

Волков прекрасно знал, что будет дальше и молчал.

— Экселенц, эти дуболомы барона отняли у нас все деньги, нам с Ежом и жить не на что.

Скорее всего он врал, насчёт денег кавалер совсем ему не доверял, но всё-таки Волков полез кошель и, достав оттуда монету, кинул её Сычу.

— Талер? Один? — искренне удивился Фриц Ламме.

— Мужицкая семья на талер два месяца живёт, — отвечал Волков.

— Так разве мы с Ежом мужики? Нам простыни нужны, еда

хорошая. Я трактирщику и так должен.

— Перед отъездом я дал тебе кучу серебра.

— Так отняли, экселенц, отняли, — Сыч даже руки к груди приложил для правдоподобности.

Но Волков ему не верил:

— Убирайся!

— Эх, экселенц, очень мне обидно, что вы мне не верите. — Сказал Фриц Ламме и нехотя повернулся к двери.

Племянник Бруно Фолькоф в тот же день, как и обещал дяде, писал купцу Гевельдасу в Лейдениц и тот, к счастью, оказался там. И сразу ответил на письмо. Утром следующего дня оно было у Бруно. Купец писал, что встретиться с кавалером для него большая честь и что он готов в любое время. Волков тоже тянуть не собирался, и уже сразу после завтрака и разговора с Сычом он с племянником, его компаньоном Цеберингом, а также с Увальнем, Гренером и фон Клаузевицем отбыл к Амбарам. Максимилиана он не взял, к его большому удивлению. Кавалер сказал знаменосцу готовиться к свадьбе племянницы.

Гевельдас сразу приплыл с того берега реки, как только узнал, что кавалер ждёт его у пристани.

Волков был с купцом приветлив. Даже не побрезговал и протянул тому руку, ничего что купчишка. За такого же, только побогаче, он племянницу выдавал. Купец пожал руку рыцаря с большим почтением. Но больше церемониться он с ним не стал, сразу перешёл к делу:

— Знаете, что веду войну с кантоном?

— Об этом на реке все знают, до самого Хоккенхайма слухи доходят. Даже там все удивляются вам!

— А я знаю, что вы часто бываете Рюммиконе и Мелликоне, говорят и в столице кантона Шаффенхаузене бывали.

— Дело моё купеческое подразумевает постоянные разъезды, — заметил Гевельдас.

— Это хорошо, хорошо, — продолжал кавалер отводя купца от всех остальных, — понимаете, остался я без ушей и без глаз на том берегу, были у меня там людишки, да по глупости сгорели, насилу из тюрьмы их вызволил.

Глаза купца округлились, понял он уже, куда клонит знаменитый в этих местах человек. И стало ему от того нехорошо, купец уже думал, как кавалеру отказать, но пока ещё продолжал слушать.

А Волков словно и не замечая испуга собеседника подражал:

— Хочу, чтобы вы нашли на том берегу верных и глазастых людей, чтобы видели всё и слышали, и через вас мне всё передавали, чтобы я каждый день к завтраку знал, что там

творится.

Теперь он, кажется, заметил испуганное лицо купца и, засмеявшись, продолжал:

— Полно вам, полно, отчего же вы одеревенели?

— Признаться, с должностью такою я не знаком, — произнёс, чуть запинаясь, господин Гевельдас. — Боюсь, что толку от меня в деле таком будет мало.

— Нет, не будет мало, любой купчишка всегда хороший шпион, и видит всё и слышит, и с людишками толковать, коли нужно, умеет.

Вы справитесь, — продолжал кавалер. — И чтобы не думали вы, что я попросту принуждаю вас, так я вам взамен предложу дело, что сулит вам большие выгоды.

— Какое же? — без всякого интереса спросил купец.

— Купцы из кантона хотят мне сюда уголь и лес возить, да не могут: война, и мои купцы не могут в кантон ездить — боятся, а вам никто не запретит, никто вас не упрекнёт. Все перевозки вам отдам. А мне нужно две тысячи корзин угля сюда до весны перевезти, сие уже немало, и это только уголь, не считая досок, бруса, тёса и всего прочего. Так, что внакладе вы не останетесь.

— А что же мне нужно делать будет? — купчишка всё-таки боялся. Не хотел этим заниматься.

— Да пустяки, умного и нет там ничего, просто по кантону ездишь — слушай да смотри, смотри да слушай. Где военных увидал, так там и постой, поговори с кем-нибудь. Разузнай, нет ли лагеря рядом. А лагерь нашёл, так вокруг него посмотри, кто да откуда, свои ли, чужие, посчитай подводы, а не можешь, так хоть палатки посчитай, узнай кто старший у них, запомни какие флаги над лагерем, какие гербы. Но и то не главное, главное найти людей, чтобы всё это сами рассказали. И лучшие для такого дела люди — это писари городские. Людишки они мелкие, до серебра жадные и всегда всё знают. Вот с ними лучше и завести дружбу. А для дружбы такой, — кавалер достал небольшой кошель. — Вот. Тут десять гульденов, для начала. Лучше завести таких людей парочку, одного в Рюммиконе, другого в Мелликоне. А лучше всего такого писаря купить, что в столице при консулате состоит.

Купец, машинально взял кошелёк и продолжал стоять с разинутым от ужаса ртом, слушал Волкова, и, когда тот закончил, спросил:

— А что же будет если меня схватят?

— Тюрьма, — сразу ответил кавалер. — И вам туда лучше не попадать. Мои людишки крепки были, не чета вам, но и они едва живы вышли из застенков.

— Тогда… Тогда, — купец попытался вернуть деньги кавалеру, — уж лучше мне отказаться. Будет.

Волков денег у купца не забирал, смотрел на того уже угрюмо. До сих пор он говорил с ним хорошо, но тут переменился сразу, заговорил голосом холодным, тоном злым, тем тоном, которого так все боятся. И первым делом спросил:

— Женат?

— Женат, женат и дети имеются.

— Дом есть?

— Есть, есть.

Волков повернулся к своим людям и крикнул:

— Сколько у него барж?

— Две, — сразу откликнулся Михель Цеберинг.

— Придётся тебе купец всё тут бросать да ехать в другие места, если помочь мне не намереваешься.

— Отчего же? — спросил господин Гевельдас.

— Оттого, что заберу я у тебя обе баржи, а ещё поставлю заставу на повороте реки, посажу в ту заставу солдат с сержантом, и они все проплывающие баржи проверять будут, чтобы больше тут товары не возил. И всех, кто для тебя товар будет возить, я тоже буду грабить. Купчишки про то узнают, и никто связываться с тобой не захочет. Вот почему тебе отсюда уехать придётся.

Купец стоял и молчал, держал кошелёк с золотом на руке и смотрел на кавалера удивлённо.

— Что? Думаешь на баржи людей добрых для охраны посадишь? Так я их всё одно побью. И баржи, и товары твои заберу. Или думаешь жаловаться? Так кому? Здесь на реке никого я не боюсь, ни курфюрста Ребенрее, ни архиепископа Ланна, ни кантона Брегген.

Я здесь хозяин. И никто мне тут не указ.

Купец так и стоял с кошельком в руке, растерянный и испуганный.

— Боюсь я, господин, что попаду в тюрьму, схватят меня горцы.

И тут Волков опять стал добр, даже положил руку на плечо купчишке:

— Не бойся купец, ты же, дурень, осторожен будешь, так не попадёшь. Ладно, начнём с малого. Поедешь в Рюммикон, передашь одно письмо советнику Вальдсдорфу, знаешь такого?

— Толстяка-то, конечно, знаю. Здороваемся.

— Второе письмо торговцу углём Фульману.

— Его знаю шапочно.

— Вот и познакомишься как должно. Передашь письмо и

скажешь ему, что уголь ко мне будешь ты возить.

— И это всё?

— Для начала да, только обойдёшь ещё всех своих знакомых купцов, с кем дела ведёшь, про цены поговоришь или про что вы там говорите, и между делом спроси, что, мол, про войну слыхать.

Не намечается ли нового военного сбора, не слышно чего из консулата кантона про новый налог. Ясно?

— Придумаю что-нибудь, — невесело сказал купец.

— Не робей купчишка, со мной не пропадёшь, — ободрял его кавалер, — со мной ты в купеческой гильдии состоять будешь.

— Я уже в гильдии Эвельрата состою, — отвечал господин Гевельдас.

— Так будешь в ней главой! — обещал Волков.

Купец медленно побрёл к лодке, на которой припыл, держа кошелёк с золотом в руке и письма для господ из кантона за пазухой, шёл он и, кажется, проклинал про себя этого буйного рыцаря, что на горе ему поселился на его реке. А кавалер так и смотрел ему вслед — купчишка, ясное дело, с золотом его не сбежит, но вот будет ли он полезен, это, конечно, был вопрос.

Глава 33

Вернувшись домой, кавалер всё ещё думал, об этом купчишке. Всё ещё сомневался в нем. И чтобы быть уверенным, что этот самый Гевельдас при первом же своём деле не угодит в подвалы, он снова звал к себе Сыча.

Как и положено, его с дружком по кличке Ёж Увалень обнаружил в трактире.

— Экселенц, хоть пару дней мне отдохнуть да помыться.

— Помыться, — Волков смотрел на Сыча с недоверием. — С каких это пор?

— Ну, хоть отоспаться.

— Нет, некогда, езжайте сейчас же в Лейдениц, там у купчишки Гевельдаса есть контора и склады, найдите его.

— И что, присмотреть за ним?

— Нет, он будет нам помогать, он часто ездит в кантон по делам торговым, вот ты его и научи, кто и как, человек он в этом деле новый. Встретишь его и всё как следует ему растолкуй, чтобы его за первый вопрос в холодную не уволокли.

— Ах, вот что! Значит, купчишку звать Гевельдас? Хорошо, завтра поеду.

Волков достал пять монет. Положил их на стол:

— Сегодня.

— Экселенц, ночь не за горами.

— До Амбаров рукой подать, а там вам только реку переплыть, сейчас езжайте.

Когда Сыч ушёл, Волков почувствовал себя поспокойнее. Всё-таки хоть и не мылся этот мерзавец, но дело своё знал. Купчишка труслив и, кажется, не очень сообразителен, но Сыч поможет ему, хоть поначалу, быть половчее и поосмотрительнее, ну а трусость… Иной раз трусость может и помочь. Иной раз она неплохо сохраняет жизнь.

На этот раз он с собой взял почти всех. Максимилиан, Увалень, фон Клаузевиц, Карл Гренер, братья Фейлинги и все их послуживцы. И того с ним было десять человек. Волков чувствовал, что разговор будет неприятный, и хотел, чтобы этот разговор слышало, как можно больше ушей. А то потом на очередном дворянском собрании его ему припомнят и это. Эту поездку и этот разговор. Выехали ещё затемно, поэтому были у замка были задолго до обеда. Но это ничего не поменяло, ворота замка были всё так же закрыты. И ему снова пришлось звать господина Верлингера. То ли от того, что ему приходилось долго забираться на башню, то ли ещё почему, но старый дядя барона

был весьма нерасположен к беседам. Не здороваясь, а лишь только взглянув вниз он прокричал:

— Опять вы? Как вас там?..

— Да, это опять я, и зовут меня кавалер Фолькоф.

— И что же вам надо, кавалер Фолькоф? Я же уже вам всё сказал в прошлый раз.

— Я хочу видеть барона. Хочу спросить у него, как погиб кавалер Рёдль?

— Барон не примет вас, он болен. Всё ещё болен. Что вы донимаете всех, займитесь своими делами.

— Я и занимаюсь, на последнем дворянском собрании меня упрекали в смерти кавалера, я хочу знать, что произошло.

— Сказал же я вам, барон болен. Ничего он вам не расскажет.

— Но хоть взглянуть-то на него я могу?

— Нет, врач не позволяет, — кричал седой господин и раздражение в его голосе только усиливалось.

«Что за глупости? С чего бы врачу не дозволять взглянуть на больного?»

— Тогда позовите врача.

Тут повисла пауза. Волков видел господина Верлингера, и тому нечего было сказать. Он смотрел на кавалера с башни, сверху вниз, его лицо было злым, и после паузы седой господин не выдержал:

— Что же вам нужно, наглый вы человек, сказано вам, никто вас не примет! Так вы всё упорствуете, третий раз приезжаете, и, поправ все правила вежливости, всё просите и просите чего-то!

— Дозвольте мне увидеть барона! — так же повысил голос Волков.

— Нет, доктор не велит! — кричал господин Верлингер. — Сказал же я вам!

— Не позорьте седины свои бесконечной ложью, — Волков тоже уже начинал злиться, — зовите доктора, я хочу у него всё спросить.

— Да, как вы смеете! Дурной вы человек, болван! — уже не на шутку злился дядя барона. — Как вы смеете меня упрекать во лжи, если вы сами невыносимо навязчивы и совсем не ведаете приличий. Прочь! Уезжайте отсюда, займитесь своими делами, войной или ещё чем вы там любите заниматься…

— Послушайте Верлингер, я не хочу знать, что там у вас происходит, тем более, не хочу встревать в ваши семейные дрязги из-за наследства, я просто хочу видеть барона, живого или мёртвого, мне всё равно.

— Отказываю вам! Отказываю! Прочь отсюда, наглец! Барона вы не увидите. Прочь езжайте! И если не уедите, то увидите не

барона, а у себя в брюхе арбалетный болт.

И господин Верлингер скрылся, видимо покинул башню. В общем разговор был закончен.

Третий раз! Третий раз Волков приезжал сюда, чтобы выяснить обстоятельства смерти кавалера Рёдля, три раза беседовал с этим вздорным стариком и уезжал отсюда ни с чем. Его трясло от злобы и раздражения, он тащил с собой кучу народа и всё без толку и, главное, виноватых вокруг не было. Ну разве что этот седой мерзавец. Ух попадись он ему под руку! У кавалера даже кулаки сжались. Но сжимай их или разжимай, это дело не решит. Дело бы решила картауна, да десяток чугунных ядер в ворота старого замка. Попотеть, притащить бы её сюда. Да пять десятков солдат, и дело было бы решено.

Да нельзя, его и так вся окрестная земельная знать ненавидит, а начни он штурмовать их замки, так побегут ещё и к герцогу, жаловаться или ополчение собирать. Хотя нет, ополчение это вряд ли, они ещё те вояки.

В общем пришлось ехать обратно, так ничего и не высинив. Как говорят мужики, не солоно хлебавши. Полдня как не бывало.

Ну хоть Роха порадовал его в тот день. Когда Волков вернулся в Эшбахт, оказалось, что Роха только что приехал из Ланна.

Обоз был как раз перед домом кавалера:

— Погляди, Фолькоф, что это за порох, — говорил Скарафаджо снимая крышку с бочки и запуская руку в чёрный порошок, — ты представать себе не можешь, сколько дыма он даёт. Такой делают только в Ланне.

— Сколько бочек привёз? — спрашивал Волков, глядя на ладонь товарища, не слезая с коня. — Восемь.

— Да, восемь, и стоит он на шесть талеров дороже за бочку, но зато как бьёт! Как бьёт!

Старый одноногий солдат был в восторге. Он тряс ладонью глядя на порох:

— Клянусь, даже аркебуза будет пробивать кирасу с пятидесяти шагов. А что уж говорить про мушкет!

— А мушкетов, ты сколько привёз?

— Семнадцать. И скажу тебе, что кузнец дело знает, он переделал замок и спуск, теперь фитиль держится крепко. И порох с полки не просыпается, даже когда мушкет наклоняешь.

— Отлично.

— Этот Яков Рудермаер толковый кузнец, я сейчас покажу тебе новый мушкет.

Но у Волкова болела нога, он хотел быстрее слезть с коня и сесть у камина:

— Потом, потом, приходи сегодня вечером на ужин. Приноси

мушкет.

А Роха вместо того, чтобы сразу согласился вдруг замялся:

— Слушай, Фолькоф, а можно я приду с женой?

Кавалер смотрел на Роху и не узнавал этого старого солдата, кажется, первый раз тот называл свою женщину женой. Зараза, язва, чёртова гарпия — да, но вот женой…

— Ну, приходи с женой, — согласился кавалер.

— Я бы не навязывался, да больно она хочет посмотреть, как живут настоящие господа.

— Приходи.

— А твоя то, дочь графская, не будет против, моя-то из простых? — всё еще сомневался Скарафаджо.

— Чёртов болван, сказал же приходи с женой, — злился Волков, которому хотелось скорее вытянуть ногу у камина. — Сколько раз тебе ещё повторять?

Кавалер развернул коня и поехал к дому.

— Приду, — кричал ему вслед Роха, — принесу новый мушкет показать!

Жена Рохи пришла разодетой настолько, насколько Роха мог себе это позволить. Она много кланялась перед Элеонорой Августой, но та поначалу была холодна, но когда мать Амелия выяснила, что жена Рохи беременна в четвёртый уже раз, так разговор у женщин сразу наладился, и даже Бригитт стала прислушиваться к рассказам про утреннюю тошноту, про рвоту на запах жаренного лука, про вечное желание сходить по малой нужде и про всё другое. И так всё было у них хорошо, что после ужина жена Рохи удостоилась нового приглашения. Без мужа. И она обещала быть.

Утром, после завтрака, на выезде из Эшбахта, собрались люди.

Кроме кавалера были там Роха, Хилли, Вилли, ещё пара солдат из стариков, те, что с кавалером были ещё Фёренбурге. Пришли так же Брюнхвальд и Бертье.

Из арсенала хозяина принесли одну хорошую кирасу, которую бросили горцы на берегу. Её надели на мешок с песком и поставили на пригорок.

Стали стрелять новым порохом. Он и вправду был хорош. Мало свистел, зато много «бахал». Звук был резким, быстрым. Дым тяжёлым, чёрным, сразу давал много копоти. Но после каждого его выстрела образовывалось целое небольшое облако.

Кираса была отличная, с «ребром», из хорошего железа, которого не пожалели. Может поэтому на пятидесяти шагах аркебуза её и не брала, но на тридцати уже пробивала. Но это аркебуза.

Мушкет же оставлял в железе солидную дыру даже со ста шагов.

— Ну, что я тебе говорил, — заявлял Роха с таким видом, как будто это он сам его сделал.

Да, порох был действительно не плох. Его вообще можно было бы считать отличным, если бы не цена.

— Пушкарям этот порох не давать, — распорядился Волков, — купишь им в Малене простого, этот оставить только для стрелков.

— И то верно, — соглашался Игнасио Роха, — а то они в свою картауну по половинке ведра за раз закидывают. Хорошего пороха на них не напасёшься.

После обеда в тот же день приехали Сыч с Ежом. Как их в соседнем уделе за купцов принимали — непонятно. Небритые оба, оба воняют, одежда грязная, у обоих ножи на поясе. И шуба Сычу нисколько не помогала, на тихой дороге таких встретишь, так перекрестишься — истинные разбойники.

— Так вы, что, экселенц, этому купчишке-выкресту денег дали?

— Дал, — говорит Волков.

— Ну считайте, что в реку бросили, — машет рукой Сыч.

— Что совсем от него толку не будет?

— Думаю, что толку от него будет мало, — отвечает Фриц Ламме, а сам без спроса садится за стол, не снимая грязной шубы.

Товарищ его не так фамильярен, скромно становится за стулом Сыча.

А Волков не то, чтобы растерялся, но вздыхает безрадостно. Он на купчишку уже надеяться стал:

— Что совсем не сгодится нам? Глуп?

— Да не глуп он, — набрался смелости заговорить Ёж. — Просто для нашего дела не подходит. Трусоват.

— Верно, — поддержал товарища Фриц Ламме. — Не о том думает всё время.

— Ему говоришь, что да как, а у него глаза стеклянные, в них дыбы да палачи, палачи, да дыбы. С такими мыслями в нашем ремесле удачи не жди.

— И что, забрать деньги обратно? — спрашивает Волков невесело.

— Вот и мы было так подумали, а потом поговорили с ним и выяснили, что у него есть знакомец один на том берегу, — говорит Ёж, не давая сказать Сычу.

Фриц Ламме смотрит на него осуждающе: куда мол, вперёд меня?

Лопоухий Ёж продолжать не решается, закатывает глаза, а за

него продолжает Фриц Ламме:

— Знакомцев-то у него много, я переписал их всех, купчишки в основном, но один нужный человечек имеется.

— Что за человек? — спрашивает кавалер.

— Писарь казначейства славного города Шаффенхаузена Веллер, — сообщает Сыч едв ли не с победным видом.

«Да, это интересный человек, тут сомнений быть не может».

И словно подтверждая его мысли, Сыч продолжал:

— Кто первым узнает, если город вздумает снова войско собирать?

То-то и оно… Писарь казначейства. Никто другой.

«Верно, верно, верно, но согласится ли он ‘дружить’?»

И снова Сыч «читает» его мысли:

— Наш купчишка, этот Гевельдас, говорит, что писарь молод, едва женился и небогат, значит, нуждается в деньгах жене на подарки, как и все молодые люди.

— А сумеет ли наш купец с ним договориться? — спрашивает Волков, хотя по ухмылкам этих неприятных людей уже видит, что у них на сей счёт уже есть мыслишки.

— В том-то и дело, что чёрта с два, — радостно сообщает Сыч.

— А чего же ты тогда радуешься? — интересуется Волков.

— Да я тут одно дело придумал, если выгорит, то будет он наш, — за Сыча говорит Ёж.

— Цыц ты, полено лопоухое, — одёргивает его Фриц Ламме. Он смотрит на Ежа снизу вверх весьма неодобрительно, — куда вперёд лезешь, вот не буду тебя больше в приличный дом приглашать. Лезет он… — Сыч передразнивает Ежа. — Я придумал… Молчи уже, дурень! — И тут же продолжает рассказывать. — Купчишка наш, нипочём с писарем не договорится. Но он может его вызвать в Лейдениц по какой-нибудь надобности, по торговле или. Да хоть в гости. Это мы потом обдумаем ещё, а как он там будет, тут уж мы его прямо на пристани и встретим. Наш будет, не отвертится.

— Точно, — подтвердил Ёж, — уж нам бы только до него добраться.

Мысль эта очень кавалеру понравилась. Да, толково было придумано.

— Я купцу десять золотых дал, — медленно говорил он, думая о деле, — семь заберите, раз он для дела не подходит, так и трёх ему будет довольно, пять для писаря берегите, а два. Коли дело выгорит, вам в награду пойдут.

— А вот за это спасибо, господин, — сразу радуется Ёж.

— Да ты своё хлебало хоть прикроешь сегодня, а? — опять

осаживает его Фриц Ламме.

— А чего? Я ж поблагодарить.

— Закройся говорю, за что благодаришь-то? Ещё не сделали ничего, деньги ещё не наши, а ты уже благодаришь.

— Идите, — говорит Волков, — мне нужен этот писарь, нужно, чтобы служил он мне. Уговорите его, а не сможете. Сами опять на тот берег поедете.

Фриц Ламме и лопоухий и лысый Ёж сразу стали серьёзными. И смотрят на кавалера насторожённо, пытаясь разгадать, шутит он или всерьёз говорит.

Глава 34

Кажется, честный и славный город Мален никогда не видал такого праздника. Десять тысяч талеров! Десять тысяч талеров! По большим улицам, что вели к кафедралу, специальные повара, нанятые в Вильбурге и Ланне, забивали телков, тут же насаживали их на вертела и начинали делать жаркое. Жарить было велено с перечной, острой и поэтому дорогой поливкой. Тут же пивовары выбивали в бочках днища и начинали разливать пиво всем желающим. Пирожники и булочники раздавали белые булки, детям давали пряники. Стража как бы должна была следить за порядком, но стражники тоже были людьми, и пиво брали себе первыми, а уж дальше. Дальше, как пойдёт. В городе стоял шум, звенели колокола, аркебузиры, после пива то и дело стреляли в воздух. По городу вместе с шумом и колокольным звоном плавал кислый пороховой привкус. В очередях за мясом вспыхивали ссоры, но в общем всё было весело. И главное все знали, что происходит.

А на площади перед главным собором, вообще было не протолкнуться. Утром, ещё до рассвета, по городу разнеслись слухи, что тут раздают конфеты и вино, и молодёжь со всего города уже на рассвете толпилась тут. И все слухи были правдой. Помимо конфет и вина тут раздавали сыр и добрые куски ветчины с белыми булками. Стража перегородила улицы, чтобы на площадь не въезжали кареты, тут и так было не развернуться. Едва рассвело, а на площади было нет протолкнуться, пиво лилось рекой, вина тоже хватало, и от изрядного скопления веселых людей запах на площади стоял тоже изрядный.

На улицах праздник, а в доме купца Кёршнера — суматоха. И суматоха шла с глубокой ночи. Многие слуги, да и не слуги тоже, спать сегодня не ложились.

— Куда же вы смотрели, вы что, не видели, что шар не в тон фате! — выговаривала госпожа Ланге служанкам.

— Ах, госпожа, то не тот шарф, сейчас тот подам, — отвечала служанка, тут же исправляясь.

Госпожа Ланге теперь была удовлетворена. Она покрыла плечи Урсулы Видль легким прозрачным шарфом и обняла её:

— Вы прекрасны, молодая госпожа.

Девочка тринадцати лет в великолепном синем платье, расшитом отличным жемчугом, в белилах и румянах, как взрослая женщина, всё-таки ещё была девочкой:

— Госпожа Ланге, отчего же мне так страшно., - едва не плача спрашивала она.

— Не плачьте, не плачьте, иначе белила придётся наносить по новой. — Бригитт присела подле неё. — И не бойтесь. Все женщины выходят замуж, так предначертано Господом. Слышите, весь город празднует, колокола, пир во всём городе, всё это в вашу честь. Все женщины мечтают о такой свадьбе, у вас свадьба, как у принцессы. Вы только поглядите какое у вас платье! Я бы палец, вот, — госпожа Ланге показала мизинец на левой руке, — отдала бы за такое.

— Всё так, но мне страшно!

Хорошо, что мамашу не допустили сюда. У той во все последние дни слёзы так и текли из глаз.

— Вы же говорили, что жених вам мил, добр.

— Мил… — отвечала девочка. — Кажется, кажется.

— Так что же вам нужно, жених мил, богат, добр. О таком женихе все девицы мечтают. А вы знаете, что вам дом ищут, у вас скоро будет свой дом, с каретой и слугами. Вы там будете хозяйкой.

— Знаю, знаю. Но всё равно всё думаю: зачем же мне это?

— Молодая госпожа, мы с вами принадлежим фамилии Фолькоф, и все должны служить интересам фамилии, — говорила Бригитт, вставая и напоследок поправляя фату. — Я по-своему служу, вы по-своему. Ваш брак важен для фамилии.

— Мы все служим дяде?

— Так же, как и дядя служит нам.

— Дядя служит нам? — удивлённо спросила девочка.

— А разве без вашего дяди, было бы у вас платье в сто талеров стоимостью? Была у вас карета к свадьбе, подыскивали бы вам дом со слугами для жилья?

Она взяла молчавшую девочку за руку:

— Сходите по нужде? Обряд будет долог.

— Я только что.

— Что, ж. Пойдёмте моя дорогая, весь город и главное жених, ждёт вас уже.

Стражники распихивали зевак, сгоняли их с улиц в переулки, но зеваки лезли, несмотря на брань, тумаки и удары палками. Ничто не могло их остановить, потому что они знали: пред каретой невесты идут люди и раскидывают серебро. Шум, гам, злые и измотанные стражники, полупьяная толпа, и мелкое серебро, летевшее в грязь. Дети, что лезли прямо под копыта, надеясь схватить пару монет.

А тем, кто не лез под копыта коней за серебряными крейцерами, те хотели видеть невесту. По балконам и окнам, на пути следования невесты рассаживались те, кого на свадебный обряд и на свадебный пир не пригласили. По всему городу пошла

молва, что

платье у неё стоит пятьсот монет, а может и вообще тысячу. Не было в городе молодой женщины, что не хотела бы то платье увидеть. И не было в городе человека, который не знал бы, что сын богатейшего в городе человека женится на племяннице известнейшего в графстве воина.

Обряд провёл сам епископ, он с делом не тянул, к чему мучать новобрачных. Отчитал всё быстро и благословил юную пару, предварительно немного поговорив с невестой, успокоив её и сообщив, что Дева Мария рада за девочку и будет покровительствовать ей. А потом поговорил и с женихом, и на этом закончил обряд. А господин Кёршнер уже изрядно с утра выпив, прослезился и пошёл к Волкову обниматься. Волков, хоть и был абсолютно трезв, при всех прямо в соборе его обнимал, и называл «родственником». Так же он был ласков и госпожой Кларой Кёршнер. А вот Элеонора Августа фон Эшбахт была не так радушна, её мутило всю службу и обниматься с новыми родственниками она не собиралась, а лишь улыбалась насилу. После все стали садиться в кареты, хоть до ратуши было недалеко, протискиваться сквозь толпы народа, что заполонили все улицы, ни у кого желания не было. Да и сесть в карету, что подъехала к воротам кафедрального собора и то нелегко было. Тут же, на площади народу собралось огромное количество, тут же и пряники свадебные и свадебные хлебцы раздавали. А ещё путь для карет через толпу проложить надо. В общем работы для стражи было много.

В городе не было здания больше, чем ратуша, поэтому пир решили проводить там, а не в дворце Кёршнеров. В трёх каминах ратуши горело столь много дерева, что даже в огромном, продуваемом сквозняками зале была такая жара, что в шубе сидеть было совсем невозможно. И кажется, от жары господин Кёршнер ещё больше стал пьян и к тому же слезлив. И немудрено, сбылись его мечты и мечты его отца — справа от него сидел знаменитый воин с женой, причём жена воина была дочерью графа. А слева сам епископ, а за епископом и первый консул города. Также в зале были все члены совета. Все! Ну кроме разве что советника Фейлинга, которого на торжестве не желал видеть кавалер.

А завтра день ещё должен был начаться схватками и поединками.

На выезде из города, у западных ворот уже сколочена была арена с трибунами, с ложами для нобилитета и стоячими местами для голытьбы. И тридцать! Тридцать рыцарей и искусных воинов уже расставили свои палатки вокруг, чтобы завтра

пешими и конными сражаться за призы турнира. За очень богатые призы турнира, который организован в честь свадьбы его сына. В честь внука человека, которого и не во всякий дом пускали. Разве тут не прослезишься? А ведь и вправду, ещё его отцу не всякий руку был готов протянуть. А тут вон как всё изменилось, все лучшие люди города на его пиру. А после завтра ещё и бал будет. И ко всему прочему, ещё и невеста сыну, как говорят пришлась весьма по душе. Ну как же тут не прослезиться от счастья? Как не выпить богатому купцу?

И не только купец был рад свадьбе. Волков тоже был доволен, все, ну почти все знатные и влиятельные люди города подходили его поздравлять, скорее его, чем новобрачных, хотя подарки, конечно, они дарили им. Но почтение выказывали всё-таки ему. Среди собравшихся были все те люди, что давали ему золото в долг. И ни один из них не справился об отдаче долга. Конечно, кавалер уже уплатил текущие проценты, которые были весьма существенны. Но приличная сумма, почти тысяча золотых, так и лежала в его сундуке. Это был его неприкосновенный запас. И про неё никто у него не спросил. Он сидел и в который раз слушал с благообразной улыбкой тост толстяка купца о счастье что, тот испытывает, беря столь приятную юную особу из столь славной фамилии к себе в семью.

Так и прибывая в хмельном благодушии, и слушая похвалы в свой адрес, он абсолютно случайно увидал, что в зал вошёл, в забрызганных грязью сапогах, старый солдат. Волков знал его в лицо, это был человек из роты Бертье. Стража на дверях даже не посмела его спросить о чём-либо. Солдат вошёл в жарко натопленный зал, стянул с головы каль, вытер им лицо и стал оглядываться по сторонам. У кавалера и хмель стал выветриваться понемногу. Он отставил кубок, что держал в руке и купца больше не слышал, он уже знал, кого ищут глаза солдата.

Да кого он ещё тут мог искать, ну не своего же ротмистра. Не для того он проскакал столько, чтобы принести весть пустяковую.

«Нет, нет, нет, горцы не могли так скоро собрать следующее войско. Не могли. Хотя… С них станется. Неужели вести из форта, от сержанта Жанзуана?»

Конечно, и быть по-другому не могло. Солдат нашёл кавалера глазами и сразу решительным шагом пошёл, обходя столы, чтобы подойти к кавалеру сзади.

Волков, трезвея с каждым его шагом, ждал, не отводя от солдата глаз. А зале стоял шум. Прислужники главного виночерпия у стены деревянными молотами ломали дно очередной винной бочке. Меж десятков столов поварята носили и носили огромные подносы с великолепными блюдами, от которых

ещё шёл пар. Гости были веселы, все болтали и кричал хмельно, дамы раскраснелись от вина и жары, стали снимать шарфы, обнажая прекрасные шеи и плечи, а незамужние так и вовсе волосы стали распускать, и все они смеялись над пьяными, а тут ещё и музыка стала играть. Да, это был отличный пир, вот только рыцарь Божий уже знал, что праздник для него закончен. Хотя и не знал, что его ждёт.

Солдат же подошёл и после короткого поклона стал говорить негромко что-то ему на ухо. А после достал и бумагу, протянул её господину и отошел на шаг от кресла того.

Когда кавалер дочитал бумагу, ни от благодушия, ни от хмеля и следа не осталось на его лице.

Стало оно обычным его лицом, суровым, каменным.

— Ступай к ротмистру Брюнхвальду, — произнёс кавалер, указав на того солдату рукой, — скажи, чтобы собирался.

Солдат кинул и пошёл по залу к ротмистру. Сам же Волков снова поднял кубок и отпил вина.

Когда ротмистр выслушал солдата, он сразу поглядел на кавалера. Взял полотенце, вытер рот и руки и извиняясь и кланяясь соседям, стал вылезать из-за стола.

А солдат уже сообщал что-то ротмистру Рене. Тот тоже перестал есть. Стал озабоченно переговариваться с матерью невесты, вид у которой сразу стали испуганный. А тут ещё и музыка стихла и людской гомон в зале стал затихать, гости смотрели как один за другим поднимаются из-за столов офицеры фон Эшбахта. И уже появились в глазах людей непонимание и удивление. Все стали спрашивать друг у друга, что происходит. Смотрели на центральный стол. А там кавалер, перегнулся через подлокотник кресла и что-то говорил госпоже фон Эшбахт, а та слушала его с лицом белым и перепуганным.

И тут первый раз в зале прозвучало слово «война». И полетело эхом по залу: «Война?» «Война?»

Теперь уже и епископ, и бургомистр выглядывали со своих мест, смотрели на кавалера вопросительно, желая знать, что произошло.

Понимая это, кавалер похлопал по руке свою жену, которая вдруг горько зарыдала, а потом встал и произнес, чтобы все желающие услышать услыхали:

— Господа, граф фон Мален и графиня фон Мален после обеда сегодня занемогли. Графиня плоха, а граф лишился чувств и в себя не приходит. Да смилуется над ними Господь. — Он перекрестился и за ним стали креститься все остальные, кто был в зале, включая слуг. — Посему, я должен откланяться, так как моя сестра любимая и тесть мой больны, вас же я прошу

продолжить пир.

Он помог жене встать, тут же вставали и бургомистр, и епископ, и изрядно пьяный Дитмар Кёршнер. Все шли к нему с вопросами и соболезнованиями. Но тут с неожиданной стороны себя проявил епископ: строго говоря со всеми, он отстранил людей от Волкова:

— После, господа, после.

И, оторвав его от жены, пошёл с ним под руку:

— Не делайте глупостей кавалер, не спешите, выясните все обстоятельства и приезжайте ко мне. Мы всё обсудим.

Волков молча кивал.

— Понимаю, как дорога вам графиня, но всё равно — не делайте глупостей.

Волков опять кивал.

Потом святой отец пошёл успокаивать госпожу Эшбахт, а к кавалеру подошёл господин Кёршнер и пьяным тоном говорил:

— Ах, как жаль, дорогой друг, как жаль дорогой родственник, я и позабыл, что графиня — ваша сестра. Очень, очень сожалею, дорогой родственник. Я, дорогой родственник, вот что вам скажу. Если вам вдруг потребуются. Потребуются деньги. Говорите мне по- родственному. Не стесняйтесь.

Кавалер похлопал купца по плечу:

— Спасибо, дорогой родственник, обязательно скажу, если будет нужда.

Но, как он ни любил деньги, сейчас он о них не думал. Сейчас он вообще ни о чем не думал, думал лишь про Брунхильду. Не про беременную жену, что шла за ним, заливаясь слезами, ни про прекрасную Бригитт, которая пыталась протиснуться к нему через многих людей, что были у выхода. Нет, только про распутную и взбалмошную девку, что встретил в поганой харчевне в убогом местечке Рютте. Когда-то Волков думал, что будет она ему большой опорой, когда станет графиней, что и сама станет счастлива. Шутка ли — графиня! Но никак он не мог подумать, что всё может закончиться вот так вот. «Занемогли после обеда». Так было сказано в письме, что писал её паж. Что это значит? Что это такое?

Как это могло быть? «Занемогли после обеда!»

«Ух, змеиное семя Маленов!»

Кулаки у рыцаря сжались, лицо стало страшным. Нет, никогда у него не было к Брунхильде тех чувств, что он испытывал к Бригитт.

Но как это ни странно, взбалмошная и капризная, всё-таки она была для него не чужой. И даже не из-за ребёнка, что носила под сердцем, а просто потому. Просто была близкой ему, родной,

и всё. Такой же близкой, к примеру, как сестра Тереза. Возможно, всё от того, что не так уж много было у него близких людей до последнего времени. Раньше у него их совсем не было. Товарищи по разным воинским корпорациям, других людей он, в общем- то, и не знал. Вот Брунхильда и оказалась ему близкой. Настолько близкой, что кое-кому могло и не поздоровиться, случись с нею что-то.

А на улице, на главной площади города праздник, всюду, всюду толпы хмельного народа, ни карет, ни коней не найти. Все встречные его узнают, все его поздравляют. Он отвечает всем через силу, улыбается через нежелание.

Только Богу известно, в каких проулках кареты поставили. А ему очень, очень хотелось быстрее узнать, что там с его Брунхильдой, потому что из письма не ясно, насколько она плоха, насколько занедужила.

В общем нашли и коней и кареты, стали садиться, и несмотря, что уже сумерки, потихоньку собирались, всё таки уезжали.

Отец Теодор, хоть и стар был, без шапки в холод был на улице, нашёл Волкова, когда тот уже был в седле, и крестил его, повторяя:

— Не делайте глупостей, сын мой, не делайте глупостей. Как всё выведаете, так сразу езжайте ко мне.

А Волков всё кивал ему и кивал.

Так и поехали. Сначала поехали в Эшбахт. Карл Брюнхвальд по своему обыкновению советовал, прежде чем ехать в Мелендорф к графу, взять хотя бы сотню солдат.

А Волков давно уже понял, что Карл много в жизни повидал и дурного не посоветует.

Глава 35

Пажу Её Сиятельства графини фон Мален Теодору Бренхоферу было совсем немного лет. Четырнадцать-пятнадцать не больше. Может от этого, как только он увидал кавалера, сразу стал плакать.

— Ну, — говорил Волков, строго, — будет вам, рассказывайте, что случилось.

— Уже не знаю, что и говорить, — сквозь слёзы лепетал паж. — Они сели обедать в малой зале… В большом зале совсем редко они обедали из-за склок.

— Кто они?

— Граф с графиней.

— Дальше!

— А я пошёл в каминную залу, граф не любил, когда я был при обеде, а с ними остался только лакей. Прислуживал. Я подождал, а потом через час пробежал лакей, он людей звал, говорил, что графу дурно. Я побежал в залу, а там граф. Лицо всё его было красным, он в кресле сидел. Почти лежал ноги вытянув, голову запрокинул и дышал, дышал так. А графиня. Графиню мутило, её рвало.

Волоков слушал внимательно, не перебивал мальчишку, так же слушали сбивчивый рассказ пажа и госпожа Эшбахт, и госпожа Ланге, и Карл Брюнхвальд, и брат Ипполит.

— Графиню, значит мутило и рвало? — только и спросил кавалер.

— Но она со мною говорила. Говорил, чтобы скакал я к вам. И говорила, чтобы вы забрали её из Мелендорфа.

— Что ещё она говорила?

— Говорила, что вино было горьким, и что вам нужно поторопиться.

— Значит, вино горьким было? — медленно переспросил Волков.

Госпожа Эшбахт при этих словах, не произнеся ни звука, ни с кем не попрощавшись, повернулась и пошла наверх в свои покои, за нею направилась и мать Амелия. Когда они скрылись наверху, Волков тихо процедил сквозь зубы:

— Змеиное семя. Даже дослушать про отца не захотела. — Он повернулся к пажу. — Значит графиня вас послала ещё днём?

— Днём, ещё в обед.

— Карл, — сразу произнес кавалер, — молодой граф может заартачиться.

— В замке Мелендорф солдат двадцать не больше, — сразу

отозвался ротмистр. — Я велел собрать сотню. Пойдут мои, пять десятков возьму у Рене и пару десятков у Рохи. Думаю хватит. Утра, как я понимаю, ждать не будем?

— Нет, выступаем сейчас же.

— Тогда велю взять побольше ламп, одну телегу в обоз и коли дадите масла, приготовлю сотню факелов, — отчеканил Брюнхвальд. — Думаю, дорогу не потеряем, до утра будем в Мелендорфе. Через час можем выступать.

— Берите всё, что нужно, — сказал ему кавалер, и добавил пажу, — вы поедете со мной.

Дорога до замка графа оказалась нелёгкой и не только из-за ночной темноты. Ещё к вечеру стал дуть сильный юго-восточный ветер. Он-то и принёс тепло. Крепкие дороги сразу развезло. Люди и лошади скользили по мокрому льду и по грязи. Тем не менее ещё до рассвета они были в Мелендорфе. Прошли по улицам городка, пугая сонных горожан, и подошли к воротам замка.

— Эй, стража! — зычно заорал Максимилиан.

— Кто такие? — донеслось с башни тут же, видно, приближение отряда для стражников не было неожиданностью. Огни ламп, что несли передовые солдаты, были видны издалека.

— Кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт желает говорить с графом фон Мален.

— Граф почивает, — кричали с башни.

— Так сходи и разбуди.

— Не велено, — отвечали с башни. — Ждите утра. Небось оно скоро.

Епископ говорил ему не делать глупостей. Это сказать легко, а попробуй удержись, если внутри тебя всё клокочет от злобы.

Волов подъехал ближе к воротам:

— Эй, ты, если не позовёшь сюда графа сейчас же, я тотчас же велю своим людям срубить хорошее бревно и начну ломать ваши ворота. До рассвета я, может, их и не сломаю, но когда сломаю, клянусь Святым Писанием, первое, что я сделаю, так это своею секирой размозжу тебе башку… Слышишь, мерзавец? Это говорю тебе я, Иероним Фолькоф, рыцарь Божий и брат твоей графини.

— Зря вы ругаетесь, господин, — донеслось с башни, — молодой граф велел его сегодня не беспокоить, но если вы будете требовать, то я, конечно, его позову.

— Побыстрее, олух, побыстрее.

А ветер не унимался, солдаты стали рубить ветки и кусты в земле графа. И Волков им того не запрещал. Солдатам нужно было греться и готовить себе завтрак. Ну а граф. Граф простит его за такую малость, как хворост и кусты. Тем более, что время идёт,

а графа всё нет. Солдат с башни уже давно прокричал, что графа разбудили и передали, что под воротами замка его ждёт рыцарь.

Волков давно слез с коня, расположился у огня на раскладном стуле и ждал, попивая вино, что велела положить в обозную телегу умница Бригитт. И вот, когда небо уже стало сереть на востоке, ворота заскрипели и тяжело растворились. Из них выехали несколько верховых и вышел десяток пеших людей. Все при железе и доспехах.

Волков сел на коня, знал, что граф спешиваться не будет и не хотел говорить с ним пешим, разговаривать, глядя снизу вверх. Сел и поехал к графу навстречу.

Они поклонились друг другу. И граф спросил весьма меланхолично:

— Отчего же вы так нетерпеливы, дорогой мой родственник? Отчего не могли подождать до утра?

Волкова, признаться, даже восхитило самообладание этого мерзавца.

— Как же мне быть терпеливым, если ко мне приходят вести, что графу нехорошо, — Волков старался говорить так же спокойно.

Теодор Иоганн, девятый граф фон Мален, молчит, и Волкову приходится задавать ему вопрос:

— Или меня обманули? С вашим отцом всё в порядке?

— Граф занедужил, — наконец отвечает Теодор Иоганн.

— А как чувствует себя графиня? — не отстаёт от него Волков.

Теодор Иоганн снова молчит, словно думает, что ему ответить, а кавалеру неймётся, он торопится:

— Что же вы молчите, дорогой родственник? Скажите же, что с графиней?

— Графиня тоже нездорова, — всё-таки выдавливает молодой граф.

— Ах, как жаль, — сухо и холодно произнести Волков, — что же приключилось с ними, что за хворь у них?

— Кажется, они выпили дурного вина, — опять меланхолично, словно о какой-то безделице говорит Теодор Иоганн и смотрит куда-то в сторону.

— Дурного вина? — переспрашивает Волков.

— Да, кажется, вино было кислым, — кивает граф.

— Я хочу видеть графиню, — говорит ему кавалер.

— Она больна, — отвечает Теодор Иоганн. — Да и спит, наверное.

— Я хочу видеть графиню, — твёрдо повторяет Волков.

— Вы же не пойдёте в замок один, — с ухмылкой говорит

молодой граф, — вы ведь потащите за собой всё своё войско. Вы переполошите весь замок.

— Так пусть она сама выйдет сюда.

— Говорю же вам она больна, лежит в постели! — граф уже повышает голос.

— Так распорядитесь нести её сюда вместе с постелью! — Волков повышает голос тоже.

Лицо молодого графа кривится от неприязни, и он, чуть повернув голову, говорит одному из своих приближённых:

— Георг, соблаговолите сообщить графине, что её ждёт брат, и если она сочтёт нужным, то пусть придёт.

Приближённый сразу повернул коня и поехал к воротам. А пока граф не уехал сам, Волков тоже распорядился:

— Бертье, друг мой, возьмите двадцать людей и десять стрелков, станьте, пожалуйста, у ворот, а то не ровён час, они захлопнутся у нас перед носом.

— Как пожелаете, кавалер, — сразу откликнулся ротмистр. И тут же кричит: — Сержант Леден, за мной, к воротам! Хилли, дай ему в помощь десять стрелков.

— А вы, граф, — продолжает Волков теперь уже весьма учтиво, — соблаговолите побыть со мной.

— Что? Зачем это?

— Затем, что я хочу увидать свою сестру живой, — отвечает кавалер спокойно. — И пока я свою сестру не увижу, будете вы при мне, здесь.

Граф замер в седле, смотрит на кавалера с нескрываемой ненавистью. Но Волков не отводит глаз, он повторяет про себя слова епископа: «Главное, не делайте глупостей». Но всё-таки малую глупость совершает, не сдерживается и произносит:

— Молите Господа, чтобы я увидал свою сестру живой, иначе вы и в титул вступить не успеете.

Граф, высокомерно дёрнув подбородком, отворачивается. Ничего ему не отвечает.

Так они и ждут сидя на конях, совсем рядом, но не глядя друг на друга и на разговаривая друг с другом.

Ждут долго, Волков уже начинает думать, что стоит, может, и поторопить людишек графа, но тут из ворот замка выходит какая-то баба. Нет, то не его красавица Брунхильда. Баба весьма крупна, платье на ней огромно. И не поклонись ей Бертье, который был у ворот, Волков подумал бы, что это какая-то вовсе неизвестная ему женщина. Она шла осторожно по раскисшей от теплого ветра дороге, шла вразвалку и поддерживала большой живот. И это была именно Брунхильда. Она сильно, сильно поменялась, с тех пор как кавалер её видел. Ни слуги, ни служанки с ней не было.

Это с графиней-то. Во всём замке не нашлось слуги, чтобы поддержал беременную жену графа, когда та шла по скользкой дороге. Первым додумался фон Клаузевиц, он пришпорил коня и быстро поехал к ней, соскочил возле Брунхильды наземь, стянул с себя плащ и накинул ей на плечи, она ж и вправду была в одном платье. Сам же молодой рыцарь протянул ей руку, как положено в перчатке и через плащ, чтобы женщина могла на неё опереться.

Там за ним и Максимилиан подъехал тоже стал помогать. Так они и довели её до кавалера и графа. Она сразу кинулась к Волкову, стала руку ему целовать, едва он перчатку успел снять. Он тоже с коня склонился и поцеловал её, а Брунхильда и говорит:

— Слава Богу, услыхал мои молитвы Господь, прислал вас. Уже не думала, что увижу свет, — она поглядела на графа с ненавистью. — Родственнички меня заперли в спальне, ни доктора, ни слуг ко мне не допускали со вчерашнего. Думали, что помру я. Надеялись. Не явись вы в такую рань, так они поняли бы днём, что недотравили меня, так удавили бы. До вечера бы я не дожила.

Волков взглянул на графа. Лицо того было абсолютно спокойно, бесстрастно. На все упрёки ему было плевать; что там бормочет эта пузатая баба, он граф и родственник курфюрста.

— Дорогой родственник, надеюсь я вам больше не нужен? — всё так же хладнокровно спросил граф у Волкова.

— Нет, граф, — отвечал кавалер, едва сдерживаясь. — А вы, сестра, поедете со мной в Эшбахт.

— Да уж, здесь не останусь, — заверила Брунхильда. И тут же продолжила, обращаясь к Теодору Иоганну. — А вы, родственник, пришлите мне в Эшбахт мою карету. И вещи мои. Только без воровства. Я все свои вещи помню. Все простыни, все скатерти и всё серебро. Вы уж проследите, граф, а то народец у вас в замке вороватый.

«Молодец, Брунхильда!»

Графа от слов её перекосило, так, как будто его по лицу ударили, и он едва сдерживаюсь ответил ей:

— Не волнуйтесь, графиня, я прослежу, чтобы все ваши вещи были доставлены вам в целости.

Тут же в ближайшем доме купили графине две перины и еды, бережно усадили её в обозную телегу и поехали в Эшбахт.

Волков ехал рядом с телегой, с удивлением глядя на эту женщину. Он её не узнавал. И ведь не только облик её стал иным, беременность многих женщин меняет, но и сама она в душе своей изменилось. Титул, что ли, так на неё повлиял… Стала она, как и положено было ей по статусу, высокомерна. Даже с Волковым

говорила почти как с равным, а уж остальными так и вовсе понукала. И всё же он узнал в ней ту самую распутную девицу, что встретилась ему в грязной харчевне. Кажется давным-давно она была другой, но и в этой крупной и зрелой женщине, что вынашивала под сердцем ребёнка графа, он узнавал её прежнюю, всё ту же красавицу. Она всё ещё была красива, хоть уже и не так стройна, как прежде.

— Графу врач уже не дозволял пить вино больше двух бокалов в день. Граф эти бокалы к ужину берёг. Пиво тоже не пил, вот ему к обеду сладкую воду и подавали. Я пила вино, а он воду, — говорила Брунхильда, сидя укутавшись в перины. — Вот я вино взяла, а оно мне кажется. Беременным вечно что-то кажется, вот оно мне и показалось горьким. Я графу и говорю: Вино горькое. А муж лакею говорит: Налей мне попробовать. У меня стакан был красного стекла, а у мужа белого. Лакей ему наливает, а я вижу, что в стакане серый осадок. Я вино только белое пью, поэтому его хорошо было видно. Вот граф пьёт его и говорит, что вино хорошее, а я снова пью и пить не могу, ну гадость же. Горчит. Говорю: Горькое. А граф говорит: Вы уж больно разборчивы, это всё от беременности вашей. И пьёт его дальше. Фу, жарко, — она откинула край перины и продолжила рассказ. — Я лакея просила нового вина, а муж так весь бокал и выпил. Я нового не дождалась, а граф, — Брунхильда всхлипнула, прижала руку к губам, словно сдерживая крик, и совладав с собой продолжила. — А граф. У графа тут всё лицо покраснело, и в глазах вдруг кровь появилась, все белки покраснели, он и говорит: У меня в горле жар. Всё горит. Я звать лакея, а сама чувствую, что у меня во рту тоже всё горит, словно от перца. Да, как будто перца много попалось. А потом, — графине снова пришлось сделать паузу, чтобы сдержаться от рыданий, — а потом граф стал плеваться. Плеваться кровью. Плюется и плюётся, и всё выплюнуть кровь не может. Она тянется изо рта и тянется. Все салфетки ею перепачкал.

— Это он? — спросил кавалер, как только графиня сделала паузу в рассказе.

Он не назвал имени, но Брунхильда сразу поняла, про кого спрашивает кавалер.

— Ну, может, и не он лично, но без его соизволения. — Тут графиня махнула рукой. — А впрочем, Бог его знает. Но больше всех свирепствовала Вильгельмина.

— Старшая дочь графа?

— Да, она. В прошлом году она овдовела, а старший сын её из поместья попросил вон, не ужился сынок с матерью, и немудрено, вошь злобная, дурная баба, что сразу в крик

переходит от всякого. Вот она к отцу и вернулась, а у неё ещё два сына безземельных. Ах, как её трясло каждый раз, когда она меня видела. Как трясло, — Брунхильда первый раз за всё время улыбнулась. — Есть при мне не могла, ложки на скатерть кидала, так, что они со стола улетали. Орала на меня при слугах, что, дескать, рода я подлого. Другие родственнички тоже меня не жаловали, но эта прям аж поперёк дороги у меня готова была лечь. Я всё думала, чего она беленится.

А потом её и прорвало как-то после Рождества. На обеде, муж меня за ум мой похвалил при всех, так она вскочила и на всю залу кричала, что я уж слишком умна, что я с братцем моим разбойником, графа опоили, чтобы поместье Грюнефельде себе подобрать. И орала, что сему не бывать, что поместье это в графский домен испокон веков входило и впредь будет входить. И в другой дом не перейдёт. Господи, как она орала, аж жилы на глотке вылезли, в её летах-то это так и в могилу лечь можно, от страсти такой. Вот только не домен её волнует, а сынки её безземельные, оба беспутные да неприкаянные. Это для них она старается.

Тут всё сразу и сложилось в его голове. И неприязнь молодого графа, и вызовы на дворянское собрание, и ненависть всех родственников старого графа к его молодой жене, всё встало на свои места, и причина всему нашлась. Графиня что-то ему говорила, про жизнь свою в замке рассказывала, а он её почти не слышал, смотрел на неё и думал, что она ещё всё-таки красива. И тут он даже невольно усмехнулся.

— Отчего же вы веселитесь? — серьёзно спросила она. — Я от страха трепещу, думаю, не отравили ли мне плод. А они смеются. Не смеялись бы вы… Чай знаете, чей плод ношу.

— Знаю, знаю, — отвечал он, — просто рад тебя видеть.

— Рады они, не вижу радости, а усмешки вижу. Думаете мне легко было по воле вашей жить в этом змеином гнезде?

— Нелегко, знаю, — он склонился с коня и взял её руку, — знаю, что не легко.

— А раз знаете, так думайте, как мне и ребёнку вашему получить поместье. Сами родственнички его нам не отдадут.

И тут она была права. Нет, по доброй воле, дом Маленов им поместье не отдаст. И плевать им на договора брачные, что заверены всеми возможными юристами.

— Ладно, — сказал он, выпуская её руку, — если муж ваш умрёт, буду думать, как вам в вашем поместье обосноваться.

— Граф и раньше был не жилец, чах понемножку, а со вчерашнего так и вовсе без памяти лежал. Уж дух его с ангелами разговаривал. Лучше молите Бога, чтобы даровал мне здорового

мальчика.

Волков это помнил, «здоровое дитя полу мужеского» было ключом к получению владения. А Грюнефельде, конечно, стоило того, чтобы за него побиться. Теперь нужно дождаться родов и можно будет начинать тяжбу. Во всяком случае заявить о правах.

Он вдохнул. Нет, как не искал он успокоения и тихой жизни, ни одного, ни другого не находил. Видно, покой ему на роду написан не был.

Глава 36

Было ветрено, но ветер был всё ещё южный, он помогал, толкал лодку вверх. С берега из кустов им махал рукой человек.

— Туда. К нему плывите, — сказал Максимилиан и указал на человека рукой.

Гребцы налегли на вёсла, и уже вскоре лодка ткнулась в крутой, заросший барбарисом берег. К лодке сверху скатился Ёж. Уши от ветра красные, а шапку всё равно не надевает.

Кавалер накинул капюшон и стал вылезать, тут Ёж к нему подоспел, подал руку, чтобы рыцарь мог опереться:

— Лошади тут не понадобятся, господин, — говорил он, помогая и дальше Волкову лезть вверх, — домик сняли совсем рядом. Он уже там. Ест пока.

— Вы его не сильно напугали?

— Да, мы нет, а вот купчишка. Дурень, издали видать, что поджилки дрожат, всего, подлец, боится. Вот и мальчишка, глядя на него, тоже стал побаиваться.

Максимилиан и Увалень, тоже укрытые плащами и капюшонами, вылезли из лодки.

— Тут ждите, — коротко кинул Максимилиан гребцам, и вместе с Увальнем они полезли вверх по склону за кавалером.

У небольшого, но очень опрятного домика, белоснежного от свежей побелки, их ждал купец Гевельдас. Как и говорил Ёж, он был очень взволнован. Увидав кавалера, купец признал его и под капюшоном и кинулся к нему:

— Господин, могу ли я надеяться.

Он не договорил.

— На что? — поинтересовался кавалер.

— Что дело всё выйдет, как должно.

— Ты человек крещёный? — спросил у него кавалер.

— Да-да, — кивал тот и из-под одежды потянул распятие, — вот. Просто.

— Что?

— Как бы не случилось лиха, вдруг он заартачится, и вам придётся его. А я его в гости пригласил, вот как плохо-то будет. Если он не вернётся домой.

— Хорошо, что ты всё понимаешь купец, — волков положил ему руку на плечо. — И хорошо, что ты крещёный, значит у тебя и святой есть.

— Есть, святой Елезарий.

— Вот и помолись ему. И помоги мне уговорить дружка твоего. И тогда и он отсюда уедет живёхонький, и ты будешь при

мне и при серебре. Ну, а если он заартачится, что делать будем? — спросил кавалер прежде, чем войти в дверь.

Купец не ответил, замер и стоял как столб.

А Волков уже положа руку на дверь спросил:

— Может лучше ему тогда в реке утонуть, чем домой вернуться, да о тебе рассказать. Если он про тебя расскажет, то уж тебе точно путь в кантоны будет закрыт. Как считаешь?

Господин Гевельдас раскрыл рот и опять ничего не вымолвил.

— Вот то-то и оно, — усмехнулся кавалер, — так что молись купец, да помогай мне.

За столом прямо посередине сидел молодой человек лет двадцати. Не худ, не толст, лицо в оспинах. Ботиночки крепки, но не новы, чулки не штопаны, но и не из дорогих, колетик простенький, шапчонка фетровая, колечко на пальце — серебро. Зато весть стол перед ним кушаньях богатых. Пива целый жбан, вино в кувшинах, гусь жареный, окорок, сыр на подносе с изюмом и мёдом. Тут же и Сыч рядом. Сразу вскочил, Волкова увидав:

— Вот, экселенц, нужный нам господин.

А молодой человек и не рад тому, что он кому-то нужен. Ещё пришли в дом такие люди, высокие, при железе, лица капюшонами закрыты.

А Волков тем временем скидывает капюшон и говорит:

— Не волнуйтесь, господин Веллер, вам тут ничего не угрожает. — Он обходит стол, приближается к молодому человеку и протягивает ему руку, — вы гость моего друга, купца Гевельдаса, а значит, и мой гость тоже.

Молодой человек почтительно и с поклоном жмёт руку кавалеру. И негромко спрашивает:

— Откуда же вы меня знаете добрый господин?

— Гевельдас мне о вас рассказывал, — отвечает Волков и садится на лавку. Хлопает по лавке. — Садитесь, господин Веллер. А как вас окрестили в церкви?

— Франс, — отвечает молодой человек присаживаясь рядом с кавалером.

Сыч садится позади него, за стол рассаживаются и все остальные.

— Франс? Не Франк, а Франс, на западный манер. Так у вас принято?

— Матушке так было угодно. Наш священник так меня и крестил.

— Ваши священники все еретики, — заметил Сыч из-за спины писаря. — Вот и крестили тебя как.

— Тихо! — прервал его кавалер. — Как крестили, так и крестили, то матушке его было угодно, так не тебе это осуждать.

А священников и веру не он себе выбрал. А по мне, так пусть господин Веллер хоть бревну резному кланяется.

Молодой человек оглядывает всех людей, что сидят с ним за столом: кроме купца, люди всё вида военного, а двое так и вовсе разбойного вида, он явно продолжает волноваться. Волков видит это и, сделав как можно более доброе лицо, похлопывает его по руке и говорит:

— Наверное, думаете кто эти люди? И кто я такой?

— Был бы счастлив узнать сие, — лепечет писарь.

— Я — рыцарь Божий, Иероним Фолькоф, вам известный как фон Эшбахт.

— О, Господи! — только и выговорил молодой писарь, лицо его вытянулось от ужаса, он хотел было встать, но Сыч сзади его за шею схватил крепкими своими пальцами и зашептал на ухо:

— Куда побёг? А ну сел! Слушай господина и не взбрыкивай, помни, река-то близко, корячится будешь, так всплывёшь лишь у Мелликона, а то и до Хоккенхайма донырнёшь.

— И что же вам от меня, добрые господа, нужно? — пролепетал писарь, втягивая голову в плечи от крепких пальцев Сыча.

— Отпусти, — приказал Волков.

Сыч выпустил шею писаря.

— Мне от вас нужен мир, — строго сказал кавалер.

— Мир? — удивился господин Веллер.

— Война с кантоном мне больше не нужна. Одних ваших погибло уже три сотни людей, а то и больше.

— Больше, — подтвердил писарь.

— Больше? — заинтересовался кавалер. — Откуда знаете?

— Я списки составлял, от кантона семьям погибшим, тем, что шли по земельному призыву, положено разовое вспоможение, я на них списки выплат писал, и не вернувшихся за два похода было триста восемьдесят семь человек, это не считая тех, кто пошёл по найму и союзников из соседнего кантона.

«Ах, какой хороший и нужный человек, этот писарь, лучше, чем он, и желать себе трудно».

— Вот видите? — сказал Волков горестно. — И среди моих людей тоже есть потери. Думаю я, что крови и с нас, и с вас достаточно уже.

— Так вы о мире думаете? — спросил молодой человек.

— Только о мире Бога и молю. И прошу вас помочь мне с этим делом.

— Но как же я вам в этом помогу? — удивился писарь.

— Пишите мне. Пишите мне о том, что меня касается. Всё что услышите, что говорят ваши старшие, что слышно из консулата

кантона, какие решения принимает кантон по поводу войны со мной.

— Так сие писать нельзя, — медленно и с сомнением говорил господин Веллер. — Коли узнают, так головы не сносить…

— Но как быть по-другому? — убеждал его кавалер. — К примеру, совет кантона снова решил собрать против меня войско, консулат прислал вам в казначейство запрос на деньги, вы мне сразу пишите сколько и на какое войско выделено денег, коли войско малое, так я стану на берегу, чтобы оно меня видело и высаживаться не решалось, а коли войско большое будет, так я с людишками своими уйду из Эшбахта в Мален или во Фринланд, вот и нет войны, нет крови. И в том ваша заслуга будет.

Юный писарь молчал, кажется, слова кавалера ему и казались правильными, но он тоже был не прост, а может и боялся. И тогда Фолькоф щёлкнул пальцами и протянул руку Сычу. Тот сразу на руку ему выложил пять прекрасных золотых гульденов, которые раньше забрал у трусливого купца.

— Сказали мне, что у вас жена есть? — произнёс кавалер.

— Есть, — кивал писарь.

— Молодые женщины жадны до денег, — продолжал Волков выкладывая гульден на стол перед Веллером. — А дети?

— Двое сыновей у меня.

— Отлично, — кавалер кладёт ещё две золотых монеты, — каждому сыну. А вот эти последние две — это вам, в молодости всегда много желаний. И если ценную весть мне сообщите, ещё будет вам золото или серебро.

Писарь смотрел на деньги, что лежали перед ним на столе, но брать не спешил.

— Ну, — толкнул его в спину Сыч, — чего таращишься, хватай, вон сколько деньжищ. Тебе и за три года столько не заработать.

Волков видел это необыкновенное волшебство не раз. Он видел, как притягивают к себе деньги, если лежат вот так перед человеком. Манят своим дивным блеском, как распутная красавица обнажённым бедром, словно соблазняют, словно уговаривают тихими, мягкими и ласковыми голосами. Просят протянуть руку и взять. Лежат себе сиротливые, беззащитные, в море алчных и цепких рук, и зовут именно тебя, просят взять их, сгрести в пятерню. Спрятать в кошель, а лучше за пазуху, ближе к сердцу. И лишь одна вещь может остановить человека в этом искушении. Это страх. И страх нужно задавить, принизить до земли, а для этого нужно говорить человеку, что всё будет хорошо, пусть даже это будет и не так, но нужно именно это и говорить, и тогда деньги заставят его в это поверить. Даже против

его воли.

— Вам нечего опасаться, — говорит Фолькоф и смотрит, как писарь косится на это великолепное золото. — Никто никогда о том не узнает, и ни стыда, ни позора в том нет, вы же не из корысти помогать будете врагу, а чтобы враг стал другом и добрым соседом. Чтобы была любовь про меж нами, ведь и Господь учит нас любви. Ведь учит?

— Учит, — кивает писарь.

— Вот и прекрасно, берите деньги и будьте моими другом, — Волков протягивает ему руку.

Господин Веллер с почтением жмёт руку кавалеру. И… начинает собирать деньги со стола. Дело сделано. Кавалер доволен, Сыч улыбается.

— Вы будете встречаться с вашим другом купцом раз в две недели, говорить, как идут дела. И писать мне краткие сообщения. Хорошо?

— Хорошо, — опять кивает писарь.

Волков встаёт:

— Ну, в таком случае не буду вам мешать.

— А вы не останетесь на обед? — удивляется Франс Веллер.

— Нет-нет, у меня много дел, дальше с вами будет общаться господин Сыч, он человек славный и весельчак большой, но обманывать его я вам не рекомендую. Может обидеться, — кавалер сделал многозначительную паузу, — и все ногти вырвать, один за одним.

Писарь Веллер побледнел и покосился на Сыча. Тот широко улыбался беззубой улыбкой. «Да ну, что вы такое говорите, экселенц?»

— Так что постарайтесь его не злить, — сказал кавалер и пошёл к двери.

Люди из свиты пошли за ним, а тут в соседней комнате, за закрытой дверью, что-то уронили и послышались голоса. Волков остановился, подошёл к двери и открыл её. Там на лавке сидели четыре девки в исподнем, нарумяненные, напомаженные, с голыми руками и плечами. Девки были молоды и хороши собой и уже выпили вина, одна самая задорная так протянула к Волкову руки, так что груди её затряслись:

— Ах, добрый господин, а не вас ли нам велено дожидаться?

— Надоело уже тут сидеть, — добавила другая, — когда вы нас уже позовёте, а то вы всё говорите да говорите.

— Цыц вы, курицы, — из-за плеча Волкова выглядывал Сыч, — велено сидеть ждать, так сидите. Когда надо, тогда и позовём. — И уже говоря кавалеру продолжал, — это гостю нашему.

— Я смотрю ты с запасом взял, не треснет ли гость?

— Это чтобы посиделки эти ему запомнились. Чтобы когда позовём, так сам сюда ехал.

— И во сколько мне это обойдётся? Девки то молодые, видно недешёвые.

— А тут, экселенц лучше не жадничать, этот писарь нам одним письмецом, одной весточкой всё отработать сможет. Так что пусть запомнит, каких ладных девок мы ему приводили.

Волков посмотрел на девок, и вправду ладные, посмотрел на Сыча:

— По лету кантон новую войну начнёт, а может, и по весне, как только дороги станут, у меня каждый талер на счету, ты не транжирь.

И пошёл к двери.

Глава 37

Сели в лодку, поплыли на свой берег к Амбарам. Чего уж там, девок Сыч нашёл хороших, молодые, распутные, красивые. Они вызывали интерес у любого мужчины. И у него вызвали бы… Не будь у него дома трёх вздорных баб. Да ещё каких вздорных, каких норовистых баб. Упрямых баб.

Когда только Брунхильда въехала на телеге во двор, когда только вылезала из неё грузно, со вздохами, увидала карету великолепную.

— Вижу, брат мой, балуете вы жену вашу, — произнесла Брунхильда, — у меня, графини, и то такой кареты нет.

Госпоже Ланге, что была тут же, лучше бы промолчать, так нет, же её, заразу, как распирало:

— Господин сию карету не жене купил.

Брунхильда из телеги вылезла, дух перевела, платье оправила и уже с любопытством интересуется:

— А кому же он её купил?

— Мне, — отвечает Бригитт и улыбается, улыбается подло и с вызовом.

Бригитт словно всё дело к раздору ведёт, к склоке, зачем ей сие — непонятно. Замерла Брунхильда, глядя на Бригитт, так и стоят друг перед другом. Некогда, до беременности, Брунхильда бы в красоте ей не уступила, а сейчас уже не так хороша она. И графиня спрашивает:

— И чем же вы так господину услужили, что он с вами так щедр был?

— Верностью, старательностью в делах и любовью преданной, — сразу, как будто знала вопрос, отвечает госпожа Ланге.

У этой дряни всегда ответ готов, и говорит она это с притворным смирением. И с такой улыбочкой, от которой Волкову так и хочется её по заду хлыстом перетянуть. Но ничего подобного он, конечно, сделать не может, поэтому тоном, не терпящим возражений, говорит:

— Госпожа Ланге, прошу вас, уступите покои свои графине.

Бригитт зло глянула на него, всего на мгновение, и тут же присела в книксене и всё с той же лживой улыбкой отвечала:

— Немедля распоряжусь, мой господин.

И, повернувшись, пошла в дом, а Брунхильда ещё стояла и смотрела на него долгим, тяжёлым взглядом, от которого бывалому воину, не раз смотревшему в лицо смерти, стало не по себе. Только после этого графиня повернулась и пошла в дом,

тяжело переваливаясь из стороны в сторону на ступенях. Кавалер поспешил ей помочь, ступени-то от оттепели мокрые, не дай Бог графиня поскользнётся, взялся поддержать её под руку, но она руку вырвала, сама взошла.

И это было только начало.

Вечером того же дня сели ужинать все вместе. Госпожа Эшбахт, госпожа Ланге, графиня, мать Амелия. Помолились. Ели молча. От бабьего злого норова в зале не продохнуть, сидят все и друг друга ненавидят. А тут заявился без спроса Увалень. Взволнован. Просит дозволения сказать. Чтобы хоть как-то разбавить баб за столом, Волков говорит:

— Александр, прошу к столу.

Увалень, большой любитель поесть, осматривает женщин и мнётся.

— Садитесь же! — настаивает Волков.

— Мария, — кричит на кухню Бригитт, — тарелку и приборы!

Увалень, кажется, нехотя садится. Мнётся, смотрит на женщин.

— Ну, говорите, что случилось, — пока не принесли посуду просил кавалер.

Увалень смотрит на него: «Точно мне говорить?» Даже Элеонора Августа, всегда ко всему безучастная, уже заинтригована.

— Давайте же, Александр.

— В трактире купчишка остановился, — начинает он.

— Вот уж новость, так новость, — с обычной своей изысканной язвительностью замечает госпожа Ланге. — Когда такое было.

А Увалень, взглянув на неё, продолжает:

— Говорит… Говорит, что утром из Мелендорфа выехал.

При слове «Мелендорф» все, кроме монахини, перестали есть.

— И что же там? — спросила Графиня.

— Купчишка сказал. — Александр Гроссшвюлле покосился на Элеонору Августу.

— Да не тяните вы уже, экий вы робкий! — воскликнула Брунхильда чуть разгневанно.

Она здесь чувствовала себя как дома и вела себя, как и подобает графине. Увалень взглянул на неё и выпалил:

— Сказал, что поутру, старый граф, в себя не придя, преставился.

— Ах! — воскликнула Элеонора Августа, поднеся руки к лицу.

— Последний истинно добрый человек в замке был, — сказала Брунхильда. — Братец, велите попа какого-нибудь

позвать, хочу за мужа помолиться сегодня.

— Отчего же помер он? — начала рыдать госпожа Эшбахт.

— Он и так не жилец был, кровью мочился, на спине лежать не мог, так ему помереть своею смертью всё одно не дали, — холодно сказала Брунхильда. Она перекрестилась. — Господи, прими его душу грешную. Он был хороший человек.

— Отчего же он умер? — воскликнула Элеонора Августа.

— От яда, конечно. — радостно сообщила ей графиня.

— От какого ещё яда? — не верила Элеонора Августа.

— От того самого, которым ваша сестра Вильгельмина, собака бешеная, отравила моё вино, которое граф и выпил.

— Лжете вы! — госпожа Эшбахт вскочила. — Лжете и ругаетесь, как женщина подлого рода!

— С моим братом, рода подлого, вы в постель ложиться не гнушаетесь! Вон, брюхо от него нагуляли… Или, может, это у вас от Шоуберга-отравителя? — говорила Брунхильда зло. — Может я рода и подлого, а вы так и вовсе распутная жена.

— Замолчите, замолчите! — воскликнула госпожа Эшбахт.

— Не смейте мне повелевать, и голоса на меня повышать не смейте, я в доме своём, а вы в чужом, хватит! Меня в вашем доме унижали, здесь я этого терпеть не буду, — холодно отвечала Брунхильда.

— А-а! — закричала Элеонора Августа и кинулась к лестнице, побежала наверх в свои покои.

Всё это происходило так быстро, что кавалер и слова не успевал вставить, да и не знал он, какие тут слова надобны. Да, Брунхильда была зла, но она была права в каждом слове своём и имела на эти слова право. Так что и он, и Увалень сидели тихо, присмирев. Монахиня была хмура, а вот Бригитт. Эта женщина так мило улыбалась, что показалось ему, что этот неприятный и злой разговор ей нравился, словно она была рада такому повороту событий.

Когда Элеонора Августа скрылась наверху, Брунхильда, принимаясь за еду, сказала:

— Вы, братец, на похороны её не отпускайте, а то за ней с солдатами в замок идти придётся.

В этих словах её был толк. Хоть и было сие нехорошо, но. Да, он не будет отпускать жену на похороны отца.

— Уж больно вы злы, графиня, — громко и отчётливо сказала мать Амелия.

И тут уж Брунхильда совсем осерчала. Так как монахиня сидела по левую от неё руку, она поднесла свой немалый кулак к её немолодому лицу:

— Взяли тебя в дом для чего? За бабьей требухой смотреть,

так за ней и смотри, а рот свой без дела не раскрывай, иначе получишь, и клянусь, может моя рука и не так тяжела, как у братца, но уж мало тебе не будет. Да простит меня Господь.

Монахиня побелела, встала и пошла прочь из-за стола. А графиня, проводив её долгим взглядом, молвила:

— Коли за стол с собой посадишь, так всякий норовит себя ровней.

И после стала есть. А в зале повис столь дурной дух, что Увалень произнёс негромко:

— Кавалер, лучше я отужинаю со своими друзьями.

Волков ему не ответил, зато Бригитт проговорила негромко:

— Ступайте, Александр, ступайте.

Трус, бросив своего сеньора, позорно ретировался из-за стола, оставив того наедине с двумя злыми и красивыми женщинами.

Знал он, что жена будет бесноваться, и всё равно не пустил её на похороны отца. Брунхильда была права, никто не мог поручиться, что она по своей воле захочет вернуться домой из замка Мелендорф. В общем, отпускать её было никак нельзя. Конечно крики, упрёки и рыдания раздавались в доме всё утро, госпожа Эшбахт ругала мужа Иродом и фараоном. Монахиня пришла к нему, сказала, что нельзя беременной так волноваться, лучше уж отпустить, но на это кавалер тут же послал к жене брата Ипполита с успокоительными травами и отваром ромашки, наказав передать ей, что ежели та не соизволить выпить сие сама, то он придёт и поможет ей сам то выпить.

К завтраку жена, конечно, не вышла. Не было и монахини, они просили еду подавать в покои. И за столом могло быть тихо, но Брунхильда встала не в духе или злилась от того, что её прибор поставили в конец стола, а не рядом с прибором кавалера, и посему сев за стол она стала выговаривать Бригитт, которая сидела как раз рядом с Волковом:

— Я к вам присылала пажа, просить новых простыней, вы что же отказали ему?

— Отказала, — едва не с улыбкой отвечала госпожа Ланге. — Простыни вам стелены недавно, ещё свежи должны быть.

— Уж не экономить ли вы на мне собираетесь?

— Так я на всех экономлю, на то и поставлена господином. А народу в доме нынче много, всем простыни нужны, простыни нынче дороги, лишних у меня нет. Только грязные есть, после стирки в субботу будут чистые, я вам и постелю, — говорила Бригитт голосом ангельским и тоном мирным.

Но этот её голос, её тон и невинный смысл её слов отчего-то злил графиню ещё больше. Видно, в ангельской кротости госпожи

Ланге графиня читала насмешку над собой. Она уставилась на Бригитт зло, поджала губы, и сидела так несколько мгновений, не притрагиваясь к еде. А потом сказала:

— Что же это такое, и в доме мужа моего слуги мной пренебрегали, и в доме брата моего слуги меня не слушаются, из-за простыней рядятся.

Слово «слуги» графиня подчеркнула особенно, чтобы уязвить Бригитт. И та, улыбнулась многообещающе, уже рот открыла чтобы ответить графине, да Волков не дал, врезал ладонью по столу, так что звякнули приборы:

— Госпожа Ланге, извольте выдать графине требуемое.

— Сразу после завтрака распоряжусь постелить, господин мой, — ни мгновения не раздумывая отвечала госпожа Ланге с подчёркнутым почтением.

Казалось, всё решилось, и с раздором покончено. Но так казалось только кавалеру. У женщин ничего так скоро не заканчивается.

— И впредь ставьте ещё один прибор на стол для моего пажа, — повелительным тоном произнесла Брунхильда. — Негоже ему на кухне со слугами есть.

Но Бригитт и ухом не повела, она взяла с блюда колбасу, стала её резать и с удовольствием есть. А слова графини так и повисли в воздухе без ответа.

— Вы слышали, Бригитт? — рявкнул Волков, видя, как Брунхильда от злости пошла пятнами.

— Да, господин мой, к обеду прибор для пажа графини будет, — всё с той же учтивостью отвечала госпожа Ланге.

Брунхильда смотрит на неё с большой неприязнью, но Бригитт совсем её не боится и говорит:

— Господин мой, вы совсем заросли, я вас после завтрака побрею.

Волков даже не знал, что и ответить ей, ведь Бригитт уже не раз бралась сама его брить, но сейчас это прозвучало как-то вызывающе.

Брунхильда, кажется, больше не хотела есть, она встала:

— Пойду прилягу, дурно мне, — сказала графиня холодно, — и не забудьте про мои простыни.

— Нет, конечно, не забуду, — отвечала Бригитт. — Как только господин закончит завтрак, так я распоряжусь насчёт ваших простыней, графиня… — и когда Брунхильда стала уже подниматься по лестнице и была далека от неё, Бригитт добавила с ехидной улыбочкой, — из коровника.

Зато Волков всё слышал, и его передёрнуло от злости, во второй раз за завтрак врезал ладонью по столу, да так что

приборы подпрыгнули, и прошипел, глядя на рыжую красотку:

— Много стали себе позволять.

— Просите меня, мой господин, — без малейшей доли раскаяния отвечала Бригитт.

— Впредь держите свой поганый язык за зубами.

— Ещё этой ночью вам мой язык таким не казался.

— Хватит, Бригитт, — сквозь зубы рычал кавалер.

— Как пожелаете, господин, просто я хочу, чтобы госпожа графиня уяснила для себя, кто в этом доме хозяйка, и больше ничего.

Госпожа Ланге стала из-за стола:

— Мария, горячую воду, мыло, бритву господина и убирай со стола, завтрак закончен.

Она чуть помолчала и, убирая тарелку от Волкова, заметила, как бы между прочим:

— Знаете, господин мой, а паж графини спит с ней в одной постели. Вот я думаю, не навредит ли сие плоду? Надо будет о том справиться у монахини.

Волоков растерянно молчал. А Бригитт улыбнулась, обняла его и поцеловала в висок.

Погода была дурна, ветер уже какой день дул южный, прямо с гор, оттого снова пришли крепкие морозы. Всё, что оттаяло, снова схватилось льдом. Но даже холод и неизбежная боль в ноге не могли удержать его дома. Кавалер чувствовал, что в бабьих распрях либо заболеет, либо умом тронется, он искал чем заняться. Его племянник Бруно Фолькоф и Михель Цеберинг поехали в Лейдениц для последней встречи с торговцами углём из Рюммикона. Нужно было утрясти оставшиеся вопросы и ещё немного побороться за цены, чтобы подсчитать всё и окончательно взвесить перед началом дела. Там они бы и без него справились, племянник был умён, да и компаньон его был не промах, а вот дело с бароном и мёртвым кавалером Рёдлем ему покоя не давало. И тогда велел он разыскать Сыча. Сыч после дела с писарем снова попёр вширь, залоснился, стал доволен собой. Снова приходил деньги клянчить.

В это утро, чтобы не препираться весь день с женой, Брунхильдой, Бригитт или с монахиней, ещё до завтрака велел отыскать Сыча. Тот явился сразу как посуду со стола убрали, сел как обычно без позволения за стол, вонял чесноком на всю залу и ещё пивом.

— Ну, экселенц, чего звали?

— Надо дело с бароном решить.

— А чего с ним решать, помрёт так узнаем, новый барон сразу объявится, с этим не заржавеет. А коли выздоровеет, так

тоже знать будем.

— Он уже давно должен был умереть или выздороветь. Думаю, что там дело нечисто. Не зря его дядя так и не дал мне с ним увидиться.

— Так может, господа промеж себя по-родственному решают, кому новым бароном быть, вот и не хотят, чтобы к ним лезли.

— Может-не может, не хочу больше гадать, — сказал кавалер. — Раз мы в кантоне себе шпиона нашли, значит и в замке барона такого найдём.

— Ну, надо, так надо, — согласился умный Фриц Ламме. — А есть кто на примете в замке, с кем для начала потолковать?

— А тот мужик, про которого ты говорил.

— Это который дрова в замок возил? — вспомнил Сыч.

— Да.

— Нет, экселенц, этот вряд ли. Этого, сдаётся мне, так баронов палач кнутом на конюшне освежевал, что при виде меня он и дух, и разум терять будет. Нужен кто-то другой.

— Кузнец! — вспомнил Волков.

— Кузнец?

— Да, тамошний кузнец, недавно просил моего дозволения кузню в Эшбахт перенести.

— Ух-ты! Вот это дело, за это он у нас за бароном присмотрит, кузнец ведь всех лошадей в округе знает, а раз у него есть желание к вам переехать, так будет стараться.

И тут оба они притихли. Сверху раздался звон, словно поднос с посудой кинули на пол.

— Господи, брат мой, да что ж это такое! — донесся разражённый крик графини. — Ответьте мне, братец, где вы там, найду ли я в вашем доме уважение?

— Чёртовы бабы, опять сцепились! — произнёс кавалер и посмотрел на Сыча. — Беги на конюшню, скажи, чтобы скорее коней седлали и Максимилиана с Увальнем найди, с нами поедут.

Глава 38

Кузнец был удивлён и обрадован и от этого поначалу не находил нужных слов.

— Да, что ты молчишь-то, балда? — ухмылялся Сыч. — Слышал или не слышал, что тебе господин говорит?

Он в шубе, шапке, на коне верхом, хлыст у него в руке, сыт, сам почти господин.

— Слышал, слышал, — соглашается кузнец, — просто сие неожиданно, в прошлый раз господин мне в просьбе отказал.

— Ну так желаешь ты ещё поставить кузню у меня в Эшбахте? — спрашивает кавалер второй раз.

— Желаю, желаю.

— У нас знаешь, сколько лошадей ковать нужно, да сколько возов править, трёх работников в помощь не хватит, будешь богаче господина. Это тебе не здешнее захолустье, где и дорога-то никуда не ведет. Разве что к Фезенклеверам.

— Знаю, слыхал, работы у вас будет много, так у вас и пристань уже строится, — говорит кузнец.

— Уже построилась, — замечает кавалер, — товары на той неделе уже возить начнут.

— Хочу я у вас кузню поставить, господин. Очень хочу.

— Ну раз так… — Сыч склоняется с коня. — Поставишь. Вот только помоги с одним дельцем.

— Конечно, с каким же дельцем?

Волков тоже наклоняется к нему и говорит тихо, так, чтобы, не дай Бог, кто ещё не услыхал:

— Не могу я понять, что там в замке Белль, у барона происходит. Жив барон, не жив — не ясно. Как ни приеду, мне ворота не открывают, дядя барона с башни кричит, что барон при смерти, а с врачом поговорить не даёт. Да есть ли там врач, непонятно. У тебя-то в замке хорошие знакомцы должны быть. Понимаешь?

— Да нет у меня там хороших знакомцев, — отвечает кузнец, явно разочарованный таким делом. — Барон меня ценит, но вы же знаете, что он болен. А так я лишь с господами рыцарями его знаком, да с этим сквалыгой, конюхом барона.

Волков готов был уже в деле, да и в кузнеце разочароваться, но Фриц Ламме, словно старый пёс, сразу сделал стойку:

— Сквалыга, говоришь?

— Мелкий человек, — кузнец сплюнул, — мелочности полон, ко всякой пустяковине вечно цепляется, да и скупости неистощимой, одно слово сквалыга. И сдаётся мне, он не для

господского кошелька старается.

— Вижу любишь ты его, — смеётся Сыч.

Кузнец только плюётся опять.

— Часто видишь его? — спрашивает Волков.

— Да почитай каждую неделю, то лошадь ковать приезжает, то телегу чинить, то ещё что…

Сыч молча протягивает кавалеру руку. Волков молча лезет в кошель и кладёт на руку Сыча два талера. Сыч забирает деньги и тут же один талер протягивает кузнецу:

— Конюх придёт, дашь ему. — И тут же повышая голос: — Да ты дядя не морщись, не морщись, я тебя с ним не в перины укладываю, коль хочешь кузню в Эшбахте, так слушай, что тебе говорят. Понял?

— Понял, — кивает кузнец.

— Ну, вот сразу дашь ему талер и скажешь, что есть купец-коннозаводчик, хочет кое- что из баронских конюшен прикупить и желает сильно с конюхом познакомиться. А талер конюху в приз передаёт. Понял?

— Понял.

— Просто так талер дашь ему ни за что. Мол от купца приз хорошему человеку, только чтобы встретиться согласился, скажешь, что ещё ему серебришко будет. Только чтобы в Эшбахт приехал. Говори, что зовут коннозаводчика Фридрих Ламме, что живёт в трактире в Эшбахте, конями хорошими очень интересуется. Понял?

— Ага, коннозаводчик Фридрих Ламме. А поедет ли? — сомневался кузнец.

— Так ты ж только что сказал, что он сквалыга, который за свой карман стараться рад.

— Ну мало ли.

— Уговори его, как можешь, уговоришь, так поставишь кузню, где захочешь, хоть в Эшбахте, хоть у пристани, всё за двадцать талеров в год, — сказал кавалер.

— За двадцать? — переспросил кузнец.

Волков кивнул.

— Раз так, придётся постараться.

В этот вечер Элеонора Августа первый раз за три дня спустилась к столу ужинать. Волков почти не ел, так и сидел, ждал, когда начнётся склока и выяснения чей дом лучше и чья семья благороднее. Но жена была молчалива и тиха, Брунхильда тоже была на удивление миролюбива, а Бригитт, как всегда, была прекрасна и улыбалась уголками рта, во всякую секунду готова была начать свару с любой из женщин, да ей повода никто не давал. Оттого она даже, кажется, ёрзала в нетерпении, всё так же

обаятельно улыбаясь.

Но ничего у неё не вышло, монахиня прочитала молитву, и все принялись есть, а между делом графиня поинтересовалась у Элеоноры Августы, как протекает её беременность.

— Ничего, спасибо, если бы не дурнота частая, то всё бы и ничего. — отвечала госпожа Эшбахт.

— То пройдёт со временем, — вежливо сказала Брунхильда.

Но больше женщины почти не общались за столом, ели молча, а когда ужин был закончен, беременные разошлись по своим покоям. Слуги убирали остатки еды и посуду, а Бригитт встала рядом с Волковым и спросила, ничуть не смущаясь монахини, которая всё ещё также была тут:

— Не желает ли господин лечь?

— Чуть позже, — отвечал кавалер довольно холодно, может он и хотел, но ему не понравилась такая публичность. К чему об этом говорить при матери Амелии. — Ступайте.

Но Бригитт его холодность ничуть не отпугнула, она быстро наклонилась, поцеловала его руку и сказала:

— Буду ждать вас, мой господин.

Волков от этого только разозлился сильнее и ничего не ответил, лишь покосился на монахиню, но та на удивление была благодушна и говорила спокойно:

— Неймётся этой рыжей.

Волков насторожённо молчал, не зная толком, осуждает ли монахиня Бригитт или нет. А монахиня продолжала:

— Всегда так, всю жизнь это вижу, коли вокруг необременённой бабы есть беременные, так она будет лишь о том думать, как бременем обзавестись. Видно, вам и спать не даёт спокойно.

Это была чистая правда, с тех пор как в доме появилась Брунхильда, так кажется, ни одной ночи не было, чтобы Бригитт к нему не ластилась. И дело было не в узкой кровати, на которой они теперь спали из-за того, что им пришлось освободить покои для графини, дело было, оказывается, в том, что Бригитт хотела завести себе брюхо. Кавалера это озадачило, вот уж не думал он о ней так. Впрочем, пусть. Лишь бы не донимала его. А пока он думал, мать Амелия говорила дальше:

— Графиню вашу сегодня смотрела.

— Да? — оживился кавалер. — Ну и как она, здорова ли?

— Порода ваша, кобылица, одно слово, — монахиня махнула рукой. — На ней пахать можно, даже на беременной. И плод бодр, здоров, ретив, — она сделала паузу и сказала уверенно. — Племянник у вас будет, господин.

У Волкова рука дрогнула, что держала бокал с вином. Он

взглянул на неё почти зло:

— Откуда знаешь, старуха?

— Да уж знаю, я мальчишек по пузу мамаш и по бойкости узнаю, давно не ошибаюсь. — Она помолчала. — Неделя, может две, и будет у вас племянник. Да нет, двух не проносит, неделя или полторы.

Вот теперь руки у него дрожали обе, а он делал всё, чтобы ту дрожь монахиня не увидела.

— Что? — спрашивает монахиня, пристально глядя на него. — Уже и глаза у вас, господин, заблестели, уже думаете, как новую войну за его наследство устроить?

— То не твоё дело, старуха, — грубо ответил он.

Грубость эта была от того, что старая монахиня видела, как он волнуется, ещё могла подумать что-то.

— Не моё, а я всё одно скажу: живёте как ворон, войнами и распрями как кровью питаетесь, не двор у вас, а лагерь военный, не друзья и придворные, а рыцари да офицеры, не мужики на полях, а солдаты одни.

— Дура, я и сам солдат, как же мне по-другому жить, когда война ремесло моё, — говорит кавалер на удивление спокойно. — Так что уж молчи.

— Что ж, и помолчу, а вы идите к рыжей своей распутнице, уже истомилась там, вас дожидаясь. Уж детей хоть нарожайте, а то сгинете в какой-нибудь своей войне, у вас они не переводятся, так хоть детишки на свете останутся.

Волков встал, говорить с монахиней ему не хотелось, а хотел он увидеть Брунхильду. Пошёл наверх. Брунхильде были отданы покои Бригитт. Он открыл дверь по-хозяйски, без стука. Первым, что бросилось ему в глаза, был валяющийся на кровати госпожи паж графини. Юный Теодор Бренхофер развалился на перинах и подушках, в нижней рубахе, в распоясанных панталонах, в спущенных чулках. Он испугался, увидав кавалера, но с кровати слезть у него ума не хватило. Да, Бригитт была права, сопляк воспринимал кровать графини не иначе, как свою. А сама Брунхильда завалила комнату своей одеждой. Как раз к вечеру из Мелендорфа пригнали её карету и привезли сундуки с её вещами. Сундуки были открыты, она доставала оттуда платья и, чуть посмотрев на них, кидала их на пол в раздражении:

— Ах, на что я его теперь натяну. А сие вовсе одежа для прислуги. А в этом мне куда?.. Как хорошо, братец, что вы пришли. Гардероба-то у меня вовсе нет…

— Выйди, — грубо сказал Волков пажу.

Мальчишка босой и чуть не бегом кинулся из комнаты.

— Чего вы на него? — удивилась графиня. — Зря вы так, он у

меня добрее котёнка.

— А не из тех ли он котов, что к хозяевам в постели лезут?

— Да хоть и из тех, — с вызовом произнесла графиня. — Всяк он лучше, чем рыжие драные кошки, приблудные, что в хозяев своих впиявились, да так закогтились, что аж кровь из — под ногтей. — Брунхильда смеётся с возмущением. — Аж подойти к ним страшно, сразу шипят, шерсть дыбом, того и гляди в драку кинутся.

Но Волкову не охота препираться, он подходит к ней, проводит по щеке рукой, обнимает:

— Монашка сказала, что уже через неделю ты можешь родить.

— Дело бабье нехитрое, немножко молитвы пошепчу, немножко покричу, да и рожу благополучно, коли Богоматерь заступится, — смиренно говорила Брунхильда.

Совсем, совсем другой была когда-то, он ещё помнил ту девочку, что понравилась ему в грязном трактире в забытом захолустье. А теперь — графиня.

Он опять провел рукой по её щеке, стал трогать живот:

— Старуха говорит — будет сын.

— Молюсь, чтобы так и было.

Он не удержался и поцеловал её в губы. Обнял опять, прижал крепко. Он думал, что заберёт у графа поместье Грюнефельде, если понадобится — заберёт силой.

— Как дело с горцами закончу, так у графа поместье для тебя и сына заберу.

— Да уж, постарайтесь, жить тут с вашей женой и вашей рыжей распутницей я не в силах, так и сдерживаюсь, молюсь целыми днями, чтобы какой-нибудь из этих дряней морду не расцарапать.

Это, кстати, тоже была причина найти графине дом. Ему и двух вздорных баб под одной крышей хватало.

А Бригитт и вправду его ждала, сидела в кровати, руки на груди сложила, губки поджаты, смотрит зло, видно заждалась, и даже обувь с его ног срывала зло, когда помогала ему раздеваться.

Утром после завтрака был у него Бруно Фолькоф с дружком своим Михелем Цеберингом. И был мальчишка рад, и весть принёс радостную. Вместе с полным кошелём денег.

— Вчера, после разговора с главами гильдий, что готовы у нас уголь покупать, решил я зайти в дом господина Кёршнера поклониться родственнику, проведать сестру. А господин Кёршнер меня звал к ужину и был очень со мной ласков. А я ему всё и рассказал про наше дело.

Волков смотрит на юношу неодобрительно, он не думает, что раскрывать секреты дела богатому купцу было умно, но не перебивает.

— А он мне и говорит. Вы, друг мой, не торопитесь, во-первых, не берите у горцев товары, дерево и уголь, под продажу, а сразу купите их по оптовой цене, вот вам уже прибыль. А я говорю, хорошо кабы так, да ведь денег у меня нет, и у дяди нет, вот и берём в долг, на реализацию. Представляете дядя, господин Кёршнер и говорит: а я вам дам, сколько вам там надо, три тысячи талеров на дело? Дам вам сто шесть золотых дукатов, как раз и будет три тысячи серебра. Дам по-родственному, за один процент с оборота. Представляете, дядя! Если у углеторговцев брать уголь по цене предоплаты, так мы сразу семь крейцеров с корзины выигрываем. Я сразу согласился.

Да, это дело было выгодным. Но всё равно кавалер не торопиться оборвать самоуправство мальчишки. А тот всё так же радостно продолжает:

— И это ещё не всё, после господин Кёршнер говорит: и как купите товар, как привезёте, так сразу ни оружейникам, ни литейщикам свинец и уголь не везите, оптом не отдавайте. Они опту рады, много экономят, а вы много теряете. Я говорю: так у нас есть договорённости, А он: мало ли как бывает, делайте так, как вам выгодно, везите лучше товар мне на склад, найдите приказчика хорошего, возницу с телегой и торгуйте в розницу, зима на дворе, уголь по пятьдесят крейцеров за корзину до самого конца марта будет, ну а тем, кому вы обещали, так отвезите чуть подешевле. Вот и всё. А за склады я вас тоже многого не возьму, как-никак родственники. Дядя, раньше мы на каждой корзине восемь крейцеров чистыми имели, а если делать так, как господин Кёршнер говорит, так все семнадцать будем. Семнадцать на трёх тысячах корзин!

Ах, как это было бы хорошо, ах как это было бы славно! Две-три таких сделки, и он мог покрыть бы всю следующую военную компанию. А она уже не за горами. Старый воин покосился на большой кошель, указал на него пальцем:

— Тут сто шесть дукатов?

— Да, дядя, я пересчитал.

— Делайте, как говорит родственник, — наконец произносит Волов.

— Но я хотел узнать ваше мнение, думаю я, — сомневался юноша, — что купцы и люди из гильдий могут обидеться, что мы поменяли условия сделки.

— Обязательно обидятся и будут злы. Купцы всегда злятся, когда теряют прибыли, но мне плевать, мне нужны деньги на

войну, Бруно, слышите, мне нужны деньги на войну. Добудьте мне эти деньги, дорогой племянник, у меня много-много войн впереди. А с купцами я разберусь, если они будут слишком сильно обижаться.

Мальчик опасливо смотрел на своего сурового дядю. Он ни секунды не сомневался, что дядя разберётся и с купцами, и со всеми другим людьми, если потребуется.

— Начинайте дело, друг мой, — произнёс кавалер, заканчивая разговор. — Начинайте, пока дороги от весеннего солнца не развезло.

Бруно Фолькоф встал, забрал кошель со стола, поклонился и пошёл к выходу.

А Волков отметил, что теперь юноша не выглядел мужиком или бродягой, раскошелился мальчишка на приличную одежду. Как и велел дядя.

Глава 39

Как и думали они с Бруно, новые условия покупки угля, да и леса вызвали у продавцов в Рюммиконе неудовольствие, но зима шла на убыль, купчишки понимали, что ещё месяц, и цены станут падать, поэтому и согласились на условия Бруно и взяли от него полную предоплату. Сделка была оформлена в Лейденице, там и заверена в палате Первой торговой гильдии. Новоиспечённый шпион, а по совместительству купец и владелец барж Гевельдас стал быстро возить уголь из Рюммикона в Амбары, успевая за день сделать ходку. Там его на пристани встречали Бруно Фолькоф и Михель Цеберинг с десятком, а то и дюжиной подвод по два мерина в каждой. Тут же уголь грузили в подводы, и со всей возможной расторопною отправляли в город Мален. Вернее, в предместья Малена, на обширные склады купца Кёршнера, откуда и развозился по городу ушлыми возницами. Продавался он не так скоро, как хотелось бы, но зато по цене намного, намного большей чем ожидалось.

Волков почти каждый день ездил к Амбарам встречать баржи. Не то чтобы ему это было нужно, там и без него прекрасно справлялись, просто ему было невозможно находиться дома. Брунхильда хоть и была на удивление спокойна и даже сонлива в последние дни, но Бригитт, кажется, не хотела никому давать покоя. То и дело отпускала колкости то одной, то другой беременной. На пустом месте, находя повод, чтобы упрекнуть. И на просьбы Волкова прекратить злить беременных баб, отвечала: конечно, господин, как пожелаете. И тут же, через минуту, начинала новую свару, прицепившись к испачканной скатерти, даже монахиня её не могла утихомирить. Она только сказала тяжко вздыхающему Волкову как-то после завтрака:

— Уж сотворите ей чадо, а не то так и будет на всех кидаться, как собака. Не остановится.

Как-то в простой день он и Увалень сбежали из дома после завтрака и были у Амбаров. Кавалер говорил с Бруно о делах. О деньгах, о телегах, о дорогах и на свежем ветру от реки продрог.

А домой ехать ему не хотелось, а захотелось посидеть в кабаке. Он редко там бывал, хотя со слов офицеров кабак был чист сам, и посуда в нём была чиста и повара были неплохи. И вот как он подъехал к трактиру, так с удивлением отметил, что всё вокруг заставлено возками да телегами. Он и не знал, что его захолустье так популярно. Он, конечно, видел много разного неместного люда в последнее время в своей земле, но не знал, что его тут так много. А среди всех купеческих телег, повозок и

бричек выделялась размерам большая обозная телега с полотняным верхом и с еще невыпряженными из неё меринами. Не его телега. Не его мерины. Добрые люди? У него здесь? Откуда? Чего ищут?

Волков вошёл в переполненный так, что столов свободных не было, и это днём, кабак. Кабатчик сразу кинулся к нему:

— Николай Угодник, гость-то к нам какой пожаловал! Господин, я сейчас стол вам найду.

— Погоди, — остановил его кавалер, оглядывая кабак, — там солдатский воз стоит, где хозяева?

— А так вон они, — указал кабатчик, — пять солдат и корпорал с ними.

Так и было, за одним столом были добрые люди, таких и в простом платье сразу узнаешь, тем более, что помимо простого платья все были в стёганках или бригантинах и все при железе.

Волков с Увальнем, а за ними и трактирщик, пошли к солдатам, и, подойдя, Волков спросил без грубости:

— Я господин Эшбахта, а вы, братья-солдаты, кто такие и что тут делаете?

— Корпорал Хёйнц и мои люди, — сразу встал и ответил старший, — мы из Ланна.

— Рад видеть людей из Ланна, так зачем приехали?

— Нас нанял в охрану купец Коэн, чтобы мы его самого и его товары сюда довезли в сохранности.

— Купец Коэн, купец Коэн, — в задумчивости повторял кавалер. — Не жид ли это из Ланна, которого кличут Наумом?

— Именно господин, и ехал он к вам.

— А что за товар вёз?

— Нам о том не говорили, с ним ещё люди были, но верхом. Они все к вам на двор поехали, нам велели тут ждать, но покоев пока не снимать. Может сегодня и обратно поедем, — говорил корпорал Хёйнц.

— Господин, я вам стол освободил, — напомнил о себе трактирщик.

— После, — задумчиво отвечал кавалер и пошёл к выходу на ходу размышляя, зачем он понадобился ловкому старому жиду. Неужто из-за имперского векселя, что всё ещё лежал у кавалера в сундуке?

Во дворе его дома была карета и осёдланные чужие лошади с чужими людьми. Карета эта некогда была просто роскошной, но теперь была стара, хотя ещё крепка.

Волков бросил поводья Увальню, а сам прошёл домой.

За его столом сидел он, тот самый неприятный жид, которого он знал по Ланну. Рядом с ним сидела Бригитт на правах

принимающей хозяйки, перед гостем стоял дорогой бокал.

— А вот и он, наш герой, — сказал Наум Коэн, увидав входящего кавалера, — всё ещё бодр и крепок. Рад вас видеть кавалер, слава о вас доходит, доходит до нас в Ланне.

— Не могу сказать, что рад видеть тебя, жид, — произнёс Волков, скидывая шубу девке- служанке и стягивая перчатки, — в доме рыцаря Божьего не радуются семени Моисееву. Но раз уж пришёл… Коли голоден ты, испытываешь жажду, напою и накормлю, коли у тебя нет денег на кров, велю трактирщику принять тебя бесплатно. Свою крышу тебе не предоставлю.

— Нет-нет, друг мой, нет, я не голоден, а это ангельское существо, — Наум Коэн поклонился Бригитт, — утолило мою жажду.

— Садись, — сказал кавалер сам усаживаясь в своё кресло, — думаю, ты не просто так ехал ко мне три дня, у тебя есть ко мне дело.

Бригитт подошла, подложила ему под локоть подушку и маленький пуфик поставила под больную ногу.

— Ангел, сущий, ангел, — произнёс гость, медленно садясь на своё место, — где вы только находите таких, кавалер. Помню прошлого вашего ангела, ту, что была белокура.

Он и раньше был стар, а тут, кажется, первые прикосновения дряхлости в лике его уже отпечатывались.

— С ней всё в порядке, — сухо отвели Волков, — по какому делу ты приехал, жид?

Вместо ответа Наум Коэн поднял два пальца вверх. Один из трёх человек, сидевших на лавке у стены, там, где обычно сидели Увалень или Максимилиан, встал. Это был великан, он взял огромный мешок, что стоял у его ног и, молча подойдя к столу, положил перед Волковым мешок. В мешке явно звенели деньги. И было их, судя по мешку, очень, очень много, так как даже для такого великана, мешок не был лёгок.

— Так звенит не серебро, — заметил кавалер.

— Это золото, друг мой, золото.

— Ты приехал похвастаться своим богатством, жид?

— Нет, это всё вам, — Наум Коэн не улыбался, он был абсолютно серьёзен.

Волков молчал.

«Тысяча монет? Не меньше, даже у этого здоровяка рука тряслась, когда он держал мешок. А что же нужно жиду? Вексель? Так он стоит в тридцать раз дешевле. Что же нужно этому строму хитрецу?»

— Наверное гадаете, что мне от вас нужно, друг мой? — всё так же серьёзно спрашивал гость.

— Да уж хотелось бы узнать. В твоих летах по три дня скакать по зимним дорогам, таская с собой столько золота, от праздности не будешь. Видно, нужда тебя привела крепкая.

— Нужда, нужда, — соглашался Коэн, — верно говорите, верно.

— Ну так говори, что за нужда, и покончим с делом.

— Девять купеческих гильдий, гильдия Ланна, гильдия Фринланда, гильдия Фёренбурга, гильдия Вильбурга, — медленно перечислял гость.

— Ясно-ясно, девять гильдий, и что?.. — перебил его кавалер. — Что им нужно от меня?

— Да-да, вот… Значить девять гильдий собрали деньги, чтобы нанять войска и разбить мужицкую армию, что разбойничает между рек Эрзе и Линау, остановив всю торговлю юга с севером в этом месте.

— А может Богобоязненному югу и нет нужды торговать с Богопротивным севером, гнездилищем еретиков, — заметил кавалер.

— Торговые гильдии Богобоязненного юга, так не считают, — засмеялся гость, — всем им нужно девать куда-то своё зерно и хмель, и кожу, и медь, и свинец и многое что другое, а в ответ получать кружева, ткани, краски и, главное, серебро. Да, друг мой, мы не можем жить без их серебра, так же как он не могут жить без нашего хлеба. Поэтому нужно разогнать мужиков, что ошиваются около рек и грабят все проплывающие по ним баржи.

Волков уже знал, что скажет на всё это. И не потому, что не хотел и уж точно не потому, что ему не нужны были деньги, он отвечал так исходя из логики, из умения торговаться:

— Нет, жид, я не возьмусь за это дело. И не потому, что не хочу помочь гильдиям, и деньги мне нужны, но у меня идёт своя война. А вы можете найти других хороших командиров. Денег тут предостаточно, я вижу, что любой согласится.

Наум Коэн понимающе кивал на каждой фразе кавалера. Этот человек, который торговался всю свою жизнь, правила торга знал ещё лучше, чем Волков, он всё видел и со всем соглашался. Но кавалер понимал, что за этим его согласием последуют, обязательно последуют, другие аргументы. И как только кавалер закончил, старик начал:

— Мы так и решили, вы будете не один, у вас будет командир, командир известный, и войско будет большое. Это, — купец указал на мешок с деньгами, всего-навсего четверть выделенных средств.

— Четверть? — удивился кавалер.

— Четверть, четверть, — говорил Коэн, — мы очень, очень

долго их недооценивали, два года уже идёт с ними война, уже сколько рыцарей и воинов сложили головы в ней бесславно. Ральф фон Бледен из Нойнсбурга и Готфрид Фредериксон, Иоганн и Хельмут Рубберхёрты из Ланна и многие, многие другие.

«Неубедительно. Почему вам нужен я? Неужели потому, что я дважды победил

горцев?»

— Жаль, что эти славные воины полегли бесславно в войне с мужиками, но я думаю, что помимо меня у вас много хороших командиров на памяти, а у меня своя война.

— Хороших много, много, — опять соглашался купец, — но всё дело в том, что нам нужен такой как вы.

«Какой такой?»

Волков молчит, ожидая пояснения.

— Ангел мой, — говорит гость, обращаясь к Бригитт. — Будьте любезны, ещё мне горячего вина с мёдом и корицей.

— Сейчас, — говорит Бригитт и уходит быстро на кухню.

«Ах, дрянь такая, стояла за креслом и слушала мужские разговоры?»

И пока её нет, старик продолжает:

— Дело в том, что нам нужен рыцарь Божий, такой как вы, что всякое уже повидал, и ведьм, и мертвецов живых.

«Ах, вот оно, что. Вот кто вам нужен?»

— Дело в том, что командиры этого взбесившегося мужичья, это… Они люди не совсем простые, — говорит Наум Коэн значительно тише. — Один из них — рыцарь Эйнц фон Эрлихенген. Он лыс и у него рыжая борода.

«Уж большие редкости среди рыцарей и воинов лысина и рыжая борода».

— А ещё у него чёрная рука.

— Чёрная рука? — переспросил кавалер.

— Да, черная рука из калёного железа, что двигается и шевелится не хуже всякой живой.

— Никак за колдуна его держите?

— Держим, друг мой, держим, а как нам его не держать за колдуна, если он за два года одиннадцать отрядов со славными командирами, посланных на него, разгромил, как не держать его за колдуна, если он и Боголюбивых рыцарей бьёт и знаменитых полководцев- еретиков тоже бьёт. Иные уже и не хотят на него идти, так и говорят, что тут дело нечисто.

— А ещё что говорят? — уже серьёзно спрашивает кавалер.

— Что жена у него ведьма, может ему всегда победу наколдовать.

— Угу, — сказал кавалер, чуть подумав, — ну вот теперь-то точно нет. Хватит с меня дьявольщины и чертовщины, буду воевать с горцами, с ними мне как-то спокойнее.

— Я это знал, я это знал, — спокойно говорит Наум Кантор и снова поднимает руку и снова показывает два пальца.

Теперь с лавки встаёт другой человек, он подходит к купцу и протягивает тому шкатулку чёрного дерева. Коэн ставит шкатулку на стол, открывает её и достаёт оттуда свиток великолепного качества. Сразу, сразу Волкову в глаза бросились великолепная печать и широкая лента, что были на свитке. И ошибиться он не мог, на свитке висела печать с орлом, а лента была чёрно-жёлтой.

И орёл, и цвета говорили о том, что послание это от самого императора. Наум Коэн встал, сделал к кавалеру шаг и с поклоном протянул свиток ему:

— Это вам от самого императора.

— Мне? — не поверил кавалер.

— Вам, вам, — серьёзно говорил купец, усаживаясь на своё место.

Одно ощущение этого свитка в руке, его гладкость и вид внушали благоговение. Волков медленно развернул его и тут же почувствовал, как кто-то заглядывает к нему через плечо.

Конечно, это была вездесущая Бригитт.

— Марш отсюда! — сурово и тихо прошипел на неё кавалер и когда она, обиженно поджав губы, отошла, стал читать, что было написано в свитке.

«Милостью Его Императорского Величества утвердить, избранного и достойного того кавалера Иеронима Фолькоф фон Эшбахт в чине оберста (полковника) имперского войска не на казённом содержании.

Отныне кавалер фон Эшбахт имеет право именовать себя оберстом во всех реляциях и просить аудиенцию у Императора.

Отныне полковник кавалер фон Эшбахт имеет право собирать войска во всех доменах Его Императорского Величества и во всех землях честных имперских подданых.

Отныне он имеет право при любом деле и на любом поле, при любых других флагах и даже при флаге Императора стоять под своим флагом, и всем войскам, что ему подчинены дать свой флаг.

Отныне полковник кавалер фон Эшбахт при любом деле имеет права требовать себе места и голоса на любом военном совете, даже в присутствии его Императорского Величества.

Сим утверждаю: Георг III Император. Число. Подпись».

Волков дочитал, свернул свиток, положил его перед собой.

— Что ж тут сказать, — произнёс он, — умеешь ты, жид, умеешь тронуть душу, найти нужные ключи. — Кавалер усмехнулся. — Во сколько же тебе обошелся полковничий патент на моё имя?

— Уж поверьте, друг мой, недёшево, — первый раз за всё время купец не был благодушен. Он вздохнул, постучал ладонью по мешку с деньгами. — Здесь тысяча шестисот восемьдесят гульденов. Вам нужно собрать на эти деньги тысяча двести солдат на своё усмотрение, сто всадников, и триста сапёров с инструментом. Нанять их надобно на полгода. До конца компании.

Волков не был бы самим собой, если бы сразу не начал считать:

«В мешке тысяч пятьдесят серебром, солдатам с третьего ряда и дальше по три талера, первые два ряда доппельзолдеры, человек сто или даже двести, пусть пять монет каждому, стрелкам и арбалетчикам по три талера на человека, кавалеристам десять, да нет же, возьмём хороших, пятнадцать монет на человека, телеги, шестьдесят штук, двадцать у меня уже есть, кони, сто пятьдесят голов, сорок у меня уже есть, офицеры, сапёры, барабанщики, врачи, повара».

Даже делая большие округления, даже беря цены по максимуму, у него в кармане оставалось… Триста-четыреста гульденов чистой прибыли?

Весьма недурные деньги. Весьма. И ещё патент полковника. Да, он был им очень, очень нужен. И значит:

— Нет, жид, и рад бы, и всё ты сделал правильно, и патент полковничий меня очень прельщает, но я уже веду войну, понимаешь. Как? Как я брошу свой удел? Уеду и уже в мае здесь будут горцы, они устроят здесь мне полную пустыню.

Тут уже купец побледнел, затряс бородёнкой, не ожидал он видно такого и, срываясь на петушиный крик, заговорил резко:

— Да, разуй ты глаза рыцарь! Ты живёшь в пустыне, придут горцы, так они разве что поплачут над твоей нищетой, лачугу твою сожгут, пристань с сараями на берегу? Так то гроши всё стоит, тебе же больше предлагают. Многократно больше, а справишься так, ещё и добычи возьмёшь хорошей, мужики-то грабили два года. А не справишься, у тебя золота вдоволь останется, чтобы всё тут отстроить заново.

«Ишь ты как закукарекал, видно я и вправду вам нужен, купчишки».

— Нет, сказал, не брошу свой удел во время войны, замирюсь с горцами, так дам знать.

«Хотя у меня уже и так есть дела, на то время, когда с

горцами покончу или они со мной».

А купец тут и успокоился, вздохнул, отхлебнул вина, по-старчески пожевал губами и сказал в задумчивости:

— Дам ещё сто шестьдесят эгемских крон, это мои личные деньги, больше уже ничего не будет: нет — так нет.

«Вот видно мы и дошли до предела».

Он ничего не сказал, а лишь показал жестом купцу: ну, доставай свои эгемские кроны, будем считать. Всё будем считать.

* * *

Следующая глава в этой книге последняя. Больше книг в телеграм-канале «Цокольный этаж»: https://t.me/groundfloor. Ищущий да обрящет!

Глава 40

Наум Коэн выложил большой кошель перед ним, и Волков взялся считать аккуратные монеты, отчеканенные в восточном королевстве. Всё было верно, монет было сто шестьдесят. Тогда он снова собрал их в кошель и велел слугам принести сверху его заветный сундук. Как это было сделано, он стал считать гульдены из огромного мешка. Патент, конечно, вещь удивительная, и мысль о том, что он теперь имперский полковник весьма будоражила кровь, но золото… Золото — это отдельное удовольствие. Того золота, что у него должно было остаться после похода, с лихвой хватило бы на несколько лет жизни. И чёрт с ним с этим его домом, с часовней в честь убиенного монаха, с недостроенной церковью и с причалами у Амбаров, пусть горцы придут и всё это сожгут, пока его не будет. Возможно, что так даже будет лучше, может они сочтут себя отомщёнными и можно будет с ними завести речь о мире. А потом он уже всё отстроит по новой, будет ещё лучше.

И так радостно было у него на душе от позвякивания денег и полковничьего патента, что совсем он позабыл про гостя, хоть тот сидел в двух шагах от него. А гость про себя и напомнил:

— Через две недели вам надобно быть на совете у генерала в Нойнсбурге. И желательно быть там с первыми офицерами, генерал человек суровый и требовательный, он хочет видеть своих подчинённых и дать им указания.

— Сие разумно, — бросил Волков небрежно продолжая считать деньги, и тут он вспомнил, что надо бы наконец узнать, кто его командир, и он спросил, не отрываясь от золота, — а кто же будет командовать кампанией?

А купчишка ему и говорит:

— Маршал ваш человек опытный и славный, вы о нём скорее всего слышали, зовут его фон Бок.

Волков так и замер с полной пригоршней золота в руке и уставился на гостя.

— Вы с ним что, знакомы? — догадался купец.

— Знакомы? — кавалер скривился. — Имел несчастье служить под его началом.

— Он очень опытный командир, — сразу сказал Коэн.

— Он очень опытный мерзавец, — ответил Волков. — Который неоднократно оставлял солдат без жалования. Ландскнехты так и вовсе с ним не хотели иметь дела, он всё время утаивал деньги, что причитались солдатам, и делил добычу так, что в его войске как-то вспыхнуло восстание.

— Откуда вам это известно?

— Я там был.

— Надеюсь он вас не помнит, — начал волноваться Коэн.

— Нет, не помнит, я тогда был простым солдатом, мне тогда ещё и двадцати было.

Волков был чуть зол на себя: ну как можно быть таким олухом, чтобы не спросить имя своего офицера, имя командира кампании. Да это то, что надо узнавать в первую очередь. Спроси он у купчишки сразу… Да нет, конечно, он не отказался бы от дела, но стряс бы с жида ещё сотню золотых. Да, давно он не нанимался в войско. Он снова стал считать монеты:

— Через две недели я и мои офицеры будут в Нойнсбурге.

Когда деньги были посчитаны, Наум Коэн подал ему бумагу на подпись. То была расписка в получении.

— Вы, кажется, обещали, что для меня будет в вашем трактире номер бесплатно? — напомнил ему купец. — Если так, то воспользуюсь вашим гостеприимством, переночую сегодня тут.

— Для вас бесплатно, — сказал кавалер, удивляясь памяти старика, — но за своих людей будете платить. — И тут Волков усмехнулся. — И имейте в виду, там едят свиную колбасу.

— Что делать, в этой земле везде едят свиную колбасу, — отвечал Наум Коэн, тяжело вставая со стула.

Его сундук никогда не видал столько золота, к тем тысяче с лишним монет, что у него были, добавилось ещё более тысячи восьмисот. А там ещё шар хрустальный, да мелочи всякие драгоценные, да сам сундук весил немало. В общем слуги, двое крепких мужиков, едва смогли втащить его наверх по лестнице. А вот шкатулку с патентом он прятать не стал. Ему она сегодня была нужна:

— Эй, Максимилиан, всех офицеров ко мне на ужин, но без жён, господа из выезда тоже пусть будут. Бригитт, сегодня пусть будет у меня праздничный ужин, я жду гостей.

— Неужто вы пойдёте на новую войну? — поджав губы отвечала госпожа Ланге.

— Так как же мне не пойти, коли столько мне платят, — Волков был в прекрасном расположении духа и даже смеялся. — Полтысячи гульденов, за одну компанию.

— Никто не будет платить столько денег за пустяшное дело, — резонно заметила красавица. — Уж и не знали, как вас заманить, даже чин вам заранее приготовили.

— Вы подслушивали? — воскликнул Волков, весело ловя её за руку.

— Слышала, — сказала Бритт строго.

— Ах, не дуйтесь, милая госпожа Ланге, я куплю вам самое

лучшее платье, что только сыщите.

— Обойдусь, — всё так же строго сказала она.

— Отчего же вы так злы, нам нужно радоваться и пить вино. У нас много денег.

— Сердце неспокойно, уж слишком много войн у вас.

— У меня всю жизнь так, всю жизнь много войн, я уже привык, — Волков тоже стал серьёзен, — а что говорит ваше сердце, вернусь я с этой войны?

Она посмотрела на него рассерженно и сказала:

— Конечно вернётесь, что за глупости вы говорите, но будет вам там совсем нелегко.

— Нелегко? Это пустое, — он снова стал весел. — Я уже и не помню, когда мне было легко.

Господа офицеры смотрели на императорский патент с истинным благоговением.

— Сколько же такой может стоить? — интересовался Бертье.

— Даже представить не могу, — признавался Карл Брюнхвальд.

— Десять тысяч! — выпалил Роха.

— Да не смешите! — не верил Гаэтан Бертье. — Будь он стоимостью в десять тысяч, полковников было бы как собак не резаных. Десять тысяч всякий купчишка может выкинуть на свадьбу сынка. Двадцать, не меньше!

— Не меньше, — подтверждал Арчибальдус Рене. Кажется, на правах родственника Волкова он испытывал за него гордость. — Мы можем только порадоваться за вас, кавалер, вы достойны сего звания.

— Я и за вас, господа, готов порадоваться, — сказал кавалер, — потому как этот патент мне дарован с той целью, чтобы собрал я войско в полторы тысячи человек. И, естественно, вы будете моими офицерами.

Офицеры слушали его очень внимательно.

— А так как войско будет много больше чем у меня было, то и людей в вашем подчинении будет много больше, поэтому… — Волков сделал паузу, надеясь, что кто-то из офицеров закончит его речь, но те насторожённо молчали, — поэтому вы больше не ротмистры, господа.

— А кто же? — удивлённо спросил Роха.

— Отныне во всех приказах и денежных циркулярах вы будете зваться капитанами. А вы, Карл, как первый мой капитан, будете иметь чин капитан-лейтенанта.

Секунду или две было тихо, а затем вечно шумный Бертье вскочил так, что стул отлетел прочь, и, дёргая сам себя за грудки старого колета, заорал: — Мне надо вина! Вина мне, госпожа

Ланге, распорядитесь о вине!

И Максимилиан, и Увалень, и фон Клаузевиц и прочие молодые господа, что сидели в конце стола и ещё не видели патента, тоже веселились. Стали кричать и поздравлять новоиспечённого имперского полковника.

И Роха тоже заорал радостно и тоже стал просить вина, и только убелённые сединами Рене и Брюнхвальд лишь улыбались спокойно, с достоинством принимая новые чины.

Бригитт прибежала с кухни на шум, а сверху спустилась Брунхильда со своим пажом посмотреть, что там у мужчин происходит. И даже госпожа Эшбахат с монахиней не остались безучастны к веселью.

Бертье радостно и с игривым поклоном приблизился к Элеоноре Августе и показал ей патент:

— Госпожа фон Эшбахт, полюбуйтесь, сам император удостоил вниманием вашего мужа и наградил его чином оберста. А мы, соответственно, теперь капитаны, а не какие- нибудь там жалкие ротмистры.

— Я очень рада за вас, капитан Бертье, — вежливо говорила Элеонора Августа, — и конечно же, рада за вас, мой господин.

А слуги несли с кухни на стол уже ужин и из подвала кувшины с вином. В зале было жарко и шумно, и все хотели пировать.

Утром следующего дня кавалер снова просил всех офицеров быть у него. Теперь, уже без веселья и лишнего вина, господа расселись за столом, чтобы набросать планы.

— И того тысяча двести солдат вместе со стрелками, и сто всадников, и триста сапёров с инструментом, — медленно записывал капитан-лейтенант Карл Брюнхвальд. — Неплохая баталия выходит. Первым делом нужны офицеры и сержанты.

— Сколько людей в вашем отряде, Карл? — спросил Волков.

— Тридцать четыре, кавалер, — сразу отвечал тот.

— Люди всё опытные, кажется?

— Любой из них служит больше десяти лет.

— Думаю произвести всех их в сержанты, а ваших сержантов назначить сотенными старшинами, заместителями ротмистров.

— Любой из них справится, — заверил Карл Брюнхвальд.

— Ну вот, вопрос с сержантами решён. С сержантами из отряда Бертье и Рене как раз будет столько, сколько нужно. А нет, так возьмём ещё из старых солдат.

Все были согласны.

— Роха, сколько у тебя мушкетов и сколько аркебуз? — дальше спрашивал Волков.

— Семьдесят два мушкета, но у двадцати уже начались

трещины на стволах, я тебе, — тут Роха осёкся и впервые исправился, — я вам говорил, господин полковник, что нужны деньги на оружейника для правки стволов, иначе двадцать выстрелов, и всё. А аркебуз так у меня сто сорок две, и двенадцать нужно подлатать.

— Деньги получишь, — заверил кавалер, — но неплохо было бы довести мушкеты до сотни.

— Да где же их взять то? Я уже везде спрашивал, но кроме вашего кузнеца, мушкеты никто нигде не делает пока. Всё, что у него будет, заберём, но не думаю я, что он много успеет сделать.

— А люди твои как?

— Люди нормально, всем деньги нужны, все воевать пойдут.

— Твои Хилли и Вилли как?

— Отлично. Стреляют лучше всех, люди их слушаются, хоть они и молоды. Если вы хотите их на должности ротмистров назначить, так думаю, что справятся. Они и так справляются, когда меня нет. Им не прекословят.

— Полковник, — просил слова Бертье.

— Да, капитан.

— В патенте сказано, что вы имеете право собирать солдат во всех землях императора, так где будем собирать, в Малене или, может, в Вильбурге?

Вопрос был правильный, и Мален, и особенно крупный Вильбург были хорошими местами для набора солдат. Но у Волкова были совсем другие мысли на этот счёт:

— Во Фринланде будем собирать солдат, — ответил он. — За рекой.

— Но зачем же? — искренне удивлялся Карл Брюнхвальд, отрываясь от записей.

Но Волков не собирался ничего ему объяснять. Карлу это знать было не нужно. Вообще никому знать о том было не нужно. И кавалер сказал лишь:

— Решение о том принято, господа, лагерь будет во Фринланде, завтра, капитан- лейтенант, будьте добры выехать в те земли и найти место под лагерь.

— Будет исполнено, — отвечал Брюнхвальд.

— Полковник, — снова просил слова Бертье.

— Да.

— Набор солдат и заключение контрактов — дело сержантов, но, может, я смогу в том деле поучаствовать… — просил Бертье.

Волков понимал почему он просит, капитан был самый бедный из его офицеров, хоть и жил один. Он все деньги, что получал и из добычи или от Волкова, тут же спускал на выпивку, собак, баб или дурацкую одежду, как у ландскнехта. А тут можно

было неплохо подзаработать, чуть занижая аванс для солдат, подписывающих контракты. Сержанты всегда любили эту работу, возвращаясь с неё с тугим кошельками.

— Хорошо, Гаэтан, возьмите себе помощников и как всё будет готово, езжайте во Фринланд, первым делом наймёте офицеров, четверых человек, вам всем потребуются заместители.

— Отлично, этим и займусь, — радовался Бертье.

— Гренер, — тем временем говорит кавалер.

— Да, кавалер, — отвечает молодой человек с другого конца стола.

— Как вы думаете, ваш отец возьмётся набрать и возглавить эскадрон кавалерии?

— Конечно, кавалер, — радостно сообщил юноша. — Он считает, что стоять под вашим знаменем честь.

— Ну, так не медлите, скачите к нему, скажите, что я поручаю ему собрать сто человек кавалеристов.

— Сейчас же поеду, — сказал молодой Гренер и стал выбираться из-за стола.

Первый военный совет полковника кавалера Иеронима Фолькоф фон Эшбахта продолжился. Дел и вопросов было огромное количество. Шутка ли, собрать полуторатысячное войско. Там и возы для обоза, и мерины и кони, и верёвки и инструмент для сапёров. Бобы, мука, солонина, масло, врачи, палатки, оружейник, девки, пиво, фураж для скота, порох для пушек. И многие всякие другие дела, которые капитан-лейтенант Карл Брюнхвальд записывал и записывал на листы. И двух листов ему не хватило.

Господа офицеры просидели у полковника до обеда и на обед остались. Но на сей раз обедали без вина. Хватит уже, теперь дела делать надо. А после обеда разошлись все, стали готовиться. И никто из них так не спросил, то ли от забот, то ли от радости, кто же будет командовать всем войском. А Волков сам не стал им говорить, что это будет известный в воинском сообществе человек по имени фон Бок. Пусть не знают, меньше будут волноваться.

Конец первого тома